Лейкин.
Шуты
гороховые.

Е 14/128

~~Нем спр. 19 20~~
8000

Не копировать

$\frac{14}{128}$

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

[stamp]

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2,
1879.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

Е 14/128

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.

БИБЛІОТЕКА М.П.Щ.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И.ЛЕНИНА

6091-О

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1879.

2007084340

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Парадный обѣдъ	1
II.	У судебнаго слѣдователя	13
III.	Пріемный часъ редактора	16
IV.	У доктора	19
V.	На Фонтанкѣ	22
VI.	Передъ праздниками	25
VII.	Канунъ Пасхи	28
VIII.	Первый день Пасхи	32
IX.	Съ визитами	35
X.	Радоница	39
XI.	На перевозѣ	42
XII.	Въ скверѣ	45
XIII.	На пожарѣ	48
XIV.	Ледоходъ	51
XV.	На имянинахъ	54
XVI.	Въ день Преполовенія, въ крѣпости	58
XVII.	Танцовальный вечеръ въ Нѣмецкомъ клубѣ	61
XVIII.	Вредъ и польза конножелѣзки	63
XIX.	Въ Екатерингофѣ	66
XX.	У горъ	69
XXI.	Въ Биржевомъ скверѣ	73
XXII.	Передъ походомъ гвардіи	77
XXIII.	На бѣгу	86
XXIV.	„Я на Лѣтняго Николу, а не на Зимняго“	90
XXV.	На Крестовскомъ	96
XXVI.	Въ яликѣ	100
XXVII.	По обѣщанію	104
XXVIII.	Отъ Петербурга до Колпина	107
XXIX.	Клубныя дамы	111
XXX.	У живорыбнаго садка	114
XXXI.	Семикъ	116
XXXII.	Жаба	119
XXXIII.	Въ „Ливадіи“	121
XXXIV.	Въ жаркіе дни	124
XXXV.	На паперти	127
XXXVI.	„На вышкѣ въ конножелѣзкѣ“	130
XXXVII.	По первопуткѣ	134
XXXVIII.	На купеческой свадьбѣ	138
XXXIX.	Въ общественныхъ саняхъ	141
XL.	За картами	144
XLI.	Въ морозы	147

Стр.

XLII. На святкахъ 149
XLIII. У мироваго судьи 152
XLIV. Визитъ знахаря 155
XLV. „Я говѣю“. 158
XLVI. Горе перевозчика 162
XLVII. Политики 165
XLVIII. Кое-что великопостное 169
XLIX. Пресыщенные и голодные 172
L. Новый годъ 175
LI. На Кулербергѣ 179
LII. Лѣтнія сценки 183
LIII. На улицѣ 186
LIV. Безобразіе. 190
LV. На масляной 193
LVI. Мозоль 197
LVII. Въ аптекѣ 200
LVIII. На Сѣнной 203
LIX. Въ Сочельникъ. 205
LX. Передъ солдатчиной 210
LXI. Въ опустѣвшихъ дачахъ 215
LXII. На кладбищѣ 217
LXIII. Въ театральномъ корридорѣ 218
LXIV. Среди нищей братіи 222
LXV. Среди деликатной публики 231
LXVI. На Невскомъ пароходѣ 235
LXVII. Вербное гулянье. 239
LXVIII. Пріѣхалъ!!! 243
LXIX. Ложа № 13 246
LXX. Самоѣды. 250
LXXI. Въ маскарадѣ 354
LXXII. У мистера Слэда, ... 258
LXXIII. Входъ безплатный 262
LXXIV. Тифъ 266
LXXV. Прощеное воскресенье 270
LXXVI. Зараза. 274
LXXVII. Англичанинъ. 278
LXXVIII. Наемъ годоваго доктора 282
LXXIX. Обыватель и городовой. 285
LXXX. На иллюминаціи 289
LXXXI. Чортъ 292
LXXXII. Прививка оспы. 495

ПУБЛИЧ. БИБЛИОТ. И РУМЯНЦ.

ПАРАДНЫЙ ОБѢДЪ.

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получилъ «за благочестіе и позлащеніе иконастаса», домъ новый окончилъ постройкой и переѣхалъ въ него на новоселье, занявъ «подъ себя» большое помѣщеніе и заново омеблировавъ его.

— Довольно лаптемъ-то щи хлѣбать, можно и порасшириться... Слава Богу, на нашъ вѣкъ теперь хватитъ!—сказалъ онъ женѣ и порѣшилъ всѣ эти три радости праздновать параднымъ обѣдомъ, подогнавъ его къ 17-му сентября, къ именинамъ жены.

Прежде всего рѣшено было угостить «нужныхъ» людей. Гости приглашались съ разборомъ и «кто почище», но такъ какъ приглашеніемъ нельзя было обойти близкихъ родственниковъ и изъ сѣраго купечества, то ихъ приглашали съ тонкимъ внушеніемъ:

— Милости просимъ, говорилъ имъ Семишкуровъ:—Только смотрите,—обѣдъ парадный будетъ. Нашъ пріютскій генералъ обѣщался быть и, окромя того, нѣкоторыя финансовыя лица изъ банковъ. Хочу по модному устроить и чтобы съ рѣчами. Голаго пьянства не будетъ, а все какъ по благородному... потому неловко, осудить могутъ.

— Да мы нешто только изъ-за одного пьянства?... пробовали обижаться родственники.

— Нѣтъ, я такъ къ слову... Иной сейчасъ нажрется винища и въ ссору полѣзетъ. Разные тоже бываютъ. А зачѣмъ это? Выпилъ по малости, да сиди и слушай, что умные люди говорятъ.

— Ну, вотъ, учи еще! Что жь, у тебя калегварды будутъ играть?

— Зачѣмъ? Коли рѣчи, такъ калегвардовъ не надо. Нынче эта музыкальная горлопятина за обѣдами ужъ не въ модѣ, особливо ежели кто въ своемъ собственномъ домѣ, а не въ ресторанѣ... Такъ милости просимъ, господа!

— Придемъ.

Обѣдъ стряпалъ «французъ», сервировка была отличная, меню на атласной лентѣ, съ вензелевымъ изображеніемъ имени хозяина дома и подъ короной. Французу вмѣнено было въ обязанность, чтобы въ числѣ кушаній была непремѣнно подана коза съ позолочеными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагахъ и чтобы «корякой».

— Какъ въ графскихъ домахъ... прибавилъ хозяинъ.

Гостей звали на обѣдъ ровно въ пять часовъ, а гости купцы, по купеческой замашкѣ, начали собираться только въ шестомъ часу. Пріютскій генералъ пріѣхалъ первымъ, а вторымъ пришелъ приходскій протопопъ въ свѣтлосиней шелковой рясѣ. Хозяина несказанно опечалило, что генералъ былъ безъ ленты, а только со звѣздой на фракѣ. Хозяинъ долго трясъ ему руку и не утерпѣлъ-таки, чтобы не сказать:

— А я полагалъ, ваше превосходительство, что вы меня во всемъ парадѣ осчастливите.

Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и улыбнулся.

— Въ лентахъ, мой милый, Амосъ Потапычъ, только на парадные обѣды принято ѣздить, любезно отвѣчалъ онъ и потрепалъ хозяина по плечу.

— Помилуйте, да вѣдь у меня сегодня парадный обѣдъ и есть. Вѣдь я двадцать лѣтъ вѣрой и правдой грошъ къ грошу приколачивалъ, чтобы домъ-то выстроить. Наконецъ черезъ ваши же руки такое благоволеніе... прибавилъ хозяинъ и поправилъ орденъ на шеѣ:—Я даже полагалъ сегодня нашъ пріютскій мундиръ надѣть, да такъ ужъ... Надѣюсь, ваше превосходительство, что вы ужъ хоть осчастливите меня за обѣдомъ нѣсколькими теплыми словами отъ души?

— Обѣденныхъ рѣчей я вообще не говорю, но для моего почтеннаго и многоуважаемаго...

— Премного вами благодаренъ, ваше превосходительство!— снова потрясъ хозяинъ руку генерала.

Протопопъ расчесывалъ гребнемъ волосы, косился на приготовленную закуску и говорилъ:

— Поздненько у васъ, драгоцѣнный Амосъ Потапычъ, къ обѣду гости-то съѣзжаются. Словно якобы вы на акриды и дикій медъ звали, но, судя по трапезѣ, нужно предполагать противное сему.

— Да вѣдь что же вы подѣлаете съ нашимъ купеческимъ невѣжествомъ! Мало еще насъ въ газетахъ хлещутъ! Звалъ къ пяти, а они по своему сѣрому понятію такія мысли содержутъ, что молъ чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше: придешь молъ рано, такъ словно даровой ѣдѣ обрадовался, пояснилъ хозяинъ.

Влетѣлъ приставъ изъ участка, въ мундирѣ и густыхъ эполетахъ.

— Съ монаршею милостью, съ новосельемъ и съ имянинницей!—заговорилъ онъ, потрясая руку хозяина:—Гналъ, гналъ кучера, думалъ, что ужъ опоздалъ, анъ оказывается..-

Приставъ обвелъ глазами комнату.

Вошелъ извѣстный всему Петербургу маленькій финансовый еврей, съ подстриженною бородкой на обезьяньемъ лицѣ и съ оскаленными зубами. Хозяинъ опрометью бросился къ нему и сталъ потрясать его руку.

— Некрещеный?—тихо спросилъ одинъ купецъ другаго.

— Некрещеный.

— А ловко ли православнымъ христіанамъ съ нимъ за одною трапезой?.. Уже и Амосъ Потапычъ тоже!.. Человѣкъ благочестивый, и вдругъ... Смотри, съ отцомъ протопопомъ кланяется!

Хозяинъ то и дѣло посматривалъ на часы. Было почти шесть. Гости собирались, но вяло.

— Господи! Что жъ это какой безпорядокъ! Зовешь къ пяти, и вдругъ такое продленіе?—всплескивалъ онъ отчаянно руками:—Господа, пожалуйте закусить пока... А тѣмъ временемъ можетъ быть и соберутся, прибавилъ онъ:—Батюшка, благословите трапезу и начните вмѣстѣ съ его превосходительствомъ. Исаакъ Соломоновичъ, прошу покорно!—обратился онъ къ финансовому еврею.

Отецъ протопопъ благословилъ и, придерживая лѣвою рукой рукавъ рясы, правою взялся за графинъ съ водкой. Купцы стали подходить къ закускѣ. Были и фрачники, были и сюртучники. Все вниманіе сюртучниковъ было обращено на финансоваго еврея.

— Смотри, смотри, шептали они:—Водку благословенную

пьетъ, а колбасы не трогаетъ. Вонъ сардинку взялъ... икру ѣстъ.

— По ихней жидовской вѣрѣ колбасу ежели или ветчину—бѣда! Сейчасъ нужно къ своему попу въ синагогу бѣжать, чтобы ротъ святить. У нихъ строже нашего. Попъ поставитъ въ уголъ и заставитъ цѣлый день бормотать безъ удержа жидовскія молитвы.

Водка оживила гостей. Начался громкій говоръ. Хозяинъ подбѣжалъ къ купцамъ фрачникамъ.

— Господа!—сказалъ онъ:—Генералъ за обѣдомъ будетъ рѣчь говорить, такъ ужъ жарьте и вы послѣ него. «Въ настоящее молъ время, когда мы всѣ собрались вкупѣ»... Ну, и такъ далѣе... Петръ Федоровичъ, вѣдь въ думѣ же иногда произносите! Наконецъ я и въ обществѣ взаимнаго кредита слышалъ, какъ ты рѣзалъ. Чего отставать отъ людей? Современности надо подражать.

Отъ купцовъ-фрачниковъ хозяинъ перебѣжалъ къ сюртукамъ, взялъ подъ руку какую-то клинистую бороду и отвелъ въ сторону.

— Сидоръ Пантелѣичъ, генералъ будетъ ужо рѣчь говорить, такъ ужъ пожалуйста не перебивай его. Я тебя знаю. Ты, какъ выпьешь лишнее, сейчасъ и закричишь не вовремя «ура!». Лучше въ порядкѣ...

Гость обидѣлся.

— Коли хочешь, такъ я и за столъ не сяду. Важное кушанье—твой генералъ! Видали мы!

— Не кричи! Я тебя честью прошу. А на счетъ стола, зачѣмъ же? Ежели бы я не хотѣлъ, то и не звалъ бы тебя. Ну, полно кочевряжиться! Я вѣдь по пріятельски...

Четверть седьмаго сѣли за столъ. Хозяинъ старался сажать гостей «по ранжиру». Протопопа посадилъ по правую руку отъ себя, финансоваго еврея—по лѣвую. Генерала помѣстилъ напротивъ. Рядомъ съ генераломъ сѣла хозяйка.

— Такъ вы, ваше превосходительство, во всякую минуту и будете мелькать передъ моими глазами, а я буду наслаждаться пріятнымъ лицезрѣніемъ вашей персоны,—сказалъ хозяинъ.

Сюртукамъ и гостямъ «попроще» отвели мѣста на концахъ стола. Тѣ все еще продолжали интересоваться «жидомъ».

— Эхъ, не хорошо со стороны Амоса Потапыча. На ста-

рости лѣтъ, и вдругъ этакія штуки!—говорилъ кто-то:—Человѣкъ онъ богобоязненный, еще недавно иконостасъ позолотилъ, владыкѣ лично извѣстенъ и вдругъ протопопа вмѣстѣ съ жидомъ сажать! Нешто это можно?

— Видно можно. Вѣдь протопопъ-то самъ знаетъ, и къ стулу не привязанъ,—пробовали возражать.

— А можетъ быть онъ введенъ въ заблужденіе и полагаетъ, что это крещеный жидъ.

Сначала за столомъ было все чинно. Слышались удары ложекъ о тарелки. Протопопъ раза два принимался разсказывать хозяину, что такое «акрида» и сподвижническая верига, привелъ примѣръ изъ Іова многострадальнаго, но хозяинъ его не слушалъ и все обращался къ генералу.

— Ваше превосходительство—мадерки! Я передъ вами нарочно особенную бутылку поставилъ. Благоволите пригубить. Это мадера дорогая.

— Выпью, выпью, отвѣчалъ генералъ и разговаривалъ съ хозяйкой.—Мать—великая вещь! говорилъ онъ.—Главная задача матери заключается въ воспитаніи молодаго поколѣнія, въ передачѣ нравственныхъ идей, такъ сказать, въ гуманномъ...

— Только и трудно же, ваше превосходительство, съ дѣтьми, перебивала его хозяйка:—Шалятъ ужь очень. Вѣрите ли, иногда всѣ руки обхлещешь объ ихъ головы...

Финансовый еврей, наклонясь къ хозяину, шепталъ:

— Цвѣтникъ женскаго пола хотя и не великъ у васъ за обѣдомъ, но блистаетъ прекрасными женщинами. Я всегда люблю имѣть большое любованіе на женщинъ русскихъ купцовъ. Здоровье и самый лучшій свѣжестъ... такъ, что даже благоуханіе... О, русскіе купцы имѣютъ свой вкусъ!

— Кормимъ мы ихъ хорошо, Исаакъ Соломоновичъ, заботъ у нихъ нѣтъ, вотъ онѣ и толстѣютъ у насъ,—отвѣчалъ хозяинъ.—А тутъ у нашего брата, какъ иногда платежи подоспѣютъ, а въ рукахъ чужихъ векселей куча, да не знаешь куда ихъ дѣть, такъ до жиру ли? Банковый кредитъ насчетъ дисконта, сами знаете, вездѣ нынче сокращенъ. Я вотъ васъ хотѣлъ попросить... Ну, да послѣ!

— Послѣ, послѣ... согласился финансовый еврей и любезно оскалилъ зубы на какую-то рыхлую и красивую купеческую даму.

— За здоровье имянинницы! возгласилъ басомъ горластый оффиціантъ надъ самымъ ухомъ генерала, такъ что тотъ даже вздрогнулъ.

Всѣ подняли бокалы и обратились къ хозяйкѣ. На концахъ стола задвигали стульями и шли поздравлять ее Тамъ же забили ножами въ тарелки, и кто-то крикнулъ «ура!»; но оно не было поддержано. Хозяинъ какъ-то жалобно взглянулъ на шумящихъ гостей и замахалъ имъ руками, дескать: «Тише, господа!»

— Ваше превосходительство! Почтите радостными словесами-то!—умильно обратился онъ къ генералу.

— Послѣ, послѣ... успокоивалъ его тотъ:—Еще будетъ время. Но я бы попросилъ васъ, многоуважаемый Амосъ Потапычъ, приказать оффиціанту не провозглашать тостовъ. Мы сами ихъ провозгласимъ. А то этотъ оперный бассо-профондо надъ самымъ моимъ ухомъ...

Оффиціанту было запрещено кричать. Понесли рыбу. На концахъ стола дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Хозяинъ то и дѣло посматривалъ туда, опасаясь скандала. Онъ не пилъ, не ѣлъ отъ волненія.

— Ваше высокопреподобіе!—кричалъ какой-то купецъ черезъ весь столъ священнику.—Въ которомъ году у насъ была первая холера?

Но тутъ генералъ всталъ съ мѣста и поднялъ бокалъ.

— Господа! Я предлагаю выпить за здоровье нашего досточтимаго Амоса Потапыча!—произнесъ онъ.

Тутъ ужь гости не выдержали, застучали стульями, забили въ тарелки, закричали «ура!».

Всѣ лѣзли чокаться съ хозяиномъ, но тотъ не внималъ и умильно смотрѣлъ на генерала.

Взоръ его изображалъ просьбу. Генералъ понялъ, потеръ лобъ и началъ откашливаться. «Тсъ!» послышалось со всѣхъ сторонъ. Генералъ началъ.

— «Concordia res parvae crescunt», вытѣснена надпись на голландскомъ червонцѣ, и мы всегда должны ее памятовать...

— Это вѣрно! - откликнулся съ конца стола совсѣмъ уже захмѣлѣвшій купецъ съ бородой клиномъ, тотъ самый, котораго хозяинъ предупреждалъ не прерывать рѣчи.

Ему зашикали. Генералъ нахмурился и повторилъ:

— «Concordia res parvae crescunt...»

— А по-каковски это?—не унимался купецъ.

— Имѣйте же наконецъ уваженіе къ преніямъ!—крикнулъ совсѣмъ уже вышедшій изъ себя хозяинъ.

Генералъ и самъ бросилъ молніеносный взглядъ на конецъ стола, но продолжалъ:

— Эту надпись должны мы памятовать всѣ до единаго. Передъ нами простой русскій семейный человѣкъ, вышедшій изъ народа. Я говорю о достопочтенномъ Амосѣ Потапычѣ, нашемъ любезномъ хозяинѣ. Онъ, въ потѣ лица съѣдая свой хлѣбъ, выстроилъ свой домъ изъ крохъ, падающихъ со стола его трудовой трапезы...

По лицу хозяина текли слезы. Онъ протянулъ черезъ столъ свою руку и крѣпко пожалъ генеральскую руку.

— Вы видите роскошныя палаты, полную чашу домовитости, зеркалъ и бронзу, хрусталь и фарфоръ, серебро и золото... вдохновлялся генералъ.

— Божіе милосердіе... подсказалъ протопопъ, умильно качая въ тактъ головой, но хозяинъ дернулъ его за рукавъ рясы.

— Да... Божіе милосердіе, украшенное драгоцѣнными каменьями. Однимъ словомъ, мы созерцаемъ рогъ изобилія, сыплющій свои дары въ руки достойнаго. Я потому говорю достойнаго, что онъ не лежитъ на своихъ богатствахъ какъ Кощей, а удѣляетъ ихъ отъ щедротъ своихъ и сирымъ, и неимущимъ. Ежегодно взноситъ онъ въ нашъ пріютъ извѣстную сумму...

— Небось не вносилъ бы, кабы пріютскаго мундира не позволили носить!—опять послышался чей-то довольно громкій возгласъ, но на него не обратили вниманія.

— Но, не довольствуясь ежегоднымъ взносомъ, онъ еще недавно позолотилъ иконостасъ на свой счетъ,—говорилъ генералъ:—Да... позолотилъ. Въ началѣ я упомянулъ о домѣ. Но не въ роскоши сила,—сила въ семейномъ согласіи. Въ немъ и счастіе. Амосъ Потапычъ пользуется этимъ счастіемъ, сплотившись въ своей многочисленной семьѣ, среди чадъ и домочадцевъ. Поэтому-то я и началъ свое краткое привѣтствіе латинскою цитатой «Concordia res parvae crescunt». Пожелаемте же ему того счастливаго согласія и въ новоотстроенномъ домѣ, каковымъ онъ пользовался на своемъ старомъ пепелищѣ, а щедрая Фортуна посыплетъ на него богатство своимъ чередомъ. Но

важнѣе согласія здоровье, а потому выпьемте за здоровье Амоса Потаныча!

Раздалось «ура!». Хозяинъ рыдалъ отъ умиленія, полѣзъ черезъ столъ обнять генерала и уронилъ бутылки. Вино пролилось на скатерть. Гости вскочили изъ-за стола и лѣзли къ хозяину цѣловаться. Потрясали и руки генерала.

— Качать его! Качать! кричали гости, но недоумѣвали, кого качать—хозяина или генерала, а потому схватили на руки обоихъ и начали подбрасывать.

— Довольно, господа! Довольно!—кричалъ генералъ.

Кой-какъ всѣ усѣлись. Оффиціанты понесли жареную козу. Всталъ хозяинъ и обратился къ генералу:

— Ваше превосходительство, Аристархъ Никодимычъ! Въ головѣ моей много чувствъ, но грудь моя не находитъ словъ, дабы высказать вамъ благодарность, такъ какъ вы осчастливили меня, простаго человѣка, своимъ присутствіемъ и осчастливили радостными словами вѣры, надежды и любви въ сей день, 17-го сентября. Я уповаю и впредь поддерживать сиротъ подъ вашей администраціей, но пуще всего буду стараться очищать наше сѣрое купечество отъ азіатскаго невѣжества и, какъ простой русскій славянинъ изъ Ярославской губ., буду имъ подавать примѣръ пути къ Европѣ. А съ вашей стороны молю о поддержкѣ и поощреніи, такъ какъ мы учены на мѣдныя деньги и все что по своему образованію чувствуемъ, до цивилизаціи своимъ умомъ дошли. Дорогіе гости! Выпьемте за здоровье драгоцѣннаго Аристарха Никодимыча!

Опять движеніе стульевъ, опять «ура!». Гости шли чокаться съ генераломъ.

— Ай да г. Семишкуровъ! Какую вы хорошую рѣчь держали! Браво! браво!—тихо апплодировалъ хозяину финансовый еврей.

Хозяинъ самодовольно улыбнулся.

— А теперь вы, Исаакъ Соломоновичъ, скажите, упрашивалъ онъ еврея.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не говорю. Я только слушаю, качалъ тотъ головой и скалилъ зубы.

— Нельзя этому быть-съ. Мы васъ заставимъ. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, а у насъ сегодня обѣдъ европейскій и съ рѣчами.

Но въ это время поднялся съ мѣста протопопъ, и хозяинъ замахалъ руками и зашикалъ, давая знать, чтобы шумъ умолкъ.

— Достопочтенные сотрапезники! началъ протопопъ.—Я не предлагаю тоста за здоровье хозяина, ибо онъ искренно уже былъ предложенъ его превосходительствомъ, но хочу въ свою очередь изрѣчь краткое привѣтствіе именитому коммерсанту. Благочестивый купецъ Амосъ Потапычъ, ревнитель храмовъ Божіихъ, подпора вдовъ и сиротъ, столпъ вѣрующаго семейства! Слѣдуя по пути цивилизаціи, который ты предначерталъ себѣ, молю объ одномъ: не поддайся ты вѣянію вреднаго нигилизма, да не коснется эта тлетворная гидра твоего сердца и да останешься ты тѣмъ же ревнителемъ и столпомъ, которымъ былъ доселѣ, радѣя храму Божію и принося посильную лепту свою на пропитаніе вдовъ и образованіе сиротъ въ духѣ христіанства!

Протопопъ кончилъ. «Ура!» раздалось на концахъ стола. Тамъ думали, что опять пьютъ за чье нибудь здоровье. И оно пожалуй было уже кстати, такъ какъ хозяинъ, отблагодаривъ протопопа троекратнымъ цѣлованіемъ, кричалъ:

— Господа! выпьемте теперь за здоровье высокочтимаго отца Іоанна!

«Ура!» стояло въ воздухѣ. Гости снова повскакали съ мѣстъ. «Качать! Качать!» слышались возгласы, трое подскочили уже къ протопопу, но хозяинъ остановилъ ихъ и загородилъ собой священника.

— Братцы, духовную особу нельзя качать!—строго сказалъ онъ:—Онъ пастырь и рукоположенъ...

Гости оставили его, но на мѣста не садились. Къ супругамъ подошелъ раскраснѣвшійся отъ вина сѣдоватый купецъ и, растопыривъ руки, забормоталъ:

— Мы хоть и по части мусорнаго очищенія подряднымъ дѣломъ занимаемся, а рѣчь сказать все таки можемъ и даже сразу обоимъ въ жилу попадемъ. Плодитесь и размножайтесь!

Купецъ поклонился и, оборотясь къ генералу, спросилъ:

— Правильно я, ваше превосходительство?..

— Вѣрно, вѣрно, старина!—одобрительно потрепалъ его тотъ по плечу.

Польщенный купецъ схватилъ его руку, и потрясая произнесъ:

— И васъ также высоко цѣнимъ! Вы вотъ нами не гнушаетесь по своему чину, а мы это чувствуемъ.

Обѣдъ приближался къ концу. Было шумно. Тосты предлагались за кого попало и кѣмъ попало. На иные изъ нихъ не обращали уже вниманія. Вдругъ хозяинъ вспомнилъ, что не пили за здоровье финансоваго еврея, а онъ «человѣкъ нужный». Его даже ударило въ жаръ отъ такой опрометчивости, но онъ нашелся, какъ поправить дѣло.

— Господа, я прошу слова! крикнулъ онъ.

— Silentium omnibus!—шутливо протянулъ хозяину въ тонъ отецъ протопопъ.

— Господа, я предлагаю выпить за здоровье трудолюбиваго и почтеннаго Исаака Соломоновича!—продолжалъ хозяинъ.—Но да не обидится онъ, что мы пьемъ его здоровье въ концѣ параднаго обѣда. Остатки всегда сладки. Выпьемте!

Тостъ былъ принятъ холодно, но нѣкоторые все-таки повскакали изъ-за стола и лѣзли чокаться съ евреемъ. Тотъ расцѣловался съ хозяиномъ «по-русски», какъ онъ говорилъ, то есть троекратно и со щеки на щеку, а гостямъ какъ вербный аллебастровый заяцъ учащенно кивалъ головой, щурился и любезно скалилъ зубы.

— Смотри, съ жидомъ цѣлуется! Ахъ, старый песъ!—довольно громко замѣтилъ про хозяина одинъ купецъ другому.

Хозяинъ сталъ просить финансоваго еврея сказать какую нибудь рѣчь. Тотъ и рѣшился было, ибо хотѣлъ сгладить ею свое неловкое положеніе, всталъ съ мѣста и только началъ: «Я прошу извиненія, что такъ какъ я не славянинъ, то и не могу имѣть и хорошаго разговора по-русски», какъ вдругъ кто-то перебилъ его и во все горло заоралъ:

— За здоровье пристава, такъ какъ они наши защитники!

Большинство забило ножами въ тарелки. Приставъ раскланивался, а финансовый еврей сѣлъ и уже наотрѣзъ отказался продолжать рѣчь.

— Я не умѣю, я не умѣю... Да и не время теперь... бормоталъ онъ сконфуженный.

Хозяинъ былъ взбѣшенъ и даже поблѣднѣлъ отъ злости.

— Вотъ, ваше превосходительство, какое еще у насъ въ купечествѣ безобразіе среди всей цивилизаціи!—отнесся онъ къ генералу.

Тотъ только пожалъ плечами, закатилъ глаза подъ лобъ и наклонился къ хозяйкѣ съ какимъ-то вопросомъ.

— Исаакъ Соломонычъ! Бога ради простите вы имъ ихъ сѣрое невѣжество!—твердилъ хозяинъ и трясъ руку финансоваго еврея.—Ну, что на нихъ обижаться? Вѣдь пьяные...

— Я ничего... Я ничего... отвѣчалъ еврей и поправлялъ свои очки.

— Господа, я прошу слова!—раздался возгласъ, и съ мѣста поднялся солидный купецъ во фракѣ и съ подстриженною бородой.

Это былъ гласный изъ думы, но въ думѣ никогда не говорившій. Здѣсь онъ вздумалъ себя попробовать. Вино развязало ему языкъ.

— Какъ славянинъ съ матушки широкой Волги, поительницы и кормилицы нашей, я хочу вспомнить о другомъ славянскомъ единствѣ, находившемся долгое время подъ игомъ турецкаго звѣрства, и обратить вашъ взоръ на храбрыхъ герцеговинцевъ и черногорцевъ. Въ то время, когда мы здѣсь бражничаемъ за роскошными яствами пресыщенія плоти, тамъ, на синемъ Дунаѣ, катящемъ свои волны подъ шумъ древесъ, можетъ быть сидятъ голодные и холодные младенцы, и обильныя слезы текутъ по ихъ челу со скорбью на устахъ...

Фрачнаго купца сначала слушали со вниманіемъ, но послѣ этихъ словъ какой-то сюртучникъ замоталъ головой и крякнулъ:

— Это насчетъ пожертвованія? Знаемъ! Сами семерыхъ сбирать послали.

— Простремте руку помощи!—ораторствовалъ фрачный купецъ.—Рука дающаго не оскудѣваетъ и въ щедрую десницу воздастся вамъ сторицею!

Въ это время за обѣдомъ кончали уже мороженое. Гости, увидавъ, что ораторъ полѣзъ въ бумажникъ, и вынувъ три рубля положилъ ихъ на тарелку, задвигали стульями и стали выходить изъ-за стола.

Хозяинъ и самъ былъ доволенъ, что обѣдъ уже кончился.

— Ужъ извините, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! раскланивался онъ на всѣ стороны, и подойдя къ генералу, сказалъ:—Не обезсудьте, ваше превосходительство! Думалъ завести обѣденную механику по-европейски, а нѣкоторыя мѣста вышли по-скотски, такъ что большой конфузъ отъ моихъ гостей имѣю.

Онъ отчаянно развелъ руками.

— Ничего, ничего. Все было хорошо, все было прилично! А вѣдь въ семьѣ не безъ урода!—отвѣчалъ, улыбаясь, генералъ, и заключивъ Амоса Потапыча Семишкурова въ свои объятія, расцѣловалъ его.

Фрачный купецъ стоялъ у стола съ тарелкой въ рукахъ, но гости всячески старались обходить его.

У СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ.

Окружной судъ. Общая пріемная судебныхъ слѣдователей. 11 часовъ утра. Пусто. Вызванные свидѣтели только еще сбираются. На одной изъ скамей сидитъ мужикъ, громко вздыхаетъ и вертитъ въ рукахъ повѣстку, на другой лежитъ сторожъ, завернувшись въ солдатскую шинель, и по временамъ кряхтитъ, на третьей, какъ разъ противъ сторожа, помѣщается старичекъ въ плохенькомъ тепломъ пальто съ кошачьимъ воротникомъ. Старичекъ въ серебряныхъ очкахъ то и дѣло нюхаетъ табакъ. Судебный слѣдователь еще не приходилъ. Съ лѣстницы въ открытую дверь слышны чьи-то гулкіе шаги.

— Должно быть самъ идетъ,—говоритъ сторожъ и подымается со скамьи.

Мужикъ и старичекъ откашливаются, но вмѣсто слѣдователя входитъ баба въ синемъ суконномъ кафтанѣ и цвѣтномъ платкѣ. За пазухой у нея грудной ребенокъ. Она подаетъ сторожу повѣстку. Тотъ вертитъ повѣстку въ разныя стороны, смотритъ въ нее и говоритъ.

— Не пріѣзжалъ еще. Дожидайтесь своего термину.

Опять молчаніе. Сторожъ жмется, кутается въ шинель и пристально смотритъ на старичка.

— Да вы не докторъ будите?—спрашиваетъ онъ его ни съ того ни съ сего.

— Нѣтъ, мы табачники. Табачную на Петербургской держимъ.... отвѣчаетъ старичекъ.

— Такъ! А я по очкамъ-то думалъ—докторъ. Знобитъ вотъ все, ну, и животъ вертитъ.... Какъ подхватитъ это въ поясахъ—бѣда!

Опять шаги. Входитъ купецъ въ лисьей шубѣ и ищетъ по

угламъ образа, чтобы перекреститься, но, не найдя его, останавливается передъ сторожемъ.

— Бога то и нѣтъ у васъ. Чудесно! А мы къ судебному слѣдователю,—говоритъ онъ и суетъ сторожу повѣстку. Не разберешъ-ли, землякъ, по какому дѣлу....

— Мы не грамотные....

— Не грамотные. Чудесно! Да тутъ и не обозначено. А я думалъ, неизвѣстны-ли вы такъ, по наслышкѣ. Изволите-ли вы видѣть, мы басонщики...

— Не являлся еще слѣдователь-то,—ввязывается въ разговоръ старичекъ.

— Не являлся? Чудесно! Знатчить, обождемъ.... Три дня въ сумнѣніи ходимъ. Вѣрите-ли, даже по ночамъ пужаюсь, потому въ неизвѣстности. Теперича, изволите видѣть, на масляницѣ маленько чертили грѣшнымъ дѣломъ, такъ мало ли что во хмѣлю можетъ случиться.... Звизданешь кого ни на есть въ ухо, а ему увѣчье. Гдѣ-же все упомнить....

— Нѣтъ, васъ въ качествѣ свидѣтеля вызываютъ, — утѣшаетъ его старичекъ, заглядывая ему въ повѣстку:—значитъ, не вы обвиняетесь, а не видали-ли что, не слыхали-ли....

— Да вѣдь мало ли, что въ пьяномъ образѣ видишь! Увидалъ драку, ну, и ввязался. Бацъ въ нюхало или ѣдало—ну, и виновенъ. Мало-ли какихъ прокламацій бываетъ!

— Нѣтъ, ужъ на счетъ себя вы успокойтесь. Это на счетъ другихъ опросъ будетъ.

— На счетъ другихъ? Ну, значитъ чудесно! Теперь какъ гора съ плечъ! А жена пошла даже молебенъ служить... Вчера на цѣлковый свѣчей однихъ поставилъ... Смучился даже.... На ѣду не тянетъ.... Хочешь щецъ хлебнуть, анъ и ложка въ ротъ нейдетъ, потому мало-ли что... Мы люди мастеровые, такъ-какъ въ басонствѣ состоимъ, драки у насъ этой самой пропасть! Иной разъ какъ саданешь!...

Въ пріемную входитъ чиновникъ съ орденомъ на шеѣ. Лисья шуба умолкаетъ.

Куда пройдти къ судебному слѣдователю 00 участка?—грозно спрашиваетъ онъ сторожа.

— Не являлся еще ваше высокоблагородіе.. Потрудитесь обождать...

— Обождать! На 11 часовъ вызываетъ, а еще и самого нѣтъ! Нечего сказать, порядки!

Чиновникъ садится. У бабы начинаетъ плакать ребенокъ. Она вскакиваетъ и начинаетъ бѣгать съ нимъ по пріемной, стараясь его унять. Ребенокъ не унимается. Гулко и звонко раздается его ревъ. Баба силится перекричать его. Она поетъ и жужжитъ надъ его ухомъ. Чиновникъ морщится.

— И зачѣмъ это только сюда съ ребятами пускаютъ!—восклицаетъ онъ.—Здѣсь присутственное мѣсто...

— Это вы, ваше благородіе, дѣйствительно... Дѣтскому сословію здѣсь не мѣсто, потому самая крикливая нація,—откликается купецъ.

Но баба уже воетъ надъ ребенкомъ, а тотъ такъ и заливается...

— Эй, тетка, ребенка-то-бы слѣдовало дома оставить,—продолжаетъ онъ.

— Да не на кого, голубчикъ, не на кого. Неуштo-бы я на себя такую муку взяла?—отвѣчаетъ баба.—Мы прачки, изволите ли видѣть... Всѣ наши бабы на рѣку бѣлье полоскать ушли...

— Бѣлье полоскать ушли! Дура! Неси сюда ребенка-то. Вотъ ихъ высокоблагородіе пугнетъ его хорошенько, такъ авось онъ тогда уймется. Пугните его, ваше высокоблагородіе, вашимъ страшнымъ обликомъ. Это иногда помогаетъ... Рявкните на него хорошенько!

— Послушайте, да вы въ умѣ?—произноситъ чиновникъ и хочетъ встать, но баба уже подошла.

— Смотри-ко дядя-то какой страшный! Бука! Смотри-ка носъ-отъ какой у него! У!—говоритъ она ребенку.—А глазищи то какія зеленыя! Глазищи-то! Потереби его за носъ, потереби Скажи: дядя бяка!

Чиновникъ выходитъ изъ себя.

— Послушайте! Это наконецъ невѣжество!—кричитъ онъ.

— Господинъ судебный слѣдователь!—возглашаетъ сторожъ.

Пріемный часъ редактора.

Хорошо меблированная комната. Письменный столъ по серединѣ. По стѣнамъ полки съ книгами. На полу валяются изрѣзанныя газеты. У окна другой столъ. За однимъ изъ столовъ сидитъ секретарь редакціи и что-то пишетъ. Самъ редакторъ, заткнувъ перо за ухо, ходитъ по комнатѣ и чешетъ затылокъ. На лицѣ дума.

— Ахъ, Михаилъ Иванычъ, — обращается онъ къ секретарю:—я вотъ все хотѣлъ васъ попросить, не составите-ли вы корреспонденцію изъ Рагузы? Герцеговинцы теперь такой модный животрепещущій вопросъ, а у насъ объ нихъ только однѣ перепечатки. Ну возьмите тамъ что-нибудь изъ газетъ... Любобратичъ, Восьмибратичъ... Выберите по картѣ какое нибудь мѣстечко... Упомяните о стычкѣ, обозначьте побольше число раненныхъ и убитыхъ турокъ... Ну, о невѣжествѣ коснитесь... Знаете, по общему шаблону... по трафарету... Поняли?

— Ну еще-бы...—отвѣчаетъ секретарь.

— Да напишите въ скобкахъ: «отъ нашего собственнаго корреспондента». Хорошо-бы упомянуть о какой нибудь дѣвушкѣ, похищенной въ гаремъ. Придуймате ей имя по поэтичнѣе. Насчетъ раненныхъ пройдитесь... обругайте австрійскихъ докторовъ... Пожалуйста!

— Съ удовольствіемъ...

Секретарь садится. Входитъ юный армейскій офицеръ. Въ рукахъ у него свертокъ, обвязанный розовой лентой.

— Мнѣ-бы господина редактора видѣть...—робко говоритъ онъ.

— Я редакторъ. Что вамъ угодно?

— Пользуясь отпускомъ и находясь временно въ Петербургѣ, я вамъ принесъ стихи, которые-бы желалъ напечатать... Это,

такъ-сказать, досугъ моего деревенскаго уединенія... Мы въ деревнѣ стоимъ, такъ отъ скуки... Я и прежде вамъ присылалъ нѣсколько разъ, но почему-то не удостоился... Теперь я привезъ цѣлую тетрадку. Тутъ комическіе есть, трагическіе, но больше любовные...

Офицеръ развязываетъ ленту и передаетъ редактору тетрадку, исписанную самымъ лучшимъ писарскимъ почеркомъ. Редакторъ начинаетъ перелистывать. Попадаются заглавія! «Къ ней», «Къ ея бантику на лебяжьей груди», «Къ ея алькову», «Машѣ», «У ея изголовья», «Въ кустахъ». Въ глаза бросаются стихи:

«Скажу въ глаза и за глаза:
Чиста, чиста твоя слеза,
Ползетъ на дѣвственныхъ ланитахъ,
Какъ-бы отшельникъ непорочный въ скитахъ»...

— Извините, мы этихъ стиховъ не можемъ напечатать,— говоритъ редакторъ и отдаетъ рукопись.

— Отчего-же? Вы прочтите, тутъ есть разные...

— Неудобно.

— Отчего-же, помилуйте! Стихи, кажется, самые удобные... Тутъ есть и большіе и маленькіе... Есть даже двустишіе, посвященное нашему адъютанту:

«Твержу я цѣлый вѣкъ:
Ты благородный человѣкъ».

— Эти стихи не подходятъ къ программѣ нашего изданія.

— Отчего-же не подходятъ? Вы попробуйте напечатать, такъ можетъ-быть и подойдутъ.

— Извините, они не удобны для насъ...

— Странно... Развѣ вы не можете объяснить, почему неудобно?

— Редакція не даетъ объясненій.

— Еще болѣе странно!

Офицеръ беретъ рукопись и уходитъ. Входитъ купецъ съ клинистой бородкой.

— Что вамъ угодно?

— Мы на счетъ тещи. Тещу-бы намъ отчехвостить хорошенечко,—отвѣчаетъ онъ визгливымъ голосомъ.

— То-есть какъ это?—спрашиваетъ редакторъ еле удерживая смѣхъ.

— Въ статейкѣ продернуть.... Такая бестія навязалась, до-

ложу вамъ.... Изволите видѣть, мы шорники будемъ и въ прошломъ году на ейной дочери женились.... И взяли ихъ какъ есть за одпу ихъ красоту, ну, и тещу эту самую... потому онѣ при своемъ вдовствѣ желѣзомъ торговали. Капитäловъ никакихъ... Божіе милосердіе было, небель.... Теперича мы ихъ сгоняемъ съ квартеры, потому каторга отъ нихъ, а не жизнь, а онѣ небель назадъ требуютъ. Я, говоритъ, шесть пудовъ одной мѣдной посуды съ собой принесла, окромя трехъ самоваровъ.... На счетъ перинъ и подушекъ Господь съ ней.... а мѣдная посуда—сами знаете.... Тутъ у меня въ жалобѣ все какъ слѣдуетъ объяснено... Пожалуйте! Нельзя ли, ваше высокородіе, такъ ее отчехвостить, чтобъ до новыхъ вѣниковъ не забыла!

Редакторъ въ недоумѣніи.

— Помилуйте, какая жалоба! Здѣсь не кварталъ...

— Ахъ, Господи! Что будетъ стоить, мы за цѣной не постоимъ... Только бы ее попугать хорошенько....

— Обратитесь къ мировому судьѣ...

— Мы это знаемъ-съ... А все-таки хотѣлось бы намъ пробрать ее въ газету на обѣ корки. Теперича мнѣ даже въ пищу всякую дрянь подмѣшиваетъ.

— Извините, это не наше дѣло....

— Ежели у васъ лошадки, мы-бы вамъ хомутъ или сѣдло съ нашимъ удовольствіемъ.... Ремни, гужи какіе....

— Ничего не могу сдѣлать...,

— Такъ нельзя отбарабанить?

— Нельзя-съ....

— А жаль! Прощенья просимъ!

У ДОКТОРА.

Роскошно убранный кабинетъ. Докторъ принимаетъ пацiентовъ.

— Номеръ первый, пожалуйте!—восклицаетъ лакей.

Въ кабинетъ входитъ молодая дама и кланяется. Докторъ вопросительно смотритъ на нее. Она потупляетъ глазки и молчитъ.

— Прошу покорно садиться, сударыня, и объясните мнѣ, пожалуйста, чѣмъ вы страдаете?..

— Я къ вамъ не за тѣмъ,—робко отвѣчаетъ дама.—Я ничѣмъ не страдаю.

— Но позвольте васъ спросить, что же у васъ болитъ?

— Ахъ, ей Богу, я не знаю... Мнѣ стыдно сказать...

— Сударыня, какъ передъ врачомъ въ кабинетѣ, такъ и передъ священникомъ на духу нѣтъ секретовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никакъ не могу!..

— Покажите вашъ прелестнѣйшiй язычокъ...

— Ахъ, оставьте, я совсѣмъ здорова... Я не затѣмъ... Вотъ видите-ли, у меня мужъ купецъ и каждый день пьянъ... Ахъ, не могу, не могу!

— Успокойтесь, сударыня, и разскажите все по порядку...

— Мужъ каждый день пьянъ, а у насъ есть приказчикъ, но никакого вниманiя на меня не обращаетъ, такъ нельзя-ли какого-нибудь корешка или снадобья?..

— Понимаю, понимаю... Вы влюблены, и влюблены несчастливо... Значитъ, вамъ нужно приворотнаго...

— Да-съ,—чуть слышно отвѣчаетъ дама и выбрасываетъ изъ кулака на письменный столъ четвертную бумажку.

Докторъ косится на бумажку, хмуритъ лобъ и говоритъ:

— Что-жъ, это можно... Конечно, это средство не вѣрное, но все-таки попробуйте. Чѣмъ вашъ мужъ торгуетъ?

— Да у нихъ скипидаръ, вохра и все эдакое... Шубный клей есть...

— Прелестно. А приказчикъ брюнетъ или блондинъ?

— Брюнетъ и даже съ сизымъ отливомъ, какъ вороново крыло, а на шеѣ родимое пятно и около глаза царапина.

— Царапина? Еще того лучше. Прописывать лѣкарство я вамъ не стану, а вотъ дамъ леденецъ, возьмите и кладите ему каждый день въ чай по кусочку, да чай подавайте сами, а черезъ недѣлю зайдите сюда.

Докторъ вынимаетъ изъ стола витушку ячменнаго леденца, завертываетъ въ бумажку и подаетъ ей.

— А мнѣ все ѣсть можно?—спрашиваетъ дама.

— Все, все до капельки!

Входитъ купецъ въ сибиркѣ.

— Что у васъ? Чѣмъ больны?

— А вотъ, изволите-ли видѣть, въ поясахъ щемитъ и какъ-бы что подъ сердце отдаетъ, ну и голову крутитъ, словно какъ-бы кто тебя полѣномъ съѣздилъ! Явите божескую милость, полѣчите хорошенько, за благодарностью не постоимъ,—кланяется купецъ.

Докторъ глубокомысленно закусываетъ нижнюю губу.

— Покажите языкъ... Больше, больше! Чего вы боитесь? Я не откушу! Объѣлись вѣрно?

— Это точно-съ. Дѣйствительно третьяго дня на похоронахъ у одного подрядчика блиновъ двадцать съѣлъ, потомъ это хмѣльная антимонія началась, пуншевую сырость разводили... и все этакое... не оставьте насъ грѣшныхъ! Вѣрите-ли, разогнуться не могу! И въ баню ходилъ, и перцовкой терся...

— Снимите сибирку и лягьте на диванъ.

Купецъ жалобно смотритъ на доктора и ложится. Докторъ начинаетъ мять ему спину, спрашивая: «не больно? Не больно?» Купецъ кряхтитъ и стонетъ. Докторъ напираетъ еще сильнѣе. Купецъ вскакиваетъ.

— Ага! Проняло? Отлично. Я пропишу вамъ лѣкарство, но прежде всего вамъ нужно сидѣть на діэтѣ.

— А гдѣ эту деету купить-то можно? Въ мебельной лавкѣ, что-ли?

— Да что-же, по вашему, діэта-то мебель, что-ли! Отъ пищи

воздерживаться надо! Одинъ супъ съ булкой ѣсть. Чай пить жиденькій съ бѣлымъ хлѣбомъ... Лягьте еще, я васъ смѣряю...

Докторъ лѣзетъ въ шкафъ съ инструментами и для пущей важности начинаетъ перебирать хирургическіе инструменты. Вотъ досталъ акушерскіе щипцы. Мелькнула сталь на солнцѣ. Купецъ пугается.

— Батюшка, ваше высокоблагородіе, увольте отъ этого! Не дамся! Нельзя-ли такъ! вдвое заплачу!—вопитъ онъ.

— Ну, Богъ съ вами! Только для васъ освобождаю... Да главное насчетъ ѣды остерегайтесь. Пироговъ не ѣшьте.

Докторъ пишетъ рецептъ. Купецъ лѣзетъ въ карманъ и достаетъ синенькую.

— Такъ и щецъ, и пирожка съ капусткой нельзя?

— Нельзя.

— И съ морковью невозможно?

— Невозможно.

— А съ рысью и съ яйцами?

— Нельзя.

— А съ творогомъ или вареньемъ?

— Да нельзя-же, говорю вамъ!

— А на счетъ хмѣльнаго былья?— робко спрашиваетъ онъ.

— Пейте, только умѣренно!

— Вотъ на счетъ этого спасибо!

Купецъ лѣзетъ снова въ карманъ, прибавляетъ къ синенькой еще целковый, раскланивается и уходитъ.

НА ФОНТАНКѢ.

Сквозь тонкій ледъ ледокольной майны на Фонтанкѣ провалилась пробѣгавшая собака. Она жалобно визжала и билась, стараясь выкарабкаться изъ воды, но тонкій ледъ обламывался подъ ней и она снова падала въ воду. Визгъ ея былъ пронзителенъ и раздиралъ душу. На набережной сталъ останавливаться проходившій народъ. Толпа быстро увеличивалась. Слышались соболѣзнованія, но спасать собаку никто не рѣшался.

— Утонетъ, — говоритъ полушубокъ. — какъ пить дастъ — утонетъ!

— Нѣтъ, выкарабкается, — отвѣчаетъ другой, — какъ до твердаго льда дойдетъ, такъ и выкарабкается. Вишь какъ визжитъ-то жалобно, будто человѣкъ! А спасти можно. Стоитъ только доску накинуть.

— Идетъ на пару пива, что утонетъ?

— Ахъ ты душевная! Умирать-то тоже не хочется, — вставляетъ слово баба.

Стоящій рядомъ купецъ хмурится.

— Душевная? Нешто про пса можно такъ говорить!

— А все-таки блаженъ рабъ, еже и скоты милуетъ. Ахъ, какъ визжитъ-то, сердечная! Братцы, да что-жъ вы такъ-то стоите. Можно багоръ подать, петлю накинуть...

— У меня полушубокъ новый... Мальчикъ, зайди вонъ на плотъ-то, да помани ее будто булочкой...

— А хорошая собака... Это надо статься польской породы. На охотника, такъ рубль-цѣлковый дастъ.

— Ври больше! Нынче польскія-то собаки ничего не составляютъ. Вотъ ежели-бы лягашъ былъ!.. Да и вовсе это не

польская, а водолазъ, потому у водолаза этого самаго на лапахъ перепонка...

— Водолазъ!—передразниваетъ солдатъ.—Ты видалъ-ли водолазовъ-то? У насъ у поручика водолазъ былъ, такъ тотъ у дверей на лѣстницѣ въ колокольчикъ звонился. Схватитъ зубьемъ за колокольчикъ да и позвонится. Капутъ! Поминай какъ звали! Нѣтъ, вынырнула!.. А теперича ежели ее спасти, лучшій другъ будетъ.

— Это точно...—замѣчаетъ чуйка.—Теперича у насъ въ Ямской у извощиковъ собака... на каретномъ дворѣ... Гуслякъ одинъ держитъ, такъ у него теща... ну и козелъ отъ домоваго взятъ... Такъ эта собака все съ козломъ... На масляницѣ стала это она печь блины... а самъ онъ пошелъ въ трактиръ...

— Эхъ, какъ воетъ! Даже слушать жалостно! Видно со щенятами!

— Нѣтъ, мужской націи... Со щенятами давно-бы ко дну пошла. Только эта самая теща... нѣтъ, что я?... собака...

Съ дрожекъ соскакиваетъ проѣзжавшій бородачъ въ золотыхъ очкахъ, расталкиваетъ народъ и подходитъ къ периламъ.

— Что тутъ такое?—спрашиваетъ онъ.

— Собака тонетъ, ваше высокоблагородіе...

— Такъ что-же вы стоите и не спасете! Эхъ вы! А еще православные! Какъ вамъ не стыдно за свое безсердечіе!.. Да знаете-ли вы, что даже само общество покровительства животнымъ за это награды назначаетъ. Вѣдь у собаки такъ-же, какъ и у человѣка, жизнь, вѣдь она также мучается... Вонъ доски на спускѣ валяются, тащите ихъ за мной... Господа, я честью васъ прошу...

— Нѣтъ, сунься-ко самъ, коли тебѣ жизнь дешева,—раздается со всѣхъ сторонъ.—Да у насъ тоже дѣло есть... Намъ проклажаться изъ-за собаки невозможно...

— Почтенные, помогите барину!.. Отчего собаку не спасти, коли возможно...—упрашиваетъ какая-то женщина.

— А ты стегани сама прежде... Тонуть будешь, такъ по крайности карналинъ поддержитъ, а мы въ полушубкахъ по топорному...

На льду раздается пронзительный вой. Бородачъ въ очкахъ подбоченивается.

— Такъ не хотите вы честью, распроканальи, архибестіи?— кричитъ онъ-—Гдѣ городовой? Я васъ!..

Два мужика снимаютъ шапки. Нѣкоторые пятятся.

— Не хотите, ракаліи?... За мной, анафемы, коли такъ!

Раздаются крѣпкія слова. Нѣсколько полушубковъ бѣгутъ на спускъ и подымаютъ доски. Ругательныя слова звенятъ въ воздухѣ. Откуда является энергія, воодушевленіе! Крючникъ распоясывается и подаетъ веревку. Доски положены на ледъ, веревка закинута и собака спасена. Вотъ она отряхивается отъ холодной воды и робко смотритъ на окружающихъ. «Ура!» раздается на набережной.

— А ловко насъ пробралъ баринъ... хорошій такой... ласковый... Не обругай—ни за что-бы собаку не спасли... говорятъ мужики.

Вдали показывается городовой.

Передъ праздниками.

Лавка въ Александровскомъ рынкѣ. Страстная недѣля. Приказчики—кто убираетъ товаръ, кто занимается съ покупателями. Въ концѣ прилавка стоитъ большой чайникъ съ чаемъ, завернутый въ старое байковое одѣяло; на чайникѣ умѣстился сѣрый котъ и грѣется. Хозяинъ на порогѣ и по временамъ раскланивается съ проходящими мимо знакомыми покупателями. Рядомъ съ нимъ лавочный мальчикъ; онъ косится на хозяина и звонкимъ дискантомъ выкрикиваетъ названіе товаровъ. Около хозяина останавливается купецъ съ подстриженной бородой и здоровается.

— Откуда?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Изъ думы. Вѣдь наше дѣло тоже подрядное,—отвѣчаетъ подошедшій. — Вотъ теперича эти самыя мостовыя мостить... грязь свозитъ. Оказія! Ну, какъ торгуете?

Хозяинъ машетъ рукой.

— Какая теперь торговля на Страстной... Обстоятельный покупатель скрылся, потому у него по домашеству занятіе, а идетъ ежели такъ шишгаль... Кому, къ примѣру, нехватка чего, или для подарковъ, или только-что жалованье получилъ, а то и къ ростовщику что спулилъ. Теперичный покупатель—горечь.

— Это точно. А нѣтъ-ли у тебя ситчику какого ни-на-есть поплоше? Крестница у меня есть, такъ ей подарить надо. У швейцара крестилъ... Славная дѣвочка. Подросточекъ, знаешь, ну такъ ужь рядиться-то хочется... Нѣтъ-ли чего изъ завали аршинчиковъ двѣнадцать?..

— Какъ не быть! Толкнись къ молодцамъ—покажутъ.

Купецъ входитъ въ лавку и говоритъ:

— Коммисія это тоже передъ праздниками! Тому дай, тому сунь... Всего оберутъ... Теперича у насъ—трубочисты, изъ бань народъ—всѣ лѣзутъ, а отказать нельзя!

Въ лавкѣ стоятъ покупатели: чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой и его жена. Передъ ними нарытъ товаръ.

— Ну, Васенькѣ на рубашку купили, Манечкѣ на бурнусикъ тоже...—говоритъ жена.—Вотъ Марфѣ надо бы платокъ къ празднику подарить. Она такая услужливая, расторопная. У Петеньки зубки шли, такъ всѣ ночи съ нимъ маялась.

— Ну что платокъ!—отвѣчаетъ мужъ.—Дѣйствительно она женщина расторопная... Нужно ее чѣмъ-нибудь получше наградить. На платье ей купить, что-ли? Нѣтъ-ли у васъ ситчику какого погнилѣе, такъ совсѣмъ плохенькаго?—обращается онъ къ приказчику.

Приказчикъ раскладываетъ ситецъ.

— Ну нѣтъ, это не годится: у меня почти точно такой капотъ есть. Что-жъ кухаркѣ въ одно перо съ барыней рядиться,—произноситъ чиновница.

— Нѣтъ-ли у васъ какого-нибудь совсѣмъ линючаго, — добавляетъ мужъ. — Сами знаете, кухаркѣ подарить надо. Дѣйствительно она такая старательная... Теперь у нея посуда въ кухнѣ, самоваръ—жаромъ горятъ... Вы не стесняйтесь, господинъ торговецъ, показывайте... Хоть-бы ежели мышами проѣдено было, и то ничего...

Далѣе въ товарѣ роются два мужика и баба. Одинъ мужикъ потребовалъ отъ ситца образчикъ и жуетъ его, пробуя слиняетъ краска или нѣтъ.

— Нѣтъ, родименькіе, это все не то, не тотъ манеръ...—говоритъ баба.—Теперича передъ тѣмъ, какъ Митрофану Игнатьичу окривѣть, такъ наѣзжала сюда Анисья... вотъ ситецъ такъ ситецъ брала она! Травка, а на травкѣ букашка и промежъ всего вавилонъ городками...

— Эхъ, тетка, видно вамъ птичьяго молока требуется! Даромъ только топчетесь, да отъ дѣла отбиваете, — съ упрекомъ говоритъ приказчикъ.—Нешто это модель столько товару нарыть! Ну, чего зря нюхаешь! Бери вотъ этотъ манеръ! Тутъ и зелень, и маковъ цвѣтъ! Пойдешь по улицѣ, такъ быкъ бросится, корова за траву приметъ! Ну! Что топчешься, словно слѣпая въ банѣ! Рѣшай! Съ людей четвертакъ аршинъ, а съ тебя двугривенный.

— Да мнѣ-бы, миленькій, волдырикам хотѣлось, а чтоб на волдырикѣ жукъ...

Приказчикъ выходитъ изъ терпѣнія.

— Волдыриками! Вотъ какъ хвачу кускомъ по затылку!.. Вчерашняго дня, видно, требуется!..

— Землякъ, землякъ! Что ты! Мы купимъ!—останавливаютъ его мужики.

— Купимъ! Съ собой-ли деньги-то? Лѣшіе эдакіе! Черти! Право, черти! Вы думаете здѣсь деревня? Здѣсь Санктъ-Питербурхъ!

— Ну, рѣжь, рѣжь пять аршинъ на полечку! Вишь какъ раскудахтался!

Входитъ нарядная дама. У дверей останавливается ливрейный гайдукъ съ покупками.

— Нѣтъ ли у васъ платковъ, какіе обыкновенно простолюдины покупаютъ?—говоритъ она.—Я всегда беру въ англійскомъ магазинѣ, но мнѣ сказали, что у васъ дешевле. Знаете, эдакую безвкусицу... чтобъ и зелень, и желтизна, и красный цвѣтъ...

— Есть, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ приказчикъ, наклоня голову на бокъ и изъ учтивости какъ-то проглатывая слова.

— Понимаете, что-нибудь азіатское...

— Поняли, ваше сіятельсто!

— Чтобы разительно дѣйствовало на грубый вкусъ мужика...

— Будьте покойны, ваша свѣтлость! Пожалуйте!

— Доброты не надо, краски могутъ быть линючія, только-бы подешевле...

— Въ самый разъ будутъ. Пожалуйте!

— Ежели шерстяныя, то могутъ быть и молью съѣдены...

— Потрафимъ! Пожалуйте!

— Мнѣ, знаете, кухонную прислугу и дворниковъ къ празднику наградить, такъ чтобы имъ нравилось.

— Останутся довольны! Пожалуйте.

Приказчикъ выкидываетъ на прилавокъ платки. Дама вооружается лорнетомъ и начинаетъ разсматривать товаръ. Гайдукъ косится и отдувается. Лавочный хозяинъ даетъ мальчишкѣ подзатыльникъ и киваетъ на даму. Мальчишка бросается со всѣхъ ногъ и подаетъ дамѣ стулъ.

КАНУНЪ ПАСХИ.

Страстная суббота. Десятый часъ вечера. Въ квартирѣ многосемейнаго купца Треухова пахнетъ запеченной ветчиной, лампадками. Въ гостинной, передъ простѣночнымъ зеркаломъ, стоитъ лукошко съ окрашенными яйцами, четверговая жженая соль въ банкѣ, пасха съ изюмомъ и куличъ съ бумажнымъ розаномъ. Лавочные мальчишки сбираются все это нести святить, пріютились въ прихожей передъ зеркаломъ и усердно мажутъ себѣ головы деревяннымъ масломъ. «Сама», то-есть хозяйка, суетится съ кухаркой въ кухнѣ около печки и торопливо говоритъ ей:

— Ну ужь это ты, Матренушка, справь, какъ слѣдуетъ, а меня пусти одѣваться! Того и гляди къ заутрени опоздаешь.

Около нея, держась за подолъ платья, стоитъ ея маленькій сынишка и облизывается.

— Мама, дай мнѣ кусочекъ...—упрашиваетъ онъ.

— Нельзя душенька, грѣшно теперь—это скоромное; потерпи до утра, а то попъ заставитъ себя на кочергѣ возить.

Хозяйскія дочки то-и-дѣло перебѣгаютъ залу, держа надъ головами по вороху туго накрахмаленныхъ юбокъ.

— Ты будешь послѣ заутрени съ приказчикомъ Иваномъ христосоваться? – спрашиваетъ одна сестра другую.

— Ни зачто на свѣтѣ! Мнѣ стыдно. Онъ на вербной недѣлѣ подарилъ мнѣ сахарное сердце съ ликеромъ внутри. А ты?

— Я только разикъ, да и то сжавши губы. Мнѣ кажется, Катя, что онъ влюбленъ въ меня. Въ вербную субботу онъ встрѣтился со мной въ корридорѣ и сунулъ мнѣ въ руки пряникъ съ надписью «любовь».

— Ври больше! Это онъ тебя за меня принялъ, потому дѣло въ потьмахъ было.

— Пожалуйста, не заноситесь насчетъ вашей красоты! Я уже давно ему разсказала, что у васъ лѣвый бокъ на ватѣ.

— Дура.

— Отъ дуры слышу!

Молчаніе. Хозяйскія дочки начинаютъ на себя навьючивать юбки.

— Ну, а со старшимъ приказчикомъ, Ананьемъ Панфилычемъ, похристосуешься, какъ слѣдуетъ?—снова спрашиваетъ старшая.

— Само-собой. Вѣдь онъ старикъ, да къ тому-же у него въ деревнѣ жена есть. Вѣдь эти поцѣлуи ровно никакого чувства не составляютъ.

«Самъ» пока еще въ халатѣ, сидитъ въ залѣ у стола около лампы и роется въ старомъ календарѣ. Мимо пробѣгаетъ «сама».

— Ты-бы, Лазарь Калинычъ, оболокался,—говоритъ она.— Одиннадцатый часъ. Опоздаемъ, такъ послѣ и въ церковь не влѣземъ. Что за радость съ мужиками стоять, да тулупы нюхать!

— Сейчасъ. Дай только найдти, въ которомъ году у насъ большое наводненіе было. Первую холеру нашелъ, пожаръ въ Апраксиномъ тоже... У меня споръ съ Николаемъ Кузмичемъ Завтра придетъ христосоваться, а я ему и преподнесу... У насъ въ это наводненіе сторожъ Калистратъ утонулъ.

— Не воображаете-ли вы, что я завтра со всѣми вашими сторожами христосоваться буду?—кричитъ изъ другой комнаты старшая дочка.—Мерси! Я ужь и такъ въ прошломъ году всѣ губы объ ихъ бороды отрепала.

— Кто тебѣ говоритъ о христосованьѣ! Я наводненье ищу. Вотъ какъ выдерну изъ-за божницы пукъ вербы! Чего на ссору лѣзешь?

— Ахъ, скажите, какъ васъ испугались!

Хозяйскій сынъ молодой франтъ ходитъ по комнатѣ и напѣваетъ «святися, святися, новый Іерусалиме!»

— Это въ какихъ смыслахъ вербу?—спрашиваетъ онъ.

— А чтобъ постегать!

— Слѣдуетъ. Она давеча на мою новую циммермановскую шляпу сѣла.

Изъ другой комнаты доносится голосъ другой дочери:

— Папенька да уймите Володьку! Онъ у меня цѣлую банку помады на свою голову вымазалъ и теперь кота помадитъ.

— А вотъ я его! Гдѣ у меня подтяжки!

Въ кухню стучится дворникъ.

— Матрена!—кричитъ онъ.—У васъ, говорятъ, окорокъ запекали. Отдай намъ кожу съ него. Мы въ щахъ варить будемъ!

— Ну, вотъ еще! У насъ и молодцы съѣдятъ!

— Вотъ сквалыги-то, а еще купцы! Вотъ я черезъ это самое солдата твоего въ калитку пускать не буду!

— А вотъ за эти срамныя слова стащить тебя къ хозяину!—восклицаетъ кухарка. — Когда ты у меня солдата видѣлъ? Сказывай.

Въ молодцовской одѣваются молодцы и тоже сбираются къ заутрени. Кто повязываетъ себѣ новый галстухъ, кто фабритъ усы жженой пробкой и сальнымъ огаркомъ, а статный приказчикъ Иванъ чуть не въ пятый разъ чиститъ себѣ сапоги, несмотря на то, что они горомъ горятъ. Онъ то любуется на каблукъ, то разсматриваетъ голенищи.

— Вихры-бы по настоящему въ парикмахерской подвить слѣдуетъ, да ужь теперь поздно!—говоритъ онъ.

— А ты накали на свѣчкѣ старыя ножницы да и закудрявься ими!—даетъ кто-то совѣтъ.

— А что, братцы, для чего это самая четверговая соль составляетъ? У насъ хозяйка больше пяти фунтовъ этой самой соли нажгла,—слышится вопросъ.

— Отъ порчи, отъ глазу... Раствори въ водѣ и спрысни человѣка, какъ рукой сниметъ. Домовой ее не любитъ! Сатана боится. Ну, и ѣсть чудесно! Окромя того, и птицъ ловить сподручно. Насыпь, къ примѣру, этой самой соли на хвостъ воробью—сейчасъ поймаешь!

— А говорятъ, господа, что ежели этой самой соли къ примѣру, женщинѣ на постель подъ простыню подсыпать, то такъ въ тебя влюбится, что даже бѣгать за тобой начнетъ,—разсказываетъ охотникъ до сапоговъ, Иванъ. — Только нужно при этомъ таинственныя словеса знать.

— Это вѣрно. Когда я у дяденьки въ Кинешмѣ по живодерному дѣлу жилъ, то у насъ одинъ полицейскій солдатъ купчиху одну присыпалъ, такъ что ты думаешь?—какъ нитка за иголкой за нимъ ходить начала. Шубу енотовую мужнину ему отдала, три самовара, лошадь, а потомъ со службы выхлопотала и кабакъ ему открыла. А и солдатенокъ-то ледящій былъ.

Одинъ усъ кверху росъ, другой книзу, да и ноздря въ дракѣ разорвана.

— Ты куда къ заутрени-то?

— Къ Іоанну Предтечи. Съ Марьей Дементьевной хочется похристосываться. Вотъ дѣвушка-то!

— Такъ женись. Чего-же зѣваешь!

— И женюсь, когда изъ приказчиковъ въ люди выду.

Часы бьютъ одинадцать.

— Пора. Полуночницу начали!

— Все въ домѣ начинаетъ суетиться.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ.

Первый день пасхи. Утро. У подъѣзда стоитъ щегольская двухмѣстная карета. Кровные рысаки нетерпѣливо ударяютъ подковами о камни. На козлахъ сидитъ жирный кучеръ съ расчесанной бородой, на колесѣ примостился дворникъ и христосуется съ нимъ. Къ подъѣзду подходитъ тщедушный чиновникъ въ поношенномъ пальто и въ зѣло помятой отъ времени трехъ-уголкѣ.

— Здравствуй, Микитушка, здравствуй! — ласково киваетъ онъ кучеру.—Христосъ воскресъ! И похристосовался-бы съ тобой, да высоко сидишь... Ну, ничего... Считай на парочку пивца за мной. Не уѣзжалъ еще самъ-то?

— Прохлаждается...—отвѣчаетъ кучеръ.

Чиновникъ входитъ въ подъѣздъ. Швейцаръ отворяетъ дверь.

— Христосъ воскресъ!

— Воистину...

До крови выбритое лицо чиновника прикладывается къ жирнымъ щекамъ швейцара. Шелеститъ рублевая бумажка.

— Извини, голубчикъ, что ужь безъ красненькаго яичка... Въ мундирѣ-то положить некуда... Того и гляди раздавишь. Гдѣ у васъ расписываются-то? Не внизу развѣ?...

— Наверхъ пожалуйте? Илья камардинъ нынче у себя принимаетъ. На наши доходы, изволите видѣть, позарился и захотѣлъ самъ рубли обирать, а отъ генерала съ своей стороны потачка...—отвѣчаетъ швейцаръ.

— Эхъ, Терентій Кузьмичъ! Не осуждай и не осужденъ будеши! Вѣдь и Ильѣ Васильичу тоже питаться надо, потому всѣ мы люди и человѣки... — говоритъ чиновникъ, снимаетъ пальто и со вздохомъ лѣзетъ въ тощій кошелекъ за вторымъ рублемъ для камердинера. — Вотъ у меня дома ребятишки: одинъ говоритъ, папенька дай, другой говоритъ, папенька дай...

Кому сапоженки, кому рубашенку... Охъ, трудно жить на свѣтѣ!..

— Это вы дѣйствительно. А фулярчикъ-то мнѣ къ празднику обѣщали?

— Повремени, голубчикъ... Вдругъ нельзя... Все справлю, все отдамъ... Ныньче тоже туда сюда... и не видишь...

Чиновникъ начинаетъ причесываться передъ зеркаломъ. Плюетъ на пальцы и примазываетъ виски.

— Ну что, встали сами-то?—спрашиваетъ онъ.

— Теперь прочухался, а то до одиннадцатаго часа сегодня противъ обыкновенія дрыхъ... Отъ французинки евонной и то ужъ присылали...

— Ахъ Терентій Кузьмичъ, какъ это вы о такой особѣ и такъ выражаетесь. Дрыхнетъ! Ахъ, Боже мой!

— Это онъ для васъ особа, а для насъ никакой разности не составляетъ. Отошелъ отъ мѣста,—къ другому присталъ. Съ нашимъ видомъ и теперича при нашемъ ростѣ мы завсегда на расхватъ. Такихъ швейцаровъ цѣнятъ. Это вотъ вы, такъ дѣйствительно... Ну, онъ вамъ и страшенъ! Особа! Эта особа-то вотъ гдѣ у насъ сидитъ!

— Не кощунствуй, Кузьмичъ, не кощунствуй!

— Пожалуйте наверхъ!

Чиновникъ взбирается по лѣстницѣ, но вдругъ въ это время раздается звонокъ. Двери квартиры распахиваются и на порогѣ показывается «самъ», въ сопровожденіи камердинера, который несетъ какой-то свертокъ. Голова особы трясется, губы какъ-бы пережевываютъ жвачку, ноги шагаютъ какъ полѣнья, безъ сгибовъ. Другой лакей опережаетъ особу и бѣжитъ внизъ къ каретѣ. Швейцаръ выпрямляется. Чиновникъ какъ-бы замеръ и прижался къ стѣнѣ. Особа наводитъ на него лорнетъ.

— Ахъ, это ты Ларіоновъ?—говоритъ она.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—Гвоздевъ!—поправляетъ чиновникъ.—Честь имѣю поздравить ваше превосходительство съ великимъ праздникомъ... Желаю вамъ въ здравіи и благоденствіи на вѣки нерушимо священствовать... Виноватъ ваше... Здравствовать и все эдакое...

— Такъ, такъ... А ну, Христосъ воскресъ!

— Воистину, ваше...

Чиновникъ стискиваетъ губы, затаиваетъ дыханіе и прикла-

дывается къ черствымъ щекамъ особы, но вдругъ на третьемъ разѣ, потерявъ равновѣсіе, летитъ съ лѣстницы затылкомъ.

Наверху сдержанный старческій смѣхъ.

— Экой ты какой! Ну, что не ушибся? Петровъ? Такъ кажется?

— Гвоздевъ, ваше.. Не извольте обо мнѣ безпокоиться,— говоритъ подымаясь чиновникъ.—До свадьбы заживетъ.

— А ты развѣ холостъ? Въ эдакихъ лѣтахъ и холостъ!

— Никакъ нѣтъ-съ ваше... Это только такъ къ слову-съ... Имѣю законную жену и четверыхъ младенцевъ, изъ коихъ старшему шестнадцать, а младшему три года... У старшаго вы изволили осчастливить и быть воспріемникомъ, ваше превосходительство...

— А, помню, помню... Варвара... Ну, пришли ее ко мнѣ, пришли...

— Никакъ нѣтъ-съ ваше... сынъ, Николай...

— А, да, да... Николай... Это кажется на Пескахъ было гдѣ-то...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше... Безвыѣздно на Петербургской живу...

— Такъ, такъ... Вѣдь ты ко мнѣ изъ военнаго вѣдомства переведенъ...

— Изволили запамятовать ваше... Я изъ духовнаго...

— Да... да... А ну, Васильевъ, поди, поди, роспишись тамъ для порядка...

— Гвоздевъ, ваше пр...

— Ну все равно. Такъ что-же, будемъ еще крестить?

— Ежели осчастливите, ваше превосходительство... Жена и то восьмой мѣсяцъ шестымъ беременна... Будемъ возсылать мольбы...

— Могу, могу... Илья напомни мнѣ, что Петровъ...

— Гвоздевъ, ваше...

— Ну Гвоздевъ...

Особа спускается съ лѣстницы. Чиновникъ стоитъ, вытянувши руки по швамъ.

— Съ счастливой встрѣчей честь имѣю поздравить. господинъ Гвоздевъ!—раздается надъ его ухомъ возгласъ младшаго лакея и при этомъ виднѣется протянутая пригоршней рука.

Чиновникъ лѣзетъ въ карманъ.

СЪ ВИЗИТАМИ.

Первый день Пасхи. Купеческое семейство. Въ углу накрытъ большой столъ съ закуской: окорокъ ветчины, окорокъ телятины, фаршированная индѣйка, соленья, пасха, масло въ видѣ лежащаго на тарелкѣ барана и цѣлая батарея бутылокъ. Хозяина дома—дома нѣтъ. «Сама» и старшая дочка принимаютъ визиты. Разряженныя до-нельзя и напудренныя, онѣ сидятъ на диванѣ и только и думаютъ, какъ-бы, не измять платья. Тутъ-же и восьмилѣтній сынишка въ синенькомъ пиджакѣ. Онъ прыгаетъ передъ ними на одной ножкѣ и напѣваетъ стихотворное поздравленіе съ праздникомъ, прочитанное имъ отцу и матери послѣ заутрени.

— Христосъ воскресъ и къ жизни вѣчной намъ путь открыла благодать!—твердитъ онъ.

— Да уймись ты!—восклицаетъ дочка.—Маменька, дерните его за вихоръ! Что онъ словно маюта передъ глазами мается!

— Ахъ, душенька! Дерни сама! Я ужъ и то совсѣмъ раскисла,—лѣниво отвѣчаетъ мать.—Шутка-ли, цѣлую заутреню и обѣдню выстоять и, почитай, больше чѣмъ съ сотнею разнаго народа перехристосоваться! Губы и то словно сафьянныя. Ужъ хоть бы поскорѣй эти визиты кончались!

— А вы зачѣмъ въ настоящую? Дѣлайте какъ-бы безъ чувствъ, просто со щеки на щеку.

— Охъ, не умѣю я эдакъ! Да къ тому-же мужики прямо въ губы лѣзутъ. Давеча крючники отъ тридцати ломовыхъ закладокъ пришли... А приказчики изъ нашихъ лабазовъ? А дворники? Потомъ еще какихъ то солдатъ съ десятокъ привалило.

Раздается звонокъ. Дамы оправляются. Вбѣгаетъ молодой гость во фракѣ.

— Христосъ воскресъ!

— Воистинну...

Гость христосуется съ маменькой. Дѣло доходитъ и до дочки.

— Я ни съ кѣмъ не христосуюсь,—жеманится она, однако соглашается.

— Вретъ! Вретъ,—откликается ея братишка—Давеча съ Михайломъ Иванычемъ такъ даже два раза христосовалась: одинъ разъ въ залѣ при всѣхъ, а другой разъ одна, въ корридорѣ. Вотъ такъ! Разъ, два, три!—считаетъ онъ поцѣлуи.—Ну, теперь на загладку лизни языкомъ...

— Эдакій мерзкій мальчишка! Другой и въ самомъ дѣлѣ повѣритъ!

Гость садится.

— Гдѣ изволили у заутрени быть?—спрашиваетъ онъ.

— У Владимірской. А вы?

— А мы у Іоанна Предтечи. Съ Марьей Дмитріевной Андроновой дурно сдѣлалось.

— Ну, это она нарочно... Рюмочку винца... да закусить... ветчинки?.. предлагаетъ гостю хозяйка.

— Увольте... Признаться сказать, послѣ заутрени понакинулись на нее и теперь глаза бы не глядѣли... Куда ни придешь—вездѣ ветчина...

— Мнѣ и самой она претитъ, ну да что дѣлать...

— Прощайте. Семену Семенычу поклонъ... Вѣрно съ визитами уѣхалъ?

— Да; сначала пока въ свѣжести-то, къ пріютскому генералу уѣхалъ, ну а потомъ по знакомымъ...

Гость уходитъ. Входитъ второй. Христосованье, вопросъ: «гдѣ были у заутрени»?

— У Исакія,—отвѣчаетъ гость.—Лѣтъ семь уже сбирался... Восторгъ, я вамъ доложу!.. Куполъ освѣщенъ... народу страсть... просто хоть по головамъ ходи!.. У меня фалду у сюртука оторвали, а Лука Иванычъ колошу потерялъ... Тѣснота, давка! Одну женщину на рукахъ вынесли... Но поютъ—вѣкъ не забуду!

— Водочки... да закусить ветчинки?..

— Водкой зубы пополощу—извольте, а ветчины—ни Боже мой! И то сегодня гофманскія капли принималъ. На страстной-то недѣлѣ, знаете, всякую дрянь ѣли, а тутъ послѣ за-

утрени и понабросились на ветчину да на яица... Фунта полтора съѣлъ...

— Охъ, ужъ и не говорите! Я сама... а теперь скверно. Но все-таки безъ ветчины нельзя...

Посѣтитель «полощетъ зубы». Входитъ еще гость, очень франтоватый и красивый. Поцѣлуи.

— Гдѣ изволили у заутрени?..

— У глухонѣмыхъ...—отрѣзываетъ гость, не дожидаясь окончанія вопроса.—Поютъ только плохо...

— Ну, съ глухонѣмыхъ и требовать нельзя...—говоритъ хозяйка.

— Да вы думаете они сами? Нѣтъ, любители какіе-то. Гдѣ-же глухонѣмымъ пѣть!

— Да вѣдь ихъ учатъ... Они и на фортепіанахъ играютъ и поютъ... и на скрипкѣ...

— То слѣпые, маменька... Въ институтѣ слѣпыхъ...—поправляетъ дочь.

— Ну подишь ты, а я перепутала!—Закусить?.. предлагаетъ она гостю.—Ветчинки...

— Лучше ложку дегтю, а ужь отнюдь не ветчины! Вѣрите-ли, одинъ день только поѣлъ, а ужъ...

— Да, всѣ жалуются... Впрочемъ, если съ водкой, такъ ничего... Скушайте кусочекъ...

— Не могу-съ, ей Богу не могу! И то цѣлый день мятныя лепешки ѣмъ...

— Не знаю... Инымъ ничего... Давеча священники были, такъ полъ-окорока съѣли...

Еще гость. Еще христосованье.

— Представьте, Варвара Захаровна!—восклицаетъ онъ.— Несъ вамъ двухжелтковое яйцо отъ своихъ куръ и въ карманѣ раздавилъ! А яйцо-то оказалось въ смятку... Такая оказія!

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь эдакъ вы весь фракъ испортите... Ну, выкушайте винца за это... да вотъ ветчинки...

— И не напоминайте мнѣ про эту ѣду! Одинъ день, а ужъ до того опротивѣла, что все ветчиной пахнетъ... Давеча стаканъ чаю—и то ветчина! Съ генераломъ христовался и отъ того ветчиной отдаетъ...

— Да вѣдь куда жъ ее цѣлый окорокъ?.. Гдѣ у заутрени были?

Пронзительный звонокъ.

— Пѣвчіе съ подворья!—докладываетъ горничная.

— Вотъ имъ ветчину предложите. Все съѣдятъ...

Въ прихожей раздается кряканье, плевки, кашель, стукъ сапоговъ, визгъ дисканта.

Пѣвчіе входятъ.

РАДОНИЦА.

Волково кладбище. Фоминъ вторникъ. Обѣдни только-что кончились. По мосткамъ и могиламъ гуляетъ народъ и христосуется съ своими покойниками, зарывая въ могилы пасхальныя яйца. Тутъ и нижній военный чинъ, и мастеровой, и чиновникъ, но купецъ преобладаетъ. Купецъ въ цилиндрѣ, купецъ въ картузѣ, купецъ въ «пальтѣ», купецъ въ ватной сибиркѣ, въ брюкахъ на выпускъ и въ дутыхъ сапогахъ бутылками. Женщинъ больше чѣмъ мужчинъ. Нищей братіи великое множество, начиная отъ «отставнаго капитана» съ указомъ объ отставкѣ и кончая деревенской бабой съ полѣномъ, вмѣсто ребенка, за пазухой. Все это скулитъ, стонетъ, хрипитъ пьянымъ голосомъ, распѣваетъ Лазаря и выпрашиваетъ подаяніе. Не взирая на запрещеніе, на могилахъ то-и-дѣло радостно блеститъ на солнцѣ полуштофъ или косушечка. Опытный взглядъ замѣтитъ и четвертную бутыль, завернутую въ одѣяло. Идетъ поминовеніе.

На одной изъ могилъ третьяго разряда пріютились синіе кафтаны, «жилетки травками», росписные платки и «матерчатыя» платья.

— Ну, Мавра Алексѣвна, распеленывайте младенца-то! А у меня тутъ кстати и хвостикъ колбаски имѣется, — говоритъ синяя чуйка съ грудью, выстроченной елкой.

— Это вы, Левонтій Максимычъ, оставьте, у насъ и у самихъ уголокъ пирога имѣется, а только вотъ стаканчикъ разбили. Давеча у Андріанова на могилѣ Прохоръ Иванычъ начали чудить, чокъ — и въ дребезги! У сосѣдей-бы чашечки попросить, да они кофій пьютъ. Чашки-то всѣ заняты. Вонъ и нищенка дожидается.

— Такъ вы крышечку отъ кофейника... Вѣдь ежели съ благословеніемъ, такъ изъ чего ни пить да пить! А изъ крышечки чудесно!

— Позвольте, у меня сейчасъ посуда будетъ... Я изъ бутылочнаго дна... Вотъ бутылочка... Сыпьте въ донышко...

— Ну вотъ видите, какъ прекрасно, а крышечку мы все-таки спросимъ. Пожалуйста, пока городового нѣтъ...

Изъ байковаго одѣяла показывается горло четвертной.

— Эхъ, Данило Кузьмичъ, Данило Кузьмичъ! Вѣчная тебѣ память! А важный былъ мужикъ, ей-Богу! Третьяго года, какъ сейчасъ помню, вотъ онъ здѣсь, а я тутъ... Дарья Наумовна при нихъ тогда въ свояченицахъ состояли. А я на холостомъ положеніи... Мавра Алексѣвна, помните?

— И не говори, голубчикъ, не говори!.. Охъ тошнехонько...—плачетъ женщина.

— Сидимъ... хмѣльны грузно... Женщины по своему женскому малодушію пивко попиваютъ, а мы водочку ковыряемъ. Зашелъ антиресный разговоръ насчетъ бутовой плиты. Онѣ это, по своему малому уму, и ввяжись въ разговоръ... Стали о штукатурахъ судить... Это то-есть Дарья Наумовна... А я десятникъ...

— Да ты пей, не задерживай крышку-то!

— Выпилъ. Тьфу! Дайте хоть полой отереться... Ну-съ, ввязались... Судятъ, рядятъ, а мнѣ это обидно, потому какъ мы значитъ десятники...

— За Митрофана-то Макарыча душу выпейте... Пейте ужъ и за Ульяну... Тутъ-же похоронена.

— Съ удовольствіемъ... Дай Богъ ей на томъ свѣтѣ!.. Ухъ, крѣпка водка-то! Совсѣмъ ядъ, окаянная! Теперь, ты Иванъ Нилычъ! Сади двѣ сразу!.. Ну-съ, такъ что-же дальше-то?

— Сейчасъ... Слушалъ это я, слушалъ ихъ бабій разговоръ... Да какъ хрясть ихъ въ ухо!..

— Это кого-же?

— Да Дарью Наумовну... Не стерпѣлъ... потому баба и вдругъ о дѣлахъ... И съ этого мѣста у меня съ ними первое знакомство началось... Потомъ черезъ полгода сватался, а околъ Покрова онѣ ужъ мою супружницу составляли. Дарья Наумовна помните?

— Еще-бы не помнить! Вѣдь вы извѣстные безобразники!..

— Ну что-жъ такое? Мало-ли что въ хмѣльномъ видѣ случится!..—откликается другой женскій голосъ...

— Нѣтъ, позвольте!.. Онѣ злопамятны были и долго за меня выходить не хотѣли, да ужъ сестрица ихъ стращать начали... Ахъ, оказія! За упокой Никиты-то и забыли! Подносите сначала!

— Пожертвуйте, господа посадскіе, трудовой денарій отставному военному, по несправедливостямъ судебъ находящемуся въ отставкѣ съ грудными младенцами и женою, лежащею на одрѣ смерти, идѣ-же громы и молніи!.. — раздается хриплый голосъ.

— Сами семерыхъ сбирать послали!—слышится съ могилы.— Не прогнѣвайтесь!

— Да не оскудѣетъ рука, вливающая нектарь! Господа именитые посадскіе!.. Гражданинъ Мининъ, спасшій отечество, былъ простолюдинъ...

— Мавра Алексѣвна, нацѣдите ему въ крышечку!

— Мерси!

— За упокой сродственничковъ, матушка голубушка, подайте Христа ради!—стонетъ старуха и останавливается передъ восьмипудовой купчихой въ двуличневой косынкѣ на головѣ, поверхъ которой у нея обвязаны и уши носовымъ платкомъ, такъ крѣпко, что лицо купчихи налилось кровью и походитъ на красный сафьянъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, бабушка, — говоритъ она, дѣлитъ облупленное яйцо ножемъ на нѣсколько частей и подаетъ старухѣ. — Вотъ это за упокой Исидора, это за упокой Андрея, Нимфодоры, Трифона, іеромонаха Серафима, трехъ Петровъ... Постой, постой я еще раздроблю... Это за новопредставленную Пелагею...

Старуха ѣстъ.

— Девятое яйцо сегодня, матушка,—шамкаетъ она.—Все сухомятка одна, хоть-бы чайку испить, что-ли... Не прожертвуете-ли на счетъ денежной милости, сударыня?..

У купчихи подвязаны уши и она плохо слышитъ.

— Что, бабушка? Что? Мыльца?—спрашиваетъ она.—Какое-же мыло на кладбищѣ! Что ты! А ты домой ко мнѣ зайди. Кринкины на Обводной канавѣ... Тамъ всякій укажетъ... Приходи, приходи, я дамъ обмылочекъ и огарочекъ стерлиновый дамъ...

— Дура глухая! Вишь уши-то законопатила! Дай ей копѣечку!—кричитъ надъ самымъ ухомъ купчихѣ купецъ.

— Копѣечку? Сейчасъ, сейчасъ родненькая!

«Со святыми упокой»,—доносится откуда-то пѣніе.

НА ПЕРЕВОЗѢ.

Легкій ледоходъ на Невѣ. Вечерѣетъ. Отъ плота перевозной пристани только что отвалилъ пароходъ. На плотъ, между тѣмъ, то-и-дѣло спускаются желающіе переѣхать черезъ Неву, жалѣютъ, что опоздали на пароходъ и садятся въ ялики. Тутъ чиновники, мастеровой народъ, охтянки съ кувшинами и корзинками на коромыслѣ и неизбѣжный солдатъ. На плоту топчется, между прочимъ, не то купецъ, не то артельщикъ, не то мастеровой-чистякъ; просторное пальто съ «запашкой», картузъ съ широкимъ дномъ и сапоги раструбой. Онъ пощипываетъ бородку, смотритъ на отходящій пароходъ и говоритъ:

— Отошелъ! Ахъ, чтобъ тя мухи съѣли! Вотъ оказія-то! А ужъ какъ мы торопились въ этотъ сельдяной боченокъ попасть—бѣда!

— Купецъ, купецъ! Садись скорѣй! Сейчасъ отчаливаемъ!—кричитъ перевозчикъ.

— Въ яликъ—ни въ жизнь! Чтобъ я въ эдакомъ видѣ и въ яликъ—ни Боже мой! У насъ тоже супруга съ младенцами въ деревнѣ здравствуетъ!

— Садитесь скорѣй въ яликъ, сейчасъ перевезутъ,—говоритъ ему смотритель перевоза.

— Невозможно-съ... Коли ежели въ яликъ—аминь!.. Потому мы, изволите видѣть, хмѣльные... Были у кумы Варвары Митрофановны на кофіѣ и, по нашему молодушію, семь стакашковъ этого самаго стеклярусу засобачили!

— Вы не очень пьяны... Сидите только смирно, и ничего...

— Невозможно этому быть съ... Сейчасъ балансъ могу потерять. Чуть маленько что—и сковырнулся: намъ тоже безъ покаянія не приходится, потому христіане. Нѣтъ, ужъ лучше

пароходика подождемъ... Дозвольте ваше благородіе, на скамеечку присѣсть, а то какъ будто ужъ и на плоту качаетъ...

Купецъ садится.

— Вы парохода напрасно будете ждать... Очень можетъ быть, что онъ послѣдній рейсъ дѣлаетъ.

— Ну, тогда только отдохнемъ, а потомъ кругомъ... А на яликѣ—ни Боже мой, потому сейчасъ балансъ потеряешь. Мы тоже свою препорцію знаемъ... А вотъ посидимъ, цигарочки покуримъ... Семь стаканчиковъ... Вотъ оказія-то!

— Зачѣмъ-же вы пили столько?

— Нельзя, ласковость... Все младенцы подносили. Подходитъ это крестница: «тятенька-крестный, выкушайте»—саданули! Потомъ другая, и отъ земли-то младенца не видать, а тоже стакашекъ въ ангельскихъ ручкахъ несетъ—тяпнули! Кума въ поясъ... Ахъ ты Господи!.. Опять двинули!.. Яичкомъ закусили, цигарочки покурили—крестничекъ подходитъ... стаканчикъ такъ и блеститъ радостно—опять опрокинули! Четверо младенцевъ... сами учтите... Ну, сама пятая. Потомъ посошекъ на дорожку, а послѣ посошка—чтобъ не хромать... Я бы и кругомъ, на мостъ проѣхалъ, баринъ, это намъ наплевать! Да по сухопутной дорогѣ соблазна много: куда ни взглянешь—вездѣ красная вывѣска... А мы по нашему молодушію сейчасъ это всѣ капернаумы изслѣдовать начнемъ... Гдѣ пивца поклюешь, гдѣ бальзамчику дербалызнешь.

— Садитесь въ яликъ и сидите смирно, я васъ благославляю. Вы не очень пьяны...

— Нельзя этому быть-съ... А вдругъ среди этой самой Невы мнѣ фантазія въ голову вступитъ, ну и давай безобразничать... Вѣдь у насъ младенцы въ деревнѣ.

— Коли такъ, значитъ поѣзжайте кругомъ.

— И поѣдемъ. Будьте покойны... Вы генерала Вахрамѣева не изволите знать?

— Нѣтъ, а что?

— Я такъ къ слову... Душа, а не генералъ... Мы имъ песокъ поставляемъ. Какъ только придешь къ нимъ на фатеру,—сейчасъ это они въ серебряномъ стаканчикѣ и подносятъ. А полковницу Скоромину не знаете? У нихъ сынъ банный арендатель.

— Не знаю.

— Чудесно! Эхъ баринъ, ты мнѣ по нраву пришелся! Нѣтъ-ли у васъ тутъ чего выпить?

— Окромя воды ничего нѣтъ.

— Такъ можетъ можно перевозчика въ погребокъ послать? Я-бъ тебя мадеркой попотчивалъ. Свисни-ка молодца-то?.. Мы и ему пятачекъ на шкаликъ прожертвуемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это строго запрещено. Иди ужъ лучше домой.

— И пойду. Эхъ, ужъ больно мнѣ похороводигься-то хочется, а не съ кѣмъ! Я теперича не токма что съ тобой, баринъ, а даже съ лягавымъ псомъ путаться готовъ, потому въ голову вступило! Ѣдемъ къ купцу Самолетову на танцы—ледеру выставлю! Настоящаго ледеру!

— Нельзя, мнѣ здѣсь распоряжаться надо.

— Ну коли такъ,—прощенья просимъ! Давай руку на счастье! А загуляю, ей Богу съ какимъ хочешь стракулистомъ загуляю!

Купецъ взбирается по лѣстницѣ на набережную и кличетъ извозчика.

ВЪ СКВЕРѢ.

Петербургская ранняя весна. Восемь часовъ вечера, а на дворѣ еще свѣтъ бѣлый. Косое солнце золотитъ верхушки домовъ. Смолкаетъ мало-по-малу городской шумъ. Бѣгутъ домой гостинодворцы, покончившіе торговлю, бѣгутъ мастерички, двѣнадцать часовъ къ ряду гнувшія спину за шитьемъ, и по дорогѣ заходятъ отдохнуть въ скверы. Михайловскій скверъ болѣе другихъ переполненъ публикою. По дорожкамъ шныряютъ уличные фланеры съ папиросами во рту и заглядываютъ подъ женскія шляпки. Скамейки почти всѣ заняты. Дорожки передъ скамейками исчерчены зонтиками и палками. Вонъ какой-то юноша вперилъ взоръ въ даль и съ нетерпѣніемъ посматриваетъ на часы. Тутъ-же пріютилась и дамочка подъ вуалью и съ книгой. Она дѣлаетъ видъ какъ будто читаетъ, но на самомъ дѣлѣ даже и книгу-то держитъ кверху ногами. На голыхъ прутьяхъ кустарниковъ чирикаютъ воробьи. По дорожкѣ около калитки бродитъ военный писарь въ фуражкѣ на бекрень и насвистываетъ арію «всѣ мы жаждемъ любви, это наша святыня».

— Дай Христа-ради рубль серебра до завтра. Глафира Ивановна проситъ угостить ее шоколадомъ, а у меня ни копѣйки,— шепчетъ сѣрая поярковая шляпа своему товарищу.—Не угостить—вся интрига полетитъ къ чорту.

— Притворись холоднымъ и разочарованнымъ. Это иногда лучше бываетъ. Вмѣсто шоколада заведи разговоръ о смерти. Сразу на сердце подѣйствуешь

— Да неужто ты мнѣ не можешь повѣрить рубля серебромъ!

— Чудакъ! Ну какъ я тебѣ повѣрю, когда у меня его нѣтъ? Я самъ занялъ у хозяйки восемь копѣекъ на апельсинъ Марьѣ Ивановнѣ...

— Ахъ ты Господи! Вотъ исторія то!—восклицаетъ франтъ.— Тутъ любовь разыгрывается, а въ карманѣ ни копѣйки! Она и записку любовную приняла, вздыхаетъ, начертила зонтикомъ мой вензель на пескѣ...

— Говорю, заведи разговоръ о смерти и она сейчасъ о шоколадѣ забудетъ.

— Ну тебя къ чорту!

Губастый старичокъ подсѣлъ на скамейку къ молоденькой мастеричкѣ съ зеленой коробкой въ рукахъ, оперся подбородкомъ на палку, скосилъ на дѣвушку глаза и начинаетъ съ ней разговаривать.

— Погода, душечка, какая прекрасная... Такъ и вѣетъ эфиромъ любви...

— Это даже можно сказать совсѣмъ напротивъ!—отчеканиваетъ дѣвушка.

— Все благоухаетъ: какъ природа, такъ равно и вы...

— Это до насъ не касается.

— А что, ангелочикъ, есть у васъ папенька или маменька?

— Не въ ту центру попали.

— Коли нѣтъ родственниковъ, и чужой старичекъ приголубить можетъ. Старенькіе-то лучше, хе, хе, хе!

— Ахъ, оставьте пожалуйста....

— А братецъ... напримѣръ, эдакъ, двоюродный?...

— Пожалуйста, безъ интриги....

— Вѣрно приказчика изъ Гостинаго ждете или чиновничка махонькаго. У меня ихъ, барышня, цѣлый десятокъ подъ началомъ этихъ чиновниковъ-то.

— Подводите ваше коварство подъ самого себя.

— Хотите, купидончикъ, я вамъ виноградцу куплю, яблочковъ? Или можетъ пряничнаго гусарика?

— Совсѣмъ въ насъ не та политика, ошибаетесь!...

Дѣвушка встаетъ съ мѣста, идетъ по дорожкѣ и садится на другую скамейку. Къ ней подходитъ молодой человѣкъ въ сѣро-голубомъ галстухѣ и съ маленькими бакенбардами, напоминающими клочья пакли.

— Петя!... Петя! Ну что ты такъ долго? Какъ тебѣ не стыдно!—восклицаетъ дѣвушка.—Сейчасъ ко мнѣ какой-то старичишка приставалъ и разные интересы насчетъ любви заводилъ!

— Ахъ, онъ мерзавецъ! И ты не могла его сразу отчалить? Гдѣ онъ? Покажи мнѣ его?

— Да вонъ на той скамейкѣ... Вонъ палка и шляпа виднѣется... Глаза по ложкѣ и зубы, какъ у верблюда дикаго. Такой противный!..

— Ахъ онъ скотъ! Да я его въ три дуги! Три ребра высажу! Переносье вывихну!...

— Оставь, Петя! Теперь ужь кончено. Онъ не пристанетъ!

— Не могу я, мой ангелъ! Долженъ-же я тебѣ любовь мою доказать! Ахъ, онъ лѣшій анаѳемскій! Что ни-на есть сквернецки выругаю! Да что тутъ! Просто два зуба вонъ и дѣлу конецъ!

Молодой человѣкъ засучиваетъ рукава пальто и бѣжитъ къ указанному мѣсту. Дѣвушка бросается за нимъ.

— Петя! Петинька! Брось! Ну что за радость въ часть попасть?—кричитъ она.

— Оскорбленіе женщины! Нѣтъ, это я такъ не оставлю!

Онъ останавливается за спиной старика, скрещиваетъ на груди руки и, поднявъ кверху голову, говоритъ:

— А позвольте васъ спросить, господинъ дерзкій нахалъ, по какому праву?...

Въ это время старичекъ оборачивается, взглядываетъ на молодаго человѣка и тотъ мгновенно превращается какъ бы въ соляной столпъ. Руки опустились какъ плети, огненный взглядъ превратился въ какой-то телячій....

— Ваше... ваше... ваше... превосходительство! Виноватъ, ваше....

Картина.

НА ПОЖАРѢ.

Вечеръ. Зарево пожара. Въ одной изъ улицъ Петербургской стороны загорѣлся домъ. На каланчѣ выкинули сигналы. Въ отдаленіи слышенъ стукъ ѣдущей во всю прыть пожарной команды. Народъ бѣжитъ по улицамъ. Нѣкоторые на ходу надѣваютъ на себя чуйки и полушубки. На пустопорожнемъ мѣстѣ за горящимъ домомъ стоитъ самая разношерстная толпа мужчинъ и женщинъ и любуется зрѣлищемъ. Разговоровъ и остротъ не оберешься.

— Вишь какъ садитъ! Ахъ, ты, Господи! А вѣдь этому сарайчику не устоять!

— Слизнетъ и его. Это вѣрно. Вонъ занимается. Даже и дымокъ пошелъ.

— Владычица! Вотъ страсти-то!—шепчетъ какая-то женщина.—А что, не слыхали отъ чего загорѣлось?

— Отъ огня.

— Дуракъ!

— Отъ трубки, бабушка, отъ трубки. На сѣновалѣ огонь показался.

— Ври больше! Отъ самовара, сказываютъ. Кухарка начала ставить самоваръ. а тутъ солдатъ пришелъ! И кухарка-то такая ледащая, отъ земли не видать! Только одинъ мелочной лавочникъ на нее и льстился,—говоритъ чиновникъ въ халатѣ.—А! Иванъ Иванычъ! И вы здѣсь?

— Да вѣдь нельзя-же, помилуйте! Всю улицу освѣтило! Мы уже хотѣли спать ложиться. Я водку на ночь пилъ, да только, знаете, хотѣлъ бараночкой закусить—вдругъ бѣжитъ теща: «батюшки, горимъ!» Уменя и ноги подкосились. Смотримъ, однако,—далеко. Анна Ниловна здорова-ли?

— Съ сынкомъ возится. Зубки у него идутъ. А мы въ сту-

колку по малости играли.... Все канитель шла.... Пятнадцать, восьмнадцать копѣекъ.... потомъ пошли ремизъ за ремизомъ. Распоповъ поставилъ рубль двадцать.... я въ первой рукѣ съ тузомъ стукнулъ. Радъ. Вдругъ кричатъ: «пожаръ!», Ну, разумѣется, Распоповъ сейчасъ схватилъ деньги и драло! Такая досада! Двѣ взятки-бы взялъ. Теперь ни за что не отдастъ.

— Смотрите, смотрите, какъ интересно мезонинъ занимается! — восклицаетъ взрослый гимназистъ. — Сейчасъ стекла лопаться начнутъ. И ничего не вынесено, говорятъ. Вотъ ежелибы теперь вытаскивать, такъ еще можно спасти. Пойдемте, Григорій Павлычъ, хоть что-нибудь вытащимъ.

— Ну, тебя! Еще притянутъ! Стой здѣсь... Вѣдь хорошо стоять, такъ и стой!

Отъ пожарища прибѣгаетъ нагольный тулупъ.

— А знатно садитъ! Ей Богу!—говоритъ онъ, отряхиваясь.— Теперь три части пріѣхали. И давно-бы ужъ покончили, да воду качать некому. Меня какъ есть всего облили. Даже за шиворотъ попало! Нѣтъ! интересно тамъ, братцы, кошка.... Вотъ потѣха-то!

— Ну, а брантъ-маіоръ тамъ?

— Тамъ. Съ нимъ офицеры какіе-то въ высокихъ сапогахъ прогуливаются. Я черезъ дворъ перебѣжалъ... Мочи нѣтъ... даже волосы скручиваются—вотъ какъ жарко!

— Ну вотъ, Прасковья Дмитріевна, я вамъ разсказывала насчетъ таракановъ-то, а вы не вѣрили... Моя правда вышла,— разговариваютъ двѣ старухи.—Ужъ какъ тараканы изъ дома пойдутъ—непремѣнно къ пожару!

— Да вѣдь у васъ не горитъ. Вы совсѣмъ въ другой улицѣ живете.

— Это все равно. А только тварь всякая, она не въ примѣръ больше человѣка чувствуетъ. Была, знаете, у насъ собака старая, Валетка... Позвольте... Въ которомъ году Климъ-то Климычъ окривѣлъ?..

— Это дѣйствительно. Вчерась всю ночь собаки выли...— откликается кто то.

— Братцы! Да что-жъ вы стоите-то такъ зря! Шли-бы покачали воду-то!—обращается къ мастеровымъ какой-то усачь въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ.—Тамъ, говорятъ, въ народѣ недостатокъ...

Мастеровыя пятятся.

— Ничего. Сейчасъ солдатъ пригонятъ и все будетъ чудесно!—отвѣчаютъ они.

— Эдакіе вы безчувственные!

— А ты самъ сунься, коли тебѣ слободно!

— Что? Ахъ вы мерзавцы! Вотъ полюбуйтесь, господа, до чего нынче народъ распущенъ сталъ! Грубить, ракаліи, смѣютъ. Да ты кто такой? Кто ты такой, я тебя спрашиваю? А?

— Ну! дѣло до драки дойдетъ!

— Самъ идетъ! Самъ идетъ!—раздается гдѣ-то возгласъ.

Нѣсколько лицъ снимаютъ шапки. Дѣлается движ еніе. Кто то падаетъ въ лужу.

— Гдѣ? Гдѣ?—слышится возгласъ.

— Да вотъ! Нешто онъ не самъ идетъ!—говоритъ шутникъ и указываетъ на подходящаго къ толпѣ купца въ сизой мучной сибиркѣ.

— Чудакъ! А мы думали...

Купецъ подходитъ къ толпѣ, подбоченивается и передвигаетъ картузъ со лба на затылокъ.

— Вишь ты какъ садитъ!—бормочетъ онъ.—Ну теперь большую силу забралъ. Строеньевъ пятокъ скоситъ! Смотри! Смотри, какимъ снопомъ пламя-то выкинуло! Это безпримѣнно священная книга или икона горитъ!

— Коли ежели отъ молоньи загорѣлось, такъ парнымъ молокомъ тушить слѣдуетъ. Вы, Ардальонъ Иванычъ, изъ лабаза-то не вытаскиваетесь?

— Нѣтъ, у меня застраховано. Вонъ у Трифона сейчасъ кабакъ занялся, такъ тамъ вытаскиваютъ. Только разумѣется, выпьютъ все.

— Кабакъ? Ахъ ты, господи! Это угловой-то? Не можетъ быть? Скажи на милость! Братцы, кабакъ загорѣлся! — идетъ говоръ.

Въ средѣ мастеровыхъ дѣлается движеніе. Нѣсколько чуекъ подбираютъ полы и бѣгутъ къ мѣсту пожара. За чуйками, подмигнувъ другъ другу, плетутся туда-же и два чиновника въ халатахъ.

Ледоходъ.

Ледоходъ на Невѣ. На Николаевскомъ мосту у перилъ столпилась публика и смотритъ, какъ налетѣвшія на каменные быки моста грамадныя льдины дробятся на мелкіе куски и исчезаютъ въ пролетѣ. На Богъ вѣсть откуда принесенныхъ льдинахъ виднѣется то полѣно, то стоптанный башмакъ, то обручъ отъ бочки. Публика окаждой вещи даетъ свое заключеніе; происходятъ даже споры. Вотъ проплыла застывшая собачка.

— Эхъ, собачка-то хорошая! Одна шкура пятіалтынный стоитъ,—говоритъ кто-то.

— Думала-ли она когда-нибудь ..

— Ну, ужъ и хорошая! Просто енотъ, что лаетъ у воротъ! Надо полагать, волки зарѣзали... Эки льдинищи громадныя!

— Громадныя! Нѣтъ, ты посмотрѣлъ-бы въ нашихъ мѣстахъ. Вотъ льдины, такъ льдины!

— А вы какіе будете?

— Новгородскіе, съ Волхова. Соснинку знаешь? Такъ восемь верстъ оттелева. У насъ повзапрошлый годъ, такъ одна льдина трехъ бабъ несла. Что визгу-то было! Страсть! Спасали...

— Ну, и эта льдина трехъ бабъ выдержитъ!

— Надо прежде всего знать, какія бабы! Нешто у насъ такія бабы, какъ здѣсь? Здѣшнія одно слово—мразь. А у насъ баба крупная, мягкая... Нашу бабу, ежели на вѣсы прикинуть—любая семь пудовъ вытянетъ!

Въ разговоръ вмѣшивается лакей съ шляпной кардонкой въ рукахъ и въ деньщицкой фуражкѣ.

— Видали мы этихъ самыхъ новгородскихъ-то бабъ!—говоритъ онъ.—Много ихъ вонъ у Никольскаго рынка стоитъ. Ничего онѣ изъ себя не составляютъ.

— Нѣтъ, это вы оставьте! Наша баба на любаго мужика выдетъ.

— А запречъ-бы ее въ нашу работу, такъ посмотрѣлъ-бы я...

— Вы по какой части?

— Въ прислуженiи состоимъ.

— У нѣмца?

— Нѣтъ, у русскаго, только семерыхъ нѣмцевъ стоитъ. Покоя нѣтъ! Въ семь часовъ встань, вычисти три пары сапоговъ, поставь самоваръ, убери комнаты, а кормитъ щами—ложкой ударь пузырь не вскочитъ! Лошадиная работа! Вамъ голенищи выростковыя не надо-ли?

— Нѣтъ, мы по малярной части.

— Купца Бородулина изъ-подъ Невскаго не знаете?

— Нѣтъ, а что?

— Такъ, ничего. Теперича днемъ: накрой столъ, набей папиросы, заправь лампы,—смучилъ совсѣмъ!

— Это Бородулинъ-то?

— Нѣтъ, я про своего дьявола. Давеча послалъ на Невскiй за шляпой... приду, ужъ навѣрно ругается!

— Да и не мудрено, любезный! Давеча я къ обѣднѣ шла, ты тутъ стоялъ; теперь отъ обѣдни иду, а ты все еще стоишь,— вставляетъ свое слово какая-то старушка.

— Вы чего вмѣшиваетесь? Вамъ-бы ужъ по вашей старости давно умирать пора!—огрызается лакей, и замѣтивъ молодую и румяную бабу въ синемъ кафтанѣ, подошедшую къ периламъ, тотчасъ подвигается къ ней.

— Эхъ, баба-то какая важная!—цѣдитъ сквозь зубы купецъ.

— Вамъ, умница, чего?—упираетъ руки въ боки маляръ и тоже подходитъ къ ней.—Вы не новгородскiя-ли будете?

Красивая баба обращаетъ всеобщее вниманiе. Стоящiй около нея солдатъ крутитъ усъ и начинаетъ поводить бровями. Даже мальчишка изъ мясной лавки, съ корзинкой на головѣ, и тотъ, засунувъ себѣ палецъ въ ротъ, какъ-то глупо улыбается. Баба держитъ въ рукахъ записку и проситъ ее прочитать. Записку эту тотчасъ-же вырываетъ у нея лакей, вертитъ въ рукахъ, смотритъ въ нее и объявляетъ, что онъ неграмотный. Смѣхъ.

— Давай сюда! Разберемъ,—говоритъ маляръ, беретъ записку, долго шевелитъ губами, что-то складывая про себя, и тотчасъ-

же отдаетъ ее обратно, прибавивъ:—По печатному-то мы ничего, а вотъ по писаному-то плохо... Да вотъ купецъ разберетъ! Записка попадаетъ къ купцу. Тотъ прежде всего для чего-то нюхаетъ ее; потомъ оборачиваетъ, смотритъ на свѣтъ.

— Вотъ что, чудесная!—отвѣчаетъ онъ.—Безъ очковъ-то я не очень... Были-бы очки, прочелъ... Пойдемъ со мной, по дорогѣ прочтутъ.

— Зачѣмъ по дорогѣ?.. Вонъ мальченка прочтетъ! Паренекъ, прочти!

— Давайте я прочту! Я всякую книгу разбираю!—раздается возгласъ.

Но записка уже у мальчишки. Сзади заглядываютъ въ записку десятокъ головъ.

— «У Покрова, у купцовъ, спросить Силантія»...—читаетъ онъ, но вдругъ роняетъ съ головы корзинку, разсыпавъ лежавшую въ ней говядину, какіе-то свертки, брусокъ мыла и бутылку съ масломъ. Бутылка разбивается въ дребезги.

Дѣлается суматоха. Баба бѣжитъ. Народъ слѣдуетъ за ней. Со всѣхъ сторонъ слышатся предложенія проводить ее. Только одинъ солдат молчитъ и взглядываетъ на бабу.

— Пойдемъ къ Покрову! Тамъ у меня братъ въ слесаряхъ живетъ!—зоветъ маляръ.

— Давай я тебя доведу! Мнѣ какъ разъ до Большаго театра!—кричитъ лакей.

— Умница! Садись въ пролетку! Я тебя къ самому мѣсту предоставлю—восклицаетъ купецъ.

— Не слушай его! Заведетъ! Ахъ, ты старый грѣшникъ! Туда-же еще сѣдую бороду отростилъ!

Дѣлается перебранка. Провожатые останавливаются и машутъ руками. Образуется толпа. Къ толпѣ бѣжитъ городовой. А между тѣмъ, вдали по другой сторонѣ моста статно выступаетъ красивая баба, камень раздора толпы, и самымъ уже любезнымъ образомъ разговариваетъ съ провожающимъ ее солдатомъ.

НА ИМЯНИНАХЪ.

Купецъ Иванъ Панкратьевичъ Настегинъ — имянинникъ, вслѣдствіе чего, по выраженію жены, съ утра уже ходитъ въ какомъ-то хмѣльномъ обалдѣніи. Вечеръ. Собираются гости. Въ прихожей раздаются звонки за звонками. Самъ имянинникъ суетится въ прихожей. Слышенъ кашель, плевки и возгласъ «съ ангеломъ». Лавочные мальчишки протаскиваютъ черезъ залу гостиныя приношенія въ видѣ сладкихъ пироговъ и кренделей и складываютъ все это въ спальной. Въ залѣ въ углу уже накрыта закуска. Гости входятъ, крестятся на висящій въ углу образъ и тотчасъ же привлекаются хозяиномъ къ закускѣ. Мужчины глотаютъ, не отказываясь, что попало; дамы жеманятся и пьютъ только сладенькое; дѣвицы, здороваясь другъ съ другомъ, цѣлуются такъ звонко, что будь тутъ извозчичья лошадь, она навѣрное приняла-бы эти поцѣлуи за понуканіе и тронулась бы съ мѣста. Ломберный столъ давно уже раскрытъ. Хозяинъ усаживаетъ мужчинъ сразиться въ стуколку, дамы отправляются съ хозяйкой въ спальню, дѣвицы, взявшись подъ руки, мотаются изъ угла въ уголъ по залѣ.

У играющихъ за ломбернымъ столомъ начинаются разговоры.

— Вы, купецъ изъ лоскутнаго ряда, что скажете?

— Въ кусты.

— А вы, мусорное очищеніе?

— Мы стукнемъ, потому у насъ все, кромѣ осетра и стерляди!

— Эй, господинъ подрядчикъ, не радуйся первому кону! Какъ-бы дышломъ въ затылокъ не заѣхали! Ну, гдѣ наше не пропадало. Попробуемъ въ разрѣзъ купить.

— Не посрамитесь на счетъ посрамленія-то! У насъ тоже карты супротивъ ледохода выдержатъ! Ходу!

— А вотъ марьяжной карточкой пройдемъ. Ну-ко: valись комаръ и муха!

— Купцомъ Овсянниковымъ прикроемъ.

— Не выгоритъ. Пиши письмо къ родителямъ, потому у насъ только и живота что тузъ. Хлопъ его! Не ходи одинъ, а ходи съ провожатой.

— А здѣсь мать Митрофанія съ девяткой въ петличкѣ. Умыли купца! Ставь, ставь, Петенька, ремизъ-то, не стыдись!

Дѣвицъ занимаетъ совсѣмъ другое.

— У васъ, Аниныка, въ Ямской нынче постоя не было? — спрашиваетъ хозяйскую дочь розовенькая гостья въ розовенькомъ платьѣ.

— Нѣтъ, душечка, нѣтъ. Такая досада! Развѣ передъ майскимъ парадомъ, что Богъ пошлетъ, а то изъ военной націи только однихъ городовыхъ и видимъ. Вчера, впрочемъ, мимо оконъ казакъ съ книгой проѣхалъ. Въ Маріи Египетскія у Ивановыхъ были на имянинахъ, такъ тамъ были два телеграфиста, да развѣ это настоящіе военные? Они и деликатнаго обращенія-то не понимаютъ.

— Берейтора насчетъ деликатности хороши. Совсѣмъ за офицера отвѣчать могутъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Машенька, не говорите! Совсѣмъ ужь не то! Развѣ берейторъ напишетъ вамъ такое письмо, какое мнѣ одинъ офицеръ написалъ?

— Ахъ, Аня, Аня, покажи скорѣй! Гдѣ оно?

— Ни за что на свѣтѣ. Я его храню какъ-бы на днѣ моря. Во-первыхъ, оно у меня отъ маменьки въ старомъ чулкѣ спрятано, чулокъ въ альбомѣ, альбомъ въ коробкѣ, а коробка въ нижнемъ ящикѣ комода. Да я его и наизустъ помню. Начинается такъ: «земной купидонъ, окрыленный ореоломъ безумной любви, Анета!», а въ концѣ стихи:

«Лишь только солнце закатится,
Какъ я пойду въ рѣку топиться,
А что съ тобой можетъ случиться
Мнѣ тамъ, коварная, приснится!».

— Аничка, Аничка! разскажи, что-же въ серединѣ-то письма было? — пристаютъ къ дѣвушкѣ подруги.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Тамъ были самыя ужасныя любовныя слова!

— Голубушка, хоть на ушко шепни, вѣдь ты меня своимъ другомъ считаешь!

Дѣвушку окружаютъ и цѣлуютъ.

Теперь дамы... Дамы въ спальной больше молчатъ, пьютъ кіевскую наливку, дремлютъ, но по временамъ щупаютъ другъ на другѣ платья и спрашиваютъ «почемъ покупали?».

— А что, бываетъ-ли градъ съ гусиное яйцо?—задаетъ кто-то вопросъ. — Въ древности это случалось въ видѣ насланія за грѣхи....

— Не думаю. Съ куриное бываетъ, а про гусиное не слыхать. Да вѣдь сейчасъ-бы и въ вѣдомостяхъ написали.

Молчаніе. Кто-то икаетъ и креститъ ротъ.

— Тоже ужъ это и вѣдомости ноничe — начинаетъ полная дама съ десяткомъ колецъ на пальцахъ.—Такъ хлещатъ, такъ хлещатъ народъ, что бѣда! Слышали вы, какъ Герасима-то Степаныча отщелкали въ этихъ вѣдомостяхъ?

— Нѣтъ, не слыхали. А что?

— Вдругъ пишутъ, что у него волчій зубъ во рту, что будто онъ своей женѣ ухо оторвалъ и что у него вмѣсто бороды перья..

— Ахъ, Боже мой! Вотъ срамъ-то! Неужто такъ и сказано: у Герасима Степаныча перья?... И фамилія выставлена?

— Нѣтъ, фамилія-то, говорятъ, не выставлена, только онъ сейчасъ догадался; потому пропечатано, что это тотъ самый купецъ, котораго въ рынкѣ скипидаромъ дразнятъ. Тоже и про Марьи Дмитріевны свекровь...

— Ну, ту-то стоитъ. Та сама ягода. Покойникъ Николай Тихонычъ изъ-за нея семь лѣтъ безъ просыпу пилъ, да такъ въ пьяномъ видѣ и Богу душу отдалъ.

— Что-же, голубушка, про нее сказано-то, разскажите....

— Вѣдьмой названа.

— Чудесно! Чудесно! Вотъ за эту штуку, кажется, расцѣловала-бы этого писаку! Вѣдь вы не знаете, что это за дрянь такая! Наклонитесь-ка, что я вамъ про нее и про ихъ кучера разскажу....

Начинается шопотъ. Дама передаетъ другой дамѣ. Всѣ качаютъ головами.

— Неужели?—раздаются сдержанные возгласы.

— Съ мѣста не сойдти, родная! —подтверждаетъ разказчица.

Вдругъ въ столовой раздается крикъ: «батюшки! Что это я хватилъ! Ахъ, ты, Господи! Жжетъ! Жжетъ!». Всѣ бросаются на крикъ. Мужчины тоже встаютъ изъ-за картъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — слышны со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Ничего, ничего! Это такъ, — успокоиваетъ хозяйка. — Нашъ молодецъ Иванъ прокрался въ столовую, схватилъ съ окна бутылку да и ну пить изъ горла. Думалъ водка, а въ бутылкѣ-то былъ керосинъ.

— Такъ что-же, дайте ему скорѣй молока.

— Не безпокойтесь, пройдетъ! Это съ нимъ уже не первый разъ.

Дѣлается легкая суматоха.

ВЪ ДЕНЬ ПРЕПОЛОВЕНІЯ ВЪ КРѢПОСТИ.

День Преполовенія. На Петербургской сторонѣ праздникъ. Отошли обѣдни, кончился крестный ходъ по стѣнамъ Петропавловской крѣпости, а народъ все еще не расходится по домамъ, бродитъ по двору, прогуливается около бастіоновъ, читаетъ надписи, перевираетъ историческія событія, возобновляя ихъ въ памяти. Красавицы Петербургской стороны всѣ въ сборѣ, мѣстные франты всѣ на лицо. Много и пришлаго народа. Гдѣ народъ, тамъ и торговля. Разносчики предлагаютъ съ лотковъ сласти и самые разнообразные мелкіе товары, начиная съ тростей и гутаперчевыхъ хлыстовъ и кончая душистымъ мыломъ и гребенками. Орѣхи и подсолнечныя зерна истребляются въ неимовѣрномъ количествѣ. Тутъ-же и татары-торговцы съ набивными ситцевыми платками, шарфами и цвѣтными чулками. Въ числѣ публики есть и пришедшіе изъ далека цѣлыми семействами.

Вотъ отставной ундеръ съ нашивками на рукавѣ и съ краснымъ коленкоровымъ зонтикомъ въ рукахъ, вотъ его жена—разбитная баба съ ребенкомъ, свояченица—молоденькая дѣвушка, не то горничная, не то мастеричка изъ магазина, и ея женихъ—мастеровой изъ чистяковъ: сюртукъ новенькій, фуражка съ заломомъ и глянцевымъ козыремъ, цвѣтная жилетка «травками» и серебряная цѣпочка поверхъ жилетки. Женщины останавливаются около разносчика и начинаютъ покупать апельсины. Къ нимъ подскакиваетъ женихъ.

— Позвольте Варвара Андреяновна!—восклицаетъ онъ.—Прежде всего надо узнать, чьей фабрики эти самые апельсины, а то сейчасъ надуютъ. Я вамъ выберу.

Мастеровой начинаетъ щупать апельсины.

— Да полно тебѣ мять,—останавливаетъ его разносчикъ.— Апельсины у насъ первый сортъ, елисѣевскаго завода.

— Врешь, врешь! Вотъ это елисѣевскіе, а это чортъ знаетъ чьи. Вы тоже ловкачи! Берите, Варвара Андреяновна, это корольки будутъ.

Съ ундеръ-офицерскимъ семействомъ встрѣчаются еще двѣ женщины и издали машутъ платками.

— Смотрите, смотрите, сама городовиха съ писарьшей!— шепчетъ ундеръ-офицерша.—Ахъ, язвы! Вотъ рожи-то клюквой накрасили! Матрена Митревна здраствуйте! Какими судьбами?

— Съ той стороны. Мы кругомъ черезъ Николаевскій мостъ. Вѣрите, смучились даже. Третьяго дня на Волковомъ, вчера на парадѣ солдатовъ смотрѣли, сегодня сюда. Побоялись ужъ черезъ перевозъ-то. Говорятъ, грѣхъ по сухопутію-то: ужъ коли сказано переполовеніе, такъ черезъ воду и переполовляться слѣдуетъ, а мы на мостъ. Ну, да Богъ проститъ. Вотъ придумываемъ знакомыхъ на Петербургской, хотимъ въ гости зайдти.

— Толкнитесь въ московскія казармы. Вѣдь Петръ Сидорычъ-то, кажется, тамъ прежде служилъ.

— Ну, вотъ! Пойдемъ мы въ гости къ солдатамъ! Мы теперь совсѣмъ на другой ногѣ,—отвѣчаетъ городовиха и крутитъ головой въ голубой шляпкѣ.—Вы знаете, мой мужъ даже на линіи околоточнаго состоитъ, такъ нужно-же намъ себя соблюдать!

— Ну вахтеру Бонбаренкѣ въ корпусъ.

— Мы въ ссорѣ. Петръ Сидорычъ по своему благородству на Пасхѣ съ нимъ изъ-за картъ подрался.

— Къ Василисѣ Ивановнѣ.

— Скажите! Пойду я ко всякой дряни! Вы объ насъ совсѣмъ не тотъ сюжетъ понимаете. У Василисы Ивановны и щи-то деревянными ложками хлѣбаютъ. У насъ на Петербургской и штатскіе чиновники знакомые есть, да мы и супротивъ ихъ себя соблюдаемъ. Наша компанія теперь—офицеры. Вы знаете, нашему приставу я даже кумой прихожусь. Прощайте! Мы теперь догоняемъ одну нашу знакомую докторшу.

— Заходите къ намъ, Матрена Митревна.

— Некогда, голубушка. Я теперь, какъ слободное время, все стихи въ книжкѣ читаю. Прощайте.

Городовиха и ундерша расходятся и смотрятъ другъ другу въ слѣдъ.

— Дрянь эдакая!—шепчетъ себѣ подъ носъ ундерша.

— Мерзавка!—восклицаетъ городовиха.

А вотъ и два юные чиновника, завитые бараномъ. Одинъ въ длиннополомъ пальто, другой въ натертомъ мокрой тряпкой цилиндрѣ и въ сѣрыхъ брюкахъ со штрипками. У одного галстухъ небеснаго цвѣта, у другаго—ярко-огненный.

— Гриша, обернись назадъ. Смотритъ Вѣра Павловна мнѣ въ затылокъ?—говоритъ небесный цвѣтъ.

— Смотритъ и улыбается,—отвѣчаетъ ярко-огненный.

— На пальто любуется?

— На него.

— Ну, пусть ее страдаетъ, а мы не будемъ обращать вниманія. Такъ-то съ дѣвицами лучше.

— Счастливецъ ты, Вася! Ей Богу счастливецъ! И какое благородство чувствъ это длинное пальто придаетъ. Всякій человѣкъ въ немъ на барона смахиваетъ. Бьюсь, бьюсь, не могу сшить. Шутка—тридцать пять рублей! Думаю ужъ дружественную лотерею розыграть.

— Что-жъ ты разыгрывать-то будешь при своей наготѣ?

— Чижа ученаго, дяденькину табакерку съ музыкой и бисерный кисетъ, что мнѣ Надежда Евграфовна подарила. Потомъ у казначея красненькую впередъ возьму. Есть у меня двѣ пары голенищъ и ручка отъ зонтика для татарина. Вотъ тебѣ и пальто! У насъ въ департаментѣ лотереи любятъ.

— Да, братъ, длиннополое пальто важная вещь. Въ радоницу на Смоленскомъ я черезъ него съ купеческой вдовой познакомился, у балагановъ на Пасхѣ одна полковницкая дочка отъ меня чуть съ ума не сошла, теперь Вѣра Павловна страдаетъ да еще въ Лѣтнемъ саду буду сердца покорять!

— Ахъ, какая прелесть у тебя это пальто! Вѣришь, у меня даже слюна бьетъ!—умиляется товарищъ.

— Я вотъ хочу еще калоши съ машинками себѣ завести.

— Что ты, калоши съ машинками тебѣ совсѣмъ не къ лицу!

— Дуракъ!

— Отъ дурака слышу!

Начинается перебранка.

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ НѢМЕЦКОМЪ КЛУБѢ.

Воскресенье. Нѣмецкій клубъ. Танцовальный вечеръ въ полномъ разгарѣ. Оркестръ играетъ польку. Дирижеръ Вухерпфенигъ раскланивается съ эстрады съ знакомыми и совсѣмъ не въ тактъ помахиваетъ смычкомъ. Музыканты не смотрятъ на него: «дескать, пусть его балуется». По залѣ носятся танцующія пары и поднимаютъ пыль. Всѣ танцуютъ такъ усердно, какъ будтобы имъ за это платятъ огромное жалованье. Перчатокъ нѣтъ и въ поминѣ. Вотъ длинноволосый блондинъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, только-что оставилъ свою даму и тяжело дышетъ, отирая свое чело платкомъ.

— Съ девятью дамами отмахалъ, не останавливаясь,—говоритъ онъ товарищу.—Хочу ужъ до дюжины добить.

— Да изъ чего ты хлопочешь-то?

— Отъ лихорадки лѣчусь. Ни хининъ, ничто не помогаетъ, такъ думаю танцами...

— Коли такъ, такъ попроси вонъ ту толстую брюнетку. Она одна тебя взмылитъ. Что твоя ступа! Ужъ я давеча возилъ-возилъ ее по залѣ, инда смучился. Хочу оставить, а она говоритъ: «еще». Какъ бульдогъ вцѣпилась въ меня.

— Что-жъ, это я сейчасъ...

И блондинъ, еле переводя духъ, бѣжитъ къ полной дамѣ.

Кадриль. Всѣ мастерскія модныхъ магазиновъ имѣютъ тутъ своихъ представительницъ. Вотъ пара: молоденькая, но довольно уже полинявшая дѣвушка, въ кокетливо-шитомъ шерстяномъ платьицѣ, и красивый брюнетъ съ усиками и въ пиджакѣ.

— Вы по какой части?—спрашиваетъ она кавалера.

— Въ разныхъ департаментахъ служу.

— А я думала, что вы здѣшній клубскій актеръ. У васъ такое лицо актерское.

— Вотъ это мнѣ совсѣмъ въ контру. А меня въ прошломъ году все за часовыхъ дѣлъ мастера принимали.

— Здѣсь, говорятъ, даже и трубочисты есть, только ихъ признать трудно. Скажите, пожалуйста, вы въ самомъ дѣлѣ чиновникъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, это я въ шутку. Я изъ Перинной линіи, только чувства у меня совсѣмъ военныя. Вотъ и номеръ нашей лавки. Загляните, когда мимо проходить будите. Берите больше, не стыдитесь, у меня цѣлая сотня этихъ адресовъ, — говоритъ кавалеръ и достаетъ изъ кармана пачку карточекъ. — Берите десятокъ.

— Да куда ихъ мнѣ?

— Знакомымъ раздадите. Мы, знаете, изъ процентовъ у хозяина служимъ, такъ чѣмъ больше нашей лавки публичности, тѣмъ для нашего брата лучше. Вы вѣдь модистка? Не отнѣкивайтесь, не отнѣкивайтесь, по облику сейчасъ вижу! Такъ вотъ какъ придете въ господскій домъ съ заказомъ, сейчасъ и заткните нашу карточку за зеркаломъ. Тутъ всѣ товары обозначены.

— Ну вотъ еще, стану я такіе фокусы дѣлать!

— Я васъ апельсиномъ за это угощу и мороженымъ попотчую. Намъ начинать шестую фигуру, — спохватывается онъ. — Давайте галопомъ! Смотрите, какъ я своего визави локтемъ въ спину двину!

Пара обхватываетъ другъ друга и несется.

Въ буфетѣ встрѣчаются двое.

— Что больно веселъ? Въ мушку кому полушубокъ начистилъ, что-ли?

— Нѣтъ, на бильярдѣ купца выпотрошилъ.

— Здѣшній купецъ-то?

— Нѣтъ, съ воли.

— Великъ-ли потроха-то?

— Одна румяная, двѣ канареечныхъ, да синенькая.

— Вишь собака! Семнадцать рублей укосилъ. Потчуй.

— Что-жъ, это можно. Чего заковырнемъ-то?

— Сначала горностаю по баночкѣ, а потомъ пивнымъ лакомъ покроемъ. Господинъ буфетчикъ, дѣйствуйте намъ по рюмочкѣ!

Пріятели подходятъ къ буфету.

ВРЕДЪ И ПОЛЬЗА КОННОЖЕЛѢЗКИ.

Полный вагонъ конно-желѣзной дороги на всемъ ходу. Публика самая разнообразная: мрачныя, улыбающіяся, пытливыя и безсмысленныя мужскія и женскія лица — все перемѣшалось. Вотъ пѣхотный офицеръ, сидящій передъ полной и красивой дамой, старается принять воинственный видъ. Онъ крутитъ усъ и хмуритъ брови. Вотъ дѣвушка, помѣстившаяся противъ молодаго чиновника съ портфелемъ, то-и-дѣло закатываетъ глазки подъ лобъ и складываетъ губы сердечкомъ. Какой-то жирный купецъ въ упоръ смотритъ на бабу въ синемъ кафтанѣ, какъ быкъ на мчащійся поѣздъ желѣзной дороги, и тщательно разсматриваетъ ея лицо, рисунокъ ситцеваго платка и даже старается проникнуть взоромъ въ имѣющійся въ ея рукахъ узелъ. Нѣкоторые начинаютъ заговаривать.

— А ничего эта самая конно-желѣзка изъ себя не составляетъ, только деньгамъ изводъ, — говоритъ тощая сибирка, у которой длинная шея до того перетянута платкомъ, что даже лицо налилось кровью. — Теперича шелъ-бы пѣшкомъ, а тутъ на пятакъ разоряйся — потому соблазнъ! А извозчики-то какъ плачутся, — Боже упаси!

— Нѣтъ, этого вы не говорите, за господина Губонина съ Башмаковымъ завсегда можно трехъ-копѣечную свѣчку поставить, — откликается пожилая женщина. — Во-первыхъ, проѣздъ, а во-вторыхъ, польза, потому народъ другъ съ другомъ знакомится. Нѣкоторые даже судьбу свою кончаютъ. Вонъ у меня на квартирѣ чиновникъ изъ поштама стоялъ, такъ тотъ въ вагонѣ познакомился съ одной дамой, въ вагонѣ о придачномъ узналъ, въ вагонѣ посватался...

— И въ вагонѣ женился? — перебиваетъ кто-то.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь. Они вмѣстѣ ѣздили. Сначала онъ

подъ нее коварныя улыбки подводилъ, а она все вздыхала, потомъ узналъ, что у нея отъ перваго мужа перина и два самовара остались, потомъ донюхался до двухъ пятипроцентныхъ билетовъ съ выигрышами, а она тонко замѣтила, что у нея и енотовая шуба цѣла, потомъ пошелъ онъ ее проводить до квартиры да тамъ и остался навсегда... Теперича возьмите какая дешевизна: пять копѣекъ и полгорода ѣдешь!

— Зато сапожникамъ плохо,—настаиваетъ все та-же тощая сибирка.—Теперь возьмите то: кто прежде шестеро подметокъ подъ сапоги подкидывалъ, теперича подкидываетъ трое, потому все на ѣздѣ.

— Это-то и хорошо. Тутъ люди счастіе выуживаютъ. Жила у меня дѣвушка изъ акушерокъ, въ отрепанномъ салопишкѣ бѣгала, а теперь въ коляскѣ ѣздитъ, а все въ вагонѣ съ старичкомъ познакомилась. И ему отрадно на старости и ей тепло и не дуетъ. Тутъ есть люди, которые совсѣмъ не спроста ѣздятъ, а высматриваютъ.

— Такъ вѣдь это мораль!—горячится сибирка.—А морали-то мы много наберемъ. Теперича кондуктора... Съ моимъ кумомъ даже была оказія. Состоятъ они при супругѣ, а сами подрядами занимаются, ну и все больше по трактирамъ... Супруга—кровь съ молокомъ. Проѣхали онѣ разъ по желѣзной дорогѣ и упали на грудь кондуктора, который ихъ съ мѣста снималъ. Это суприжница-то... Чудесно! Понравилось это самое паденіе, потому, кондукторъ мужчина молодой и статный, и что-жъ вы думаете? Каждый день начали ѣздить разъ по десяти и все ему на грудь падать. Нѣтъ, каково! Потомъ часы ему подарили, а тутъ вотъ около Благовѣщенья и совсѣмъ отъ мужа сбѣжали. Ну гдѣ-же тутъ польза отъ этой конно-желѣзки, спрашивается?

— Ну, нѣтъ, все-таки!.. Вы возьмите, какое общество. Къ примѣру я простая женщина, а часто рядомъ съ генераломъ сижу, а супротивъ меня какой-нибудь графъ помѣщается. Мало вамъ этого?

— Это все ничего-съ, мы и супротивъ одного архіерея за обѣдомъ на похоронахъ сидѣли, а все-таки ничего не говоримъ! А для извозчиковъ, будемъ такъ говорить, рано-ли, поздно-ли—могила! То-ли дѣло на линеечкѣ! Качаетъ это тебя словно въ люлькѣ, ѣдешь мимо трактира, остановился и зашелъ выпить.

А вагонъ-то какъ остановишь? Смотришь—пятакъ и пропалъ! А для пьяненькаго? Ну какъ ты пьяненькій сядешь? Тутъ и трезвый-то не всякій вскочитъ! А теперича затылочное разбитіе, рукъ и ногъ извихляніе! Ну, а это? Хотите парей держать, что сейчасъ этотъ самый вагонъ съ рельсовъ сойдетъ? А ужъ извозчикъ-то съ рельсовъ не сойдетъ! Нѣтъ! Однако, что-жъ это я? Симеоновскій переулокъ уже... Прощенья просимъ, господа!

Сибирка подымается съ мѣста и начинаетъ выходить.

— Землякъ,—послушайте! Вы по какой части?—окликаетъ его до-сихъ-поръ молчавшій купецъ.

— Мы-то? Мы извозомъ занимаемся, восемнадцать легковыхъ закладокъ держимъ,—отвѣчаетъ сибирка и юркаетъ къ выходу.

ВЪ ЕКАТЕРИНГОФѢ.

Въ первое мая гулянье въ Екатерингофѣ. Длинной вереницей тянутся экипажи по аллеямъ Екатерингофа. Убожество и роскошь перемѣшались. Вотъ похоронная карета съ заколоченной гвоздемъ дверцей и ободраннымъ нутромъ, биткомъ набитая ребятишками незначительной чиновной птахи; вотъ и роскошная коляска, служащая подводой восьми пудовому калашниковскому купцу съ супругой. Вотъ такъ называемая купеческая тележка «вылѣзающаго въ люди» кулака мѣщанина; вотъ и яковлевская эгоистка купеческаго сына «изъ современныхъ». Крашеныя камеліи въ бархатныхъ тальмахъ и крашеныя камеліи въ брюновскихъ цилиндрахъ и шармерскихъ пальто-халатахъ. Гарцуютъ всадники, плетется плебсъ по дорожкамъ. Звучитъ бойкая французская рѣчь и звонко раздаются русскія ругательства.—не ругательства злобы, но ругательства восторга. Военные оркестры слились съ завываньемъ шарманокъ и пискомъ «петрушекъ». Орутъ «пѣсельники», а немного подальше, соблазнившись ихъ примѣромъ, затянули «собачку вѣрную» и звонкоголосыя капорки-пололщицы въ яркихъ росписныхъ платкахъ. Вокругъ бабъ толпа. Мастеровые и фабричные заигрываютъ съ ними, кидая въ нихъ орѣховую скорлупу.

На скамейкѣ пріютился молодой человѣкъ. Онъ сидитъ затылкомъ къ пѣшеходамъ и разсматриваетъ катающуюся публику. Къ нему подсаживается небритая личность въ холодненькомъ линючемъ пальтишкѣ. Отекъ лица, измятый цилиндръ на бекрень, пестрыя брюки съ бахрамой и въ пятнахъ, хриплый голосъ, развязныя манеры—вотъ вамъ его портретъ.

— Дозвольте, благородный милордъ, цигарочку закурить...—говоритъ онъ.—Мерси. Вы отодвигаетесь отъ меня? Напрасно. У меня тѣло грязно, но душа чиста. Одинъ мудрецъ въ одномъ

мѣстѣ сказалъ... Ну, да чортъ съ нимъ! Это вы на катающихся любуетесь? Отлично! Много поучительнаго, особливо кто вотъ праведное житіе знаетъ сихъ волкодавовъ...

Измятый цилиндръ подымаетъ руку и прямо указываетъ на проѣзжающаго въ коляскѣ купца съ купчихой.

— Вѣрьте совѣсти, что это торговое чрево и моими динаріями начинено,—продолжаетъ онъ.—Вы на меня смотрите, когда-то и я съ регаліей въ зубу въ трехъ колясках разъѣзжалъ, а теперь вотъ вмѣсто регаліи копѣечную сильву дубинозу курю. Пардонъ, что махоркой безпокою...

— Ничего, мнѣ очень пріятно,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

— Пріятно? Шарме. Честь имѣю представиться. Пьеръ изъ купеческихъ оболтусовъ! А на фамилію мою вамъ наплевать! Три каменные дома и четыре лавки съ лѣснымъ дворомъ на одномъ шампанскомъ пропоилъ. Всѣ сіи рысачники знаютъ меня чудесно, погуливали со мной и ни одна шельма не кланяется. Желаете для сокращенія времени, я вамъ и ихъ біографіи разскажу?

— Пожалуйста.

— Авекъ плезиръ. Вотъ эта шельма въ коляскѣ когда-то въ Красномъ Селѣ въ лагеряхъ фруктами торговалъ, а теперь два каменные дома имѣетъ. Пароль донеръ! Расторговался и сталъ молоденькихъ джентельменовъ деньгами ссужать. Сто рублей дастъ, на двѣсти росписку возьметъ, потомъ на векселекъ перепишетъ и такъ далѣе и далѣе—смотришь, радужная-то въ тысяче-рублевое достоинство и превратилась. А потомъ съ вексельком-то къ папенькѣ или къ бабушкѣ: «такъ молъ и такъ, а хотя мы и люди махонькіе, но все-таки вашего сродственничка и въ долговомъ покормить можемъ». Въ Сибири мѣста мало! Побывалъ у него въ когтяхъ и азъ многогрѣшный. А ужъ что онъ этихъ самыхъ купеческихъ оболтусовъ запуталъ,—про то лишь осетровскіе, да вьюшенскіе кабинеты знаютъ! Пардонъ! Вотъ еще экземплярчикъ!—Алхимикъ, доложу вамъ! Изъ мѣди золото дѣлалъ. Медіумъ даже можно сказать былъ, ибо вѣсъ золотаго браслета, напр., могъ увеличить до безконечности, единственно однимъ прикосновеніемъ собственныхъ перстовъ съ лекой примѣсью растопленнаго свинца. Алхимическая тайна его унесена въ могилу его безвременно погибшимъ приказчикомъ и теперь онъ спокоенъ. Пожалуйте, одно къ одному. Березова

бумажную фабрику знаете? Такъ это вотъ на стояломъ рысачкѣ—то его бывшій артельщикъ. Обдѣлалъ на лѣвую ногу и скромнешенько фабрику бумажныхъ картузовъ открылъ, да прикрываясь симъ ремесломъ, и давай по дисконтной дорожкѣ ходить! Десяточекъ векселишекъ мелкенькихъ учтетъ, смотришь—черезъ полгодика ихъ уже полтора десятка сдѣлается. Крупныхъ векселишекъ не бралъ, ростутъ плохо да и векселедатель объ нихъ хорошо помнитъ, а сторублевенькихъ да побольше, побольше! И ужь какой-же мастеръ насчетъ калиграфіи — бѣда! Усача въ коляскѣ видите? Военнымъ писарькомъ когда-то бѣгалъ, потомъ у нотаріуса служилъ, подтибрилъ векселишечковъ крупнаго домовладѣльца Сорокина, изъ копѣйки ихъ въ полтину обратилъ, домикъ купилъ каменный, сытъ по горло, а суньтесь теперь къ нему, такъ коли можно рубашку съ васъ снять, сниметъ!—Ну, надоѣлъ я вамъ! Пожалуй, и ассе! Прежде всего адье, а потомъ не одолжите-ли келькшозъ пуръ буаръ? Ей Богу холодно, да къ тому-же и ливрея-то моя вѣтромъ подбита.

Линючее пальто встаетъ съ мѣста и дѣлаетъ подъ козырекъ. Молодой человѣкъ даетъ ему гривенникъ.

У ГОРЪ.

Кишмя кишетъ народъ около масляничныхъ горъ и балагановъ на Марсовомъ полѣ. Всѣ слои публики слились во едино. Костюмы поражаютъ пестротой. Какой-то гулъ стоитъ въ воздухѣ отъ звука шарманокъ, гармоній, завываній трубныхъ оркестровъ, балаганной пальбы, говора и выкрика разносчиковъ; французская рѣчь гувернантки, сопровождающей разряженныхъ въ пухъ и прахъ дѣтей, перемѣшалась съ ласковой руганью мастероваго. Трещатъ орѣхи на зубахъ пригородныхъ румяныхъ красавицъ въ шугаяхъ и «пальтичкахъ», пріѣхавшихъ погулять подъ горами. Ласково летитъ имъ въ затылокъ орѣховая скорлупа, брошенная ловеласомъ въ новой чуйкѣ и въ картузѣ съ заломомъ. Мѣрно выступаетъ жирный купецъ въ енотѣ, надменно расхаживаетъ рослый ливрейный гайдукъ среди ма стероваго плебса. Пахнетъ угаромъ самоваровъ, махоркой.. Больше всего привлекаютъ къ себѣ «старики» балагуры на каруселяхъ; не мало сбираетъ около себя народа и живой медвѣдь, прогуливающійся на балконѣ звѣринца.

— А жалко вотъ этого звѣря мучить,—разсказываетъ нагольный тулупъ:—потому между ними зачастую и оборотни попадаются. У насъ въ деревнѣ одинъ мужикъ три года въ медвѣдяхъ жилъ подъ скрытіемъ.

— Это для чего-же?—задаетъ кто то вопросъ.

— А мать прокляла за непочтеніе. Ужъ послѣ и спохватилась, молебны начала пѣть, кутью по дорогѣ бросала—пичего не помогло, пока положенныхъ годовъ не выжилъ.

— Да ты не врешь?

— Спроси Митрофана плотника. Онъ ему шуринъ приходится.

Около балагана съ вывѣской «Американка огнеѣтка 10 лѣтъ и геркулеска» стоитъ купецъ съ ребятишками въ лисьихъ тулуп-

чикахъ. Ребятишки такъ и разинули рты, глядя на вывѣску, на которой изображена лежащая на воздухѣ женщина, чортъ, скелетъ и двѣ отрѣзанныя человѣчьи головы. Балаганщикъ зазываетъ публику.

— Пожалуйте, господа, сейчасъ начинается! Съ кого за кресло полтину, а съ ребятъ и солдатъ половину.

— Все-ли, какъ на вывѣскѣ обозначено, представлено будетъ? — спрашиваетъ купецъ.

— Все до капельки. Пожалуйте!

— И головы рѣзать будутъ?

— Отрѣжутъ въ лучшемъ видѣ.

— А ну-ко побожись.

— Зачѣмъ-же божиться, а только безъ обману. Пожалуйте, ваше степенство. Только вашу честь и дожидаемъ. Сейчасъ начинается.

— А игра будетъ настоящая, или только одни разговоры безъ дѣйствія?

Хорошая, самая нильская игра. Пожалуйте!

— Ну что-же, пострѣлята, хотите нильскую игру посмотрѣть?—спрашиваетъ купецъ ребятишекъ.

— Хотимъ, тятенька, хотимъ.

Купецъ распахиваетъ шубу, лѣзетъ въ карманъ за бумажникомъ и подходитъ къ кассѣ.

Тутъ-же у кассы и двое мастеровыхъ въ синихъ кафтанахъ поверхъ тулуповъ. Они уже взяли билеты и мотаютъ ими въ воздухѣ.

— Постой, погоди! прежде справка!—восклицаетъ одинъ.— Послушайте, замлякъ, у живыхъ людей головы-то рѣзать будутъ?—спрашиваетъ онъ у зазывающаго балаганщика.

— Зачѣмъ у живыхъ? За это въ Сибирь попадешь, а тутъ одно представленіе.

— Ну, коли такъ, давай деньги обратно, потому это обманъ.

У кассы споръ.

— А какъ-же у Берга-то настоящаго арлекина пополамъ рѣжутъ?—спрашиваетъ кто-то.

— Также и будутъ тебѣ настоящаго рѣзать! Отводъ глазъ и больше ничего! Потому у нихъ машины. Машинами и штаны въ видѣ невидимой силы снимаютъ, машинами и по воздуху летаютъ. Такъ третьяго года черезъ машины эти самыя и пѣ-

тухъ несся, машинами-же у нашего хозяина и бумажникъ вытащили.

На балконъ выходятъ музыканты въ красныхъ фескахъ. Лица у нихъ вымазаны сажей.

— Спиродоновъ! Ты какъ сюда попалъ? Господи! И арапомъ вымазался!—кричитъ одному изъ нихъ снизу солдатъ.

— Четырнадцать человѣкъ здѣсь изъ нашей роты,—откликается съ балкона вымазанный.

— Можешь насъ задарма провести?

— Коли-бы ты былъ женской націи—съ удовольствіемъ. А мужчинъ ни-ни! Отъ хозяина воспрещено.

— Иди сюда внизъ! сходи! Мы поподчуемъ.

— Воспрещено актерамъ въ костюмахъ по улицѣ бѣгать. Да мы и хозяйскимъ добромъ довольны.

— Ну коли такъ, прощай! Кланяйся Аннѣ Микитишнѣ. Голенищи то продалъ?

— Продалъ.

Солдатъ отходитъ.

Вывѣска съ изображеніемъ толстой женщины, на груди у которой гиря съ надписью: «16 пуд». Внизу толпа.

— Вотъ силища-то, братцы! Шестнадцать пудовъ на персяхъ держитъ? Эдакую и не потреплешь, коли ежели въ жены попадется!—раздается возгласъ.

— Гдѣ потрепать! Сама сдачи дастъ! Такъ звизданетъ, что кверху тормашками полетишь!

— А у насъ на Калашниковой былъ одинъ крючникъ, такъ одной рукой восьми пудовый куль держалъ, а другой двухпудовой гирей крестился.

— И съ этой самой бабой, сказываютъ, одинъ купецъ въ Москвѣ кулачное состязаніе имѣлъ,—вмѣшивается въ разговоръ бараній тулупъ.

— Ну?

— Обхватила его одной рукой, смяла подъ себя, наступила колѣнкой и говоритъ: смерти или живота?

— Что-же купецъ?

— Сначала сто рублевъ ей отдалъ, чтобъ помиловала, а потомъ затосковалъ, затосковалъ, что его баба обидѣть могла, пить сталъ, повихнулся въ умѣ, а теперь на цѣпи сидитъ. И вѣдь какой купецъ-то! Никому спуску не давалъ. Домашніе всѣ въ

синякахъ ходили и по чуланамъ отъ него прятались. Вотъ поди-жъ ты! На медвѣдя одинъ ходилъ, а тутъ отъ бабы сгинулъ.

— Мороженое хорошее! Господа посадскіе! Кто взопрѣлъ? Подходите! Угощу прохладительнымъ!—выкрикиваетъ мороженникъ.

Около него стоятъ два мастеровыхъ мальчика и лакомятся, слегка подувая на стаканъ съ мороженымъ.

На балконѣ каруселей старикъ съ льняной бородой свиститъ на рукавицѣ подъ звуки оркестра. Противъ него пляшетъ молоденькая нарумяненная дѣвушка въ тирольскомъ костюмѣ и въ сѣрыхъ шерстяныхъ перчаткахъ. Внизу опять гогочущая толпа. Меломаны поощряютъ танцорку, кидая въ нее орѣховой скорлупой и огрызками пряниковъ.

— Эхъ, дѣвушку-то жалко!—сострадаетъ внизу сердобольная душа.—Такая изъ себя любовная и вдругъ въ эдакое ремесло пошла!

— Извѣстно подпиваютъ! Съ трезвыхъ глазъ актеркой никто не сдѣлается!—откликается другой.—Какъ хмѣль мало маля отойдетъ, ей опять на каменку поддадутъ. Вотъ она и не можетъ опомниться.

— А есть иныя изъ ихной сестры и въ люди выходятъ!

— Рѣдко. А, впрочемъ, года два назадъ тутъ одна черномазенькая ломалась. Изъ лица, что херувимъ. Пришелъ мясникъ одинъ богатѣющій на каруселяхъ покататься. Увидалъ ее—тутъ ему смерть пришла! Сейчасъ это ее въ свою шубу лисью завернулъ и домой. Теперь на коняхъ катается. Домъ ей каменный за Нарвской заставой подписалъ!

— Блины съ пылу! Блины съ жару!

— Сбитень горячъ! Съ молочкомъ, съ перечкомъ угощу! Господа нагольные купцы, поддержите коммерцію! — выкрикиваетъ сбитенщикъ.

— Братцы. смотрите, драка!—раздается возгласъ.

— Гдѣ? Гдѣ?

Толпа отхлыниваетъ отъ представленія и бѣжитъ созерцать любимое русское зрѣлище.

ВЪ БИРЖЕВОМЪ СКВЕРѢ

Въ биржевомъ скверѣ выставлены на продажу попугаи инсепарабли, канарейки. Есть обезьяны и морскія свинки. Тутъ-же, въ числѣ привозныхъ звѣрей, русская бѣлка въ колесѣ, чижъ въ клѣткѣ, подтаскивающій себѣ пищу въ маленькой тележечкѣ. Въ будкахъ лаютъ барбосы самой обыкновенной дворовой породы, выдаваемые, впрочемъ, за иностранныхъ собакъ. На столахъ разложены раковины всѣхъ величинъ; тутъ-же въ банкахъ золотыя рыбки, ящерицы. Около столовъ и клѣтокъ бродятъ голландцы, нѣмцы въ курткахъ, изъ-подъ которыхъ виднѣются шерстяныя вязаныя фуфайки. Важно, заложивъ руки въ карманы своихъ брюкъ и покуривая коротенькія трубки, они, какъ-то стиснувъ зубы и нехотя, говорятъ съ покупателями только по-нѣмецки, отзываясь незнаніемъ русскаго языка, но сцѣпившись съ какой-нибудь чуйкой, ругаются по-русски такъ отчетливо, хорошо и сочно, что любой ломовой извощикъ призналъ-бы за ними полнѣйшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. День ясный, но гуляющихъ въ скверѣ очень немного. Выдаются купецъ съ купчихой, барыня съ компаньонкой и ливрейнымъ лакеемъ, двое ребятишекъ въ сопровожденіи няньки, голова которой покрыта набивнымъ платкомъ съ изображеніемъ карты Европейской Турціи, и двое не то мастеровыхъ, не то артельщиковъ.

Купецъ и купчиха остановились передъ попугаями.

— Занятная птица, говоритъ купецъ. Какъ только въ люди выду, мундиръ пріютскій надѣну, медаль нацѣплю и сейчасъ себѣ попугая въ гостинную куплю. А ты, вѣдь, тебѣ дѣлать-то нечего, цѣлый день зря подсолнухи жуешь, ты его учи, чтобъ какъ значитъ я подойду къ клѣткѣ—сейчасъ-бы онъ кричалъ: «здравіе желаю ваше благородіе!»

— А ты развѣ тогда благороднымъ будешь? спрашиваетъ супруга.

— А то какъ-же! Вѣдь, мундиръ по классамъ. Надѣлъ его—и благородный. Только намъ, купцамъ, такіе мундиры даются, что пока ты въ мундирѣ—благородный, а снялъ его—опять благородія лишился. У насъ одинъ трактирщикъ есть, такъ тотъ даже высокоблагородіе.

— А до сіятельства купецъ добраться не можетъ?

— Нѣтъ, не можетъ. Есть иные, которые ежели изъ юркихъ, то до превосходительства добираются, а дальше еще никто не хваталъ. Такъ вотъ ты для скуки и учи попугая.

Купчиха задумывается.

— Только эти попугаи намъ негодятся, говоритъ она.

— Это еще отчего?

— Оттого, что они изъ иностранныхъ земель и по-нѣмецки говорятъ, а русскаго языка не понимаютъ. Намъ-бы русскаго попугая, православнаго, со Щукина двора.

— А ты ухитрись нѣмецкаго по-русски выучить. Въ томъ-то и штука. Ты теперича сидишь въ Ямской у окна и считаешь отъ грусти, сколько покойниковъ на Волково провезли, а тогда учи. Благородныя дамы изъ генеральшъ завсегда или птицу учатъ, или собаку въ морду цѣлуютъ, а вокругъ себя велятъ духами накурить. Вотъ это благородное занятіе, а то вдругъ покойниковъ считать?

У стола, на которомъ разложены раковины, остановились двое мастеровыхъ въ чуйкахъ и нянька. Она указываетъ на большую раковину и говоритъ:

— Допрежъ того, надо полагать, въ этой раковинѣ жаба жила или змѣй.

— Ври больше! скашиваетъ на нее глаза одинъ изъ мастеровыхъ. Въ этихъ раковинахъ, когда ежели онъ въ морѣ, либо холера, либо оспа, либо чума проживаетъ. И какъ только ее выловятъ, сейчасъ эта оспа на человѣка летитъ. Вотъ затѣмъ-то на иностранныхъ границахъ и карантинъ ставятъ, потому летитъ она низко, а тутъ ей стѣна и препона. Тамъ ее сейчасъ жгутъ, все равно, какъ деньги въ банкѣ. У насъ одинъ позолотчикъ въ Одессу жиду одному карнизъ золотить ѣздилъ, такъ привезъ оттуда одну чуму. Въ бутылкѣ она у него сидѣла и запечатана была. Хозяинъ его въ тѣ поры смерть боялся. Мастеровой этотъ пьян-

ствуетъ, деньги впередъ забираетъ, хозяйскія калоши пропилъ, потомъ хозяйкину муфту, и тотъ ему ни слова, потому какъ что, а мастеровой ему сейчасъ: «хочешь, я на тебя чуму изъ банки выпущу?» Ну, тотъ и аминь. Долго пилъ, но потомъ сгорѣлъ, отъ вина сгорѣлъ. Лице такое черное сдѣлалось какъ у арапа. Потомъ эта бутылка долго на окошкѣ стояла. Хозяинъ хотѣлъ ее въ полицію нести, а стряпуха возьми да и выпусти ее на дворника изъ-за ревности.

— Померъ дворникъ-то?

— Нѣтъ. Три дня его корчило и все по свинячьи хрюкалъ. Потомъ свезли его на кладбище къ раскольничьимъ старухамъ, тѣ и отчитали по книжкѣ. Пришелъ потомъ зеленый такой, что ужасти подобно.

— Ты видѣлъ эту чуму-то?—допытывается другой мастеровой.

— Чудакъ-человѣкъ! Нешто ее можно видѣть, коли она невидимая? Стоитъ бутылка, запечатанная и какъ-бы пустая, а что въ ней—поди разбери. Ежели прислушаться, то оттуда какъ-бы гулъ какой идетъ или шипѣніе, а для видимости ничего не видно.

— Эхъ, кабы мнѣ такую бутылку хоть съ лихорадкой, я-бы своему Карлу Иванычу показалъ!—восклицаетъ мастеровой.

Дама съ компаньонкой подходятъ къ русскому парню въ полосатой фуфайкѣ и англійской фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, стоящему около трехъ собачьихъ будокъ.

— Ахъ, какая миленькая собачка!—восклицаетъ она.—Она ученая?—задаетъ она вопросъ торговцу.

— Я не понимай!—вертитъ тотъ головой.

— Можетъ быть, вы французъ?

Дама повторяетъ свой вопросъ по-французски.

— Мой не понимай!

Компаньонка пробуетъ заговорить съ торговцемъ по-нѣмецки—тотъ-же отвѣтъ.

— Почемъ эта собачка! Combien? Wie viel?—пристаютъ онѣ къ нему обѣ разомъ и по-французски и по-нѣмецки.

— Двадцать пять рубли, отвѣчаетъ, наконецъ, торговецъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ, растопыривъ ладони, показываетъ пальцами.

— Нѣтъ, это дорого.

Дама и компаньонка отходятъ. Къ торговцу собаками при-

ближаются мастеровые, кончившіе уже осмотръ раковинъ и останавливаются.

— Карпушка! Ты какъ сюда попалъ?—вскрикиваетъ одинъ изъ нихъ, вглядываясь въ торговца. Батюшки, да въ какомъ онъ нарядѣ-то! Кто это тебя тирольцемъ такимъ вырядилъ?

Торговецъ, непонимавшій по-русски, слегка конфузится.

— Молчи, дурья голова!—шопотомъ говоритъ онъ. Ну, нѣмецъ, важное кушанье. Здѣсь я какъ-бы англичанина изъ себя представляю.

— Ахъ, шутъ гороховый! Да зачѣмъ-же ты это въ нѣмцы-то перешелъ?—продолжаетъ дивиться мастеровой, и обратясь къ товарищу, говоритъ:—вѣдь это нашъ землякъ, тоже тверской, Карпушка. Онъ въ Гостинномъ дворѣ красными шарами торговалъ, а теперь на-поди!—Что-жъ ты ужъ совсѣмъ въ нѣмцы постригся?

— Да не выдавай меня, чортова кукла! Иди въ трактиръ и заказывай чай. Я сейчасъ за тобой слѣдомъ и все по порядку разскажу, скороговоркой произноситъ торговецъ собаками и пихаетъ мастероваго въ шею.

— Такъ, ладно, я буду ждать въ трактирѣ.

Мастеровые смѣются, разводятъ руками и выходятъ изъ сквера.

ПЕРЕДЪ ПОХОДОМЪ ГВАРДІИ.

На Царицыномъ лугу оживленіе. Противъ Павловскихъ казармъ раскинуты парусинныя палатки, вытянутъ цѣлый рядъ обозныхъ фуръ, лазаретныхъ фургоновъ, съ красными крестами на бѣломъ фонѣ. Тутъ же прохаживается народъ. Виднѣются купцы, мужики, бабы и солдаты. Появились разнощики съ ягодами, съ квасомъ, съ мороженнымъ. Бродятъ саечники съ рубцомъ, съ печенкой, съ огурцами. То тамъ, то сямъ виднѣются большія группы и маленькія. Очень много пьяныхъ. Ближе къ Лебяжьей канавѣ разставлены ряды экипажей съ лошадьми. Кучера спѣшившись. Привели и такъ лошадей. Идутъ толки и разговоры. Мелькаютъ полицейскіе, военные ветеринары, офицеры. Идетъ сортировка и браковка лошадей для отбыванія военно-конской повинности. Солдаты перебѣгаютъ отъ группы къ группѣ съ самоварами, мѣдными чайниками и другимъ домашнимъ скарбомъ и продаютъ ихъ. Масса покупщиковъ, много и такъ глазѣющихъ. Дѣло происходитъ передъ походомъ гвардіи въ Европейскую Турцію.

У шоссе, въ ожиданіи вагона конно-желѣзной дороги, стоитъ купецъ и купчиха и смотрятъ.

— Это что же, Меркулъ Тихонычъ, такое разнообразіе въ публикѣ, къ примѣру, какъ-бы толпа? Задавили, что-ли, кого? спрашиваетъ супруга.

— Ужъ и задавили! Походъ, одно слово, — вотъ и все! отвѣчаетъ супругъ. Вонъ тамъ маклаки у солдатъ окупацію вещей дѣлаютъ, а здѣсь конская повинность происходитъ. Лошадей берутъ. Нынче не прежняя пора, не токмо что человѣкъ, а и скотъ служить долженъ. Будь ты купеческая лошадь, дворянская или такъ, съ извощичьяго двора — всѣмъ одна честь, всѣ подъ красную шапку.

— О, Господи! спаси насъ грѣшныхъ! Вотъ до какого времени дожили!—вздыхаетъ купчиха.

— Будь ты хоть водовозная кляча, будь ты хоть тысячный жеребецъ, или бѣговая кобыла...

— Охъ, Создатель! Тебя-то ужъ ни за что не возьмутъ?

— Меня не возьмутъ, я свои года выжилъ и уже давно въ достодолжную негодность пришелъ.

— Вчера кухарка въ лавочкѣ слышала, что будто какъ ежели неустойка, то и бабъ брать будутъ.

— Вретъ! Баба въ походѣ только одно стѣсненіе, потому отъ нея, окромя визгу, даже и шерсти никакой.

— А сестры-то милосердія?

— То особь статья. Тамъ доброволія. Хочешь иди, не хочешь—валяйся по прежнему дома на кровати.

— Нѣтъ, я думала на счетъ солдатской стирки или починки бѣлья...

— Сами стираютъ и сами чинятъ. Вонъ солдатикъ самоваръ продавать несетъ.

— Это зачѣмъ же?

— Деньги нужно. А самоваръ въ походѣ на что онъ!

— Все-таки послѣ сраженія, напримѣръ, взялъ бы и наставилъ самоварчикъ. Разгорячившись-то хорошо оно чайкомъ...

— Дура ты, я вижу. Ну, да по малоумію тебѣ и прощается. А разговоръ брось. Вонъ дилижанецъ идетъ.

Купецъ и купчиха направляются къ вагону конно-желѣзной дороги.

Группа солдатъ. Три чуйки, опоясанныя красными кушаками, на перебой, вырывая другъ у друга какую-то ветошь, съ презрительнымъ видомъ знатоковъ разсматриваютъ ее, вскидываютъ на воздухъ, стелютъ на землю. Продавщикъ стоитъ поодаль. На сцену взираетъ полотеръ со щеткой на плечѣ и съ ведромъ мастики въ рукахъ.

— Бога ты не боишься! Прибавь пятіалтынный-то. Вѣдь за вѣру идемъ. И за тебя кровь проливать будемъ, говоритъ солдатъ.

— За меня проливать нечего, а вотъ тебѣ послѣдній сказъ: рубль безъ четвертака хочешь? Тогда и деньги на бочку,—отвѣчаетъ—чуйка, борода клиномъ.

— Пятачекъ я, такъ и быть, на фабру для усовъ накину,

добавляетъ другая чуйка съ подвязанной скулой, но, видя, что солдатъ хочетъ идти, кричитъ—ну, еще на табакъ трешникъ!

— Рубль серебра и ни копѣйки меньше,—отчеканиваетъ солдатъ. Лучше чорту подъ халатъ отдамъ.

— Разбросаешься. Ну, слышь, безъ гривенника цѣлковый! И то ужъ такъ, что за вѣру и за отечество!

Солдатъ отходитъ. За него вступается полотеръ.

— Прибавь, землякъ. Аль на тебѣ креста-то нѣтъ?—говоритъ онъ чуйкѣ. Ну, что за радость, коли изъ-за гривенника черти на томъ свѣтѣ припекать тебѣ начнутъ?

— Смотри, самого не припекло бы! Ты чего ввязываешься?

— Насъ припекать нечего. Мы Бога не забыли и Богородицу помнимъ чудесно.

— Ну, твое при тебѣ и останется! Иди-ко щеткой по квартирамъ шаркать, да и гдѣ что плохо лежитъ высматривай, въ томъ твоя обязанность.

— Что?

— Ничего, проѣхало!

— Нѣтъ, ты повтори. Вотъ какъ шаркну щеткой, такъ и будешь знать! Да еще и ликъ-то мастикой вымажу.

— А ну-ко, попробуй.

— И попробую. Поди-ка, какой бѣлоарапскій король выискался. У! кислая шерсть!

Другой солдатъ продаетъ гитару.

— Кровь проливать подъ турку идете? Когда выступаешь? спрашиваетъ полотеръ.

— Надняхъ выступаемъ. Всѣ животы продаемъ, потому куда съ ними вязаться, отвѣчаетъ солдатъ. За вѣру идемъ. Купи гитару-то.

— И купилъ-бы, милый человѣкъ, да играть не умѣю, а то гитара струментъ чудесный. Вотъ ежели бы гармонія...

— Да и на гитарѣ мудрости никакой нѣтъ. Поплюй хорошенько въ колки и смѣло играй.

— У тебя штопора нѣтъ-ли? Штопоръ купилъ-бы...

— Нѣтъ, штопора нѣтъ.

Солдатъ и полотеръ безмолвно и уныло смотрятъ другъ на друга.

— Храбрость-то въ себѣ чувствуешь-ли? Безъ робости идешь? —задаетъ, наконецъ, вопросъ полотеръ.

— Прикажутъ, такъ будешь и храбрость чувствовать. Да и чего робѣть?

— У насъ тоже двухъ молодцовъ въ ратники требовают. Вчера поили ихъ. Ты какой губерніи?

— Тверской, Калязинскаго уѣзда.

— Ну, значитъ, землякъ будешь. Мы сами Зубцовскаго уѣзда, шестнадцать верстъ отъ Рождества.

Къ чуйкѣ подходитъ кухарка съ корзинкой сухарей.

— А гренадеры тоже идутъ?—спрашиваетъ она.

— Идутъ и даже на самое кровопролитіе стремятся, отчеканиваетъ чуйка.

— Про ундера-офицера Захара Петрова не слыхали-ли?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Кухарка отираетъ глаза отъ слезъ кончикомъ носоваго платка и сморкается.

— Охъ, обидно!—говоритъ она. Это для чего-же палатки-то разставлены?

— А морской гарнизонъ пришелъ, ну и десантъ, такъ какъ они все ближе и ближе... Вотъ и привыкаютъ въ палаткахъ, чтобы не сразу въ походъ, а съ прохладой...

Солдата съ парой голенищъ останавливаетъ столяръ съ пилой подъ мышкой.

— А не продается ли у васъ бубенъ? У насъ одинъ купеческій сынъ возмечталъ, чтобъ въ пѣсельники...

— Нѣтъ, не продается. Бубны у насъ казенные.

— И барабаны съ собой берете?

— Беремъ. Безъ барабановъ намъ невозможно. Барабанъ намъ для сигналовъ и чтобы страхъ возбуждать. Соловья продаю. Хорошій соловей, ученый. Лампадка есть мельхіоровая продажная.

— Нѣтъ, этого добра не надо. И во все время сраженія музыка то у васъ гремитъ?

— Во все время. Чтобы соблазну меньше было и чтобы никакихъ стоновъ не слыхать.

— Водку то пьешъ?

— Пью.

— Ну, пойдемъ, поподчую! Теперь намъ васъ чествовать надо, такъ какъ вы наши защитники.

Солдатъ и мастеровой идутъ по направленію къ Милліонной.

Далѣе тихимъ шагомъ пробираются солдатъ и баба. Баба плачетъ.

— Какъ вернусь изъ этой самой Бухаріи, сразу тебѣ двѣ пары башмаковъ сошью, и ты не унывай, говоритъ солдатъ. А на дорогу ты мнѣ ситцевый ватный нагрудникъ сшей, да двумя рубашечками ситцевыми благослови, чтобы я тебя вѣкъ помнилъ. Ты сама посуди: ежели солдату со стороны не дадутъ, гдѣ жъ ему взять?

— Денегъ-то Захаръ Кузьмичъ, голубчикъ, у меня нѣтъ.

— А ты платокъ заложи, собери скарбъ-то. Поняла? Впередъ у хозяевъ возьми, да мнѣ чтобъ три рубля и чаю четверку... Я тебя оберегалъ, такъ теперь и ты свою повинность неси. Полотно у тебя есть, то продай.

— Ахъ, милый-то мой! Приди только завтра-то ко мнѣ повидаться. Все отдамъ!—всхлипываетъ кухарка.

— Не запьянствую, такъ приду. Да и что мнѣ къ тебѣ теперь привыкать? Отвыкать надо. Вотъ вернусь изъ Бухаріи, тогда иная статья, замужъ возьму. Да, слышь, у тебя тамъ еще пухъ на чердакѣ былъ?

— И пухъ отдамъ, приходи только.

Тамъ, гдѣ выстроены лошади, особое многолюдіе. Кучера и конюха, стоя около лошадей, покуриваютъ папиросы и ведутъ разговоры. Лошадей поочереди подводятъ къ столу, у котораго стоятъ ветеринаръ, военный пріемщикъ и членъ отъ Думы. Лошадямъ, признаннымъ годными, надѣваютъ на шею красную ленточку съ пломбой. По совершеніи осмотра, лошадей отводятъ.

Вотъ конюхъ ведетъ лошадь съ пломбой.

— Ну, что?—благополучно-ли? спрашиваютъ его кучера.

— Медаль навѣсили. Теперь ужъ не отвертится. Какъ разъ подъ красную шапку угодила!—машетъ рукой конюхъ. Скотъ, скотъ, братцы, а тоже чувствуетъ, что подъ турку идти придется. Инда дрожитъ даже.

— Еще-бы. Скотина-то, она лучше нашего предчувствіе имѣетъ,—говоритъ рыжебородый кучеръ. Ты возьми собаку, какъ ежели пожару быть, сейчасъ она выть начнетъ, а передъ покойникомъ ямы роетъ. У меня кобелекъ былъ, такъ тотъ дождь чувствовалъ и опять ежели когда я домой пьяный приду. Ей-Богу!

— Ну, что, ребята, всѣхъ берутъ? всѣхъ безъ изъятія?—

спрашиваетъ купецъ, подъѣзжая къ кучерамъ въ купеческомъ шарабанѣ на шведкѣ.

— Всѣхъ—которые ежели годны. Изъятія нѣтъ. Только развѣ архіерейскимъ жеребцамъ льгота. Сейчасъ даже у попа мерина взяли.

— И жеребцовъ, и кобылъ берутъ?

— Всѣхъ. На этотъ счетъ лошадямъ хуже супротивъ человѣчьяго положенія. У нихъ и женское сословіе въ строй идетъ. Вонъ кобылка съ медалью стоитъ.

— Заслужила, голубушка! Пущай пощеголяетъ: все таки почетъ. Вишь, какъ голову-то гордо подняла! Что твой купецъ въ мундирѣ!

— Говорятъ, иные, которые жаръ къ своему отечеству чувствуютъ, такъ и задарма коней жертвуютъ,—разсказываетъ купецъ.

— Это точно. Даже сказывали, что одна барыня трехъ жеребцовъ своихъ собственныхъ изъ-подъ себя пожертвовала.

— Отъ богатства завсегда можно, а ты вотъ попробуй-ка отъ бѣдности...—замѣчаетъ кто-то.

Подъѣзжаетъ кучеръ въ коляскѣ на парѣ.

— Ну, что, отвертѣлись?

— Ни Боже мой! Самъ думалъ, что отвертятся, потому гдѣ содержакино добро пропадаетъ, анъ нѣтъ, заклеймили. Вонъ они, ожерельи-то, красуются.

— Чьи эти кони?—спрашиваетъ купецъ.

— Жидовской содержанки, мамзелины. Вотъ поди-жъ ты! Съ кажинаго человѣка сама рветъ, а тутъ и съ нея сорвали, поплатилась.

— Ну, ничего, воздахторъ новыхъ коней подаритъ,—утѣшаетъ купецъ.

— Не въ томъ составъ, кони будутъ, это вѣрно, а мнѣ вотъ меринка жаль, откликается кучеръ. Очень ужъ мы свыклись. Придешь это въ конюшню и крикнешь: «Васька, хочешь сахару?» А онъ у меня зубами въ головѣ искать начнетъ. Шальной конь. Онъ у насъ у лабазника съ Калашниковой купленъ, такъ тотъ на немъ верхомъ во второй этажъ по лѣстницѣ жену укрощать ѣздилъ.

— А теперь баши-бузука укрощать будетъ.

— Баши бузука укрощать трудно. У него лошадь двухъ-

жильная, и опять-же онъ ее по своей мухоѳданской вѣрѣ мухоморомъ кормитъ. Вы, сударь, газету-то читаете? Правда-ли, говорятъ, Великобританія Англіи пенсію платитъ, чтобъ насъ стращать? И будто, окромя того, семь фараоновъ изъ Чернаго моря вызвала.

— Не слыхалъ, не слыхалъ. Египетъ поднимается, отвѣчаетъ купецъ, но, вѣдь, въ Египтѣ какой народъ? Одно слово—египетскій. На ногахъ жидокъ, вмѣсто ружья у нихъ алебарда и вѣра такая, чтобъ не только что свинины, а даже и ничего кислаго и соленаго не ѣсть.

— Это Египетъ, что на мерблюдахъ-то ѣздятъ?

— Онъ самый.

— А хорошо, братцы, теперича этимъ туркамъ! восклицаетъ конюхъ. Они на войнѣ никогда съ голоду не пропадутъ. Хлѣба нѣтъ, маханину жрать начнутъ. Сколько коней-то убитыхъ бываетъ. Сейчасъ это подсѣлъ къ убитому меринку, вырѣзалъ изъ него себѣ биштекъ, поджарилъ и сытъ.

— Ври больше,—останавливаетъ его молодой кучеръ. У нихъ вѣра такая, чтобъ битаго коня не ѣсть, а только падаль одну.

— Ну, на войнѣ-то когда ежели въ пищѣ умаленіе, поди, и наши лошадей ѣдятъ.

— А ты думаешь какъ? Митрополитъ давно далъ разрѣшеніе.

— А что, братцы, я вотъ давно хотѣлъ спросить, вмѣшивается въ разговоръ извощикъ.—Теперича на войнѣ лошадь изранятъ, искалечатъ, изобьютъ, какъ-же тутъ покровительство животныхъ смотритъ? У насъ кнутомъ не тронь, а тамъ...

— Сказалъ тоже! Тамъ ужъ дозволяется. Тамъ препона закону.

— Калигварда видишь? Вонъ въ бѣлой фуражкѣ стоитъ!— указываетъ кто-то.—Сейчасъ свою кобылу задарма пожертвовалъ.

— Что жъ, это хорошо, теперь всѣ жертвуютъ, разсказываетъ извощикъ. У насъ въ Ямской одинъ купецъ, баньщикъ на триста рублевъ разной мелочи у солдатовъ накупилъ: балалайка—и балалайку давай, почитай два десятка однихъ гармоній, пятокъ самоваровъ, да окромя того, можетъ, ведеръ тридцать водки споилъ. Теперича, коли ты солдатъ—смѣло приходи на дворъ, трезвый не выйдешь. Сейчасъ это поставитъ

въ кругъ, заставитъ пѣсни пѣть, а самъ въ присядку плясать... И черезъ четверть часа вотъ по эдакому стакану... Пляшетъ, а у самого слезы изъ глазъ такъ и льются.

— Зачѣмъ-же слезы то?

— Большое сочувствіе въ себѣ чувствуетъ, оттого и слезы. Даже и дѣлами совсѣмъ заниматься пересталъ. Съ утра этого самого, начинается вопля «Графъ Паскевичъ Эриванскій предъ Варшавою стоялъ», а къ обѣду смотришь—ужъ его дворники несутъ на рукахъ домой, обезсилилъ. Къ вечеру отоспится, и опять таже музыка, вплоть до ужина. Вчера, вдругъ ни съ того, ни съ сего: «я, говоритъ, братцы, самъ въ казаки... вяжите меня и ведите сдавать къ самому вашему генералу». Жена, дѣти, какъ услыхали, сейчасъ въ ноги. Плачутъ, умоляютъ. Никакого отступленія. Сегодня по утру, проснулся, ни слова о казакахъ, забылъ.

— Что-жъ, это бываетъ и не съ пьяна. У насъ одинъ купеческій сынъ богатыхъ родителевъ ушелъ въ доброволію къ черногорцамъ и теперь, говорятъ, генераломъ сталъ,—заканчиваетъ кто-то.

Молодой лихачъ съ серьгой въ ухѣ слушалъ и, зѣвая, потягивался.

— Я-бы вотъ въ кузнецы, либо въ коновалы военные пошелъ-бы, говоритъ онъ. Ей-Богу, пошелъ-бы. Я лошадь отъ опою заговаривать могу. Сейчасъ вотъ пошепчу ей въ ухо нѣкоторыя рыбьи слова, и послѣ сихъ словъ, можешь поить съ какого хочешь жара, никогда на ноги не сядетъ...

— А ты коли для отечества, то тайну-то свою начальству открой,—говорятъ ему другіе извощики.

— Не могу. Это мнѣ отъ дѣда, и даже заклятіе положено. Какъ разскажу, сейчасъ нутромъ попорчусь и въ три дня сдохну.

Сгруппировались извощики.

— Извощичьихъ-то коней, ребята, берутъ?

— Много берутъ. И все больше по второму рязряду—въ обозъ.

— Ну, моя, значитъ, навѣрное попадетъ, потому у ней предчувствіе такое. Теперича ѣдешь по Невскому, вдругъ солдаты съ музыкой, сейчасъ это она голову на бокъ и ногами подъ музыку манежиться начнетъ.

— Это ничего не составляетъ. Вся статья въ томъ содержится, что, значитъ, ужъ прежде до тебя въ солдатахъ была.

— Ну, вотъ! Доморощенный жеребенокъ. До пяти лѣтъ въ деревнѣ навозъ возилъ, а потомъ хозяйскій племянникъ сюда его привезъ. Одно вотъ: задомъ бьетъ, мальчишки испортили, ну и щекотки боится.

— Въ солдаты попадетъ, такъ тамъ исправятъ. Каленымъ желѣзомъ раза два прижгутъ, ну, и конь, какъ конь станетъ. Есть у васъ ратники-то?

— Изъ нашей артели четверыхъ заберутъ. Поимъ вотъ все. Третьяго дня, по гривеннику на вино собирали, да хозяинъ рубль цѣлковый далъ. Вчера опять. Вѣрите, братцы, четвертый день, какъ въ чумѣ ходимъ. Приклонишься это къ землѣ и вдругъ, какъ-бы кто тебя по затылку, а въ глазахъ зелень.

— Пьяному то оно хорошо. Я вотъ пьяный, такъ на какую хошь антиллерію полѣзу. Я разъ хмѣльной отъ трехъ городовыхъ отбился. Такъ и не могли поймать,—разсказываетъ лихачъ.

Купецъ, пригрѣтый солнышкомъ, заснулъ сидя въ шарабанѣ, и клюетъ носомъ.

— Эй, ваше степенство, не проспи, смотри, очереди! окликаютъ его. Самого за мѣсто лошади въ конскую повинность возьмутъ.

Купецъ потягивается.

— Сморило!—говоритъ онъ. Вчера племянника въ ратники провожали. Такой воинственный карамболь на стеклянномъ инструментѣ вывели, что уму помраченье!

— А ты бодрись. Всѣ тамъ будемъ! Всѣ безъ изъятія!—откликается ни къ селу, ни къ городу чей-то пьяный голосъ.

НА БѢГУ.

Рысистый бѣгъ на Невѣ. На льду толпится самый разношерстный народъ. Тутъ купцы въ енотахъ съ воротниками поднятыми кибиткой, барашковыя чуйки не то мѣщанъ, не то артельщиковъ съ биржи, не то мастеровыхъ-чистяковъ, солдатъ съ сапожнымъ товаромъ подъ мышкой, мужики въ нагольныхъ тулупахъ, чиновникъ въ шинели на распашку и съ Станиславомъ въ петлицѣ, писарь военнаго министерства, мастеровой мальчишка съ пустой корзинкой и бутылкой въ рукахъ, фабричный въ кафтанѣ и съ гармоніей и прочій мужской людъ. Все это заглядываетъ по направленію къ кіоску иподрома. Сзади пріютились извозчики, ставъ во весь ростъ на свои сани. У кіоска слышны звонки. Пахнетъ водочкой, тулупомъ, махоркой. Тутъ-же и неизбѣжный городовой. Онъ равняетъ публику и то и дѣло восклицаетъ: «осадите, братцы, такъ невозможно, васъ честью просятъ»! Мимо мелькаютъ рысаки. Идутъ толки, разговоры. Слышны возгласы. Вотъ караковый жеребецъ обогналъ воронаго.

— Эхъ, вороной-то сплоховалъ! А еще купеческій! — раздается возгласъ. — Покорми, покорми прежде! Развѣ ужъ корочкой поманить его!

— Это, видно, изъ такихъ коней, что двое изъ конюшни ведутъ, двое въ задъ пихаютъ, да двое ноги переставляютъ,— говоритъ кто-то.

— Извѣстно купеческій, потому застоялся. Только и ѣзды, что самъ въ церковь, да сама въ баню.

Къ толпѣ подбѣгаетъ баба въ расписномъ платкѣ съ изображеніемъ пожарной команды.

— Утопленника изъ проруби что-ли вытащили?—спрашиваетъ она.

— Дура!

Въ толпѣ хохотъ.

— Смотри, смотри караковый-то какъ садитъ! Ахъ ты, Господи! За флагомъ оставилъ! Разгорячился! Вотъ теперь ежели сразу остановить, ни въ жизть не остановишь! -- восторгаются зрители.

— Есть силачи, что и останавливаютъ, надо только слово потаенное знать. У насъ въ селѣ становой былъ, такъ тотъ какую хошь лошадь руками останавливалъ. Ухватится сзади за санки, либо за бричку, ну и остановитъ на всемъ скаку, а все потому, что потаенное рыбье слово зналъ, — разсказываетъ мужиченко въ картузѣ съ надорваннымъ козырькомъ.

— Ври больше!

— Лопни глаза у пня. Вотъ-те ель бокомъ!

— А ты побожись по настоящему,—усовѣщиваетъ купецъ.

— Зачѣмъ-же мнѣ, ваше степенство, по настоящему божиться, коли ежели въ такомъ разѣ о скотѣ? Конечно, будемъ такъ говорить, этотъ самый становой и погибъ изъ-за лошади. Силища была непомѣрная. На четырехъ арестантовъ одинъ съ кулакомъ выходилъ, ну и побился съ лѣстничимъ, что на всемъ скаку бричку его за колесо остановитъ. Отдали пятьдесятъ рублевъ за руки, поставили двѣ бутылки рому. Жена евонная на колѣняхъ при всемъ народѣ стояла, чтобъ не губилъ себя. Не послушался. Лѣстничій разогналъ лошадь. Крѣпенькій меренокъ былъ... Чудесно!.. Только это поровнялся съ становымъ, а тотъ какъ хватится рукой за задокъ, да какъ вцѣпится!..

— Ну?

— А рука такъ съ корнемъ и вырвалась изъ плеча, а все потому, что грузно-хмѣленъ былъ. И что-жъ ты думаешь, такъ крѣпко вцѣпился, что самъ-то на мѣстѣ безъ чувствъ остался, а рука такъ за лѣстничью бричку и держится. Насилу потомъ отцѣпили, потому пальцы скрючились!

— Такъ и оторвалась рука отъ тѣла?—спрашиваетъ купецъ.

— Такъ и оторвалась. Сейчасъ это фершела... да ужъ гдѣ приставить, коли ежели оторвалась.

Къ разговору прислушивается чиновникъ съ Станиславомъ.

— А вотъ за эти самыя слова тебя городовому отдать... — говоритъ онъ.—Гдѣ городовой?

Мужиченко труситъ.

— Помилуйте, ваше благородіе, за что-же?..—спрашиваетъ онъ и снимаетъ картузъ.

— А за разглашеніе неосновательныхъ слуховъ, вліяющихъ на невѣжественную массу. Гдѣ городовой?

Публика пятится. Кто-то захохоталъ, но тотчасъ умолкъ. Извозчикъ стегнулъ лошадь и помчался.

— Уйди лучше отъ грѣха, а то притянутъ — шепчетъ мужиченкѣ сердобольный купецъ.

Мужиченко расталкиваетъ народъ и пускается бѣжать.

— Мерзавецъ!—негодуетъ ему въ слѣдъ чиновникъ.

— Держи его! Держи!— кричатъ немного ободрившіяся барашковыя чуйки.

— Часы, что-ли, стянулъ у ихъ благородія?—спрашиваетъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, баба.

— Нѣтъ, на кошелекъ имѣлъ покушеніе... — мрачно отчеканиваетъ солдатъ.

Кто-то бросается за мужикомъ въ догонку.

— Смотри, смотри! Мазурика ловятъ!—слышно гдѣ-то.

— Среди бѣлаго дня и вдругъ съ купца шапку сорвалъ!—идетъ говоръ въ дальнихъ рядахъ.

— Не можетъ быть?

— Какъ не можетъ быть? Смотрите, вонъ его ловятъ!.. Поймали! Поймали! Ну славу Богу! Вырывается... Шалишь! Братцы, что-жъ такъ зря-то стоите? Помогите, а то опять убѣжитъ!

— Говорятъ, у купца-то пятьдесятъ серій въ шапкѣ зашито было,—разсказываетъ извозчикъ.

— И зачѣмъ только эдакія деньги при себѣ носить!—дивятся въ толпѣ.

— Извѣстно отъ алчности!

— Отъ алчности! А можетъ жена гулящая. Оставь-ко дома, такъ сейчасъ для воздахтора слимонитъ. У насъ на Обводномъ каналѣ былъ случай. Въ мѣшкѣ съ орѣхами, въ чуланѣ деньги-то держалъ... Стянула.

— Это вѣрно. Я, братцы, этого купца знаю, что деньги въ шапкѣ держитъ. У него жена только и дѣла дѣлаетъ, что съ офицерами возжается, — повѣствуетъ бакенбардистъ въ пальто и въ очкахъ. А то былъ тутъ у нея дьяконъ.

Молва растетъ, какъ снѣжный шаръ.

— Удивительно, какъ нынче дерзокъ простой народъ сталъ!— восклицаетъ военный писарь.

— Это отъ пьянства.

Мужиченку подводятъ. Тотъ крестится. Его пихаютъ въ шею. Вотъ налетѣлъ мастеровой съ гармоніей и ударилъ его по уху.

Свалка. Толпа волнуется. Слышна руготня. Мальчишка съ бутылкой въ рукахъ роняетъ бутылку и проливаетъ масло. Мужики мимоходомъ мажутъ себѣ сапоги.

— Городовой идетъ! Городовой!—раздается робкій шопотъ.

Вдали, придерживая рукой шашку, спѣшитъ городовой.

Я НА ЛѢТНЯГО НИКОЛУ, А НЕ НА ЗИМНЯГО.

Въ Николинъ день, 6-го Декабря, купецъ Николай Вавилычъ Треуховъ всталъ поутру очень рано и отправился къ ранней обѣднѣ.

— Хотя я на лѣтняго Николу имянинникъ, а не на зимняго; но все-таки слѣдуетъ... говорилъ онъ полусонной женѣ, все еще нѣжившейся въ постелѣ.—Нельзя, надо свѣчку хорошую поставить. Изъ житія его видно, что онъ, голубчикъ, помогалъ торговымъ людямъ.

— Угу,—отвѣтила съ просонокъ жена и перевернулась на другой бокъ.

Въ церкви Николай Вазилычъ всталъ въ укромный уголокъ и молился усердно.

— Такъ-то лучше, покрайности не на виду, думалъ онъ:—а то знакомые, которые ежели—сейчасъ съ ангеломъ поздравлять начнутъ, и объясняй имъ потомъ, что я на лѣтняго Николу имянинникъ, а не на зимняго.

Въ церкви его, однако, замѣтилъ сторожъ.

— Съ ангеломъ, Николай Вавилычъ, честь имѣю поздравить. Желаю счастія, радостей!—забормоталъ онъ, извиваясь около него, и сложилъ правую руку пригоршней, разсчитывая получить дань.

— Спасибо, голубчикъ; только я на лѣтняго, а не на зимняго...

— Виноватъ-съ, простите великодушно! Впрочемъ, все-таки онъ вашъ ангелъ. Лѣтній и зимн!й тутъ не причемъ. Передъ Господомъ Богомъ всѣ имянинники равны, а вы наши прихожане...

Пригоршня церковнаго сторожа все еще не распрямилась. Николай Вавилычъ сунулъ ему въ нее двугривенный.

Изъ церкви Треуховъ вышелъ раньше: опять таки, чтобы не встрѣчаться съ знакомыми, но на паперти его ударилъ слегка по плечу какой-то клинъ рыжей бороды въ енотовой шубѣ.

— Съ ангеломъ!—сказалъ онъ.

— Да я на лѣтняго, а не на зимняго.

— Знаемъ мы это! А лѣтомъ на зимняго, а не на лѣтняго... Зажилить хочешь имянины! Ну, да я не приду, Христосъ съ тобой! Мы люди маленькіе, намъ нечего къ большимъ купцамъ на имянины ходить.

— Ей-Богу, я не имянинникъ.

— А зачѣмъ полъ-ведра рябиновой настаивалъ? Будто мы не знаемъ, что ты подъ Щукинымъ рябину покупалъ для водки?

— Господи! Да для домашняго обихода. Я всегда къ Рождеству настаиваю, послѣ того какъ рябину морозомъ хватитъ.

— Смотри, чтобы самого морозомъ не хватило! Гордыню-то пособьетъ! По чужимъ имянинамъ любишь шляться! А тутъ небось—«я на лѣтняго»...

Клинъ рыжей бороды поднялъ воротникъ шубы кибиткой, плюнулъ и зашагалъ прочь.

У воротъ дома Треухова встрѣтилъ дворникъ, снялъ шапку и поклонился.

— Съ ангеломъ, Николай Вавилычъ! Дай Богъ вамъ сто лѣтъ!—сказалъ онъ.

— Я на лѣтняго, голубчикъ, а не на зимняго...

— А какъ-же лѣтомъ вы говорили, что на зимняго? Намъ и тогда ничего не очистилось. Все-таки вашъ ангелъ.

Купецъ со вздохомъ полѣзъ въ карманъ и далъ дворнику пятіалтынный.

Придя домой, онъ разсказалъ про недовѣріе къ нему насчетъ имянинъ женѣ и сѣлъ чай пить.

— А хорошо, ей-Богу хорошо, что я лѣтній, а не зимній. Вѣдь вотъ, по крайности, теперь тебя не безпокоятъ, трезвъ цѣлый день и трезвымъ ко сну отойдешь, произнесъ онъ.

— Ну, это еще буки!—откликнулась жена.

— Отчего буки? Къ Николаю Кузьмичу я на имянины не пойду, а просижу дома, чтобъ честно и благородно... И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь вотъ теперь эта полуведерная бутыль съ рябиной... Она простоитъ до Рождества и настоится какъ слѣ-

дуетъ (тутъ онъ указалъ на бутыль съ водкой, стоявшую на окнѣ). А будь-ко я сегодня имянинникъ—къ вечеру-бы утекла.

Раздался звонокъ въ прихожей. Оказался лавочный мальчикъ отъ сосѣда по рынку. Онъ держалъ въ рукахъ крендель.

— Ардаліонъ Михѣичъ приказали кланяться и поздравить васъ, Николай Вавилычъ, съ ангеломъ-съ! заговорилъ онъ.

Треуховъ развелъ руками, однако взялъ крендель.

— Да я на лѣтняго, а не на зимняго;—отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ, благодари.

Мальчикъ переминался съ ноги на ногу.

— Такъ-съ. Значитъ, они ошиблись, бормоталъ онъ.—Тогда пожалуйте крендель обратно, а то они ругаться будутъ.

Треуховъ отдалъ крендель.

— Коммиссія съ этими имянинами!—махнулъ онъ рукой и сѣлъ опять за чай. Все ужъ это до угощенія-то очень прытки: хоть кренделемъ, да назваться. Вѣдь вотъ, будь имянинникъ, такъ, спрашивается, во что-бы это вскочило?—прибавилъ онъ.

Прошло четверть часа. Раздался опять звонокъ.

— Дома?—раздался возгласъ въ прихожей и въ комнату вошелъ длиннополый сюртукъ съ головой, жирно смазанной помадой.—А я шелъ мимо васъ въ лавку: «дай думаю, зайду сосѣда поздравить». Съ ангеломъ! А васъ, сударыня, съ дорогимъ имянинникомъ,—началъ онъ.

Длиннополый сюртукъ поклонился.

— Да я лѣтній, а не зимній Николай,—отвѣчалъ Треуховъ.

— Ой! А не врешь?—протянулъ гость и не довѣрчиво покосился на бутыль, стоявшую на окнѣ.

— Зачѣмъ врать? Ты знаешь я люблю, когда ко мнѣ въ имянины...

— Такъ, такъ... значитъ на лѣтняго Николу? А зачѣмъ-же полуведерную-то рябиной настоялъ?

— Просто къ празднику. Въ семействѣ, самъ знаешь, живо разойдется.

— Плохо вѣрится что-то. А ну-ко побожись, что не имянинникъ.

— Ей-Богу не имянинникъ. Я на лѣтняго Николу, а не на зимняго.

— А ну-ко перекрестись.

— Господи изъ-за такихъ пустяковъ да креститься. Изволь.

Треуховъ перекрестился. Гость переминался.

— Скажи на милость, а мнѣ помнится, что ты третьяго года на зимняго Николу былъ имянинникъ, цѣдилъ онъ сквозь зубы. — А я, признаться, съ той мыслію и шелъ, что, молъ, зайду, поздравлю и рюмку водки выпью. Извини коли такъ, прощай!

— Въ чемъ тутъ извинять, помилуй, ободрялъ гостя хозяинъ.—Садись! Водки-то и такъ можно выпить. Не хотѣлъ я признаться, сегодня, ну да одну, ничего, можно. Матрена Кузьминишна, подай-ко сюда графинчикъ да селедочку, обратился онъ къ женѣ.

— Ты братъ, прости. Ей Богу мнѣ совѣстно, извинялся гость и сѣлъ.

— Ну! вотъ! Полно церемониться! Что тутъ! Выпьешь одну, да иступай, потому я сегодня хочу честно и благообразно..

Выпили, закусили. Подошли къ полуведерной и стали ее разсматривать на свѣтъ; даже заспорили, настоялась-ли водка.

— Да вѣдь можно попробовать, предложилъ гость. Отъ двухъ-то рюмокъ не велика будетъ убыль.

— Конечно, не велика, только пей ты одинъ, а я не буду. Хочется, какъ подобаетъ, себя соблюсти, а то натощакъ-то!..

— Зачѣмъ на тощакъ? А ты поѣшь. Вотъ и не будетъ натощакъ, возразилъ гость.

— А и то дѣло, согласился хозяинъ. Да и ѣсть, признаться, захотѣлось. Былъ у ранней обѣдни, простоялся, прошелся, Матрена Кузьминишна, тамъ у насъ окорокъ ветчины есть. такъ вели-ко подать сюда на столъ!—крикнулъ онъ женѣ.

Откупорили бутыль, попробовали рябиновую. Хозяину показалось, что водка масломъ деревяннымъ пахнетъ.

— Что ты, что ты! Самый чистый вкусъ!—замахалъ руками гость. Это тебѣ съ первой-то такъ показалось.

— Не попалась-ли бутыль изъ-подъ деревяннаго масла? продолжалъ хозяинъ и налилъ еще по рюмкѣ. Съ ветчиной-то оно ничего, прибавилъ онъ.

Опять выпили и согласились, что ничѣмъ не пахнетъ.

— А хороша вещь, пояснялъ раскраснѣвшійся слегка хозяинъ и ударялъ ладонью по бутыли. Главное отъ живота хорошо.

Еще звонокъ. Еще гость.

— Съ ангеломъ!

— Да я на лѣтнкго Николу, а не на зимняго.

— Шутникъ тоже! Матрена Кузьминишна съ имянинникомъ!. Желаю вамъ его покрѣпче въ рукахъ держать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я 9-го Мая бываю имянинникъ.

— Толкуй тутъ! А полуведерная-то зачѣмъ? А окорокъ ветчины?.. Вишь какой скрытный! Вчера въ трактирѣ видѣлись и не сказалъ, что имянинникъ. Хорошо, что я самъ догадался. Ну-ко, надо мокренькимъ поздравить.

— Вы, господа, пейте, а я не буду, отказывался хозяинъ, потому рѣшилъ, чтобы сегодня честь-честью и въ порядкѣ... И то на Варваринъ день, третьяго дня, яко еле можаху... Вчера насилу въ банѣ отпарился.

— Такъ мы и станемъ безъ имянинника пить! Дожидайся!— крикнулъ новопришедшій гость. Соси!

Хозяинъ не сталъ и разувѣрять больше на счетъ имянинъ и только отказывался насчетъ водки.

— Да что ты жены боишься что ли?—дразнили его гости. Ахъ ты! А еще хвастался, что она у тебя по стрункѣ ходитъ. Сади.

Дабы показать, что жена дѣйствительно по стрункѣ ходитъ, хозяинъ выпилъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего нашелъ, что рябиновая керосиномъ пахнетъ. Гости отрицали. Нужно было попробовать. Налили еще, и еще выпили.

— Ей ей, керосиномъ, господа! развелъ руками уже полупьяный хозяинъ.

— Просто рюмка тебѣ керосиновая попалась! Вели подать другую.

Подали другую. Опять налили.

— Теперь не пахнетъ. Дѣйствительно, вѣрно въ рюмкѣ что-нибудь было.

— Парильщики изъ Туляковыхъ бань пришли!—доложила кухарка. Съ ангеломъ васъ поздравляютъ.

— Скажи, что я на лѣтняго Николу, а не на зямняго! Дура, развѣ не знаешь? крикнулъ хозяинъ, но въ прихожей уже виднѣлись бороды и тулупы и заглядывали въ комнату.

— Намъ, Николай Вавилычъ, все равно, мы васъ и такъ почитаемъ, бормотали они. А только сами посудите, какъ-же своего баннаго гостя не поздравить. Сами-бы обижаться начали.

— Да я лѣтомъ имянинникъ бываю.

— И, батюшка! У Бога всѣ имянинники равны! Ну, ошибка, ну, простите, а только холодно, далеко шли... Намъ вашихъ денегъ не надо, а вотъ по стаканчику...

Хозяинъ почесалъ затылокъ.

— Ну, войдите!—сказалъ онъ. Матрена Кузьминишна, дай сюда стаканъ! Что имъ рюмка. И мараться не стоитъ.

Подали стаканъ. Парильщики не хотѣли пить безъ хозяина. Выпилъ онъ и осатанѣлъ! Начались разспросы, какой купецъ любитъ, чтобъ его «въ поясахъ протирали», какой больше «насчетъ спины», кто до «пару лихъ», кого «въ три вѣника жарятъ». Парильщики отвѣчали на вопросы. Хозяинъ смѣялся.

— Жгите, ребята! По второму стаканчику!—крикнулъ онъ и выпилъ вмѣстѣ.

За вторымъ стаканомъ слѣдовалъ третій. Къ двѣнадцати часамъ дня хозяинъ былъ уже совсѣмъ пьянъ, сидѣлъ около окорока ветчины и икалъ. Гости ушли, ушли и парильщики. Вошла жена.

— Ахъ ты, Іуда, Іуда клятвопреступникъ!—покачала она головой. А хотѣлъ честно, благородно! Гдѣ рябиновая-то, что къ празднику припасалъ?

— Молчи, дура! Я на лѣтняго Николу, а не на зимняго, бормоталъ онъ. Брысь!

НА КРЕСТОВСКОМЪ.

Первое воскресенье великаго поста. Санный путь доживаетъ свой вѣкъ. Пригрѣваетъ солнышкомъ. Разъухабились и осѣли загородныя дороги. Потемнѣли проруби на Невѣ. Усиленно работаютъ на майнахъ чухна-ледоколы, стараясь поскорѣй набить льдомъ «подряженные» погреба. Охотники до санной ѣзды спѣшатъ на Крестовскій. Купеческіе женихи хвастаются рысистыми шведочками въ бѣговыхъ ажурныхъ саняхъ. Новожены показываютъ молодыхъ хозяекъ и ихъ наряды, и покатавшись по Невскому и Дворцовой набережной, стремятся съ ними въ загородные рестораны распить сулеечку холодненькаго, кто на ухарскихъ лихачахъ въ ярко-цвѣтныхъ шапкахъ, кто «на собственномъ». Тройки въ этотъ день особенно дороги.

Вотъ къ вокзалу на Крестовскомъ подъѣзжаютъ гуляющіе. Звенятъ бубенцы троекъ, визгливо ржатъ взмыленные рысаки, фыркаютъ разгоряченныя шведочки. Пріѣзжающихъ вынимаетъ изъ саней швейцаръ изъ ундеровъ, въ подъѣздѣ встрѣчаютъ гладкобритые касимовскіе татары во фракахъ и съ салфетками въ рукахъ. Звучитъ ихъ гортанный говоръ, раздается титулъ «сіятельства», расточаемый передъ купцами. Купцы входятъ въ подъѣздъ, отряхиваютъ свои бобры и ильки отъ дорожнаго снѣга и грязи и входятъ въ ресторанъ. Кто больше снѣгомъ заброcанъ, въ томъ и шику больше.

— Каюмъ! Мишанька! Вынеси моему кучеру стаканъ водки да закусить чего нибудь постненькаго,—приказываютъ они татарамъ.—Смотри, не накорми только маханиной!

— Помилуйте, ваше сіятельство!

— Петръ Ивановичъ, какими судьбами!—слышенъ возгласъ.

— А вотъ молодую женушку задумалъ покатать да Кре-

стовскій ей показать. Вѣдь онѣ у тестя больше взаперти сидѣли и, окромя приказчиковъ, никого не видали. Ну вотъ, мы у тятеньки и попросились. На-силу отпустилъ. Сидятъ, костяжками на счетахъ балуются и въ Невскій монастырь къ вечернѣ сбираются монаховъ слушать. Насъ звали да мы отвильнули, потому канитель.

— Чудесно! А у Исакія сегодня были?

— Были. Прелесть какъ дьяконъ провозглашалъ! Какъ гаркнетъ: «анафема»! Восторгъ-съ!

— Капиталъ, а не голосъ-съ. Большія деньги нажить можно. Что жъ, давайте вмѣстѣ глинтвейномъ баловаться.

— Ходитъ!

— Я, Сеня, спервоначалу мороженаго хочу!—шепчетъ мужу разряженная въ пухъ и прахъ молодая женушка.

— Какое, душенька, теперь на холоду мороженое! Простудишься,—говоритъ мужъ.—Это имъ, знаете, въ диво мороженое-то, потому онѣ у тятеньки своего окромя мусорныхъ повозокъ и ломовыхъ извозчиковъ ничего не видали,—добавляетъ онъ.

— Слѣдуетъ молодую женушку удовлетворить, слѣдуетъ. Пусть ихъ съ молитвой хоть десять порцій кушаютъ. Вы какое больше любите?

— Фисташковое съ ванелью, потому теперь постъ; а въ мясоѣдъ сливочное.

Въ ресторанѣ толпы. Всѣ столы заняты. У буфета то и дѣло слышатся вопросы: «Это не скоромное? Маханиной не накормишь?».

Шапки и цимерманы то и дѣло подымаются на головахъ. Новожены раскланиваются съ знакомыми. Лаконическіе возгласы:

— Василію Тихонычу!

— Николаю Иванычу!

— Балуетесь?

— Послѣ трудовъ праведныхъ.

— Чудесно!

— Вотъ за этимъ столомъ, Маша, я въ прошломъ году изъ-за одной цыганки на сорокъ два рубля одной посуды набилъ,—разсказываетъ молодой мужъ своей супругѣ.

— Чудакъ! Ужъ не говорилъ-бы лучше, только сердце разтравляешь,—останавливаетъ его та.

— Что-жъ, я въ тѣ поры холостымъ бѣгалъ. Къ тому-жъ и тятенька меня разобидѣлъ.

У подъѣзда стоятъ кучера и троечники, выравненные городовымъ въ шеренгу. Вотъ подъѣхалъ купеческій сынъ «на бѣговыхъ». Самъ весь въ снѣгу и въ грязи и санки тоже. Даже лицо полосатое, какъ у зебра, отъ потока грязнаго разстаявшаго снѣга. Подъѣхалъ, выскочилъ, потрясъ коня за носъ и заставилъ его чихнуть.

— Василій, не очищай отъ санокъ грязь, такъ казистѣе и шикознѣе будетъ!—шепчетъ онъ кучеру.—Понялъ?

— Еще-бы не понять! Будьте покойны! Вышлите только бутылочку пивца да дозвольте парочку папиросочекъ!—откликается кучеръ.

— Принимай на бѣдность!

Купеческій сынъ даетъ кучеру пару папиросъ и исчезаетъ въ подъѣздѣ. Къ кучеру подходятъ троечники.

— Экъ какъ васъ закидало? По какимъ это такимъ трущобамъ шлялись?

— Самъ снѣгомъ и грязью забросалъ. До смерти любитъ, чтобъ въ грязи... Вотъ тутъ близь Зелениной улицы свернули ъ сторону и давай снѣгомъ себя и санки забрасывать. Вотъ и въ нутро накидали,—разсказываетъ кучеръ.—А самъ даже какъ есть въ пальтѣ по грязному снѣгу валяться началъ да и мнѣ велѣлъ. Форсистѣе, говоритъ.

Троечники просятъ затянуться папироской.

— Хорошо съ хозяиномъ-то живете?

— Этотъ хозяинъ мнѣ не хозяинъ, а другъ, вотъ что!—продолжаетъ разсказъ кучеръ.—«Теперича мнѣ хоть умирать, такъ я его и то не выдамъ. Самъ пьетъ и меня поитъ. Самъ бутылку ледеру, мнѣ стаканъ хересовъ, самъ ананасъ жрать начнетъ, мнѣ огурецъ вышлетъ, самъ съ мамзелью гуляетъ и мнѣ говоритъ: «ты, говоритъ, Василій, охулки на руку не клади». Тезка приходится. Онъ—Василій и я Василій. За то ужъ и уважаемъ мы ему. Они при своей маменькѣ состоятъ. Божья старушка, но ужъ строги очень и алчности не приведи Богъ какой! Какъ онѣ мало маля насчетъ денегъ начнутъ имъ свою скаредность показывать—сейчасъ мы ихъ покойниками пугать начнемъ: придемъ въ ихъ горницу и давай «со святыми упокой» или «вѣчную память» пѣть и до тѣхъ поръ поемъ, пока

онѣ намъ двѣсти или триста рублевъ отступнаго не предоставятъ, сколько намъ на гулянку слѣдоваетъ. Ну, потомъ деньги за голенищу и давай чертить!

Ямщики хохочутъ.

— Что-жъ, это бываетъ,—дополняетъ извозчикъ-лихачъ.— У меня такой-же другъ изъ береговыхъ приказчиковъ былъ да теперь прогорать началъ, потому хозяинъ евонный насчетъ кассы позорчѣе сталъ. За то я его теперь и въ долгъ вожу.

На горахъ тоже стеченіе публики. Мужики-катальщики вносятъ на горы санный дилижансъ. Купцы скатываются въ немъ съ женами «вкупѣ». Духъ захватываетъ отъ быстраго слета съ горъ.

— Ну что, Дашенька, не пужаешься?—спрашиваетъ молодой купецъ жену.

— Пужаюсь.

— Коли такъ, запри духъ и держись за меня крѣпче...

Есть и пьяненькіе. Кто предлагаетъ пари, что онъ съѣдетъ съ горы безъ саней и на брюхѣ. А вонъ хмѣльный купецъ полетѣлъ внизъ и даромъ.

— Петръ Иванычъ, денежную требуху не растеряй! Держи бумажникъ крѣпче!—кричатъ ему сверху.

— Терять-то нечего на середокрестной недѣлѣ банкрутиться сбирается!..—замѣчаетъ кто-то.

— Ври больше! Я къ его дочкѣ послѣ Пасхи свататься сбираюсь.

— Что-жъ, отъ кредиторскихъ пять тысячъ отчислитъ, а больше ни-ни!

— А коли такъ, такъ и къ лѣшему его! У меня подрядчица съ банями есть на примѣтѣ.

Темнѣетъ. На горахъ зажгли цвѣтные фонари. Количество пьяныхъ усиливается.

— Господи, Боже мой! Вотъ модель-то! Въ эдакій великопостный день и вдругъ кускомъ телятины оскоромился!—доносится чей-то хмѣльной голосъ.

Вонъ у горъ и легкая драка. Ругаются. Слышна нѣмецкая рѣчь. Русскіе сцѣпились съ нѣмцами.

Кого-то отводятъ въ сторону и трутъ лобъ снѣгомъ. Происшествіе собираетъ публику.

ВЪ ЯЛИКѢ.

Мосты на Невѣ разведены. Ждутъ ледянаго «сала». Кой-гдѣ показалось уже. Давно пора—конецъ ноября на дворѣ. Перевозы есть.

Утро. На перевозный плотъ у Спасителя то и дѣло спускается народъ. Чиновники Петербургской стороны ѣдутъ въ должность. Парохода ждать приходится—ѣдутъ на яликахъ.

— Не опасно? Не затретъ?—спрашиваетъ перевознаго старосту купецъ въ сибиркѣ, подбитой лисьимъ мѣхомъ.

— Гдѣ затереть! Только еще показалось,—отвѣчаетъ тотъ.— Смѣло садитесь. За генеральскую душу отвѣчаемъ, а не токмо что...—добавляетъ онъ.

— Всякому, другъ любезный, своя душа дорога.

Купецъ крестится и садится въ общій яликъ. Поджидать недолго приходится: въ яликъ вскакиваетъ чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой и съ засаленнымъ портфелемъ въ рукахъ, женщина въ кацавейкѣ и платкѣ, молоденькая дѣвушка въ клеенчатой шляпѣ, въ очкахъ и съ связкой книгъ. Подошелъ мастеровой въ синемъ кафтанѣ и съ пилой, занесъ было въ яликъ ногу и покачнулся.

— Пьянъ, пьянъ!—крикнулъ на него перевозный староста.— Садись на пароходъ! Утонешь, такъ съ насъ спросится, а не съ тебя.

— Ей Богу, ни въ одномъ глазѣ! ..—откликается мастеровой.—Господи! Хочешь по одной половицѣ пройду?

— Сажай его. Что тутъ разговаривать!—кричатъ изъ ялика.— Пора отчаливать. Смирно сидѣть будешь?—спрашиваютъ его.

— Какъ колода! Что-жъ мнѣ изъ-за своей-то собственной души?..

Перевозный староста, осмотрѣвъ мастероваго, даетъ разрѣшеніе. Тотъ садится. Яликъ отчаливаетъ отъ плота.

— Не опасно сало-то?—спрашиваетъ купецъ перевозчика.

— Сало опаснѣе весенняго льда. Сало рѣжетъ, ну а тѣмъ только напираетъ,—разсказываетъ перевозчикъ.—Да нешто это сало? Такія-ли салы бываютъ!

— То-то, ты полегче.

— Робѣешь, господинъ купецъ?—бормочетъ мастеровой.—Во я какъ сижу! Хочешь, сейчасъ подъ Плевну пойду? Будь козыремъ, ходи съ заломомъ и куражъ въ затылкѣ имѣй. Наблюдай меня.

— Что мнѣ тебя наблюдать? Ты мнѣ не указъ. Ты потонешь, у тебя можетъ всего и живота-то что одна пила, а у меня домъ на каменномъ фундаментѣ, да сироты останутся.

— И у меня одна беззаконная сиротка на каменномъ фундаментѣ есть. Мамулька зовется.

— Та, братъ, плакать не будетъ. Сейчасъ себѣ солдата найдетъ. А у меня можетъ при себѣ векселей тысячевъ на пять. Утону съ векселями, кто сиротамъ заплатитъ? Нонѣ деньги-то безъ росписокъ не любятъ платить.

— Охъ, не любятъ!—откликается женщина въ кацавейкѣ и платкѣ.—Сама вотъ человѣка ѣду ловить на ту сторону. Скубентъ у меня съ квартиры сбѣжалъ. Жилъ, жилъ два мѣсяца, а какъ стала деньги просить за квартиру, захватилъ клеенчатую подушку, да и сбѣжалъ. Думала такъ, куда въ гости ушелъ, анъ онъ совсѣмъ, недѣлю ужъ какъ не показывается. Спрашиваю у товарищевъ, а тѣ: «онъ переѣхалъ».

— Росписка есть?—спрашиваетъ купецъ.

— Ни Боже мой! Я не грамотная. Давали ужъ мнѣ росписки-то, а тамъ вмѣсто долга-то пѣсни написаны.

— Ну, коли росписки нѣтъ—жалуйся Богу. Можетъ качества какія послѣ себя оставилъ?

— Качествъ у него никакихъ окромя клеенчатой подушки. И ту унесъ. Всей и требухи-то было связка книгъ да подушка.

— Значитъ у васъ теперь свободная комната?—спрашиваетъ дѣвушка въ клеенчатой шляпѣ.

— Какъ есть свободная. Мы на Малой Дворянской... Другой скубентъ въ сочинители нанялся и тоже на ту сторону переѣхалъ. Этотъ ни чего,—за долгъ самоваръ и одѣяло оставилъ.

— Я ищу себѣ комнату на Петербургской,—начинаетъ дѣвушка.—Ежели не дорого возьмете...

— Съ дѣвушками-то-бы не хотѣлось возиться,—перебиваетъ ее женщина.—Теперича кофеи пойдутъ, подтопки подъ таганъ... Смотрите, у насъ ходъ черезъ хозяйку и мы съ мужемъ...

— Ежели не дорого. мнѣ все равно.

— А мужчиновъ водить будете? Съ мужчинами цѣна—безъ мужчиновъ другая. Вы вѣрно съ телеграпа?

Дѣвушка краснѣетъ и молчитъ.

— Можетъ повитуха?—допрашиваетъ ее женщина.—Что-жъ вы не отвѣчаете?

— Я послѣ вашихъ дерзостей и отвѣчать не хочу...

— Вы на счетъ мужчиновъ-то? Которыя ежели по телеграпу или скубенки завсегда къ себѣ пѣсни пѣть водятъ, а то такъ возьметъ да и наѣстся сѣрныхъ спичекъ. Возись потомъ. У меня у кумы жила одна скубенка—кислоту самоварную выпила. Свезли въ больницу, а за квартиру ни копѣйки...

Вдали показывается на водѣ пятно ледянаго сала.

— Смотри, смотри! На ледъ ѣдешъ!—кричитъ купецъ перевозчику.

— Ничего, этотъ ледъ можно съ хлѣбомъ ѣсть,—откликается перевозчикъ и ѣдетъ прямо на пятно.

— Ты ѣшь, а я ѣсть не стану. Ахъ, ты, Господи! Вотъ сунуло-то на яликъ! Подрядъ, вѣдь, братцы, брать ѣду. Утону и подряда не взять. Залоги везу. Пронеси Богородица!

— Мы и сами за подрядомъ ѣдемъ,—снова вставляетъ слово мастеровой.

— Какіе твои подряды, купоросная твоя душа!—огрызается купецъ.—Перевозчикъ! Что-жъ ты на льдину-то?.. Ворочайся назадъ! Я не позволю!—кричитъ онъ.

— Я позволю! перебиваетъ его мастеровой.—Бери, землякъ, Плевну! Наши на землѣ ее взяли, а мы на водѣ! Ура!

— Ахъ, ты дубина, дубина! Перевозчикъ—назадъ! Господа, братцы! Вѣдь у меня тысяча рублевъ наличными въ карманѣ! И сиротамъ не достанутся.

Ледяное пятно проѣхали. Въ яликѣ смѣются.

— Вы только хуже своимъ крикомъ и размахиваніемъ дѣлаете,—замѣчаетъ купцу чиновникъ.—Какъ можно въ яликѣ

вскакивать? Долго-ли до грѣха! И чево вы боитесь? Хуже мы васъ, что-ли? Отчего-же я сижу безъ робости?

— Эхъ, ваше благородіе!—протягиваетъ купецъ.—Вы чиновники, вашего брата много въ департаментѣ; утонете—за васъ ваше дѣло другой справитъ, возьметъ перо и справитъ, а я одинъ во всемъ своемъ составѣ. Кто, окромя меня, подрядъ возьметъ!

— Чортъ знаетъ, что вы городите, почтенный коммерсантъ!

— Нѣтъ, я дѣло... Какое такое ваше чиновничье упованіе къ празднику? Пятьдесятъ цѣлковыхъ награды и, окромя того, кошкѣ на говядину не очистится даже, а я отъ своего подряда можетъ каменный домъ у себя на пустопорожнемъ мѣстѣ вытянуть могу. Вотъ вы и учтите, кому жизнь краше.

— Эхъ, толстопузый, толстопузый! Всякому своя слеза солона!—упрекаетъ купца женщина.

— Молчи, долгогривая! Правда, ваше благородіе, я на счетъ упованія-то?—пристаетъ онъ съ вопросомъ къ чиновнику и трогаетъ его за колѣнку.

— На такія рѣчи и отвѣчать нельзя, а можно только посовѣтывать вамъ послѣ взятія подряда отправиться въ сумасшедшій домъ и сѣсть тамъ,—произноситъ чиновникъ и отворачивается.

— Ничего, сядемъ! Съ выгоднымъ дровянымъ подрядомъ и въ сумасшедшемъ домѣ хорошо!—радостно восклицаетъ купецъ, видя что яликъ приближается къ плоту.—Зима-то нонѣ гдѣ? Много-ли ее осталось? Ну, а дровъ-то у насъ позапасено! На, получай свои двѣ копѣйки!—швыряетъ онъ перевозчику деньги.

Яликъ причаливаетъ къ плоту.

ПО ОБѢЩАНІЮ.

Мелочная лавочка, какъ она быть должна, съ ея обычной всѣмъ извѣстой обстановкой. За стойкой рыжебородый приказчикъ въ серебряной часовой цѣпочкѣ черезъ шею и нѣсколько подручныхъ мальчишекъ въ тулупахъ. Идетъ «отпущеніе» товаровъ. На деревянномъ ларѣ около выручки сидитъ лакей съ папироской въ зубахъ. Въ одномъ углу сморщенная старушенка въ капорѣ и полиняломъ салопѣ тыкаетъ пальцемъ въ кадушку съ масломъ и лижетъ его, пробуя масло; въ другомъ—мастеровой въ тиковомъ халатѣ и съ ремешкомъ на головѣ покупаетъ вареную треску. Входитъ кухарка, озирается по сторонамъ и грызетъ подсолнухи.

— Отпустите полъ-сальной свѣчки,—говоритъ она.

— Хорошо, извольте-съ —отвѣчаетъ приказчикъ.—Куда вамъ такая большая партія этого самаго товара потребовалась?—спрашиваетъ онъ.—Петли у дверей смазывать, что-ли?

— Нѣтъ, носъ у хозяйки. Такое поврежденіе получила, что ужасти подобно! Даже хрящъ съ мѣста сдвинулъ; ну, а она сегодня вечеромъ на имянины сбирается, такъ думаетъ нельзя-ли саломъ замазать, чтобы ужь не очень были царапины-то замѣтны.

— Отъ «самого?».

— Конечно, отъ мужа. Нешто посторонній человѣкъ станетъ женщину бить?

-- Видно, вчера опять Карсъ бралъ?—допытывается приказчикъ.

— Не вчера, а сегодня. Вчера онъ въ Кіевъ на богомолье отправился, а сегодня по утру и избилъ ее.

— То-есть какъ это: вчера на богомолье, а сегодня избилъ. Нешто съ дороги можно? Вѣдь она дома.

— И она дома, и онъ дома. У насъ нешто на богомолье ходятъ какъ у людей? У насъ иначе, у насъ дома ходятъ въ Кіевъ, по комнатамъ.

Приказчикъ выражаетъ полнѣйшее недоумѣніе. Къ разговору начинаютъ прислушиваться лакей и остальные покупатели.

— Была это у него, значитъ, въ лавкѣ неугасимая обѣщальная лампадка,—продолжаетъ кухарка: — ну, онъ и совершилъ великій грѣхъ, забылъ ее затеплить, а теперь и кается. «На мнѣ, говоритъ, родительская анафема сидитъ, такъ надо ее снять добродѣтелью». Вотъ теперь и снимаетъ: узналъ сколько верстъ отсюда до Кіева да и отмѣриваетъ ихъ по горницѣ ходя. Дойдетъ до тысячи шаговъ и отмѣтитъ ихъ по костяшкамъ на счетахъ. Тутъ-же у него въ гостинной на столѣ и счеты лавочные лежатъ. «Петербургъ, говоритъ, мнѣ оставить нельзя, потому приказчики безъ меня лавку разворуютъ, а здѣсь я по десяти верстъ въ день кіевскаго богомолья отмѣриваю, значитъ сподвижничаю, да къ тому-же и лавку свою соблюдаю и людей въ воровской грѣхъ не ввожу».

— Мудрено что-то!—разводитъ руками приказчикъ.

— Да ужъ такъ мудрено, что мы съ диву дивуемся, да поди-жъ ты поговори съ нимъ,—отвѣчаетъ кухарка.—И въ это время какъ только ему что поперекъ скажешь, сейчасъ онъ четки въ сторону и за полѣно хватается. Вчера десять верстъ отмѣрилъ, а сегодня на пятой верстѣ жена ему поперечила, онъ и давай ее таскать.

— Истинно премудрость! И слыхомъ не слыхали про такое хожденіе. Такъ какъ-же онъ ее избилъ-то? Вѣдь страннымъ есть предписано въ кротости себя соблюдать?—снова задаетъ вопросъ приказчикъ.

— Извѣстно, пьяный. А пьянству что?...

— Какъ и пьетъ?

— Не то чтобъ въ лежку пилъ, а крѣпко зашибаетъ, хотя и на ногахъ твердъ. «Въ дорогѣ, говоритъ, и монашествующимъ есть разрѣшеніе вина для подкрѣпленія силъ».

— Ай да сподвижникъ!—восклицаетъ кто-то.

— Теперича ходитъ, ходитъ по комнатамъ, устанетъ и сдѣлаетъ привалъ. А привалъ въ спальнѣ и тутъ у него водка поставлена. Да ужъ очень зачастилъ что-то сегодня приваливать-то — ну и вышла карусель: потому съ утра, и главное онъ по-

стится, не токма-что рыбы, а даже съ масломъ и горячей пищи не вкушаетъ. Извѣстно отъ этого онъ отощавши, ну на него и дѣйствуетъ.

— Горячей пищи не вкушаетъ, а водку трескаетъ. Ай да странникъ!—дивится приказчикъ.

— Водка,—говоритъ,—постная, хлѣбная, она изъ ржанныхъ зеренъ гонится.

— Чудно! Когда-же онъ такимъ порядкомъ дойдетъ до Кіева?

— Къ Рождеству дойдетъ. Пудовую свѣчку поставитъ, — поясняетъ кухарка.—Да еще что: по дорогѣ хочетъ въ Новгородъ свернуть. Въ Новгородѣ-то, по нашему разсчету, онъ въ будущую среду будетъ. Давай, Митричъ, скорѣй сальную-то свѣчку, —обращается къ приказчику кухарка.—Мы безъ него и помажемся. Онъ теперь въ лавку уѣхалъ, тамъ воюетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, только ужъ ты попроси у него, чтобъ онъ мнѣ ладонку изъ Кіева привезъ.

— Привезетъ, какже... Держи карманъ! Нѣтъ, онъ теперь алчнѣе Кащея безсмертнаго. Стала я ему вчера постель въ столовой изъ сѣна слать. Ну, у насъ своего сѣна нѣтъ, я и купила у полковницкаго кучера, такъ зачѣмъ на пятіалтынный купила, а не на пятачокъ. Ругательски изругалъ.

— Значитъ онъ у васъ ужъ и спитъ по походному?

— Совсѣмъ по походному, какъ значитъ странники на пути. Даже и камни подъ сѣно подкладываетъ, ну, а подъ голову котомку. Вѣдь онъ съ котомкой за плечами у насъ по горницамъ-то шагаетъ... И палка у него въ рукахъ дорожная.

— Ну, на камняхъ-то ему послѣ двухспальнаго пуховика не больно мягко спать... Поди ворочается, ворочается,—замѣчаетъ сидящій около выручки лакей.

— Куда! Какъ въ воду опущенный спалъ. Вѣдь пьяному-то все равно: онъ и такъ на каменной мостовой выспится, а тутъ все-таки сѣно. Такъ вчера всю ночь насвистывалъ и храпѣлъ, что на меня даже ужасъ напалъ. Думала ужъ не домовые-ли на чердакѣ возятся.

— Пожалуйте полъ-сальной свѣчечки. Желаю вашей хозяйкѣ отъ поврежденій исправиться, —говоритъ приказчикъ, подавая кухаркѣ свертокъ. — Вотъ, братъ, Алексѣй Филатычъ, дѣла-то какія бываютъ, —обращается онъ къ лакею.

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО КОЛПИНА.

Въ вагонъ третьяго класса, стоявшій на петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги, загнали уже нородъ. Тѣсно, душно, пахнетъ тулупомъ, сапогами; какою-то затхлою сыростью. Пассажиры самые разношерстные. Кого только тутъ нѣтъ. Монахъ съ сборной книжкой, мужики съ пилами въ чехлахъ, пьяный мастеровой въ синемъ кафтанѣ съ наваченнымъ задомъ и съ гармоніей въ рукахъ, баба съ груднымъ ребенкомъ, солдатъ, стриженая дѣвушка въ очкахъ и клеенчатой шляпѣ, и околоточный и пр. и пр. Ждутъ третьяго звонка. На одной изъ скамеекъ у окна пріютился молодой человѣкъ съ русой бородкой, въ конфедераткѣ, въ нарядной коротенькой дубленкѣ и въ высокихъ сапогахъ. Какъ разъ противъ него сидитъ чуйка съ клинистой бородкой. Шея его обвязана гаруснымъ шарфомъ и согнута на бокъ. По временамъ онъ держится за нее и стонетъ. Молодой человѣкъ въ дубленкѣ смотритъ на него въ упоръ.

— Нездоровы?—спрашиваетъ онъ.

— Даже ужасти! — отвѣчаетъ чуйка.—Теперича шею вотъ въ этомъ самомъ хомутномъ мѣстѣ словно кто тюрпугомъ... Такъ и винтитъ. И въ голову какъ-бы кто полѣномъ... Распрямиться не могу. Ой!..

— Это у васъ ревматизмъ.

— Неумытый его знаетъ, что такое, а только деретъ. Справляли мы тутъ престолъ у земляковъ, ну, я и залегъ хмѣльной на окно спать; проснулся—страсти подобно. Охъ!

— Надуло сильно. Надо холодомъ лѣчиться, льдомъ, снѣгомъ. Со мной на охотѣ тоже нѣсколько разъ бывало. Ночуешь какъ попало, ну, и схватишь ломоту,—разсказываетъ молодой человѣкъ. Да вотъ что,—прибавляетъ онъ:—возьмите сейчасъ

мѣдный пятакъ, положите его къ холодному стеклу и какъ онъ сдѣлается холодный — прикладывайте къ больному мѣсту.

— Поможетъ?

— Сейчасъ облегченіе получите.

Чуйка разматываетъ шарфъ, беретъ пятакъ, и находивъ его на мерзломъ стеклѣ, прикладываетъ къ шеѣ. Молодой человѣкъ достаетъ книгу и начинаетъ читать. Прошло минуты двѣ.

— Баринъ, господинъ,—говоритъ чуйка.—А, вѣдь, ломота-то прошла и по головѣ не бьетъ, и шея распрямляется! Во!

— Ну, и отлично. Я по опыту... —отвѣчаетъ тотъ.

— И какъ чудесно! Просто какъ рукой сняло!—продолжаетъ чуйка.—Ну, теперь и водочки дербалызнуть можно, а то, вѣрите-ли, и не тянетъ къ ней.

Онъ достаетъ полштофъ изъ кармана, булькаетъ черезъ горлышко добрую порцію, и вставъ съ мѣста, начинаетъ ходить по вагону. Третій звонокъ. Поѣздъ трогается.

Молодой человѣкъ продолжаетъ читать. А чуйка, слегка захмѣлѣвъ, разсказываетъ всѣмъ и каждому о своемъ избавленіи.

— Докторъ, настоящій докторъ... И главное дѣло простой, примѣтами лѣчитъ! Въ одинъ мигъ!—доносятся до ушей молодаго человѣка возгласы чуйки.

На него указываютъ пальцами. Мало-по-малу онъ дѣлается героемъ вагона. Къ нему подсаживается баба съ ребенкомъ.

— Прости, родименькій. На, вотъ, бараночекъ связочку прежде всего,—говоритъ она.—Дитя у меня животомъ мается. Теперича какъ вдаритъ, инда взвизгнетъ, посинѣетъ весь и давай ревѣть...

— Я, матушка, не докторъ, я не лѣчу, — въ недоумѣніи отвѣчаетъ молодой человѣкъ.—Возьми свои баранки.

— А сосѣда-то сей-часъ вылѣчилъ. Помоги и намъ. Пробовала я и медомъ его передъ печкой мазать...

— Сосѣду я такъ, къ слову... Общеизвѣстное средство...

— Ну, и намъ къ слову это средство. Ребенокъ махонькій, долго-ли до грѣха? На вотъ еще двугривенничекъ.

— Повторяю тебѣ, что я не лѣчу. Оставь меня, дай читать.

Баба со вздохомъ поднимается съ мѣста.

— Ну, что? Не принялъ?—встрѣчаетъ ее вопросомъ мастеровой съ гармоніей.—А все отъ того, что питерской снаровки не знаешь... А меня вотъ сейчасъ приметъ.

— Ваше высокоблагородіе, будьте къ мастеровому человѣку въ благосклонномъ благоутробіи,—говоритъ онъ, подсаживаясь къ молодому человѣку. — У меня вотъ въ поясахъ ной происходитъ. Теперича, какъ вотъ одинъ глазъ прищурю и понатужусь—хуже, даже подчасъ смерти подобно... Только виномъ и спасаюсь. Но, помилуйте—раззоренье. Иной день на полштофъ не выработаешь... Явите божескую милость... Пользовалъ меня тутъ одинъ коновалъ лошадиной пѣной съ кирпичемъ...

— Голубчикъ, я не докторъ, я не лѣчу, — отрывается отъ чтенія молодой человѣкъ.

Мастеровой грозитъ ему пальцемъ.

— Врешь, баринъ! Лѣчишь! А только ты свое благоутробіе на бѣднаго человѣка не хочешь показать.

— Оставь меня, мой милый, дай мнѣ почитать. Иди и садись на свое мѣсто.

— Что-жъ, я пойду, — обидчиво произноситъ мастеровой и встаетъ!—А только я къ тебѣ лаской, а ты брыкаешься. Погоди и самого скрючитъ. Вѣдь знахари-то сами себя лѣчить не могутъ.

— Что взялъ?—дразнятъ садящагося на свое мѣсто мастероваго.—Протурили?

— И вовсе не протурили! А просто я его уважать не хотѣлъ.

Проходитъ минутъ пять. Противъ молодаго человѣка садится жирный купецъ въ енотовой шубѣ и начинаетъ тяжело вздыхать. Потомъ дышетъ на стекло вагона и выводитъ на немъ пальцемъ вавилоны, а самъ косится на молодаго человѣка.

— Сна нѣтъ у меня, — произноситъ онъ, наконецъ, обращаясь къ нему.—Потомъ пужаюсь всего. Какъ заведу глаза—сейчасъ либо черти, либо вѣдьмы съ зелеными хвостами, а то такъ, просто, голыя мертвыя тѣла по горницѣ носятся и холодъ отъ нихъ.

Молодой человѣкъ поднимаетъ голову отъ книги и улыбается.

— Да мнѣ-то что-же, наконецъ, за дѣло?—восклицаетъ онъ.

— Какъ что? Да вѣдь вы докторъ? Простыми средствами лѣчите.

— Такой-же докторъ, какъ и вы сами...

Купецъ задумывается.

— Послушайте, господинъ: мы и зелененькую дать въ состояніи, ежели вы простыми средствами... У насъ домъ на Обводной канавѣ.

— Оставьте вы меня въ покоѣ!

— И записку насчетъ жильной крови дать не можете?

— Уйдите пожалуйста.

Купецъ поднимается съ мѣста.

— И купца прогналъ,—толкуютъ въ вагонѣ.

Черезъ десять минутъ передъ молодымъ человѣкомъ садится монахъ и начинаетъ разуваться.

— Аще странному человѣку поможешь... —начинаетъ онъ.

— Вамъ что?

— Рана вотъ у меня, ваше боголюбіе, на ногѣ...

— Это истинное наказаніе! оставьте меня въ покоѣ! Я не лѣчу! Я не докторъ! И дернуло меня!

Еще черезъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ монаха сидитъ уже женщина въ ковровомъ платкѣ на головѣ.

— А заочно вы, господинъ докторъ, лѣчите? Мужъ у меня на прошлой недѣлѣ сверзился съ лѣстницы... Аккуратъ въ Михайловъ день. Съ имянинъ отъ кума хмѣльной шелъ!

— Боже мой! Боже мой!—чуть не скрежещетъ зубами молодой человѣкъ.—Послушайте, долго вы всѣ здѣсь будете меня мучить?

Глаза его сверкнули.

— Уйду, уйду! Простите!.. Я думала, что для женскаго пола...—бормочетъ испугавшаяся женщина и отскакиваетъ прочь, но на ея мѣсто сейчасъ-же садится околоточный.

— Билетъ отъ медицинскаго департамента на дозволеніе заниматься медицинской практикой имѣете?—прямо и безъ обиняковъ, спрашиваетъ онъ.

— Ничего я не имѣю. Послушайте, вы неглупый человѣкъ...

— А какъ-же сейчасъ тутъ пассажира вылѣчили? Знаете-ли, что по силѣ статьи...

Раздается свистокъ. Поѣздъ останавливается. «Станція Колпино!»—возглашаетъ кондукторъ. Молодой человѣкъ хватаетъ свой багажъ и бѣжитъ въ другой вагонъ.

— Баринъ! Господинъ! Господинъ докторъ!—кричатъ ему въ слѣдъ, но онъ не оборачивается.

Клубныя дамы.

Нѣмецкій клубъ. Семейно-танцовальный вечеръ съ спектаклемъ. Спектакль только-что кончился. Ловкачи-полотеры въ красныхъ рубахахъ растаскиваютъ стулья и подметаютъ полъ, приготовляя залу для танцующихъ. На сценѣ устраивается дирижеръ Вухерпфенигъ съ своими музыкантами. Вонъ внесли барабанъ, втащили контръ-бассъ.

По залѣ прогуливаются гости, члены и глотаютъ пыль. Шныряютъ истомленныя ежедневнымъ мотаніемъ по клубамъ тщедушныя дамы. Мужчины язвительно скашиваютъ на нихъ глаза и ищутъ «сюжетцевъ».

— Дивное дѣло,—говоритъ какой-то рыжій бакенбардистъ:— вотъ уже второй мѣсяцъ слѣжу и ни одного свѣженькаго женскаго экземплярчика! Все старинныя завсегдатайки.

Пріятель его, съ клинистой бородкой и съ пенсне на носу, зѣваетъ и смотритъ на музыкантовъ.

— А интересный этотъ инструментъ—контръ-бассъ,—цѣдитъ онъ сквозь зубы.—Вотъ все сбираюсь на немъ играть поучиться...

— Это еще что выдумалъ? Зачѣмъ тебѣ?

— Да говорятъ, отъ зубной боли помогаетъ. Какъ заболятъ зубы, начнешь играть, вспотѣешь, ну и пройдутъ. Наконецъ, все-таки музыка...

— Вздоръ! Зубы лучше коньякомъ полоскать. Пойдемъ, дербалызнемъ по рюмочкѣ.

Въ буфетѣ толпа и идетъ глотаніе веліе. Пиво льется рѣкой. Накурено — страсть, и въ табачномъ дымѣ мелькаютъ опять-таки истомленныя дамы. Вотъ два клубные актера любителя. Къ нимъ подходитъ мѣстный театралъ въ очкахъ и съ сладенькой улыбкой.

— Кончили? И водевиль кончили?—спрашиваетъ онъ.

— Отбарабанили. Изъ пятаго въ десятое перехватывали. Да помилуйте;—жара, духота... До игры-ли тутъ?

— Нѣтъ, превосходно, прелестно, художественно! — восторгается театралъ.—Въ особенности вамъ удался монологъ въ третьемъ актѣ...

— Да не мнѣ и говорить-то его слѣдовало, а любовнику. Суфлеръ подаетъ, тотъ зазѣвался, ну я и отбарабанилъ его на скору руку. Еще, говорятъ, оказія вышла. Суфлеръ подаетъ: «онъ въ душѣ своей коканецъ и киргизъ-кайсакъ», а я не дослышалъ да какъ брякну: «онъ въ душѣ своей какъ агнецъ и дуракъ!» Ничего, сошло!

— Помилуйте, восторгъ, восторгъ! Выпить чего не хотите-ли?

— Пожалуй, маленькую заканифолю.

Въ карточной комнатѣ отъ дыму хоть топоръ повѣсь. «Въ двадцать копѣекъ мѣсто свободное!»—выкрикиваетъ карточникъ. За столами сидятъ «мушкари». Мелькаютъ усатыя физіономіи восточныхъ человѣковъ и опять все тѣ-же истомленныя дамы. Лица перекошены отъ азарта. Вонъ одна дама схватила по ошибкѣ вмѣсто мѣлу окурокъ папиросы и хочетъ писать ремизъ.

— Сударыня, это не мѣлъ, а окурокъ...—замѣчаетъ ей кавалеръ.

— Не извольте безпокоиться, смотрите лучше за своей игрой, —огрызается она. —Семь-то мушекъ подъ рядъ проиграешь, такъ не то что окурокъ, а чужой носъ вмѣсто мѣлу схватишь.

— Ну это еще кто позволитъ!

— А ежели вы будете грубить, то я уйду изъ-за стола и денегъ не заплачу.

Въ углу стоятъ двое и мрачно размахиваютъ руками.

— Ну, что?

— До-тла весь полушубокъ вычистили! Даже и мелочь отдалъ. Нельзя-ли здѣсь кому часы заложить?

— А вонъ въ углу жидовинъ сидитъ, такъ ему. Отведи его въ корридоръ да и предложи. Безъ прекословія дастъ.

Голубчикъ, рекомендуй меня ему, потому я въ полтинномъ

столѣ хочу счастіе попробовать. Тамъ новенькій купецъ икряный попался и ремизится—страсть!

А вотъ и двѣ дамы лимонно-сѣраго цвѣта.

— Какъ дѣла, Анна Дмитріевна?

— Охъ, и не говорите! Никакія примѣты ваши не помогли: сегодня и клокъ собачьей шерсти съ собой принесла и куриную лапу—и все-таки проиграла. Нѣтъ-ли у васъ хоть двугривеннаго на извозчика? Шутка ли, на Пески пѣшкомъ плестись!

— Не дамъ родная, ни за что не дамъ съ выигрыша. Сегодня послѣ пятидневнаго проигрыша хоть полтинникъ да очистился. Попросите вонъ у носатаго армянина, да прежде всего улыбнитесь ему поласковѣе. Онъ это любитъ и дастъ.

— Рожа-то, миленькая, у меня не улыбается. Какъ тутъ улыбаться, шестнадцать рублей проигравши! Вѣдь мужъ всего жалованья-то получаетъ шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Завтра просто хоть не жравши сиди. Улыбнитесь ему хоть вы за меня. Вы все таки въ выигрышѣ.

— Ну нѣтъ, улыбаться не стану, а примѣту одну вѣрную скажу: говорятъ, невинныхъ младенцевъ хорошо за себя играть сажать, такъ ежели у васъ дѣточки есть...

— Знаю, знаю я эту штуку, да вотъ бѣда, дѣтей-то сюда не пускаютъ. Ахъ, хорошо еще что дѣло къ веснѣ идетъ, такъ можно мѣховой салопъ заложить!

А вотъ и юная «мушкарка». Глаза разбѣгаются, на щекахъ выступаютъ ярко-багровыя пятна. Робко подходитъ она къ жирному съ отвисшей губой старику, сидящему за чаемъ.

— Послушайте, дайте мнѣ пожалуйста десять рублей взаймы на отыгрышъ, а я вамъ за это квартиру свою покажу, недалеко тутъ, въ Глухомъ переулкѣ...

Старикъ устремляетъ на нее плотоядный взоръ; она опускаетъ глаза и кажется, что изъ глазъ этихъ падаютъ двѣ крупныя слезы и тихо текутъ по закопченному табачнымъ дымомъ лицу.

— Хе... хе... хе...—не то кряхтитъ, не то смѣется плотоядный старикъ.

— Въ пятьдесятъ копѣекъ мѣсто свободное!—выкрикиваетъ карточникъ и заглушаетъ его крехтящій хохотъ.

У ЖИВОРЫБНАГО САДКА.

Майскій вечеръ. Плетутся на «фатеру» съ толстыми деревянными «шабашками» рабочіе съ построекъ; какъ угорѣлые бѣгутъ домой апраксинцы изъ лавокъ. Вотъ остановились на Семеновскомъ мосту; смотрятъ, какъ внизу на рѣкѣ рыбаки перекладываютъ рыбу изъ одного садка въ другой. Блещутъ серебристыми чешуями сиги, лещи, корюшка; какъ змѣи вьются черные налимы.

— А самая грѣшная эта рыба налимъ!—со вздохомъ замѣчаетъ какой-то мастеровой въ отрепаномъ пальтишкѣ и съ прядью шелка, висящей съ уха.

— Почему-же? откликается кто-то.

— Своего брата глотаетъ, вотъ почему, а ужь это послѣднее дѣло! Теперича корюха, мелкая плотичка—къ налиму лучше ужъ и не подходи! Налимъ все равно что купецъ: кого хошь изъ мелкихъ съѣстъ.

Въ разговоръ вмѣшивается купецъ.

— Ты, любезный, врать ври да не завирайся!—говоритъ онъ.—Кого-же это, спрашивается, ѣстъ-то купецъ? Да что онъ акула, что-ли?

— Изнѣстно, акула. Ты разочти: ѣстъ онъ своего приказчика, глотаетъ нашего брата мастероваго, мелкаго сосѣда по лавкѣ ѣстъ. Вотъ меня сейчасъ на шесть гривенъ обглодалъ. Мы портные-штушники будемъ и работаемъ въ лавку. Вынесъ это я ему въ лавку четыре жилетки и ужъ такое у насъ постановленіе, что при его прикладѣ по полтинѣ со штуки платить, а онъ меня разчелъ по три гривенника съ пятакомъ. Придрался къ тому, что поздно. «Ты-бы, говоритъ, еще ночью вынесъ. У меня днемъ покупатель на эти самыя жилетки наклевывался. Три раза одинъ

генеральскій сынъ приходилъ». Такъ и не додалъ по пятіалтынному на штуку. Къ мировому тащить—прокламація начнется, а мнѣ деньги до зарѣзу нужны, ну и взялъ! Вотъ теперь пойду къ мелочному лавочнику за харчи платить и тотъ меня за жабры потреплетъ! Четвертакъ безпардонности смѣло урветъ, потому при нашей голости мы больше на книжку, ну а тамъ приписка! Нѣтъ, купецъ—рыба самоглотъ, а насчетъ своей шкуры скользкая, вывертливая. Возьми-ко ты, къ примѣру, купца Овсянникова. Сколькихъ онъ проглотилъ, а самъ все вывертывался.

— Однако попался-же, и теперь соболей ловитъ! — возражаетъ купецъ.

— На всякаго вора есть проруха!—отвѣчаетъ мастеровой.— Такъ и на налима; проглотятъ и его, только ужъ иная рыба, покрупнѣе.—Ну-ко, господинъ налимъ, что смотришь?—обращается онъ къ купцу.—Раскошеливайся да доставай мнѣ, мелкой плотичкѣ, на шкаликъ! Доставай, не стыдись, я за твою налимью душу выпью! Что жалко?

Мастеровой подбочениваетя и въ упоръ смотритъ на купца. Окружающіе смѣются.

— А не дастъ купецъ, не дастъ! Не пошевелитъ потрохами!—слышится отовсюду.

Купца ударяетъ въ краску.

— Не дамъ? Анъ врете, любезные!—горячится онъ.—На, получай на полштофа!

Онъ лѣзетъ въ карманъ за деньгами, поспѣшно суетъ мастеровому въ руку два пятіалтынныхъ, и окинувъ взоромъ присутствующихъ, торжественно трогается съ мѣста, важно поднявъ голову и заложа за спину руки.

— Вотъ и корюшкѣ удалось попотрошить налима!—восклицаетъ мастеровой.—Чудно, братцы! Ей-ей чудно!—мотаетъ онъ головой.

СЕМИКЪ.

Четвергъ передъ Троицынымъ днемъ. Семикъ. Дѣвичій праздникъ. Въ этотъ день березки завиваютъ, вѣнками на рѣкѣ гадаютъ. Центру Петербурга семикъ и не извѣстенъ, но на нѣкоторыхъ окраинахъ—его и посейчасъ справляютъ. Вонъ въ Ямской часамъ къ четыремъ дня ужъ и работать покончили. Мастеровой народъ шныряетъ по трактирамъ и кабакамъ. Пришли капорки-полольщицы съ сосѣднихъ огородовъ и ходятъ по улицамъ съ пѣснями на соблазнъ стоящимъ на постахъ городовымъ. Запѣвала несетъ въ рукахъ березку, убранную лентами и кусочками яркаго ситцу. Березки продаются въ возахъ чуть не на каждомъ перекресткѣ и усердно раскупаются народомъ. Квартиры, лавки, питейныя заведенія—все украшено березками. Даже городовой соблазнился и поставилъ парочку около входа своей будки. Ѣдутъ ломовики-извозчики на «фатеру»—и у тѣхъ дуги лошадей убраны березками! Хозяйствующій людъ празднуетъ семикъ многоѣденіемъ. Съ утра запечены окорока, зажарены ноги телятины. У купцовъ въ домахъ гости. У отворенныхъ оконъ сидятъ дѣвицы и грызутъ подсолнечныя зерна и кедровые орѣхи. Около оконъ останавливаются поющія бабы и дѣвушки. Имъ бросаютъ мелкія деньги, насыпаютъ въ передники угощеніе. Пришли разносчики, хорошо чующіе всякій праздникъ. На пустопорожнихъ мѣстахъ мастеровой народъ ломаетъ пряники, играетъ на конусо-образные гречневики. Пьяныхъ въ изобиліи; крѣпкое слово въ обыкновеніи. Ласковая ругань такъ и стоитъ въ воздухѣ.

— Ну, что, Маша, завивала ты сегодня березку?—спрашиваетъ хозяйская дочка свою подругу.

— Четыре раза завивала, да безо всякаго интереса! Работники наши не смѣютъ со мной возжаться, съ прикащиками я

сама держу себя въ аккуратѣ, а окромя того, кого-же у насъ здѣсь встрѣтишь? Нѣтъ, дѣвушка, вотъ въ третьемъ году у насъ офицеры были на постоѣ, такъ тѣ совсѣмъ другой сюжетъ! Только-что это завила я березку около экипажнаго сарая, вдругъ одинъ изъ нихъ увидалъ изъ окошка и выбѣгаетъ на дворъ съ благородствомъ во взорѣ. Сейчасъ это рядышкомъ на той-же березкѣ вѣнокъ завилъ, а мнѣ ликерное сердце въ руки подаетъ и двѣ шеколадныя палки.

— Ну и что-же, поцѣловалась ты съ нимъ чрезъ вѣнокъ?

— Три раза. Что-жъ, ужъ это такое обнаковеніе. Тутъ стыда нѣтъ. Вотъ поди-жъ ты, и офицеръ такой-же человѣкъ, а насчетъ губъ совсѣмъ иная кассація супротивъ штацкаго! Во-первыхъ, усы духами смазаны, а отъ самого ни лукомъ, ни дегтемъ, ни какимъ извозчичьимъ запахомъ не отдаетъ.

— А вотъ за эти слова взять-бы тебя за косу,—доносится изъ сосѣдней комнаты,—да завинтивши покруче карналинъ!..

— Ахъ, Боже мой! Это тятенька!

Дѣвушки взвизгиваютъ, и гремя юбками, бросаются вонъ изъ комнаты. Вотъ онѣ и на крыльцѣ, выходящемъ на дворъ. Къ нимъ подходитъ молодой хозяйскій сынъ въ укороченной сибиркѣ и съ поползновеніемъ на франтовство. Жилетка на немъ травками, золотая цѣпь черезъ шею, фуражка съ заломомъ и съ такимъ глянцевымъ козыремъ, что въ него хоть глядись.

— Визгливой женской націи по куску почтенія!—раскланивается онъ.—Пойдемте на голубятню прокламацію разводить—тамъ чудо природы покажу. Такой турманъ есть, что умнѣе человѣка.

— Это вамъ голуби интересны, а къ намъ они даже и въ составъ не входятъ!—отвѣчаютъ дѣвицы.—Потому по вашимъ извощичьимъ понятіямъ у васъ даже и благородныхъ чувствъ не бывало...

— Гдѣ-же намъ генеральскихъ понятіевъ набраться, коли мы около дышла да оглобли весь свой вѣкъ тремся, гужомъ закусываемъ, да шкворнемъ обтираемся! А только вы нашимъ братомъ напрасно гнушаться изволите; у насъ тридцать легковыхъ закладокъ да двадцать восемь лошадей въ дышлахъ ходятъ.

— Это намъ все равно, что наплевать!

— Ахъ, оставьте, какія нониче принцессы въ Ямской на дровяныхъ дворахъ развелись! Вы съ бутовой-то плитой да съ кирпичемъ не за графа-ли замужъ трафите? А вотъ у насъ съ тятенькой и рекрутская квитанція есть. Мы и къ солдатчинѣ неприступны.

— Хорошее пусть при васъ и останется!

— Окромя того, домъ каменный покупаемъ. Самоигральные фортепіаны въ гостинной заведемъ.

— Сами ихъ и ѣшьте!

— Зачѣмъ такой афронтъ, Лизавета Миколавна! Мы къ вамъ всей душей и даже еще сегодня съ вашимъ тятенькой въ трактирѣ китайскими травами баловались, а вы къ намъ задомъ. У насъ тоже и денежки гремятъ. Во они! Пойду сейчасъ на улицу и начну капоркамъ за пѣсни раздавать.

— На это вашей глупости хватитъ!

— Ахъ, Боже мой, какіе куплеты съ вашей стороны, а мы къ вамъ фунтомъ конфетъ подольститься хотѣли.

Лиза андилъ, какъ ни стыдно
Сердце взять и не отдать?

Хотите сейчасъ за ваше здоровье трехрублевую бумажку разорву и въ Лиговку кину? Во какъ мы васъ цѣнимъ!

— Дуракъ!

ЖАБА.

Вечеръ. За воротами одной изъ дачъ Лѣснаго сидитъ кучеръ съ окладистой бородой и куритъ махорочную папиросу, свернутую изъ трефоваго валета. Мимо по аллеѣ проходятъ двѣ горничныя съ вѣтками сирени въ рукахъ. Кучеръ скашиваетъ глаза и произноситъ:

— Эхъ, кругленькія! Таперича ежели отдать за васъ все серебро и всѣ мѣдныя, такъ и то мало будетъ!

— Пожалуйста безъ комплементовъ, отвѣчаютъ горничныя.

— Тѣльце нагуливаете, миндальныя?—задаетъ онъ вопросъ.

— Да, гуляемъ, только вотъ комары одолѣли.

— Нѣжное на нѣжное и садится—порядокъ извѣстный! Милости прошу къ нашему шалашу!

Горничныя садятся рядомъ съ нимъ на скамейку.

— Что это у васъ, махорка? Фу, какую вы гадость курите! Курили-бы лучше цигарки,—говорятъ онѣ и морщатся.

— Цигарки только першатъ, а махорка грудь отъ дряни очищаетъ.

— А въ васъ нешто много дряни?

— Какъ и во всякомъ человѣкѣ достаточно. Во мнѣ разъ даже жаба сидѣла.

— Фу, какіе страшные куплеты вы про себя разсказываете! Даже слушать непріятно. Что-жъ вы испорчены были?

— Нѣтъ, не испорченъ, а надо полагать лягушку невзначай проглотилъ, ну жаба и завелась внутри. Я въ больницѣ лежалъ. Лѣкаря смотрѣли, смотрѣли да и говорятъ: «у тебя, другъ любезный, жаба». А можно, я говорю, ее, ваше благородіе, согнать? «Попробуемъ», говорятъ. Да вмѣсто того, чтобы согнать-то, взяли ее да внутро и вогнали. Сначала она мнѣ горло душила, ну а потомъ внутро...

— Ай, страсти какія!—всплескиваютъ руками горничныя.— Ну, и какъ-же вы?

— Выписался я въ тѣ поры изъ больницы и такъ пить

сталъ, что даже не удержимо... То-есть не я, а эта самая жаба, потому она внутри сидитъ и винища проситъ. Допрежь того я отъ махонькаго стаканчика морщился, а тутъ только подавай. По штофу въ день цѣдилъ.

— Что-же, она пищала тамъ?

— Нѣтъ, не пищала, а какъ-бы гоготаніе какое-то слышно было, а потомъ сосетъ подъ сердцемъ. Просто мочи нѣтъ! А какъ зальешь ее виномъ — и ничего. На мѣстахъ меня перестали держать. Въ одинъ годъ по шести мѣстамъ толкался. Купецъ Ахлебовъ даже къ запойному доктору меня возилъ, двѣ красненькіе ему пожертвовалъ—ничего не помогло; еще хуже пить сталъ, да простой мужичекъ, скорнякъ, меня за старыя голенищи выпользовалъ.

— Что-же, эта самая жаба наружу вышла?—задаютъ вопросы горничныя.

— Вылѣзла, подлая, но только во снѣ. Скорнякъ мнѣ и слѣдъ ейный на полу показывалъ. И какъ, дѣвушки, она меня только оставила, сейчасъ я и пить пересталъ, сходилъ въ баню и покончилъ. И съ той поры—ни-ии. Пивкомъ балуюсь, а насчетъ вина—Боже избави! заканчиваетъ кучеръ.

Горничныя сидятъ молча и болтаютъ ногами.

— А вы намъ лучше взамѣнъ жабы, что-нибудь про любовь разскажите!—кокетливо замѣчаетъ горничная.

За ворота выходитъ молодой лакей.

— Терентій! Ты это что здѣсь проклажаешься?—говоритъ онъ.—Иди закладывать. Самъ ѣхать надумалъ.

— Врешь?!

— Вотъ тѣ ель бокомъ. Лопни глаза у пня. Что мнешься-то? Иди.

— Экъ его чортъ въ эту пору!.. Вотъ лѣшій-то!—ругается кучеръ.

Лакей разражается хохотомъ.

— Что? Испугался? Сиди, сиди, пѣтушья твоя голова! Это я такъ, пошутилъ на счетъ барина. Давай-ко лучше женское сословіе забавлять!

Подымается визгъ. На балконъ выходитъ баринъ въ халатѣ.

— Терентій! Никаноръ! Вы это чего развозились? Тише!—кричитъ онъ.

За воротами все умолкаетъ.

ВЪ ЛИВАДІИ.

Увеселительный садъ Ливадія. Разношерстнаго народу—гибель. Молчановъ съ русскими «пѣсельниками» привлекъ и нѣсколько чуекъ въ сапогахъ «бутылками». Мелькаютъ глянцевые козыри картузовъ приказчиковъ «съ берегу», артельщиковъ съ биржи. Девятый часъ въ началѣ, а потому еще чинно. Пьяныхъ не видать. Пароходъ подвозитъ публику. На верхнемъ балконѣ ресторана стоятъ длиннополыя «пальты», жилетки «травками», часовыя цѣпочки черезъ шею. Одинъ, молодой, завитъ «въ буклю» и жирно напомаженъ, другой, постарше, съ расчесанной бородой. Они смотрятъ на выходящій съ парохода народъ.

— Главная статья въ томъ, что четыре гривенника съ дармовымъ проѣздомъ отъ Лѣтняго сада,—вотъ оно сюда народъ и претъ, потому лестно,—говоритъ молодой.—Вишь ты, головъ-то внизу сколько! Видимо не видимо! А что, дяденька, ежели на парей идти и бросать отсюда чѣмъ ни есть начать, на мужскія головы больше попадать будешъ или на женскія?—обращается онъ къ солидному товарищу.

— Тише ты! Нишкни! Вишь что выдумалъ! — останавливаетъ его тотъ.

— Да я ничего, я только къ слову...

— То-то. Безобразить не слѣдъ. Здѣсь все на солидарности основано: купецъ основательный съ сожительницей, офицеръ, который ежели поскромнѣе. На что вонъ мамзель и та безъ безобразіевъ, а солидарно гуляетъ.

— Это, дяденька, Меркулъ Захарычъ, пока всѐ въ свѣжести, такъ точно... А погоди, ужо въ голову вступитъ, такъ сейчасъ и альбомы начнутся. Стоитъ только одному колѣно отмочить, а тамъ и пошло! Здѣсь въ буфетѣ за десять серебра

во какую отпущаютъ, двухъ-спальную... Опрокинулъ пятокъ, ну и шабашъ!

«Пальты» сходятъ внизъ.

— Чуйка?..

— Что чай! Теплая сырость и больше ничего! А насчетъ собачекъ подождать надо. Ужо загвоздимъ по парочкѣ, а теперь рано. Вонъ пойдемъ на прудъ посмотримъ. Поди карасей держутъ?

— Просто, надо статься, для замоканія бочекъ выкопали. Пьяныхъ хорошо отливать.

«Пальты» подошли, посмотрѣли въ прудъ, поспорили, можетъ-ли въ немъ водиться лещь и судачина, и отошли зѣвая.

— А что, дяденька, развѣ по пунштику дербалызнуть?— снова предлагаетъ молодой.

— Крѣпись, Вуколка, крѣпись! Вишь тебя подмываетъ!

— Нѣтъ, я такъ къ слову... Потому равнодушно ужъ очень на людей смотришь, никакой веселости нѣтъ.

Встрѣчается знакомое семейство: «самъ», «сама» и ихъ дочка... На самой двуличневая косынка на головѣ, въ ушахъ длинныя серьги. Племянникъ и дядя раскланиваются.

— Семенъ Парамонычъ! Какими судьбами?.. Господи!—восклицаютъ они.

— Грызли, грызли у себя въ Ямской орѣхи, инда одурь взяла. Что-жъ, думаемъ вѣдь и мы люди. Взяли, да и поѣхали. Вотъ теперь и осматриваемъ. Ничего, заведеніе знатное!

— Ну, а дамамъ какъ? Нравится вамъ, Дарья Семеновна?— задаетъ дѣвушкѣ вопросъ пальто, завитое «въ буклю».

— Чудесно! А то у насъ въ Ямской одно развлеченіе— Волково кладбище. А здѣсь ужъ даже и сравненія нѣтъ,— отвѣчаетъ та.

— Чашку щиколаду выкушаете, такъ еще будетъ занимательнѣе. Семенъ Парамонычъ, дозвольте вашу дамскую напію щиколадомъ угостить? Сегодня щебенку выгодно продали.

— Вали! Ну, а мы-то какъ-же?

— Мы по благости по рюмочкѣ. Такъ чего-нибудь слабенькаго. Вотъ и столикъ. Пожалуйте! Молодцы! Прислужающіе! Двѣ чашки щиколаду да троичку хересовъ... — приказываетъ молодое пальто.—На закуску огурчикъ...

— Что хереса! Нацѣди лучше православнаго по стакан-

чику, да разруби букивротецъ на троихъ, — останавливаетъ лакея отецъ семейства.

— Ловко-ли будетъ съ водки-то начинать, Семенъ Парамонычъ?—ломается завитой «въ буклю».—Вы съ дамскимъ сословіемъ, кругомъ спокойно... Къ тому-же вѣдь одной посудой не ограничимся.

— А ты не считай! Черезъ это люди сохнутъ! Прислужающій! Тащи по стаканчику!

Лакей мелькаетъ фальдами и бѣжитъ въ буфетъ. Молодое пальто подсаживается къ дѣвушкѣ. Та складываетъ губы бантикомъ.

— Изволили сморитъся въ дилижанѣ?

— Мы на пароходѣ.

— А не пужались?

— Чего-же тутъ пужаться? Я съ тятенькой, и маменькой. Пароходъ не качаетъ. Вотъ ежели съ хмѣльными да на лодкѣ ѣхать...

— У хмѣльнаго человѣка-съ своя звѣзда-съ. А вотъ ежели кто отъ родителевъ за непочтеніе анафему получилъ, съ тѣмъ страшно. Тридцать девять разъ проѣдетъ, а на сороковой навѣрное опрокинется. Только и спасеніе для того человѣка 77 пауковъ убить. За это анафема наполовину снимается.

— Ахъ страсти! А что, можно эту самую анафему видѣть?

— Я видалъ. У насъ на берегу одинъ крючникъ въ лошадиномъ ведрѣ ее закрестилъ. Зеленая такая и изъ себя какъ бы калачъ... Въ банкѣ у него сидѣла. Кормилъ ее булкой— не жретъ.

— Пищитъ?

— Нѣтъ, какъ-бы мычаніе... Потомъ убилъ. Вѣдь она вънутро человѣка внѣдряется.

Лакей приноситъ водку.

— Пожалуйте! — предлагаетъ отецъ семейства и берется за стаканчикъ.

«Пальты» глотаютъ.

ВЪ ЖАРКІЕ ДНИ.

Полдень. Жара несносная. 25 градусовъ въ тѣни. На улицахъ купеческаго Лѣснаго не видать ни одной дачной души: мужская половина уѣхала въ городъ, женская въ распашныхъ капотахъ и блузахъ изнываетъ, сидя на завѣшенныхъ полотномъ балконахъ и террасахъ, и отпивается чаемъ, квасомъ и молокомъ. Только разносчики, изнемогая подъ ношами, выкрикиваютъ на всѣ лады названіе товаровъ. Тутъ и тверскія бабы съ селедками, нитками и коленкоромъ, ярославскіе мужики со «щетками половыми и грабельками дѣтскими», «братья славяне» съ жестяной посудой, навязчивыя нѣмки съ деревянными метелками и искусственными цвѣтами, жиды, предлагающіе лудить кострюли и самовары, чухны съ масломъ и угольемъ, греки съ губками, татары съ халатами и въ довершеніе всего итальянцы съ шарманками, надоѣдающіе «прелестными звуками Травіаты» и вымогающіе пятаки и гривенники.

— Фу, какая жара! Даже до одури! А тутъ еще эта шарманка несносная!—говоритъ, тяжело дыша, раскраснѣвшаяся купчиха.—Машенька! Кинь ты этому тальянцу что-нибудь, а то онъ до вечера не отстанетъ,—говоритъ она дочери.—О, Господи! Вотъ уже который день ничего не ѣмъ, а только пью. Даже трехкопѣечной булочки не могла за чаемъ съѣсть. Глазами-бы, кажись, не вѣсть что съѣла, а въ нутро нейдетъ. Такая жалость! А вчера это наварили лососины, испекли пирогъ съ зеленымъ лукомъ, циплятъ зажарили. Да такъ все и осталось. Раковъ что-ли купить? Авось, хоть ихъ поѣшь. Кисленькаго-бы чего-нибудь, маринованнаго... Аннушка, не придумаешь-ли ты чего-бы теперь съѣсть?—задаетъ она вопросъ старшей дочери.

— Ахъ, маменька, оставьте! И безъ васъ жарко! Какая

теперь ѣда! Теперь спать надо въ эдакую жару. Ужъ коли вонъ даже интересный романъ читать не можешь—отвѣчаетъ дочка.

— Спать... День спишь, ночь спишь, можно и до сумасшествія доспаться. Вотъ покупаться-бы хорошо, да вѣдь идти надо, а какъ тутъ пойдешь, коли къ тебѣ все прилипаетъ?

— Ну и выходитъ, что надо ночью гулять, а у насъ въ десять часовъ вечера калитки на запорѣ и собаки на дворѣ спущены!

— Ночь! Да кто-же это изъ хорошихъ купеческихъ домовъ по ночамъ гуляетъ? Кто тебя за себя возьметъ послѣ этого? Ты совсѣмъ дура, ангелъ мой.

— Молчите ужъ лучше. Вы умны очень.

Пауза и вздохи.

— Анета! Придумай что-бы такое къ обѣду...—снова начинаетъ мать.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли, маменька!

— Смотри-ка, вонъ разносчикъ англійское печенье продаетъ. Крикни его! Хоть съ чайкомъ позоблить...

— Мнѣ лѣнь, крикните сами.

— Да видишь, у меня даже языкъ отъ жары плохо ворочается. Ну, неужто ты этихъ пустяковъ для матери не хочешь сдѣлать?

— Мнѣ тоже жарко. Велите Прасковьѣ горничной крикнуть.

— Ну, позови Прасковью.

— Не могу, маменька. Я и такъ вся раскисла. Позовите сами.

— Ну, ладно. Это я тебѣ припомню! Попросишь чего-нибудь и ты! Увидишь, какой афронтъ отъ меня получишь,—упрекаетъ мать.—Дѣлать нечего; я сама крикну. Прасковья! Прасковья!—кричитъ она.

Дрябло и глухо звучитъ ея голосъ и походитъ какъ-бы на стонъ. Прибѣгаетъ горничная Прасковья.

— Чего вамъ?

— Позови разносчика съ англійскимъ печеньемъ.

— Да гдѣ же онъ?

— Сейчасъ тутъ былъ у калитки. Выбѣги-ка на улицу, да посмотри.

А коли у калитки былъ, такъ отчего-жъ вы сами-то не крикнули?

— Да намъ лѣнь. Видишь жара какая.

Горничная бѣжитъ на улицу и черезъ нѣсколько времени возвращается.

— Никакого разносчика тамъ и нѣтъ,—говоритъ она.—Вѣрно ушелъ.

— Ну, вотъ и прозѣвали! А все черезъ васъ маменька!—замѣчаетъ дочь.—Я-бы и сама печенья-то погрызла.

— Такъ отчего-жъ ты не крикнула его?

— А отчего вы не крикнули?

Начинается перебранка.

НА ПАПЕРТИ.

Первый зимній мясоѣдъ. Филиповки на носу. Купецъ женится. Вонъ и теперь свадьба. На паперти у церкви столпился народъ всѣхъ мастей и ждетъ пріѣзда невѣсты. Женихъ уже въ церкви. Оттуда неоднократно доносился звонкій басъ пѣвчаго, надсажающагося въ концертѣ жениху.

— Эхъ голосъ-то! Видно сырой говядинкой покормили! — слышится въ толпѣ.

— Просто бабью кожу ѣдятъ. Въ аптекѣ продается... А то такъ затылокъ булавкой накалываютъ. Помогаетъ это, — отвѣчаетъ какой-то мастеровой. — Я вотъ, братцы, одному дивлюсь: какъ это можно по нынѣшнимъ временамъ вѣнчаться?

— А что?

— Да какже... Теперича Черняевъ... Въ газетахъ ультиматумъ пропечатанъ... и все эдакое... Какая-же послѣ этого можетъ быть демаркаціонная линія у насъ въ Россіи? Теперича три приказа было, чтобъ всѣмъ быть на холостомъ положеніи... На какомъ основаніи, коли ежели даже женатые отъ своихъ бабъ бѣгутъ? У насъ двое мастеровыхъ весь провіантъ прекратили... Ужъ ежели турецкая капитуляція взята на границѣ, то шабашъ! Турки ни въ жизнь не будутъ согласны. Султанъ-бы съ удовольствіемъ на нее наплевалъ, потому у него ихъ сорокъ-сороковъ, да баши-бузукъ не дозволитъ....

— Ври больше! Замиреніе вышло. Во все это дѣло англійская конференція ввязалась, а она баба ловкая. Она тридцать семь пудовъ лѣвой рукой поднимаетъ.

— Замиреніе для турки, а баши-бузукъ взялъ да бѣлаго арапа и пригласилъ: «пойдемъ, говоритъ, на разграбленіе». Знаешь, что мнѣ одинъ пожарный разсказывалъ?

— Ну тебя и съ пожарнымъ-то! Господа, можно въ церковь войдти?..

— Нельзя, голубчикъ! отвѣчаетъ какая-то женщина.

— А кто женихъ-то?

— Купецъ онъ... бутовую плиту ломаетъ; опять-же и лѣсной дворъ у нихъ на Новой канавѣ есть.

— Какихъ лѣтъ? Бывалъ-ли подъ судомъ или въ походахъ? Какой вѣры?—ломается мастеровой?

— Да ты я вижу хмѣльной, батюшка, такъ что мнѣ съ тобой разговаривать,—отвѣчаетъ женщина.

— А автономія у него есть? Отслужилъ-ли онъ свою автономію?

— Ты меня страшными-то словами не пугай, ничего я тебѣ отвѣчать не буду!

Женщина плюетъ и молчитъ.

«Ѣдутъ! Ѣдутъ»?—раздается въ толпѣ.

Всѣ тѣснятся. Съ мастероваго сваливается шапка; онъ хочетъ поднять ее, но роняетъ какую-то даму. Къ церковной паперти подъѣзжаетъ карета, запряженная четверкой. Два гайдука соскакиваютъ съ запятокъ и вынимаютъ изъ кареты сначала мальчика съ образомъ, потомъ невѣсту и наконецъ «поѣзжаную» даму. Дама до того толста, что сразу никакъ не можетъ пролѣзть въ дверцы кареты. Она пробуетъ то правымъ бокомъ, то лѣвымъ, но ей все что-то мѣшаетъ. Въ толпѣ смѣхъ.

— Вы, сударыня, прежде всего на насъ обопритесь,—предлагаютъ ей гайдуки.—Вы безъ робости...

— Да выдержите-ли вы меня, голубчики?

— Будьте покойны, сударыня, мы седьмой годъ этимъ дѣломъ занимаемся...—Ну-съ, высуньте ручки.

Дама снова пробуетъ лѣвой ногой, правой, выставляетъ руку, но тщетно.

— Нѣтъ, боюсь,—говоритъ она.

Къ каретѣ подбѣгаетъ шаферъ и говоритъ:

— Степанида Васильевна, такъ нельзя-съ, вы рѣшитесь на что-нибудь. Надо какой ни на есть конецъ положить. Вѣдь это мораль, да наконецъ и полиція столько времени стоять не дозволитъ.

— Вотъ полнотою-то Господь Богъ наградилъ! Бѣда!—восклицаетъ кто-то въ толпѣ.

— Это, надо полагать, съ пива.

Къ каретѣ протискивается пьяненькій мастеровой и кричитъ:

— Позволь, ребята! Слушай команду! Эй, гайдуки! Какъ вы ее въ нутро-то сажали? Вспомни, да такъ и обратно тащи! Мы поможемъ. Ну, навались!...

Шаферъ всплескиваетъ руками.

— Вотъ срамота-то! Степанида Васильевна, рѣшайтесь!...— чуть не вопитъ онъ.

— На кушакѣ ихъ нельзя-ли?...—пристаетъ къ шаферу мастеровой. —Василій, распояшься! А то на возжахъ можно, ваше степенство.

Шаферъ пихаетъ его въ шею. Мастеровой падаетъ.

— По какому праву и вдругъ такой альбомъ?—раздается его пьяный голосъ.

Явившійся городовой тащитъ мастероваго въ сторону. Относительно «поѣзжаной» дамы шаферъ рѣшается на послѣднее средство.

— Ребята! Что съ ней разговаривать! Бери ее силой!— кричитъ онъ гайдукамъ.

Раздается визгъ и даму вытаскиваютъ изъ кареты. Хохотъ въ толпѣ усиливается.

„НА ВЫШКѢ ВЪ КОННО-ЖЕЛѢЗКѢ."

Вагонъ конно-желѣзной дороги только-что выѣхалъ на Литейную и идетъ по направленію къ Технологическому институту. Внизу всѣ мѣста заняты и выкинутъ красный флагъ; на имперіалъ все еще прибываетъ народъ. Публика самая смѣшанная: маляръ съ кистью, чиновникъ съ портфелемъ, военный писарь, артельщикъ въ длиннополомъ «пальтѣ». Къ нимъ лѣзетъ клинообразная бородка въ засаленной чуйкѣ и порыжѣломъ котиковомъ картузѣ—на видъ самый ледящій мужиченко. Онъ выпивши.

— Летимъ яко стрѣла и все за трешникъ!—говоритъ онъ, усаживаясь.—Премудрость! Ну, какъ послѣ этого православную душу господина Губонина въ заупокойное поминаніе не записать! Да тотъ будетъ скотъ безчувственный.

— Зачѣмъ заупокой? Они живы—откликается артельщикъ.

— Живы? Скажи на милость! А мнѣ сказали, что померши: какъ только выстроили эту самую конно-желѣзку, такъ сейчасъ тутъ-же и пріяли кончину праведную. Вотъ это для меня совсѣмъ альбомъ неожиданный, коли ежели они живы. Я и господина Кокорева еще помню; кумъ онъ имъ. Помню, какъ онъ намъ въ Москвѣ въ крымскую кампанію въ ноги кланялся и водкой насъ поилъ, потому такъ-какъ мы были въ ополченіи, а они въ тѣ поры свои чувства къ намъ прочувствовали. Вотъ и теперь на фатеру къ нимъ сходить надо: авось опять прочувствуютъ, потому мы теперь снова за вѣру идемъ. Прощайте, братцы! Не поминайте лихомъ! Вотъ это я теперь наниматься въ добровольцы ѣду. До Пяти Угловъ дотащусь, а тамъ по Чернышеву прямо въ славянскій комитетъ и упремся... Горимъ нетерпѣніемъ турку поганую побить! Попотчайте господа, цигарочкой, либо папиросочкой.

Чиновникъ даетъ ему папироску и спрашиваетъ:

— А турецкихъ звѣрствъ ты развѣ не боишься? Они мучаютъ плѣнныхъ, живьемъ ихъ жгутъ, на куски рубятъ...

— Что намъ турецкія звѣрства, коли ежели мы отъ супруги нашей еще хуже потерпѣли! Турецкія звѣрства для насъ не альбомъ.

— Что-же это за супруга такая, коли ежели она даже турокъ перещеголяла?—задаетъ кто-то вопросъ.

— Была такая. Сами на ее нарвались при малодушествѣ нашихъ чувствъ. Отъ нея и бѣжимъ, потому довольно ужъ этихъ самыхъ тиранствъ накушались. Мы жестянщики, на Выборгской на фабрикахъ служили.

— Откуда-же вы себѣ тукую супругу подцѣпили?

— Въ Питербурхѣ выудилъ-съ... Закидывалъ на счастье, кромѣ осетра и стерляди, анъ стерлять-то и попалась. И ужь можно чести приписать—совсѣмъ стерлядь! Стояли мы это въ одномъ домѣ. Внизу наша артельная фатера, а надъ нами маіорская барышня жила. Маіоръ ихъ держали. Чудесно. И все это онѣ, бывало, сидѣли у окошка и кедровые орѣхи грызли. Изъ лица круглы и тѣломъ не особенно чтобы очень обширны. Возьмутъ это, бывало, гитару маіорскую и станутъ чувствительныя пѣсни пѣть. Ну, нашъ братъ, коли ежели по праздникамъ, сейчасъ это выдетъ и слушаетъ у окошка. Прослушали мы это разъ, прослушали два, глядимъ онѣ уже на насъ чувствительные взоры бросаютъ. Мы въ слезы, потому, коли ежели мы хмѣльные, у насъ сейчасъ слезы. А онѣ въ это время вздыхаютъ, да такъ пронзительно, пронзительно. На слѣдующій праздникъ гляжу, онѣ это мнѣ винца стаканчикъ черезъ окошко подаютъ: «на, говорятъ, добрый человѣкъ, выкушай», и сами собой, хоть и изъ женскаго сословія, изрядно хвативши. Мы приняли. Онѣ еще съ куфаркой высылаютъ уже въ графинчикѣ и двугривенный денегъ. Хотѣли мы это ихъ поблагодарить, возрились въ окошко, а онѣ намъ ручкой дѣлаютъ. Ну, андѣлъ во кротости, да и шабашъ! Такъ это меня въ тѣ поры словно баней обдало: «неушто, думаю, онѣ простымъ мужикомъ прельститься могли?» Молчу. Прошла еще недѣля. Сижу это я около нашей артельной фатеры на приступочкѣ и трубочку покуриваю безъ всякаго въ мысляхъ разсужденія, а онѣ у окошка орѣхи грызутъ, да вдругъ какъ шваркнутъ мнѣ въ

затылокъ орѣховой скорлупой. Я снялъ картузъ и поклонился, а онѣ показали видъ, какъ-бы въ забытьѣ сидятъ, сидятъ это и закрывши глаза бормочутъ: «и что моя жизнь за проклятая! Лучше-бы мнѣ за простымъ человѣкомъ въ замужествѣ жить... Коли ежели-бы меня который человѣкъ обзаконилъ— сейчасъ-бы ему маіоръ триста рублевъ отвалилъ, а я за кого угодно-бы вышла»... Какъ сказали онѣ это — меня словно варомъ... Денегъ у меня въ тѣ поры ни копѣйки, а нужно на паспортъ высылать въ деревню... Тутъ я и призадумался. Гляжу я, онѣ то коварныя, то ласковыя улыбки намъ строятъ. Мы то-же меланхоліи подпустили да какъ брякнемъ: «такъ, молъ, и такъ, коли ежели не противны мы, то можемъ...» Онѣ согласны, побѣжали къ маіору, цѣлуютъ ихъ. И стали онѣ меня въ тѣ поры водкой поить... Семь дней поили. Наконецъ свадьба. Перевѣнчали насъ. Опять это на пиру приподнесеніе и чувствую я, что у меня послѣ девятаго стаканчика что-то въ глазахъ помутилось. Проснулся по утру у себя на артельной квартирѣ... Сейчасъ это на верхъ, а ихъ нѣтъ. «Гдѣ?»—спрашиваю. «Въ Царское село, говорятъ, уѣхали и вмѣстѣ съ маіоромъ». Подождалъ. Гляжу и небель ихную изъ фатеры вывозятъ. «Куда»? —«Подъ Смольный», говорятъ. Я перетерпѣлъ сутки и къ нимъ... Встрѣтили это ласково, подали водки, извиняются: «тутъ, говорятъ, междометіе одно вышло»... Я обинякомъ денегъ просить началъ, потому триста рублей обѣщали, а я копѣйки отъ нихъ не получалъ. Маіоръ этотъ самый улыбается и говоритъ: «сейчасъ». Хлопнулъ въ ладоши, выскочили люди, да какъ принялись меня драть! Дерутъ да приговариваютъ: «вотъ тебѣ, говорятъ, сто рублей, вотъ тебѣ еще сто, а вотъ и триста!» Взяли, да и выгнали. Чувствъ всѣхъ лишился, въ плачъ меня ударило. Сунулся къ адвокату—деньги требоваетъ. А маіоръ въ то время присылаетъ мнѣ двадцать-пять рублевъ и согласіе, чтобъ я у нихъ на кухнѣ жилъ. Мѣста я своего лишился, денегъ нѣтъ,—пошелъ. И тутъ-то вотъ начались терзанія! Сами изъ себя эдакія субтильныя и вдругъ каждый день со мной въ драку...—Это я про супругу. Попался утюгъ — утюгомъ въ меня, полѣно—такъ полѣномъ, а ухватъ, это для нихъ самое любимое орудіе. Обхватятъ меня имъ за шею, да и припрутъ къ стѣнѣ. Ну, я супротивъ женской націи не могу стражаться, къ тому же и маіоръ завсегда прп нихъ. Разъ что-же? Все лицо

мнѣ ляписомъ вымазали... Тутъ ужь я не стерпѣлъ и рѣшился подъ турку добровольцемъ ѣхать. Турка что! А ты вотъ спервоначалу въ эдакой-то жизни поживи, такъ тебѣ и турка анделомъ покажется. У турки спина безъ семи позвонковъ; онъ подъ штыкомъ гнется; опять-же и чалма перевѣшиваетъ, потому она полтора пуда вѣсомъ, окромя того, халаты да шпоры въ четверть аршина, такъ гдѣ тутъ правильную храбрость въ страженіи вести! Его, бывало, нашъ ополченецъ какъ звизданетъ топоромъ?.. Я помню крымскую-то кампанію! Помню и турку!...

— А вы гдѣ съ нимъ сражались? Подъ какой крѣпостью? —спрашиваетъ чиновникъ.

Мужиченко заминается.

— Мы-то нигдѣ не стражались. Мы только отъ Москвы до Тулы доходили,—говоритъ онъ.—Вотъ и Пять Угловъ... Мнѣ тутъ спущаться надо... Соберите, господа, мнѣ съ міру на косушечку! Смерть томитъ! А въ карманѣ всего двѣ семитки!

По первопуткѣ.

— Эхъ, сударь, прокатилъ-бы по первопуточкѣ! Георгіевскій-то больно у меня позастоялся!

— Съ первоначала къ Іоанну Предтечи, а оттелева въ «Ливадію»?

— Въ задъ назадъ, ваше степенство?

— Само собой. Что музыку-то разводишь! Не оставаться-же мнѣ тамъ.

— Да положите, ваше благородіе, красненькую.

— Синиху съ двумя канареечными хочешь?

— Невозможно этому, ваше превосходительство, быть, потому у меня конь—огонь.

— Ну, къ синюхѣ зеленую прибавлю.

— Маловато, ваше сіятельство, ну, да ужъ садитесь! Авось двумя рубликами на чаекъ расщедритесь!

— Жги къ Іоанну Предтечи!

Поѣхали.

— Птитъ фамъ рандеву назначили, ваше сіятельство?

— А ты и по французски знаешь?

— Тре бье, санъ жулье. Это намъ все равно, что наплевать! Французинка одна насъ понаучила. Мой дядя коней ей поставлялъ, а я, значитъ, какъ у него въ племянникахъ жилъ, то въ кучерахъ ѣздилъ. Потомъ съ ейной легкой руки и лихачествовать началъ. Не настоящая она французинка, а изъ здѣшнихъ. Мамзель Фифинъ прозывается. Здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ, ваше сіятельство, ее и въ желтую-то краску красили; а я ее еще брюнеткой знавалъ. Черная такая была, какъ голенища. Французъ съ Невскаго красилъ. И какъ только выкрасили, сей-часъ коней завела, а то все на лихачахъ путалась. Трое господъ ее держали: управляющій Голенкова—въ

тюрьмѣ теперь сидитъ, купецъ Безшабашинъ, да офицеръ. Офицеръ-то по волѣ гуляетъ, а купецъ спился и на Вааламъ уѣхалъ. Бывало сейчасъ это мнѣ: «Василій, хочешь я тебѣ отъ моего душеньки пять рублей предоставлю»? Ну, и предоставитъ, потому сейчасъ въ обморокъ, коли ежели супротивъ ее. Разъ мы парой подъ сѣткой ѣхали, такъ близъ Крестовскаго снѣгомъ ее оттирали. Упала да ножками и дрыгаетъ. А какъ очнулась, то бацъ по рожѣ управляющаго этого самого. Управляющій въ тѣ поры съ ней возжался. Отмѣнная, ваше сіятельство, мамзель была, даромъ что изъ французскаго сословія! Влюблена въ меня была. «Коли-бы, говоритъ, Василій, тебя въ мундиръ одѣть, я-бъ тебя всѣмъ предпочла». Барышня-антикъ! Шелковый синій халатъ послѣ купца-то мнѣ подарила. За что, говорю, Фифина Карловна, жалуете? А за то, говоритъ, что ты супротивъ себя всѣ мои тайны оберегаешь. А вѣдь я—гробъ, могила!

— Подержи на лѣво.

У Іоанна Предтечи свадьба вѣнчается. На паперти стоитъ народъ. Писаря и гостиннодворскіе приказчики «путаютъ» мастеричекъ, пришедшихъ посмотрѣть свадьбу, и приглашаютъ ихъ пить «щиколадъ». Вонъ мелькнулъ бѣлый платокъ вязаный, шубка обшитая куницей: сзади фигура горничной въ синемъ суконномъ пальтичкѣ съ бѣличьимъ воротникомъ хвостами. Сѣдокъ выскочилъ изъ саней и прямо къ бѣлому платку. Изъ-подъ платка выглянуло молоденькое, свѣженькое личико. Горничная отошла къ сторонкѣ.

— Что ты такъ долго, Сеня?—спрашиваетъ дѣвушка.

— Нельзя было. Сейчасъ только лавку заперли. Ты знаешь, какой у насъ самъ-то! Филиномъ до семи часовъ высидѣлъ, даромъ что сегодня воскресенье. Ахъ ты, Господи! И зачѣмъ это только между людьми такой переворотъ, что они на хозяевъ и на приказчиковъ дѣлятся!

Сеня вздохнулъ, ударилъ себя рукой по дну циммермана и закусилъ усики. Дѣвушка молчала.

— Ну, что, какъ дѣла?—продолжалъ онъ.

— Говорила я, но папенька и слушать не хочетъ. Нешто у нихъ есть сердце и благородныя понятія? Имъ бы только деньги. Ты посуди самъ: ты приказчикъ изъ гостиннаго дво-

ра, а Захаръ Игнатьичъ богатый подрядчикъ съ тремя каменными домами. Окромя того, папенька ему семь тысячъ долженъ.

— Такъ за мусорщика?

— За мусорщика. Разговоровъ и быть не можетъ. Бѣжать къ тебѣ—съ полиціей приведутъ, и окромя того, мораль на весь нашъ домъ.

— Сеня почесалъ затылокъ.

— Я тебѣ, Варинька, напрямки говорю: я за тобой пріѣхалъ. Только намъ теперь-то и сдѣлать, что мы задумали, а какъ пріѣдетъ женихъ, тогда все пропало, тогда ужъ тебѣ не урваться. Ѣдемъ, у меня и лихачъ тутъ.

— Сеня, голубчикъ, я боюсь! Вѣдь я у папеньки только свадьбу посмотрѣть отпросилась. Положимъ, что онъ уйдетъ въ гости, но...

— Да пойми ты: вѣдь женихъ завтра пріѣдетъ. Опять каждый день у тебя сидѣть будетъ. Ну, какъ ты тогда урвешься? Его ты невавидишь, меня любишь... Варичка, ежели нельзя намъ быть всю жизнь счастливыми, такъ будемъ хоть одинъ часъ въ блаженствѣ. Вѣдь ты рѣшилась. Посуди сама: плѣшивый, старый.. брр!

— Ахъ, Сеня, Сеня! Да вѣдь это грѣхъ великій.

— Коли такъ, прощай!

Молодой человѣкъ трогается съ мѣста.

— Сеня!—окликаетъ его дѣвушка шопотомъ, но такимъ шопотомъ, который слышнѣе всякаго громкаго говора.

— Ну?

— Я согласна.

— Умница! Оленька!—манитъ къ себѣ молодой человѣкъ горничную.—Подите-ка сюда. Вотъ вамъ три цѣлковыхъ: сходите-ка вы куда-нибудь въ гости къ своей подругѣ, а про Варвару Митревну скажите, что она тоже къ подругѣ ушла. Я доставлю ее домой.

— Да, да... ступай, Оля. Папеньки теперь нѣтъ дома, онъ въ гостяхъ, а что паче чаянія... скажи, что я у Дашеньки Скрипиной. Поняла? Я скоро.

— Слушаю-съ.

— Василій, подавай!

Лихачъ подкатилъ.

— Можешь ты въ полчаса въ «Ливадію» предоставить? Зеленая на чай!

— Извольте, ваше сіятельство, на часы посмотрѣть.

— Рви попаламъ!

И помчался лихачъ. Мѣрно бьетъ ногами рысакъ въ снѣжную дорогу и обдаетъ влюбленныхъ морозною пылью. Мелькаютъ фонари, пѣшеходы. Варинька жмется къ Сеничкѣ и хорошо, пріятно ей: «хоть часъ быть счастливой, ежели нельзя на всю жизнь» звенитъ у нея въ ушахъ фраза и исчезъ изъ ея памяти противный и плѣшивый женихъ, будущій мужъ Захаръ Игнатьичъ!

— Мишка! удружи господину купцу во все удовольствіе!— кричитъ рысаку лихачъ и бьетъ его возжами.

НА КУПЕЧЕСКОЙ СВАДЬБѢ.

Кухмистерскій подъѣздъ обтянутъ розовымъ полосатымъ тикомъ. Къ нему то-и-дѣло подъѣзжаютъ кареты. Изъ каретъ выходятъ завитые гости, напудренныя гостьи и поднимаются по лѣстницѣ, устланной краснымъ сукномъ. Тяжело дышатъ дородныя купчихи, ощупывая свои брилліанты; расчесываютъ уснащенные помадой волосы купцы; купеческіе сынки взбиваютъ завитые вихры; купеческія дочки невольно щурятъ глаза и облизываютъ губы. Всѣ входятъ въ залу. Въ залѣ накрыты обѣденные столы, уставленные вазами съ запыленными цвѣтами. Между гостей виднѣется старичекъ со звѣздой на фракѣ и со станиславской лентой поверхъ жилета. Около него увивается купецъ въ мундирѣ и съ медалью на шеѣ.

— Жаль, ваше превосходительство, что вы не изволили быть въ церкви,—говоритъ подобострастно купецъ. — Дьяконъ ужъ очень превосходно отличился... Голосъ—труба. Какъ рявкнетъ «а женада боится», такъ, вѣрите ли, дамы даже вздрогнуди и присѣли! Восторгъ! Вы меня, вашепревосходительство, не изволите помнить?

— Нѣтъ, помню, помню,—шамкаетъ старичекъ.—Вы въ нищенскомъ комитетѣ?:.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше... Я состою ктиторомъ при домовомъ храмѣ Благовѣщенской богадѣльни.

— Ахъ, да. да... помню... Вы пожертвовали паникадило и за оное были украшены...

— Запамятовали, ваше превосходительство. Я паркетъ на свой счетъ передѣлалъ и подсвѣчники серебрилъ. Окромя того, въ Введенской больницѣ шесть палатъ отщикатурилъ. Вы тогда изволили состоять...

— Ну, теперь помню. Вы Иванъ Иванычъ называетесь?...

— Флегонтъ Михайлычъ, ваше...

— Ну, это все равно. У васъ какая-то рыбья фамилія: Окуневъ, Судаковъ?

— Кузьминъ, ваше превосходительство.

— То-то я помню, что въ этомъ родѣ. Вы просили вашу дочку на казенный счетъ?.. Красавица, красавица!

— Бездѣтенъ, ваше превосходительство.

— Это нехорошо, нехорошо... Надо стараться...

Къ старичку подбѣгаетъ шаферъ.

— Черезъ десять минутъ, ваше превосходитезьство, новобрачные будутъ здѣсь. Они поѣхали къ себѣ на квартиру благословляться, такъ неугодно-ли передъ обѣдомъ осчастливить нашу закуску? Вы и отецъ протоіерей, а то гости робѣютъ... Покажите примѣръ, ваше...

— Охотно, охотно... — шамкаетъ старичекъ. — Это сынъ вашъ?—задаетъ онъ вопросъ мундирному купцу.

— Я уже докладывалъ, что бездѣтенъ...

— Ахъ, да... да... Ну, все равно... Пойдемте, почтеннѣйшій Иванъ Иванычъ...

Закуска накрыта въ другой комнатѣ. Около закуски стоитъ уже протоіерей въ шелковой рясѣ и съ тщательно расчесанными волосами. Вокругъ его сгруппировались остальные гости во фракахъ и сюртукахъ и ждутъ только момента, чтобы ринуться къ питіямъ и явствамъ.

— Предлагаемое да не отринемъ... Даже и въ Каннѣ галилейской...—говоритъ протоіерей, указыкаетъ старичку жестомъ на закуску и берется за графинъ.

— Чего прикажете вамъ на булочку положить, ваше превосходительство?—юлитъ передъ старичкомъ мундирный купецъ.

— Оставь, братецъ Окуневъ, я самъ...

Протоіерей и старичекъ пьютъ по рюмкѣ водки. Протоіерей тыкаетъ вилкой въ селедку и говоритъ:

— Двѣсти семьдесятъ третью пару сподобился сегодня на брачное сожитіе благословить...

За почетными лицами ринулись уже и остальные гости. Зазвенѣли вилки, зашамкали уста, начался оживленный говоръ.

— Это не балыкъ-съ, доложу вамъ, слышится гдѣ-то.— Балыкъ долженъ быть такъ крѣпокъ, чтобы имъ можно было гвозди въ стѣну вбивать.

— Нынче и семги добропорядочной нѣтъ! Вотъ селедки... Ахъ Боже мой! Баба намъ въ прошломъ году носила... Такъ вѣрите-ли, очистишь ее хорошенько, а изъ нее сокъ... Даже самый хвостъ... Жена у меня ребенка кормила... и какъ съѣстъ его бывало, то такой апетитъ къ пиву, такой...

— Вы за этими бабами-то тоже присматривайте...

— А что?

— Принесла она намъ разъ боченокъ... Съѣли до дна, а тамъ двѣ лягушки. Нуко, по второй!..

Въ прихожей раздался пронзительный звонокъ.

— Пріѣхали! Новобрачные пріѣхали!—заговорили гости и засуетились.

Оркестръ грянулъ маршъ.

Около старичка со звѣздой стоялъ мундирный купецъ, маслянными глазами смотрѣлъ на него и говорилъ:

— Мы ваши, ваше превосходительство, а вы наши...—потому не обидьте, а на остальное намъ наплевать!..

— Пожалуйте, господа, за столъ!—возглашаетъ шаферъ.

ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ САНЯХЪ.

Отъ Покрова на Пески тащатся по Садовой общественныя сани, прозванныя извощиками «собачьимъ лазаретомъ». Публика самая разнообразная: купецъ въ енотѣ, чиновница съ ридикюлемъ, изъ котораго выглядываютъ заднія ноги и хвостъ мороженаго поросенка, живописецъ съ картиной въ чахлѣ, неизвѣстнаго званія небритая личность въ «пальтичкѣ подбитомъ вѣтромъ», странница и городовой съ книгой. Небритая личность сидитъ противъ купца, дремлетъ, склоня голову, и при каждомъ ухабѣ тыкается ему головой въ брюхо. Купецъ то-и-дѣло отпихиваетъ его назадъ.

— Вы, почтенный, полегче, — говоритъ онъ. — Вѣдь я не подушка. Вонъ у насъ тутъ и городовой... Сейчасъ можно за нарушеніе общественной тишины...

— Мы не по наряду, — откликается городовой, однако тыкаетъ дремлющаго въ грудь и произноситъ: — Господинъ, вы соблюдайте себя, какъ слѣдоваетъ... Такъ невозможно.

— Охъ, томитъ! — бормочетъ неизвѣстный и потягивается. — Должно полагать онъ, шельмецъ, мнѣ какого-ни-на-есть дурману поднесъ. — Теперича, господа, вѣрите-ли, лицъ настоящихъ передъ собой не вижу, а все какъ-бы облизьяньи морды.

Странница крестится.

— Господи спаси! Отчего-же это у васъ? — спрашиваетъ она.

— У доктора у одного тутъ былъ въ Коломнѣ. Мы отъ виннаго малодушества лѣчимся, — вотъ онъ и поднесъ... Господинъ купецъ, у васъ дѣйствительно въ лицѣ перекосъ и глаза подбиты или это только мнѣ кажется?

Купецъ вздыхаетъ и хмурится.

— Ну, ужъ это оскорбленіе словомъ... — говоритъ онъ. — Господинъ городской стражъ! Тутъ нарушеніе общественнаго спокойствія клонется...

— Поудержись, почтенный. Поудержись отъ словъ-то! — останавливаетъ неизвѣстнаго городовой.

— Поудержись! Нешто я виноватъ, что у меня отъ лекарства помраченіе? Ты вотъ городовой, а мнѣ какъ-бы радугой кажешься...

— Сотвори молитву, сотвори молитву, миленькій,—шепчетъ странница.—Это къ тебѣ бѣсы пристаютъ и лукавство въ зрѣніи творятъ.

— Нѣтъ, тетенька, это докторское снадобье... Вы вотъ сами странница будете, а по временамъ мнѣ какъ-бы щукой кажетесь.

— Господинъ городовой!—восклицаетъ купецъ. — Отчего-же его въ виду больничнаго сбора въ больницу не предоставить?

— Эхъ, ваше степенство!.. Былъ, въ трехъ больницахъ былъ, да не берутъ! Оттого-то я и къ доктору, потому невозможно... На насъ родительская анафема лежитъ. Мы нашей маменькѣ въ хмѣльномъ видѣ голову сапожной колодкой прошибли, а онѣ насъ прокляли, да и уѣхали въ деревню. Оттого у меня и запой. Вотъ я и лѣчусь. Спервоначалу докторъ мнѣ понюхать далъ, а потомъ выпить... И вотъ черезъ это самое у ихъ благородія теперь дымъ изо рта валитъ и искры, — указываетъ онъ на живописца.

— Сходи-ко ты, милый мой, въ баню, да влѣзь на полокъ, такъ паромъ-то оно все и выдетъ, — откликается тотъ.

— Въ баню-то не велѣлъ. Пей, говоритъ, молоко парное... А вотъ это лѣкарство тебя успокоитъ. Хорошо спокойствіе! Ай-ай-ай! Гдѣ купецъ-то? Ну, вотъ теперь онъ мнѣ еловой шишкой кажется. Стой! Сахарная голова выросла!

— Послушайте, городовой, его надо высадить! Это ни на что не похоже!—идетъ въ саняхъ ропотъ.

— Ямщикъ! стой, стой!

— Обойдется, господа. Вѣтеркомъ его продуетъ и обойдется,—успокоиваетъ чиновница съ поросенкомъ въ ридикюлѣ.

— Мерси вамъ... Потому куда я тогда пойду?

— Конечно; ну куда онъ пойдетъ?—продолжаетъ она.—Вѣдь это съ каждымъ пьющимъ человѣкомъ можетъ сдѣлаться. Вонъ у меня деверь... Такъ послѣ каждаго жалованья... Какъ первое число, такъ и начинается, только у него иначе, у него живые раки изо рта лѣзутъ, канарейки въ ушахъ поютъ. По-

томъ превратность: вмѣсто дверей изъ втораго этажа въ окошко вышелъ.

Небритая личность вскрикиваетъ и хватается за поросенка.

— Батюшки, поросенокъ! Настоящій поросенокъ! Вотъ и хвостъ, и ноги... А я думалъ это женщина говоритъ! Караулъ!

— Стой! Стой ямщикъ! Городовой, какъ хотите, высадите его!—возмущаются пассажиры.—Это сани общественныя. Чортъ его знаетъ, можетъ быть у него ножъ въ карманѣ. Еще пырнетъ, чего добраго! Выходи вонъ! Вонъ! Вонъ!

Ямщикъ останавливается. Городовой-пассажиръ машетъ книгой. Съ тротуара подбѣгаетъ къ санямъ другой городовой. Свистокъ. Вокругъ саней собирается толпа.

ЗА КАРТАМИ.

Въ картежномъ «мушкарскомъ» вертепѣ самый разгаръ. Всѣ столы заняты. Всюду видны нахмуренныя брови, то раскраснѣвшіяся, то позеленѣвшія лица, растрепанныя прически, свернутые на сторону шиньоны. Женщины преобладаютъ. Дрожащими руками сдаютъ онѣ карты, дрожащими руками принимаютъ прикупку, робко, со страхомъ и трепетомъ заглядываютъ въ нее и кусаютъ свои воспаленныя, растрескавшіяся губы. Проигравшіеся субъекты ходятъ отъ одного стола къ другому и остервенительно затягиваются папироской. На лицахъ такъ и сіяетъ вопросъ: «гдѣ-бы денегъ занять на отыгрышъ?» Адъ, дантовъ адъ!

Весело играетъ купецъ, мрачно и сосредоточенно—чиновникъ, лихорадочно — женщина, нахально-восточный человѣкъ. Вотъ столъ. За нимъ жидъ-закладчикъ, жирная дама въ брилліантовыхъ перстняхъ, купецъ, армянинъ, интендантскій чиновникъ. Купецъ сдалъ и открылъ козыремъ червоннаго короля.

— Самъ генералъ Черняевъ!—провозглашаетъ онъ.—Сердечный король! Этотъ поможетъ. Кому сколько, господа? Сыпьте!

«Трехъ, четырехъ, двухъ»,—слышится у играющихъ. Выходятъ съ бубенъ. У всѣхъ нашлись бубны, кромѣ купца.

— Турецкая масть! Эта ни въ жизнь не проходитъ! Не ходи одна, а ходи съ провожатымъ, — говоритъ онъ и бьетъ бубну козыремъ.—Кто супротивъ христіанскихъ крестей? Пожалуйте! Ухлопали? Ну, тогда чудесно! Козырныя позиціи стягиваете? Еще лучше. Вотъ и всѣ турки повалились, а мой казакъ съ пикой живъ. Теперь я въ ложементѣ, надо играть смирно. Давно-бы была моя мушка, да вотъ давеча аглицкой лордъ Биконсфильдъ подкузмилъ. Бланкъ пришелъ. Я его въ

страженіе пустилъ, думалъ, что хоть семерку съ осмеркой въ союзницы получу,—не тутъ-то было! Вашему здоровью сдавать! Пожалуйте!—обращается онъ къ чиновнику.

Чиновникъ сердится. Онъ только-что сейчасъ поставилъ ремизъ.

— Послушайте,—важно произноситъ онъ.—Игра требуетъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Прибаутки умѣстны только на каруселяхъ, около балагановъ.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ еще модель! Не прикажете-ли мнѣ плакать? Мы не послѣднія проигрываемъ... Это вотъ у кого въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается, такъ точно... А у насъ, слава Богу, курятникъ-то этотъ самый, что за пазухой, всѣми патретами набитъ. Такой альбомъ предоставить можемъ, что ахнете.

— Конечно, молчать надо! — ввязывается въ разговоръ жирная дама въ перстняхъ.—Черезъ крики и разговоры козыри пужаются.

— Вы, тетенька, молчите! Вамъ свою обиду гнать нечего! Вотъ ежели-бы вашей чести полушубокъ вычистили, то дѣйствительно, а то вы, я такъ смѣкаю, въ самомъ маломъ разѣ три четвертныя въ сапогъ упрятать успѣли.

— И кромѣ того вы дерзости говорите,—вставляетъ свое слово жидъ-ростовщикъ.

— Позвольте, какія-же дерзости? А что я сказалъ, что вы, по своему еврейству, крестовой масти боитесь, такъ это вѣрно.

— Я вовсе сударь, не еврей. Я такой-же христіанинъ, какъ и вы!

— Ну, вотъ! Толкуй слѣпой съ подлекаремъ! Нешто по запаху-то не слышно?

— По запаху! Какой отъ меня запахъ? Какъ вы можете такъ выражаться? Скажите, господа, развѣ это не дерзость?— кипятится еврей.

— Да какая-же тутъ дерзость, коли это правда. Пусть всѣ обнюхаютъ. Я на всѣхъ сошлюсь. Ну, вотъ что: коли ты не изъ жидовъ, перекрестись и съѣшь букивротъ съ свинячьей колбасой. Ходитъ, что-ли? Эй, прислужающій!

— Господа! Играть надо! Играть! Смотрите сколько мы золотаго времени потеряли!—слышится со всѣхъ сторонъ

— Играть завсегда можно, а только нечего и обижаться

коли кто нехристъ! Тетенька, вамъ сдавать, пожалуйте въ дѣйствующую армію!

Жирная дама сдаетъ.

— А только и я вамъ не тетенька,—говоритъ она.—Тутъ все равны.

— Съ вами на томъ свѣтѣ калеными угольями сочтемся,—подмигиваетъ купецъ.—Ну-ко пятерыхъ! Авось козырей приведутъ семерыхъ! Трусы въ карты не играютъ. Отъ мамзельной дамы мамзельныя и карты пришли. Ну-ко по морозцу! Вались комаръ и муха! Антилерія пошла—чудесно! Нѣтъ-ли тамъ червоннаго-то добровольца? Нѣтъ? Ну, значитъ, карусель. Тамъ мушка! Умыли купца!—Пожалуйте наши собственные потроха получать!

Купецъ со вздохомъ выворачиваетъ бумажникъ.

ВЪ МОРОЗЫ

Въ трактиръ средней руки входятъ военный фельдшеръ и купецъ. Буфетчикъ кланяется.

— Съ морозцомъ, Спиридонъ Игнатьичъ, честь имѣю поздравить!—говоритъ онъ.

— Спасибо, спасибо! Да, завинтилъ морозецъ! Не обидѣлъ нынче Никола батюшка торговаго человѣка,—отвѣчаетъ купецъ. —Насыпь-ка намъ съ господиномъ докторомъ по рюмочкѣ.— Ничего, торговому человѣку теперь хорошо, поправиться можно, а то ужъ и торговля-же была!

— Да что-же хорошаго-то, Спиридонъ Игнатьичъ?—спрашиваетъ буфетчикъ.—Только для физіономіи ущербъ, потому лицо кочевряжитъ, а больше ничего.

— Эхъ ты! А еще ярославецъ! Углицкимъ клеемъ называешься! Изъ купеческой губерніи. Для физіономіи ущербъ, это точно, а для кармана пользительность. Теперича по вашему дѣлу — морозъ въ трактиръ человѣка загоняетъ. У торговца убойной живностью разная тухлятина за свѣжее сойдетъ, дровяникъ по полтиничку на сажень дровъ накинуть можетъ, купецъ, который по красному товару, деревянный аршинъ вмѣсто желѣзнаго клейменаго въ ходъ пуститъ и никакой покупатель ему за это супротивничать не можетъ, потому желѣзный аршинъ въ такіе морозы да при холодной лавкѣ и въ рукахъ держать невозможно: сейчасъ руки закоченѣютъ. Опять-же и для тѣхъ торговцевъ хорошо, которые съ вѣсами обращеніе имѣютъ: приморозилъ подъ чашку ледянку въ восьмушку вѣсомъ—вотъ тебѣ она и служитъ свою службу! А то такъ цѣпь на вѣсахъ водицей облей—оледенѣетъ она и тоже на каждый фунтикъ товарцу походецъ дастъ. Поймаетъ тебя покупатель —сейчасъ отвѣтъ есть: «морозъ, молъ, господа, ежеминутно не углядишь, само собой липнетъ!» Ну-ко, господинъ докторъ, соси! Ваше здоровье! Съ морозцу-то оно забавно и для тѣла ласково!

Фельдшеръ чокается съ купцомъ и пьетъ.

— Ну, а нашего-то брата лекарей забылъ? Въ морозы и намъ хорошо. Теперича воспаленіе легкихъ пойдетъ, горловая болѣзнь, простуда, начнется усиленное водочное глотаніе—а съ нимъ—смотришь и бѣлая горячка малодушнаго человѣка обуяетъ. Все деньги.

— Это ты дѣйствительно Садись за столикъ-то Парамонычъ, собери чайку на двоихъ! Я вотъ все насчетъ моей супруги-то хотѣлъ спросить. Ну что ты въ ней нашелъ?

Фельдшеръ задумывается.

— А у нея болѣзнь сложная. Вѣдь она женщина сырая, мягкая, къ бѣготнѣ и суетѣ не сподручная...

— Это дѣйствительно. Она для домашняго обихода первый сортъ. Теперича ее въ гости или на гулянье волокомъ не стянешь. Самая сырая баба.

— Ну, такъ въ ней эта самая сырость отъ морозу окаменѣла. Понялъ? Требухалисъ катаралисъ по латынѣ называется.

— Не опасно?

— Опасно-то опасно, но ужъ коли я взялся лѣчить, то вылѣчу. Это моя спеціальность. Въ этой болѣзни у меня и самъ главный докторъ въ ассистентахъ ходитъ.

— Ну, а что-же это у нея въ горлѣ глотанію-то мѣшаетъ? Это не жаба?

— Вишь что сморозилъ! Жаба у женщинъ не бываетъ. У женщинъ больше ракъ.

— Господи! Какихъ только на человѣка насланіевъ нѣтъ! — всплескиваетъ купецъ руками. — Ну, а какъ-же вылѣчить этотъ самый ракъ?

— Плевое дѣло! Дуга у васъ есть?

— Есть.

— Такъ возьми дугу, обмажь ее деревяннымъ масломъ да и три женѣ затылокъ, покуда онъ не раскраснѣется. Кричать будетъ—пригрози. Понялъ?

— Еще-бы не понять!

— Ну, а теперь вынимай три цѣлковыхъ, да вели еще по рюмочкѣ насыпать. Въ такіе морозы да за такую болѣзнь трудную по одной рюмкѣ пить мало.

— Ладно, ладно. Эй, молодецъ! Изобрази-ка намъ графинчикъ!

НА СВЯТКАХЪ.

Вечеръ въ купеческомъ домѣ. Звали «на чашку чаю». Въ углу неизбѣжный столъ съ закуской и съ выпивкой. Мужчины играютъ въ стуколку. Дамы изныв аютъ въ гостинной на диванѣ, перебираютъ очередныхъ жениховъ и невѣстъ, коимъ пора принять «жизнь настоящую», щупаютъ другъ на дружкѣ платья и справляются о цѣнѣ матеріи. По временамъ идетъ дружная зѣвота. Дѣвицы, взявши другъ друга за руки, ходятъ по залѣ.

— Ахъ! Боже мой, хоть-бы потанцовать, что-ли?—говоритъ одна изъ нихъ.—Машенька, вѣдь вы играете польку трамблянъ... Сыграйте намъ на фортепьянѣ, а мы потанцуемъ, — говоритъ одна изъ нихъ.

— Душечка, я безъ нотъ не могу. Я только первое колѣно и помню, а потомъ сейчасъ на «Ѣхалъ казакъ за Дунай» сбиваюсь.

— У насъ и ноты есть для гостей. Папенька цѣлый ворогъ принесъ передъ праздникомъ. У нихъ въ трактирѣ какой-то пьяный музыкантъ забылъ.

— Нельзя по этимъ нотамъ на фортепьянахъ играть, потому онѣ для трубы и контрабаса написаны.

— Ну, вотъ, будто не все равно. Просто вы изъ обиды... потому вамъ самимъ танцовать хочется.

У мужчинъ совсѣмъ другой разговоръ. Слышатся восклицанія: «супротивъ крестей ни одна христіанская душа не покусится! Ну-ко матушкѣ попадьѣ почтеніе!» Играющій выходитъ съ трефовой дамы. «Самъ попъ и попадью закону учитъ»—откликается другой и покрываетъ даму королемъ. «Браво, браво! Икрянаго купца на шесть зелененькихъ распотрошили!» — радостно гогочетъ весь столъ.

Раздается звонокъ. Изъ прихожей прибѣгаетъ кухарка.

— Ряженые, ряженые пріѣхали!—кричитъ она. —Пущать, что ли? Спросите хозяина.

— Пущай! Пусть попляшутъ! Только главное серебряныя ложки берегите! — откликается изъ-за карточнаго стола хозяинъ.

Дѣвицы начинаютъ обдергивать другъ на дружкѣ платья. Изъ гостинной, переваливаясь, какъ утки, съ ноги на ногу, выходятъ дамы. Входятъ ряженые. Одинъ во фракѣ, на которомъ нашиты бѣлыя заплаты, и въ мятой шляпѣ и въ дурацкой маскѣ съ краснымъ ракомъ на носу, другой въ халатѣ и чалмѣ, свитой изъ полотенецъ — очевидно изображаетъ турку. У него усы и борода изъ енотоваго мѣха. Третій ряженный въ красной фуфайкѣ, въ скунсовой шапкѣ, съ кухоннымъ ножомъ за поясомъ. Лицо его вымазано сажей и давленой клюквой. Онъ попеременно подходитъ то къ одной дѣвицѣ, то къ другой и рычитъ на нихъ. Тѣ пятятся.

— Послушайте, вы чорта изображаете, что-ли? — спрашиваетъ его одна изъ дѣвицъ побойчеѣ.

— Я доброволецъ, изъ Добороволіи пріѣхалъ и плѣннаго турку съ собой господамъ купцамъ на потѣху привезъ!—кричитъ онъ.—Эй, турка! Изобрази, какъ вы подъ лафетами отъ страха лежали.

Турокъ лѣзетъ подъ диванъ. Купцы встаютъ изъ за картъ и выходятъ въ залу.

— Гдѣ турка, гдѣ?—спрашиваютъ они. — Давай-ка мы на его чалмѣ силу пробовать будемъ. Гдѣ онъ?

— Подъ диваномъ, ваше степенство. Теперь его оттедева только водочнымъ поднесеніемъ и выманить можно. Прикажите ряженымъ вавилонскаго столпотворенія по стаканчику насыпать.

— Мавра! Поднеси ряженымъ! Поднеси! — командуетъ хозяинъ.

Приносятъ водку. Доброволецъ и въ Добороволіи пьетъ свою рюмку, а другой стаканъ ставитъ на полъ. Турокъ вылѣзаетъ изъ-подъ дивана, беретъ рюмку зубами и безъ помощи рукъ выпиваетъ ее. Купцы приходятъ въ восторгъ и апплодируютъ.

— Ай да турка! Вотъ такъ собака! Ловко!—раздаются восклицанія.

— Ему ваше степенство, по ихъ мухоѣданскому закону

только въ такомъ способѣ пить и дозволяется. А такъ, чтобъ въ руки взять—препона. У нихъ вѣра строгая, такъ они для себя въ ней размягченіе придумали. Поднесите, ваше степенство, ему букивротъ съ ветчиной, а онъ сейчасъ и въ обморокъ упадетъ, потому они даже свинячьяго запаха боятся.

Туркѣ подносятъ кусокъ ветчины. Онъ взвизгиваетъ, падаетъ на спину и начинаетъ дрыгать ногами. У мужчинъ хохотъ. Дѣвицы отворачиваются.

— Фу! мерзость какая!—говорятъ онѣ.—Мы думали, что это настоящіе кавалеры, а это просто сосѣдскіе приказчики изъ лабаза. И даже безъ всякаго образованія себя держутъ. Нешто можно при дѣвицахъ кверху ноги поднимать!

— Мерзость! Надо вотъ папенькѣ сказать, чтобъ онъ ихъ по-шеямъ спровадилъ, — говоритъ хозяйская дочка.—Это, душечки, даже и не изъ лабаза, а наши собственные молодцы. Вотъ этотъ турокъ нашъ приказчикъ Иванъ. Когда онъ ноги изъ-подъ халата выставилъ, я его сейчасъ по брюкамъ узнала.

— Ахъ Боже мой! Да какъ-же у васъ дозволяютъ приказчикамъ противъ хозяевъ маскарадную интригу дѣлать! — слышится ропотъ.—Ну, нарядись они шпанцами, рыцарями или гамлетами—это другое дѣло, а то вдругъ эдакая мерзость!

— Папенька! Папенька!

Дочка подходитъ и шепчетъ что-то отцу. Тотъ срываетъ съ турки чалму, мѣховую бороду и гонитъ его вонъ.

— Семенъ Игнатьичъ, за что-же? Помилуйте! Вѣдь и мы люди!—говоритъ турокъ и пятится въ прихожую.

Хозяинъ показываетъ ему кулакъ. Остальные ряженые скрываются.

У мироваго судьи.

Въ прихожей у мирового судьи толпится народъ. Тутъ и истцы, и отвѣтчики, и свидѣтели, и адвокаты. Все это вышло покурить и наскоро затягивается папироской. Бодро глядятъ истцы, приниженно отвѣтчики. Адвокаты торгуются. Слышны возгласы: «По силѣ 2342 статьи»... «На основаніи кассаціоннаго рѣшенія». Тутъ-же и женщина-адвокатша. Тутъ-же и «ундеръ», приставленный къ вѣшалкѣ для храненія платья. Онъ гордо посматриваетъ на посѣтителей и по временамъ тоже даетъ нѣкоторые юридическіе совѣты.

Вотъ въ углу стоитъ совсѣмъ какъ-бы въ воду опущенный среднихъ лѣтъ купецъ въ лисьей шубѣ, отираетъ со лба крупный потъ цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ и глубоко вздыхаетъ. Отъ него сейчасъ только-что отошла адвокатша.

— Защищать что-ли предлагала?—обращается къ купцу ундеръ.

— Защищать... да что! Нашему брату это совсѣмъ несподручно,—отвѣчаетъ купецъ.—Женщина и вдругъ защищать мужчину! Кому какъ, а намъ такъ это совсѣмъ бѣда! Защити-ка она меня, такъ мнѣ тогда на Сѣнной отъ сосѣдей проходу не будетъ. Засмѣютъ. «Ты, скажутъ, надъ собой бабій верхъ допустилъ, къ адамову ребру подъ защиту прибѣгнулъ!» Нѣтъ; ужъ лучше въ части отсидѣть что слѣдоваетъ!

— А вы по уголовному дѣлу?

— По уголовному.

— Что-же: оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ?

Купецъ заминается.

— То-есть какъ вамъ сказать... я на городовомъ верхомъ ѣхать покушался.

— Гмъ... Это на городскомъ стражѣ значитъ? Какой номеръ бляхи?

— Не знаю. До бляхи-ли тутъ было!

— Что-же: и ногу уже заносилъ?

— Хошь убей—не помню.

— Въ хмѣльномъ образѣ?

— Что грѣхъ таить, сильно были хвативши.

— Гмъ! Вѣдь это нарушеніе общественной тишины и спокойствія съ оклеветаніемъ человѣка лошадью... У насъ на практикѣ былъ такой случай: оклеветаніе полѣномъ. Двѣ чиновницы судились. «Я, говоритъ, изъ тебя лучинъ нащеплю»... Такъ тутъ по силѣ статьи тридцать первой отводъ вышелъ. Конечно, лошадь животное малооскорбительное, потому въ Егорьевъ день ее даже святой водой кропятъ, но принимая въ соображеніе...

— Помилуйте, да вѣдь онъ самъ первый началъ! Онъ насъ съ товарищемъ артистами назвалъ. Рыбакъ тутъ со мной одинъ былъ. Тотъ такъ кой-что помнитъ. «Ахъ вы, говоритъ, артисты!» За что, помилуйте?.. Какіе мы артисты? Я зеленщикъ, а товарищъ рыбакъ. Вѣдь это тоже обида. Мы артистами вѣкъ не были, да и не будемъ. Мы свой хлѣбъ ѣдимъ.

— А вы ничѣмъ городоваго не обзывали?

— Нѣтъ, кажется, обозвали фараоновой мышью... Вотъ тутъ-то, надо полагать, я и покусился... Ахъ. грѣхъ какой! Вотъ не было печали.

Съ купца потъ льетъ градомъ.

— Да вы-бы съ себя шубу-то сняли,—говоритъ ундеръ.

— Я сниму, только посовѣтуйте, по какимъ поступкамъ поступать мнѣ слѣдоваетъ. Вѣдь вы ужъ къ этимъ дѣламъ-то приглядѣлись.

Ундеръ оглядывается по сторонамъ, наклоняется къ уху купца и шепчетъ:

— Штрафу три рубля заплатить будетъ не обидно?

— Господи! Хоть десять, только-бы ослобонили.

— Ну такъ первое дѣло—запирайся. «Знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю». Гдѣ дѣло-то было? Кто свидѣтель? Разскажи по порядку.

— Дѣло было на мосту. Идемъ мы. Трактиры уже заперты, а выпить хочется. А у насъ въ карманѣ сорокушка съ

виномъ прихвачена была. Пить изъ горла неловко, потому публика... Подошли мы на мосту къ разносчику и купили себѣ яйцо въ смятку. Нутро изъ него вылили, потому по постамъ скоромнаго не потребляемъ, а скорлупу въ рюмку превратили да и давай изъ нея пить. А городовой тутъ былъ. Глядѣлъ, глядѣлъ, да какъ захохочетъ! «Ахъ, говоритъ, вы артисты эдакіе!» Ну, мы сейчасъ въ обиду... И началось...

— Купецъ Трифонъ Мокроносовъ! Купца Трифона Мокроносова!—послышались выкрики изъ камеры...

— Меня требуютъ. Господи спаси! Такъ, говоришь, запираться?

— Запирайся.

Купецъ перекрестился и, расталкивая народъ, ринулся въ камеру.

ВИЗИТЪ ЗНАХАРЯ.

Маленькая комнатка. Высокая двухъ-спальная кровать съ кучей подушекъ. На окнѣ чижъ въ клѣткѣ; на стѣнахъ лубочныя божественныя картинки, приколотыя булавками, часы съ расписнымъ циферблатомъ и съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири. На диванѣ у стола за самоваромъ сидятъ двѣ женщины и пьютъ чай. Изъ сосѣдней комнаты по временамъ доносится стонъ. Женщины полушепотомъ ведутъ разговоръ.

— Вишь какъ стонетъ! — говоритъ пожилая женщина въ темномъ платкѣ на головѣ. — Разчесался весь... Ужъ ты тамъ какъ хочешь, Пелагея Вавиловна, а ему непремѣнно кто-нибудь по злобѣ слѣдъ вырѣзалъ—вотъ оттого-то на него никакое лѣченіе и не дѣйствуетъ. Я ему и суставъ на суставъ наставила, и хрустъ въ груди дѣлала, становую жилу выпрямила—ничего! Помилуй, родная, у меня полковники исцѣлялись, а тутъ простой человѣкъ... Я тоже лѣкарка опытная! У меня бумага съ семью печатями съ благодарностью отъ одного статскаго полу-генерала... Выше чиномъ я не лѣчила, не хвастаюсь. Ну, полно, не плачь.

— Знаю, знаю, — отвѣчаетъ другая женщина въ капотѣ, очевидно хозяйка, и всхлипываетъ. — Ужъ такъ жалко, такъ жалко, что и сказать нельзя. Конечно, я отъ него, голубчика, кромѣ синяковъ да зуботычинъ ничего не видала, а все-таки мужъ... Кушайте еще чашечку...

— Постой, постой! Развѣ листочками его отъ семи опаренныхъ вѣниковъ попоить?..

— Нѣтъ, ужъ ты погоди до поры до времени, платокъ байковый я тебѣ все равно за благодарность подарю, а сегодня я другаго лекаря дожидаю. Сапожникъ онъ, но свое дѣло, говорятъ, такъ знаетъ что просто на удивленіе. Всѣ Пески у него лѣчатся. Теперича зубную боль въ одинъ мигъ... и самымъ простымъ манеромъ... Велитъ открыть ротъ, да и плюнетъ на больной-то зубъ. И какъ рукой сниметъ. Ужъ ежели этотъ ничего не подѣлаетъ, ну тогда въ больницу... Вѣдь иногда и ученые док-

тора помогаютъ. Конечно, по человѣчеству жалко, потому въ больницѣ этой какъ привезутъ, сейчасъ первое дѣло въ ванную въ кипятокъ сажаютъ... Ну, да Богъ милостивъ.

— Пелагея Вавиловна! Пелагея Вавиловна! — съ испугомъ вбѣгаетъ кухарка. — Тамъ въ кухнѣ. лѣкарь этотъ самый съ Песковъ пришелъ.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! Вотъ онъ на поминѣ-то легокъ. Зови его, зови скорѣе,—суетится хозяйка.—Голубушка, посовѣтуйся съ нимъ, можетъ вкупѣ-то лучше, — обращается она къ лѣкаркѣ.

На порогѣ показывается лѣкарь, черноволосый, мрачный мужчина въ кафтанѣ на лисьемъ мѣху, уставляетъ глаза въ уголъ на образъ и крестится.

— Прошу покорно, батюшка, прошу покорно!—упрашиваетъ хозяйка.

Лѣкарь хмурится, дѣлаетъ повелительный жестъ и становится въ позу.

— Позвольте, сударыня, не портите дѣла? Прежде нужно опросъ сдѣлать,—говоритъ онъ.—Отвѣчайте по всѣмъ статьямъ. Какой вы вѣры?

— Русской, церковной.

— Зубы всѣ цѣлы?

— То-есть, у меня или у мужа?

— Не перебивайте, сударыня. Коли я васъ спрашиваю, значитъ, про ваши зубы.

— Всѣ цѣлы, всѣ, одинъ только какъ-будто подгнилъ.

— Много-ли вамъ лѣтъ и кое время въ брачномъ сожитіи состоите?

— Тридцать семь лѣтъ, девятнадцатый годъ замужемъ.

— Имѣли-ли отъ мужа увѣчья, искалѣченіе ребръ и какіе-нибудь вывихи?

— То-есть, какъ это сказать... Темя разъ дѣйствительно проломилъ...

— Значитъ, были. Дѣтей имѣете?

— Нѣтъ, батюшка, не благословилъ Богъ. Племянницу махонькую при себѣ держимъ.

— Чѣмъ торгуете?

— Курень у насъ пирожный, такъ мальчишекъ изъ себя

около питейныхъ домовъ съ корытцами разставляемъ. По лѣтамъ квасомъ, а теперь сбитнемъ...

— Вы мужа лѣчить хотите? У него жаръ, отсутствіе понятіевъ, въ забытьи, безпищіе, сирѣчь, противность къ ѣдѣ и свербленіе во всей кожѣ?

— Точно такъ, батюшка, вотъ онъ, посмотрите его. Мы такъ полагаемъ, что его злые люди испортили, слѣдъ его на снѣгу вырѣзали. Пожалуйте, ощупайте его.

— Я, сударыня, лѣчу только заглазно. Мнѣ нѣтъ нужды никого ощупывать. Въ томъ-то моя и сила, что я напередъ знаю, что у человѣка внутри есть. У вашего супруга печенка сошла съ мѣста и сердце играетъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

— Вотъ, батюшка, тоже лѣкарка,—указываетъ хозяйка на другую женщипу.

— Это намъ наплевать! Теперь, раба божія, говори свое имя и имя сочетавшагося съ тобой во бракѣ. Вы въ законномъ сожитіи?

— Въ законномъ, въ законномъ. Въ деревнѣ вѣнчаны. Меня зовутъ Пелагея, а его Никаноръ.

— Теперь отвѣчай всю правду. Ты говоришь, что въ законномъ, а...

Лѣкарь подходитъ къ хозяйкѣ и шепчетъ что-то на ухо. Та краснѣетъ и потупляетъ глаза.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ. Вѣдь онъ упаси Богъ какой... Полѣно, такъ полѣномъ, разъ весломъ отъ опары хватилъ.

— Ну, не согрѣшила, такъ и чудесно! Возьми семь углей изъ семи печей, у сосѣдей попроси—дадутъ, перемѣшай это со льдомъ и давай глотать въ нутро. Потомъ накрой ему чрево войлокомъ, накали утюгъ, да и гладь его утюгомъ-то, пока его въ потъ не ударитъ и при этомъ приговаривай «суставъ на суставъ, здоровью мѣсто оставь». Поняла?

— Поняла, батюшка.

— А теперь припасай два рубля.

— Вотъ, батюшка.

— Ну, прощай, раба Пелагея. Теперь отвернись и не гляди какъ я изъ горницы уйду. Завтра я его опять навѣщу, а ты приготовь трехрублевую бумажку. Такъ помни: «суставъ на суставъ, здоровью мѣсто оставь»!

Лѣкарь подбоченивается и выходитъ изъ горницы.

„Я говѣю."

Трактиръ средней руки. Буфетчикъ за стойкой. Утро. Посѣтителей мало. Великій постъ. Въ церквахъ звонятъ къ часамъ. Входитъ чиновникъ среднихъ лѣтъ, въ вицмундирѣ.

— Данилѣ Кузьмичу!.. восклицаетъ буфетчикъ.

— Селиверсту Потапычу!.. отвѣчаетъ чиновникъ.

Подаютъ другъ другу руки.

— Что это въ непоказанное время пожаловать изволили? То, бывало, все послѣ должности и вдругъ...

— Говѣю, голубчикъ, говѣю. Грѣшишь, такъ нужно и о спасеніи души подумать. Бѣгу вотъ въ церковь, да животъ что-то... такъ забѣжалъ...

— Съ бальзанчикомъ или съ перчикомъ прикажете?

— Ни Боже мой! Говорю тебѣ, что говѣю. Нѣсколько-то дней уже можно воздержаться. Я и рыбное бросилъ. А забѣжалъ я зельтерской водички выпить. Крутитъ вотъ здѣсь что-то... ну, и отрыжка... Вчера на ночь трески да оладьевъ... О, Господи!

Чиновникъ жмется и потираетъ желудокъ.

— Да вы бы лучше чайку... Тепленькимъ-то оно лучше пораспаритъ.

— Нѣкогда, голубчикъ, нѣкогда. Я къ обѣднѣ тороплюсь. Пока чай заваривать будутъ, пока что... пока напьешься, а тамъ, смотришь, и отслужили.

— Да вотъ нашего пожалуйте стакашекъ. Мы сейчасъ только заварили и пить собираемся. За стаканчикъ съ угрызеніемъ ни копѣйки не возьму; это ужъ вамъ въ уваженіе.

— Спасибо, родной, спасибо! Охъ, какъ щемитъ! Мятки бы хорошо... Да гдѣ ее возьмешь? Ахъ, стой! Вотъ что, голубчикъ,

прибавь-ка ты мнѣ въ стаканчикъ ложечку мятной водки. Что-жь, ничего, Богъ проститъ, вѣдь это лекарство. Тутъ не ради пьянства, а ради исцѣленія. Вѣдь у васъ есть англійская мятная?

— Какъ не быть, помилуйте! Огонь, а не водка. Тройная называется, потому на одномъ голомъ спирту. Пожалуйте!

Буфетчикъ подаетъ стаканъ съ чаемъ и прибавляетъ чайную ложку мятной. Чиновникъ пробуетъ.

— Ну, даже и мятнаго запаха не слышно! Какое ужь тутъ лѣченье? Налей-ко рюмочку. Охъ, грѣхи наши тяжкіе! Постой, я отолью изъ стакана чай-то. Ну, лейтоперь. Вотъ такъ... Эхъ, какія у васъ рюмки-то маленькія!

— Помулуйте, рюмки купеческія.

— Ну, ужь тамъ купеческія или не купеческія, а только долей мятной-то. Смерть не люблю изъ неполнаго стакана пить. Черезъ это деньги не водятся.

— Вы ужь очень много чаю-то отлили, говоритъ буфетчикъ и прибавляетъ мятной водки.

— Не могу-же я кипятокъ пить. Распотѣешь, выйдешь на улицу и простудишься, а я къ обѣднѣ сейчасъ...

Чиновникъ пьетъ.

— Напрасно я ее съ чаемъ-то смѣшалъ, бормочетъ онъ, шамкая губами. Никакого дѣйствія не произведетъ. Мятную надо гольемъ пить, тогда и польза. Охъ, еще хуже закололо подъ ложечкой!.. Вылей изъ стакана-то. Не буду я пить.

— Да что выливать-то? Вы все выпили.

— Не можетъ быть! Ну, вѣрно, это я невзначай.

Чиновникъ въ удивленіи смотритъ на пустой стаканъ.

— Ахъ, какая мерзость! Вотъ крутитъ, крутитъ что-то подъ сердцемъ, продолжаетъ онъ.

— А вы присядьте на стуликъ, да чистенькаго чайку...

— Да пойми, Потапычъ, къ обѣднѣ тороплюсь. Во вторникъ не былъ, вчера прозѣвалъ, а ужь сегодня четвергъ. Завтра исповѣдываться надо. Вотъ что: налей-ко мнѣ мятненькой то рюмочку. По немощамъ нашимъ Богъ проститъ.

— Конечно, ежели завтра на духу чистосердечно покаетесь... поддакиваетъ буфетчикъ.

— Или вотъ что: налей лучше полстаканчика. Пусть ужь лучше сразу боль остановитъ.

— Пожалуйте!

— Ужь и стаканы-же у васъ, я посмотрю: совсѣмъ дѣтскіе! Наливай до краевъ-то, что стоишь? Я не половинкинъ сынъ.

Чиновникъ пьетъ.

— Ну, что?

— Прелесть! Такъ по жилкамъ и расходится. Фу, какая крѣпость! Я вотъ одно, Потапычъ, думаю: и что такое въ этой мятной водкѣ можетъ быть скоромнаго? Лекарство и больше ничего. Вѣдь касторовое-же масло пьемъ? Конечно, ежели взять хересъ, шампанское... Ну, прощай! Боюсь къ обѣднѣ опоздать. Запиши за мной, завтра ужь не приду, до субботы. Прости меня, Христа ради, въ чемъ согрѣшилъ передъ тобой... словомъ, дѣломъ... помышленіемъ...

Языкъ чиновника начинаетъ заплетаться.

— И меня простите, Данило Кузьмичъ!.. Дай вамъ Богъ въ радости, какъ благотребно подобаетъ... безмятежно, мирно...

— Спасибо, спасибо! Ну, поцѣлуемся по христіански. Вотъ такъ. Вѣдь душа-то, Потапычъ, у человѣка одна, что у чиновника, что у буфетчика. Ахъ, Боже мой! Три четверти двѣнадцатаго! Опоздаю. Насыпь-ка на скорую руку еще рюмочку!

— Вы бы икоркой закусили..,

— Ни-ни... Рыбы не вкушаю! Я лучше пивца бутылочку, потому жажда... За ваше здоровье! Вотъ ядъ-то — настоящая англійская! И какъ только англичане эдакую крѣпость пить могутъ! Ну-съ, я опять насчетъ души... Возьмемъ душу буфетчика... Выворотимъ ее, такъ сказать... Понимаешь?..

— Вы ежели насчетъ обѣдни, то поторопитесь. Давнымъ давно отзвонили, замѣчаетъ буфетчикъ.

— Знаю, голубчикъ, знаю. Я только остынуть хочу, потому вспотѣлъ. Ежели твоя буфетчиская душа чиста, можешь ты меня ввести во искушеніе, или не можешь?

— Гдѣ же, помилуйте! Намъ бы только самимъ чистымъ быть.

— А коли такъ, набрызгай мнѣ еще рюмочку мятной, да побольше.

Бьетъ двѣнадцать.

— Про обѣдню-то забыли, а еще говѣльщикъ!

— Эхъ Потапычъ! что такое обѣдня? Не въ видимости нужно говѣніе соблюдать, яко мытари и фарисеи, а въ душѣ. Я

душой и сокрушаюсь, скорблю. Дай-ко бутылочку пивца похолоднѣе.

Буфетчикъ машетъ рукой. Чиновникъ садится.

— Ты чего это рукой-то машешь? Не осуждай, голубчикъ, не осужденъ и самъ будешь. Въ которомъ году у насъ было наводненіе?

— Вы бы лучше шли домой да соснули часокъ, а то и ко всенощной не попадете.

— Попаду, другъ любезный, попаду. Ты думаешь, на мнѣ какой классъ? Двѣнадцатый, братъ, классъ, вотъ что! И вдругъ ты мнѣ въ моемъ чинѣ и наставленіе!.. Ай-ай-ай!

Чиновникъ пьетъ пиво и совсѣмъ оболдѣваетъ. Голова его склоняется на столъ. Къ нему подходитъ буфетчикъ.

— Данило Кузьмичъ, вы бы у насъ въ коморкѣ прилегли, а то такъ, ей-ей, безобразно, говоритъ онъ.

— Оставь меня, оставь, я говѣю!... коснѣющимъ языкомъ лепечетъ чиновникъ.

Горе перевозчика.

На плотъ перевоза у Гагаринской набережной сходитъ хорошо одѣтый мужщина и садится въ яликъ. Онъ въ сѣромъ драповомъ пальто, въ цилиндрѣ, въ очкахъ и съ русой подстриженой бородой.

— Отчаливать прикажите, ваше степенство? спрашиваетъ перевозчикъ.

— Отчаливай. Мнѣ къ Спасителю.

Перевозчикъ плюетъ на руки и берется за весло. Лодка быстро отъѣзжаетъ отъ берега. Сѣдокъ вынимаетъ изъ кармана двугривенный и кладетъ передъ перевозчикомъ на скамейку.

— Вотъ за это, спасибо, ваше благородіе! Ай да, баринъ! Сейчасъ видно, что господинъ настоящій, говоритъ тотъ, а то сегодня, вѣрите-ли, то сборная лодка, то сѣдокъ особнякъ наровитъ за гривенникъ проѣхать. Изъ чего тутъ стараться? Вѣдь у насъ тоже становая жила сохнетъ, Да и въ сборныхъ-то лодкахъ все какая-то шишголь попадалась, даровые. Теперича поутру чиновникъ съ кокардой замучилъ, а днемъ солдатъ нашествіе дѣлалъ. А вѣдь съ насъ выручку спрашиваютъ.

— Неужели за перевозъ не платятъ?

— Ни Боже мой. Солдату, конечно, гдѣ взять, а чиновникъ изъ-за озорничества. Сейчасъ, какъ вышелъ изъ лодки, и указываетъ либо на свѣтлыя пуговицы, либо на кокарду. Ну, ничего и не подѣлаешь. Плюнешь ему въ слѣдъ—вотъ тебѣ и утѣшеніе. Есть, сударь, такіе чернильники, что еще на цигарки себѣ перевозомъ-то выручитъ, а то такъ въ конно-лошадиную, чтобъ, значитъ, за три копѣйки на этомъ самомъ лобномъ мѣстѣ прогуляться. Теперича, какъ подходитъ къ перевозу и начинаетъ сѣдоковъ останавливать. «Чѣмъ, говоритъ, вамъ лодочнику двѣ копѣйки платить, не хотите-ли мою фуражку съ кокардой на

прокатъ за копѣйку?» Да такъ съ двумя сдѣлается. Одному фуражку, другому пальто со свѣтлыми пуговицами отдаетъ, а самъ въ мундирѣ останется. Смотришь, изъ одного-то чиновника и сдѣлалось три.

— Неужто ты не врешь?

— Сейчасъ умереть, правда. За копѣйку любаго углицкаго мѣщанина въ чиновники превратитъ. А другому, сами знаете, лестно въ непоказанномъ нарядѣ пощеголять. Онъ готовъ за копѣйку-то три дать. Не бросайте, сударь, ваше высокородіе, окурочекъ-то, я докурю.

— Я тебѣ цѣльную папиросу дамъ.

— Вотъ за это благодаримъ покорно, ваше превосходительство. Вы изъ нѣмцевъ будете, что-ли?

— Нѣтъ. А что?

— Да такъ. По зимѣ я у одного нѣмца въ кухонныхъ мужикахъ жилъ, такъ тоже хорошій баринъ, даромъ что нѣмецъ. Выдетъ, бывало, въ кухню, и сейчасъ мнѣ окурокъ цигарки въ зубы, потому я ему за ту-же самую цѣну поясницу льдомъ натиралъ. Поврежденіе у нихъ тамъ было. Сегодня меня, ваше сіятельство, солдатъ одинъ замучилъ.

— Какъ такъ замучилъ?

— Да такъ. Катается себѣ отъ Гагаринской къ Спасителю и обратно да и шабашъ. «Я, говоритъ, по казенной надобности ѣзжу». Семь разъ проѣхалъ. По двѣ копѣйки, сами знаете —четырнадцать копѣекъ выходитъ. Безъ копѣйки — косушка. А изъ-за чего дѣло вышло? Переѣзжалъ онъ съ охтянкой, ну, и сталъ къ ней подъѣзжать, потому та бруснику везла. «Мы, говоритъ, тверскіе». А я и поддразни его: «какъ вы, говорю, козу черезъ заборъ пряникомъ кормили и корову на баню тащили». Разсвирѣпѣлъ. «Какъ говоритъ, ты смѣешь, такой сякой, меня. защитника, при дамахъ такими словами конфузить? Знаешь, я тебя, говоритъ, за эти слова, перевозомъ замучить могу! Цѣлый день ѣздить буду по Невѣ взадъ и впередъ». Ну, и замучилъ. Сядетъ въ яликъ—смотришь, двухъ копѣекъ нѣтъ. Я въ очередь стану—онъ стоитъ на плоту, дожидается меня, а въ другой яликъ не садится. Да такъ семь разъ. Хуже нѣтъ нашему брату для поясницы, какъ дароваго сѣдока возить. Изноетъ вся. Вы, ваше сіятельство, не докторъ будете?

— Нѣтъ, не докторъ.

— Подижъ ты, а лице совсѣмъ какъ-бы докторское. Что вотъ не спрошу господъ, никакъ не могу на доктора напасть!

— А тебѣ что?

— Да дряни во мнѣ всякой много накопилось, такъ выпустить-бы хотѣлось. Кровь наружу просится, а безъ докторской записки цирульники не пущаютъ. Три раза тутъ я ходилъ къ доктору, въ ногахъ валялся, просилъ записки—не даетъ. И что имъ чужую кровь жалѣть—это удивительно! Да и не диво-бы кровь была настоящая, а то дрянь одна. Мы когда въ своемъ мѣстѣ жили, я по четыре раза въ годъ бросалъ, а здѣсь, нодишь ты, какое обыкновеніе! Вѣдь насъ тоже томитъ. Теперича уснешь и видишь—какъ будто пожаръ, а то будто тебя драть ведутъ.

Лодка подъѣзжаетъ къ пристани. Сѣдокъ выходитъ.

— Ну, прощай, говоритъ онъ.—Желаю, чтобъ тебя судьба сохранила отъ даровыхъ сѣдоковъ,

Благодаримъ покорно, ваше преподобіе. Такъ вы не докторъ будете?

— Ей-Богу, не докторъ.

— Ну, и на томъ спасибо. Дай Богъ вамъ сто лѣтъ священствовать. А то ежели докторъ, то взяли-бы этотъ двугривенный обратно и дали-бы мнѣ это самое кровяное свидѣтельство. Вѣкъ бы Бога за васъ молилъ.

— Нѣтъ, не докторъ.

Сѣдокъ поднимается на берегъ. Перевозчикъ, прицѣпившись багромъ къ плоту, смотритъ ему въ слѣдъ и плюетъ.

— Подижъ ты, какая незадача! говоритъ онъ.—Вотъ и хорошій, добрый человѣкъ, а опять не докторъ!

ПОЛИТИКИ.

Воскресный день. Мѣсто дѣйствія—трактиръ средней руки Публика самая разношерстная. За однимъ изъ столовъ пьютъ чай: мастеровой-чистякъ, отставной «ундеръ» съ нашивками на рукавѣ, пожилой мужикъ въ новомъ нагольномъ тулупѣ и жирная баба въ бумажномъ платкѣ на головѣ съ изображеніемъ на немъ игральныхъ картъ всѣхъ мастей. Мастеревой только что сейчасъ прочелъ имъ политическія телеграммы и держитъ въ рукахъ газету. Идетъ обсужденіе телеграммъ. За другимъ столомъ за бутылкой пива сидитъ не то купецъ, не то артельщикъ въ сибиркѣ и въ сапогахъ съ наборомъ, и иронически улыбаясь, прислушивается къ ихъ разговору. Отъ стола къ столу ходитъ татаринъ съ ворохомъ набивныхъ платковъ и гарусныхъ шарфовъ на рукѣ и предлагаетъ свой товаръ.

— Турка-то бы еще ничего, онъ на замиреніе согласенъ, а вотъ Порта эта самая препятствіе ставитъ, говоритъ мастеровой.

— Что-же эта самая Порта-то тоже невѣрная? спрашиваетъ мужикъ.

— Самая-то что ни-на-есть невѣрная и есть. Она и изъ мухоѣданъ-то самая мухоѣданистая. Турки вина не пьютъ и свинины страшатся, за то табакъ жуютъ и грибъ мухоморъ, а Портѣ, по ея вѣрѣ, даже и въ этомъ препона. Отъ нихъ теперь окупацію требуютъ... Чтобъ всѣ жители, генералъ ты или простой человѣкъ, окупались въ болгарскихъ рѣкахъ и послѣ этого клятву дали, чтобы славянъ не терзать. Турція готова, а Порта не хочетъ.

— И чтобъ младенцевъ махонькихъ тоже купать? задаетъ вопросъ баба.

— И младенцевъ. Такъ, чтобъ всѣ въ прорубъ и лѣзли. А у нихъ упрямство.

— Да какъ-же можно младенцевъ-то въ эдакіе холода? Вѣдь тутъ сейчасъ смерть.

— Ахъ, тетенька Марья, да что-же, коли вся Европа хочетъ. Коли ежели они надъ славянами тиранствовали, такъ теперь за свою вину должны и сами имъ потрафлять. Вѣдь у насъ по деревнямъ въ Крещеньевъ день мужики купаются-же въ прорубяхъ и живы остаются...

— Постой, Селифанъ, ты это не такъ... перебиваетъ мастероваго ундеръ.—Извольте видѣть, Марья Васильевна, вся штука въ томъ, что Турція на счетъ холоду способна, а Порта эта самая изъ жаркихъ странъ и для нея морозъ все равно, что бура для тараканов.

— Врешь, дядя, врешь! Порта завсегда къ морозу благосклонна, а тутъ упрямство! вскрикиваетъ мастеровой. — Порта что ни на есть холодная земля. У нихъ ни овесъ, ни рожь не растутъ, а только одна ель, да мохъ... Имъ они и питаются.

Ундеръ обижается.

— Врешь, врешь! передразниваетъ онъ мастероваго. — Откуда такой начетчикъ выискался. Ты, братъ, меня не учи, я не глупѣе тебя, у меня тоже нашивки есть. Въ какихъ странахъ по твоему Порта обитаетъ? Вотъ что ты мнѣ скажи.

— Извѣстно, тамъ, гдѣ ледяное море, а такъ какъ у нихъ сѣна нѣтъ, ну, они и разъѣзжаютъ, вмѣсто лошадей, на псахъ.

— Анъ вотъ и неправда! Порта за Ерусалимомъ, промежъ Индейскаго царства и промежъ Арапіи и море у нихъ не ледяное, а красное, и ѣздятъ они на мерблюдахъ.

Мужикъ вздыхаетъ.

— А развѣ есть такое море? разражается онъ, наконецъ, вопросомъ.

— А ты думалъ какъ? Моря всякія есть. Есть море черное, оно русской державѣ принадлежитъ; есть море красное, и вода въ немъ какъ кровь красная; въ Апельсиніи, гдѣ апельсины растутъ, есть море желтое; у Китайцевъ море зеленое; потомъ есть море синее, о немъ и въ пѣснѣ поется, а пѣсня—быль...

— Премудрость! опять вздыхаетъ мужикъ и разглаживаетъ свои волосы, жирно смазанные деревяннымъ масломъ.—Какихъ, какихъ, подумаешь, у Бога морей-то только нѣтъ!

— Есть еще мертвое море. Въ томъ морѣ, какъ только кто искупается—тутъ ему карачунъ. Оно тоже этой самой Портѣ

принадлежитъ, но мы, по своей благости, въ немъ свою окупацію дѣлать ихъ не принуждаемъ, а требуемъ только то, чтобъ они за свои грѣхи въ прорубъ лѣзли.

— А коли не полѣзутъ?

— Ну, тогда сила русскаго оружія заблеститъ. Только допрежъ того мы миролюбіе будемъ пробовать. Вотъ и теперь ноты послали, чтобъ въ двадцат четыре часа всѣмъ стоять на берегахъ Болгаріи и слушать команду...

— Какъ ноты? Да что-жъ они музыканты, что-ли?

— Не музыканты, а ужъ у нихъ такое обыкновеніе, что грамоту они не знаютъ, а читаютъ и пишутъ по нотамъ. Вѣдь Порта это совсѣмъ особый народъ. Во-первыхъ, на головѣ у нихъ коса, какъ у нашихъ дѣвокъ; во-вторыхъ, у нихъ пушки деревянныя и всѣ они и богатые и бѣдные босикомъ ходятъ, а лѣтомъ такъ даже нагишомъ; только вотъ эти самыя мѣста какъ у акробатовъ шкурой прикрыты.

Прислушивавшійся до сихъ поръ къ разговору купецъ встаетъ и плюетъ.

— Эхъ, и слушать-то даже не хочется! восклицаетъ онъ— уши вянутъ. Послушайте, почтенные, какой такой, непонятный ултиматумъ вы изъ газетъ дѣлаете? обращается онъ къ политикамъ.—Нешто можно объ политическихъ дѣлахъ Европы такое разсужденіе имѣть, коли ежели вы ничего въ образованіи не смыслите? Ну, и выходитъ одна глупая словесность съ вашей стороны и больше ничего. Хоть-бы теперь о Портѣ вы мелево мелете... Что Порта, что Турція—это все одна держава, и даже подъ однимъ султаномъ состоитъ, а народъ дѣйствительно разный. Турка въ чалмѣ, голову брѣетъ, и обликомъ по своей физіономіи бѣлъ; что-же касательно Порты Отоманской, то волосяная мода у нихъ какъ и у насъ; взамѣсто чалмы ермолка красная съ кисточкой, но обличье какъ-бы арабскаго вида. У турки штаны синія, у Порты штаны красныя, оба боятся свинаго уха и вѣра ихъ невѣрная никакой разницы не составляетъ. Вотъ вамъ и все, а въ заключеніе моихъ преніевъ я долженъ сказать одно: кто глупъ—долженъ свою словесность на счетъ политики оставить и держать за языкомъ свое молчаніе, а то образованному уху...

Компанія политиковъ вламывается въ обиду.

— Да ты, почтенный, чего взбѣленился? Вѣдь мы къ тебѣ не приставали?.. Мы промежъ себя разговоръ разсыпали, перебиваетъ его ундеръ.

— Да образованному-то уху при всемъ своемъ славянскомъ единствѣ и даже сочувствіи слушать скверно! А трактиръ общій. Эй, половой! Заведи машину!

— Что поставить прикажете?

— Что нибудь изъ «Травіаты», да только погугенотистѣе!

Кое-что великопостное.

Великій постъ. Утро чистаго понедѣльника. Трактиръ средней руки. Скоромные бутерброды на буфетѣ замѣнены кочаномъ кислой капусты. На тарелкахъ лежатъ грузди, рыжики. У буфетчика подъ рукой появилась кадушка съ медомъ. Изъ кухни пахнетъ постнымъ масломъ; изъ церквей доносится заунывный звонъ къ часамъ. Трактирный органъ молчитъ. Немногочисленные посѣтители мрачны, сидятъ насупившись и пьютъ чай, звонко глотая его съ блюдечковъ. Купцы, вмѣсто сахару, лижутъ медъ съ ложечекъ. Разговоры не клеятся.

— Гдѣ былъ-то вчера? задаетъ вопросъ подстриженная борода одутлому лицу съ усиками и совершенно перекошенными отъ вчерашняго пьянства глазами.

— Охъ! Лучше ужъ и не спрашивай! слышится отвѣтъ и усы махаютъ рукой.

— Значитъ, на стеклянномъ инструментѣ игра была шибкая? То-то ликъ-то у тебя!...

— Не приведи Богъ! Помню, что ѣздили на чухонцѣ, гдѣ-то были, а гдѣ—рѣшительно не помню. Не знаю, какъ и домой попалъ. Сегодня въ карманѣ какимъ-то манеромъ налимья голова очутилась и половина женскаго шиньона.

— Видно, гдѣ нибудь взялъ?

— Конечно, взялъ, но гдѣ—не помню. Помню только, что гдѣ-то въ фортепьянныя струны бутылку портеру вылилъ и вышелъ скандалъ. Вотъ вся рука правая исцарапана.

— Не хорошо, не хорошо. А мы такъ прощеное воскресенье честно, благообразно... За завтракомъ, за блинами хлобыснулъ шесть штучекъ, но къ вечеру сталъ сбавлять пропорцію: за обѣдомъ четыре, за ужиномъ три и потомъ, отходя къ сну, выпилъ полъ чайной чашечки.

— Всетаки тринадцать рюмокъ.

— Да вѣдь какія рюмки-то! Младенцы, а не рюмки. Зато честно, благообразно... Сначала на сонъ грядущій супруга мнѣ поклонилась въ ноги, потомъ я ей. Одно слово, какъ въ прощеное воскресенье подобаетъ. Сходилъ въ кухню и кухаркѣ поклонился. Ежели иногда неровенъ часъ и стеганулъ по затылку или кислымъ словомъ обозвалъ, то всетаки надо покаяться. По благочестію-то жить хорошо. Вчера у насъ и сковороды отъ скоромнаго масла выжгли, мясное собакамъ стравили...

— А у меня такъ наоборотъ: сегодня съ женой категорія вышла. Спрашиваетъ, откуда шиньонъ ко мнѣ въ карманъ попалъ, гдѣ я налимью голову взялъ?

— Сырая налимья голова-то?

— Въ томъ то и удивленіе, что сырая!

— А я тебѣ вотъ что скажу: сходи-ко ты сегодня въ баню, да на полокъ, а теперь пей чай до послѣдней устали.

Въ углу мрачно сидитъ красная какъ варенный ракъ личность.

— Боже очисти мя грѣшнаго!—вздыхаетъ онъ въ слухъ и, обратясь къ буфетчику, говоритъ:—Парамонычъ, пришли-ко мнѣ съ мальченкой рюмку постной водки!

У буфета стоитъ чиновникъ въ вицмундирѣ и съ портфелемъ подъ мышкой и жадно ѣстъ съ тарелки кислую капусту. Къ буфету, потирая руки, подходитъ другой чиновникъ.

— Со вчерашняго угару? спрашиваетъ онъ.

— Да, была игра! Сегодня директору къ подписи бумаги надо нести, такъ вотъ запахъ заѣдаю. Не хорошо, коли услышитъ перегаръ.

— Ты-бы лучше сухимъ чаемъ заѣлъ или кофеемъ жженымъ. Глотокъ чернилъ иногда помогаетъ, но противно очень. А я забѣжалъ поправиться—клинъ клиномъ вышибить, поясняетъ онъ.—Два стакана огуречнаго разсолу дома выпилъ, но еще хуже! Вотъ она масляница-то! Иду сейчасъ по улицѣ, а въ глазахъ круги и все какъ будто свинячьи морды, а подъ ногами въ тротуарѣ какъ бы ямы... И знаю, что ничего нѣтъ, а боюсь оступиться. Насыпьте-ко, господинъ буфетчикъ, рюмочку,—хочу съ солью попробовать. Ты, Сеня, не выпьешь за компанію?

— Говорю тебѣ, что у насъ докладъ, отвѣчаетъ Сеня.

— У меня директорскій проектъ для переписки, а я, собственно, для поправленія рукъ, потому трясутся. Попробовалъ почеркъ—словно слонъ брюхомъ ползаетъ.

— Нѣтъ, не соблазняй! Не по нынѣшнимъ днямъ. Люди и пищи не вкушаютъ.

— Да ты и не вкушай, а выпей. А въ водкѣ что скоромнаго? Она постная, изъ хлѣба готовится.

— Это дѣйствительно! откликается мрачная личность. Даже и инокамъ во время разрѣшенія вина и елея указана. Возьми вервіе, обмотай его кругомъ перста десныя твоея трижды и се будетъ высота красоули, а дважды—ширина оной. Дозвольте и намъ компанію сдѣлать?...

Чиновники не отвѣчаютъ на замѣчаніе и начинаютъ шептаться. Черезъ минуту Сеня восклицаетъ:

— Коли такъ, изобразимъ ужъ графинчикъ! Одно вотъ: генералъ...

— Съѣшь листъ папиросной бумаги, и затая духъ, подходи смѣло!

— А ежели икота?...

— Обвяжи мизинецъ ниткой. Великолѣпная симпатія!

Черезъ пять минутъ чиновники сидятъ за графинчикомъ.

ПРЕСЫЩЕННЫЕ И ГОЛОДНЫЕ.

Въ окнахъ перваго этажа большаго каменнаго дома видна зажженная елка. Шторы подняты. Ярко горятъ свѣчи, тусклый матовый свѣтъ испускаютъ изъ себя цвѣтные фонарики, блестятъ позолоченные орѣхи. Нагнулись елочныя вѣтки подъ тяжестью конфектъ, фруктовъ, пряниковъ, бомбоньерокъ. Подъ елкой разставлены игрушки. Тутъ и куклы, и шлемъ, и барабанъ, и медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ. Вокругъ елки дѣти: маленькій гимназистъ, дѣвочка въ локонахъ, мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ. Видна и дебелая разряженная мамка съ груднымъ ребенкомъ, безсмысленно засовывающимъ въ ротъ костяную погремушку. Офицеръ и дама раздаютъ дѣтямъ сласти и игрушки.

На улицѣ тоже дѣти. Они пріютились на приступочкѣ параднаго подъѣзда и заглядываютъ въ окна, смотря на горящую елку. Нѣкоторыя стоятъ внизу на тротуарѣ. Одинъ забрался на цоколь, держится за подоконникъ, и такъ и прилипъ къ стеклу. Тутъ и мальчикъ въ отцовской шапкѣ и женской ситцевой кацавейкѣ, дѣвочка съ корзинкой въ рукахъ, окутанная въ сѣрый грязный платокъ, мастеровой ученикъ въ неимовѣрно огромныхъ валенкахъ, маленькая дѣвочка съ парой соленыхъ огурцовъ въ горшечкѣ, очевидно посланная въ лавку, и подросточекъ изъ мясной лавки въ тулупѣ и грязномъ передникѣ. Передъ окнами останавливаются и взрослые. У дѣтей идутъ толки.

— Экіе-какіе эти господскіе ребятишки! Стоятъ и смотрятъ, словно пристукнутые!—восклицаетъ мастеровой мальчикъ, выбивая ногами отъ холоду дробь на тротуарѣ. Смотри, смотри, какой ему громадный пряникъ дали! Съ голову. Вотъ дуракъ-

то! И чего онъ его держитъ въ рукахъ и не ѣстъ? Я-бы сейчасъ съѣлъ.

— Такой большой, пожалуй, сразу и не одолѣешь, возражаетъ другой мальчикъ. Вотъ яблоковъ я-бы сейчасъ пятокъ уплелъ, а это царь-пряникъ, его одному не съѣсть.

— Мнѣ не съѣсть? Да знаешь ты, мнѣ въ имянины дядя подарилъ пятиалтынный, я сейчасъ побѣжалъ въ лавочку, купилъ себѣ два пеклеванника съ патокой и въ одинъ мигъ съѣлъ.

— Эка мудрость! лепечетъ дѣвочка съ корзинкой. У насъ разъ тетку мою баринъ лошадью задавилъ и десять рублей ей далъ, такъ я пятнадцать сухарей съ кофіемъ сгрызла.

— А я разъ одинъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ шесть рѣпъ съѣлъ да бутылку кислыхъ щей... Я и мороженаго на цѣлый гривенникъ могу и сразу... Конфеты раздавать начали... замѣчаетъ мальчикъ Дѣвочка-то... вотъ дрянь! Взяла да еще нюхаетъ. Чего тутъ нюхать?...

— А вѣдь поди паточныя конфеты-то! восторженно облизывается дѣвочка съ солеными огурцами. — Мнѣ на Масляной нашъ лавочникъ подарилъ... У меня и теперь картинка на шкапу прилеплена. Непремѣнно паточныя!

— Паточныя!—серьезно откликается паренекъ изъ лавки. Нешто господа паточныя конфеты ѣдятъ? Имъ на меду дѣлаютъ.

— Мели, Емеля, твоя недѣля!—вмѣшивается въ разговоръ взрослая чуйка. Господа меду-то и не нюхаютъ. Развѣ въ великій постъ съ чаемъ. У нихъ ананасный ликеръ и рафинадъ Молво, а то и постный сахаръ отъ братьевъ Лапиныхъ.

— Анъ врешь! Я сама видѣла, какъ у насъ на дворѣ генеральша изъ третьяго этажа къ себѣ разнощика съ сотовымъ медомъ зазывала! Да... Стояла потомъ у окошка и ложкой хлѣбала.

— А вотъ дать тебѣ по затылку на чай или вихры нащипать, такъ и похлѣбаешь! Дура безсережная!

Чуйка замахивается.

— Что ты дяденька! За что ты дерешься! слезливо взвизгиваетъ дѣвочка.

— За что? За волосы. Не перечь старшимъ.

— Ну, надумался мальчикъ-то! Ѣсть началъ... Эхъ, и ѣсть-

то не умѣетъ, сосетъ только. Дали бы мнѣ, такъ я ему показалъ,—продолжается разговоръ.

— Видишь, у него руки заняты. Цѣлый ворохъ гостинцевъ держитъ. Куда-бы ему ихъ дѣть?

— А взялъ, положилъ вонъ въ тотъ бубенъ — вотъ тебѣ и лукошко. Изъ него и ѣшь сколько хочешь. Какіе это барченки недогадливые!

— Видишь, у него глаза разбѣжались. Вѣдь это на всякаго дѣйствуетъ.

— Подпустили-бы меня, такъ я-бы имъ показалъ, храбрится «отцовская шапка».

— А что-бы ты сдѣлалъ?

— Полъ елки-бы съѣлъ.

— Ну, и высѣкли-бы. У господъ вѣдь тоже строгость есть.

— Господъ не сѣкутъ, господъ на колѣни только ставятъ.

— Важное дѣло, на колѣни! Ну, и всталъ-бы на колѣни, а все-таки наѣлся... Вотъ-бы сейчасъ взялъ эту куклу, что на барабанѣ играетъ, выворотилъ-бы у нея нутро и посмотрѣлъ, что въ серединѣ есть. А господа идоломъ стоятъ.

— И какая у васъ у мальчиковъ изводка ломать все... У меня простая кукла, у нея теперь тараканы все лицо съѣли, да я и ее берегу, отзывается дѣвочка и становится на тумбу, чтобы лучше заглянуть въ окно, но сейчасъ-же сталкивается съ нея ловкимъ подзатыльникомъ.

Къ ней подкралась мать.

— Ахъ, ты мерзкая дѣвчонка!—кричитъ она, подбоченившись.—Посмотрите, добрые люди! Я ее послала съ корзинкой на Семихатовъ дворъ щепки сбирать, а она на улицѣ топчется. Мать безъ кофію сидитъ, а она свои буркулы поганые въ окна пялитъ! Нешто это модель! Ахъ ты, висѣльница эдакая! Иди, миленькая, домой, иди! Я съ тобой дома поговорю на досугѣ!

Дѣвочка плачетъ и идетъ, понуря голову.

На крикъ женщины изъ подъѣзда выскакиваетъ швейцаръ и разгоняетъ остальныхъ ребятишекъ. Взрослая чуйка, ни съ того ни съ сего, ловитъ какого-то мальчишку за вихоръ и даетъ ему затрещину.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Купеческій домъ, настоящій купеческій домъ съ огромными образами въ серебряныхъ ризахъ. Пахнетъ лампадками, съѣдобнымъ. Въ залѣ, въ углу стоитъ столъ съ закусками и винами, и Боже, чего только здѣсь нѣтъ! На первомъ планѣ виднѣется окорокъ ветчины. Изъ батареи бутылокъ выглядываетъ кувшинъ съ рижскимъ бальзамомъ. Первый день новаго года. На диванѣ «сидитъ» сама въ шелковомъ платьѣ и кружевномъ чепчикѣ съ необыкновенно длинными и широкими лентами. Тутъ-же и двѣ дочери — невѣсты. Одна читаетъ книжку, другая дразнитъ попугая, сидящаго въ бронзовой клѣткѣ. Въ прихожей раздаются звонки за звонками. Въ залу являются гости съ поздравленіемъ, произносятъ фразу съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! перекидываются нѣсколькими словами, глотаютъ рюмку вина и разкланиваясь, изчезаютъ. Вотъ и теперь гость. Фракъ съ иголочки, Самъ завитъ и надушенъ до приторности. Въ сорочкѣ брильянтовыя запонки. На стулѣ сидитъ бокомъ точь, точь извощикъ на облучкѣ.

— Двадцат семь визитовъ сегодня, говоритъ онъ. Вѣрите ли, смучился даже. У лихача вся лошадь въ мылѣ, а я всего еще только въ двѣнадцатомъ домѣ у васъ.

— Ахъ Боже мой! А кому же будете тринадцатый визитъ дѣлать. Вѣдь это погибельное число... задается вопросомъ мать семейства. — Вотъ бы вы къ Слаботѣловымъ... Ужъ больно носъ задираютъ.

— Зачѣмъ, маменька, къ Слаботѣловымъ? Лучше къ Скрипинымъ. Пусть лучше надъ ними бѣда стрясется. Вы знаете, что Аничка мнѣ наканунѣ рождества у всенощной сдѣлала? Пошла да и плюнула на бархатное пальто, откликается старшая дочка. — А все за доктора Савельева. За чѣмъ онъ со мной три кад-

рили подрядъ танцовалъ. Да, да, Родивонъ Захарычъ, сдѣлайте тринадцатый визитъ крипинымъ. Я васъ умоляю!

— Для васъ завсегда готовъ этотъ сюрпризъ преподнесть, кланяется гость.

— Да такъ и скажите, что это, молъ, тринадцатый визитъ. Пусть ихъ поахаютъ.

— Стоитъ, стоитъ, Родивонъ Захарычъ! прибавляетъ мать. Самъ всего капитала рѣшился, въ долговое задумалъ садиться, а къ старшей дочкѣ доктора прикармливаютъ.

— И брильянты, маменька, заложили. Мнѣ кружевница наша сказала. И лошадей продали, между тѣмъ, всѣмъ разсказываютъ, что у нихъ лошадей въ скотскую повинность взяли. Такъ къ нимъ поѣдете теперь?

— Всенепремѣнно. Изволили-ли, Прасковья Ивановна гадать на новый годъ?

— За ворота выбѣгала, имена спрашивала. Да что всѣ мужчины нынче такія нахальники!

— Изругали вѣрно? Это отъ необразованія, потому народъ праздничный, хмѣльной.

— Такое имя сказали, что я и произнести не могу!

— Ну, что-жъ такое! Важное кушанье! вставляетъ слово вторая дочь. — Она спрашиваетъ мастероваго какого-то: Какъ васъ зовутъ? а онъ отвѣчаетъ, «жупелъ». Мнѣ еще хуже слово сказали да я и то ничего не говорю. На то святки.

— А ты молчи, глупая! Ты этихъ словъ и не должна понимать... дѣлаетъ ей замѣчаніе маменька.

— Въ этомъ случаѣ нужно всегда съ кавалеромъ ходить, что-бы на всякій случай можно было награжденіе по затылку сдѣлать, отвѣчаетъ гость. А мы рядились на третій день праздника. У фруктовщика Переносова балъ былъ. Я былъ одѣтъ чортомъ. Рога, хвостъ, языкъ со стрѣлой—все это въ лучшемъ видѣ.

— Ахъ какіе вы безстрашные!

— Это мнѣ наплевать. У меня сумнительности никакой. Въ прошломъ году я шкилетной смертью вырядился и прямо къ Голубцовымъ на вечеръ... Всѣхъ въ недсумѣніе и ужасъ привелъ, ходилъ и рычалъ по залѣ. И что-жъ вы думаете? въ тотъ годъ у нихъ два покойника: одинъ младенецъ и кухарка. Теперь меня за этотъ карамболь и принимать перестали. Нѣтъ, вчера

у насъ умора вышла! Никифоръ, нашъ приказчикъ выпросился съ нами ряженымъ ѣхать. Я Гамлетомъ со шпорами, а онъ туркой въ чалмѣ... Началъ передъ гостями кренделить, да ломаться, а тѣ ему патріотическую антипатію выказали. Сначала въ шутку, а потомъ все лицо изцарапали и до двухъ синяковъ дѣло дошло. Нѣтъ, по нынѣшнемъ славянскимъ чувствамъ туркой рядиться опасно! Однако, заболтался... Прощайте!

— Такъ заѣзжайте къ Скрипинымъ-то! Пусть имъ тринадцатый визитъ!.. Да ежели ряжеными то поѣдете, то попугайте ихъ и смертью.

— Смертью не могу, потому шкилетнаго костюма теперь нѣтъ, а арапомъ—извольте. Я у нихъ въ этомъ самомъ арапскомъ одѣяніи вѣчную память могу запѣть. Тоже на то и наведетъ.

— Пожалуйста. Я вамъ за это бисерный сувениръ свяжу. А то представьте себѣ: задумали банкрутиться и вдругъ доктора прикармливаютъ!

Гость раскланивается, но въ это время раздается звонокъ и на порогѣ является самъ хозяинъ дома.

Онъ въ мундирѣ, со шпагой, въ трехъуголкѣ на головѣ и слегка выпивши.

— Ивану Парамонычу! Съ новымъ годомъ! Здравствуйте и прощайте! произноситъ гость.

— Куда это? Стой! Во фрунтъ! Безъ опрокидонта не выпущу! Выпей съ хозяиномъ по маленькой лампадочкѣ самоплясу купеческаго и тогда съ Богомъ по морозцу!

Хозяинъ загораживаетъ гостю дорогу.

— Не могу, Иванъ Парамонычъ! И такъ ужъ физіономію изрядно намазалъ. Мельканіе въ глазахъ начнется. Окромя того, пятнадцать визитовъ...

— Ну, легонькаго? Шато-марго ступочку.

— И отъ шато-марго шататься и моргать начнешь. Не модель!

— Ну, портерку?

— Портеръ ноги портитъ. Ужъ тогда лучше легонькаго медочку рюмочку.

— Иванъ Парамонычъ! Сними съ головы треухъ-то! Здѣсь вѣдь, чай, образа! дѣлаетъ хозяину замѣчаніе жена.

— Погоди, не балуй! Дай во всемъ парадѣ-то мнѣ покрасоваться, отвѣчаетъ хозяинъ и тащитъ гостя къ закускѣ.

— Давно ли, Иванъ Парамонычъ, это у васъ мундирное-то украшеніе?—задаетъ вопросъ гость.

— Съ прошлаго года въ нищенскій комитетъ вношу. Сейчасъ былъ у генерала. Ахъ, Боже мой, какъ онъ меня принялъ! Вотъ душа-то! «Какъ, говоритъ, торговали къ празднику? Какъ насчетъ внесенія пошлины звонкою монетой?» «Мы, говорю, ваше превосходительство, пошлины не вносимъ, потому подрядами по части мусорнаго очищенія занимаемся». Сейчасъ это мнѣ дрей-мадеры...

— Вотъ отъ того-то ты себѣ глаза и налилъ!—язвитъ жена.

— Брысь! Нешто я могу препятствовать, коли самъ генералъ проситъ? Ихъ желаніе завсегда въ насъ отраженіе найдетъ. Сначала первую... потомъ вторую... за симъ третью и, наконецъ, безъ четырехъ угловъ домъ не строится..

— Полно врать-то, Ну, станетъ-ли генералъ тебя потчивать! Просто у Феклиста Кузьмича замотался.

— Анъ вовсе и не та музыка. Ошибаешься! Э, да что тутъ! Другъ, выпьемъ мадерки по одной собачкѣ и гуськомъ закусимъ. Вѣдь гусь-то плавалъ.

— Не могу, Иванъ Парамонычъ! Пятнадцать визитовъ... рысакъ въ мылѣ... отнѣкивается гость.

— А вотъ мы тебя по разбойничью заставимъ. Смерти или живота?

Хозяинъ выхватываетъ изъ ноженъ шпагу и замахивается на гостя.

— Иванъ Парамонычъ! Иванъ Парамонычъ! Что вы? Вѣдь это называется обнаженіе... Долго-ли до грѣха!

— Ага, испугался! Ну, теперь пей!

— Ей-Богу, еще пятнадцать визитовъ... Ноги подломились... Рысакъ въ мылѣ...

Гость пьетъ, прощается и уходитъ. Купецъ подбоченивается и долго смотритъ на жену, лукаво подмигивая глазомъ.

— Тьфу! дуракъ эдакой!—плюетъ жена.

— Дура!

НА КУЛЕНБЕРГѢ.

23 Іюня. Десять часовъ вечера. Канунъ Иванова дня. На Петровскомъ островѣ толпы народа. Публика самая разношерстная. Нѣмецкая рѣчь и чухонскій говоръ слились съ русскою руганью. Какой-то стонъ стоитъ въ воздухѣ. Звуки шарманокъ, музыка странствующихъ оркестровъ, выкрики разносчиковъ, женскій визгъ, наигрываніе на гармоніи—все перемѣшалось. Гулянье въ полномъ разгарѣ! Пьяные, буквально, на каждомъ шагу. Вездѣ горятъ костры. Около костровъ сидятъ, лежатъ и стоятъ русскіе и нѣмецкіе мастеровые, ихъ жены, дочери, любовницы. «Wacht am Rhein», распѣваемое пьяными голосами, слышно въ перемежку съ «Среди долины ровной», съ патріотическимъ «was ist das deutsche Vaterland» и неизбѣжной пѣснью всѣхъ пьяныхъ собраній «Въ темномъ лѣсѣ». Кой-гдѣ танцуютъ французскую кадриль подъ звуки шарманки и среди танцующихъ бродитъ на рукахъ и кувыркается странствующій акробатъ въ грязномъ трико. Воздухъ пропахъ дымомъ костровъ, водкой и пивомъ. На каждомъ шагу то ссорятся, то признаются въ любви.

— Марья Ивановна, протанцуемте польку трамбланъ. Ужъ очень мнѣ хочется этому нѣмцу съ цигаркой локтемъ въ ухо заѣхать, а такъ невозможно,—говоритъ писарь своей заматерѣлой подругѣ изъ генеральскихъ горничныхъ.

— Вотъ еще что выдумали! Достаточно конфуза, что я сюда пришла,—гордо отвѣчаетъ та.—Нѣтъ, Флегонтъ Михайлычъ, вы меня не знаете, я завсегда себя въ антересѣ держу и кабы я себя еще больше соблюдала, какъ для дѣвушковъ слѣдоваетъ, я-бы теперь въ каретахъ ѣздила.

— Да вѣдь собственно для скандалу. Вышибъ-бы у него изъ

зубовъ цигарку, пардонъ, да и былъ таковъ. Что-жъ, это и офицеру не стыдно.

— Не говорите, пожалуйста, глупостевъ безъ авантажа, а лучше угостите мороженнымъ, либо апельсиномъ.

Проходятъ двое мастеровыхъ.

— А чудесно здѣсь!—говоритъ одинъ изъ нихъ.—Супротивъ этого гулянья лучше и мѣста нѣтъ, даромъ, что нѣмецкое. Ужъ какъ же мы лѣтось съ Федоромъ Ивановымъ веселились—бѣда! Вѣкъ не забуду! Съ супружницей онъ былъ, ребеночекъ махонькій съ ней тоже, свояченица его изъ папиросныхъ дѣвицъ съ Миллера фабрики... Вкупѣ значитъ. Онъ полштофикъ сначала, потомъ я. Вотъ тутъ подъ кустикомъ. Онъ пару пива, потомъ я. Воздухъ это легкій, сырость... Чудесно! Сложились на четверть... Охолостили. Опять за пиво. Дамы тоже съ нами. Ужъ мы пили, пили! Господи! Чудесно!

— Ну? И что-же дальше?—спрашиваетъ другой.

— Да ничего. Все пили. Только подъ конецъ ужъ карусель вышелъ: онъ супружницу въ ухо, а я его свояченицу. Тѣ, по своему женскому сословію визгъ, подняли...

— Ну?

— Ну, и ничего. Сейчасъ это городовой и повели насъ въ часть. Дамъ выпустили, а мы до утра... Вспомнимъ, Вася, Федора Иваныча! Вѣдь ужъ онъ теперь въ сырой землѣ. Помянемъ! А у меня кстати и косушечка есть. Травкой закусимъ. О. Господи! И сколько мила и прекрасна была эта папиросная дѣвица!

Пріятели садятся. Изъ кармана показывается стеклянная косушечка.

Вотъ компанія разряженныхъ и пьяныхъ купеческихъ сынковъ. Сцѣпившись другъ съ другомъ подъ руку, они съ пѣніемъ шествуютъ по травѣ, опрокидываютъ попадающіеся по дорогѣ кофейники, бутылки, разставленныя гуляющими. Купеческихъ сынковъ сопровождаютъ мастеровые. Нѣкоторые изъ нихъ несутъ четвертную бутыль, корзину съ виномъ. Мастеровые такъ пристали къ нимъ, изъ-за угощенія. Изъ-за угощенія-же они защищаютъ ихъ отъ могущей произойти драки съ нѣмцами и чухнами.

— Стой, машина!—кричитъ одинъ изъ купеческосыновней

компаніи, облеченный въ яхтъ-клубскую фуражку.—Какая теперь станція?

— Валдайка, ваше степенство!—откликается мастеровой и при этомъ свиститъ, подражая паровозу.

— Коли такъ—накаливай намъ по коньяковой собачкѣ! Да пососите и сами изъ четвертной самоплясу купеческаго. Ну, живо! Лимонъ на заглотку ѣсть.

— Все въ маркитантскомъ порядкѣ обрѣтается, ваше степенство!

Компанія выпиваетъ.

— Захватывай плѣнныхъ!—командуетъ яхтъ-клубская фуражка.

Сопровождающіе мастеровые подводятъ двухъ разносчиковъ въ ситцевыхъ рубахахъ и передникахъ. Начинается допросъ:

— Какой губерніи?

— Тверской.

— А, значитъ козу сквозь заборъ пряникомъ кормили и рака съ колокольнымъ звономъ встрѣчали! Женатъ, вдовъ или холостъ? Какой вѣры?

— Русской.

— Коли такъ, подносите плѣннымъ по стаканчику! Кричите «ура»! Коли четвертная высохла—новую!

Раздается «ура».

У костра, около котораго разбросаны пивныя бутылки и жарится на сковородѣ яичница, сидятъ: пьяный нѣмецъ безъ сертука и жилетки и двѣ нѣмки среднихъ лѣтъ. Ихъ шляпки висятъ на воткнутыхъ палкахъ. Нѣмки и нѣмецъ поютъ: Spitzen, Hacken, ein, zwei, drei! Spitzen, Hacken, ein, zwein, drei». Другой нѣмецъ совсѣмъ уже пьяный въ помятомъ цилиндрѣ пляшетъ подъ звуки этой пѣсни, выдѣлывая преуморительныя па. Дамы хохочутъ. Довольный успѣхомъ, онъ останавливается.

— Warten Sie, meine Damen! Ich werde mal ein Kunststück machen!—говоритъ онъ съ замѣтнымъ латышскимъ акцентомъ.—Маленьки фокусъ. Ich will mir Eierkuchen machen. Яишница...

Нѣмецъ снимаетъ съ головы свой цилиндръ, разбиваетъ туда два яйца и ставитъ его на костеръ.

— Браво! Браво, Шнауце!—кричитъ сидящій нѣмецъ.

Собравшаяся вокругъ публика тоже смѣется и апплоди-

руетъ. Къ нѣмцу подступаетъ русскій мастеровой въ чуйкѣ и въ фуражкѣ съ надорваннымъ козырькомъ.

— Это что за мудрость! А коли ты хитрый нѣмецъ, ты самъ на уголья лягъ!—говоритъ онъ.

— Weg!—гонитъ его нѣмецъ и толкаетъ въ грудь.

— Что? Ты толкаешься? Нѣтъ, Карлъ Иванычъ, такъ не ходитъ, коли съ тобой по благороднымъ поступкамъ!..

Хлесть въ ухо—и нѣмецъ валится.

Раздается визгъ нѣмокъ, сковорода съ яичницей опрокидывается. «Karl, Fritz, Нидерле! Шульце!»—сзываютъ нѣмцы своихъ собратьевъ. Сбѣгаются и русскіе охотники до дракъ, засучивая по дорогѣ рукава, и начинается свалка. Вдали показывается городовой. Толпа усиливается.

— Пойдемъ, сольемся съ народомъ,—говоритъ какой-то бакенбардистъ въ пенсне своему товарищу въ сѣрой пуховой шляпѣ и спѣшитъ на мѣсто происшествія.

Драка, благодаря городовому, прекращена. Двоихъ куда-то ведутъ. Нѣмцу обмываютъ пивомъ разбитый носъ. Въ толпѣ размахиваетъ руками только-что сейчасъ прибѣжавшій откуда-то купецъ,

— Эхъ, народишко! И подраться-то путемъ не умѣли!—кричитъ онъ.—Нешто это православная драка?

ЛѢТНІЯ СЦЕНКИ.

I.

Лѣсной. Беклешовъ садъ. Вечеръ. На скамейкѣ противъ пруда сидятъ мужъ и жена. Мужъ зѣваетъ и по времепамъ «клюетъ носомъ» отъ дремоты; жена отмахивается отъ комаровъ и глядитъ на катающихся вдали на лыжахъ. Въ саду пусто. Слышенъ всплескъ веселъ. Съ улицы доносится звонкая трехъэтажная ругань и звуки гармоніи. Гдѣ-то визгнулъ женскій голосъ и ему откликнулся мужской: «держи ее!»

Жена находится въ какомъ-то кислосладкомъ созерцаніи природы.

— Смотри, Александръ Иванычъ, вонъ рыбка играетъ на просторѣ,—говоритъ она.—Хорошо ей...

— Ну, полно врать, матушка! Станетъ-ли рыба играть объ эту пору,—отвѣчаетъ мужъ.—Ей тоже покой нуженъ. Кто-нибудь камень кинулъ или плюнулъ, а ты сейчасъ—рыба... Рыба теперь спитъ давно. Она на этотъ счетъ умнѣе людей.

— А вонъ и птички щебечутъ. Это самочки своимъ возлюбленнымъ о себѣ вѣсть подаютъ. Счастливыя!

— Ври больше!

— Кукушечка закуковала. Все-то теперь радуется!... Кукушечка, кукушечка, сколько лѣтъ Александру Иванычу жить осталось? Отвѣть своимъ кукованьемъ.

— Ну, ужъ это ты оставь... Знаешь, я этого не люблю: я мнителенъ,—съ испугомъ перебиваетъ мужъ. Спрашивай лучше о себѣ. Когда ты, Женичка, оставишь эти глупыя институтскія привычки?

— Никогда. Вонъ видите, кукушка замолчала. Вамъ и одного года жить не осталось.

Мужъ плюетъ.

— Пожалуйста примѣняйте это къ себѣ, а меня оставьте въ покоѣ. Кукушка отъ того замолчала, что не хочетъ съ дурой разговаривать.

Молчаніе. Жена отвертывается отъ мужа и слегка надуваетъ губы, но наконецъ все-таки не выдерживаетъ и продолжаетъ:

— А хорошо лѣтомъ! Мотыльки порхаютъ за бабочками, всякая травка радуется: все проситъ любви, наслажденій.. Природа оживлена, все дышетъ жизнью.

— Ничего тутъ нѣтъ хорошаго. Жара, духота, все тебя кусаетъ, жалитъ... Поутру мухи спать не даютъ. Въ полдень летаютъ осы, пчелы, овода, того и гляди, что тебя ужалятъ, вечеромъ кусаютъ комары, а ночью нападаютъ на тебя блохи и разная мошкара.

— Это только на васъ и нападаютъ. Такъ васъ въ Эдемъ посади, вамъ и тамъ будетъ тошно.

— Ну, молчи.

— Не хочу молчать! Хочу наслаждаться природой и хоть на людей да радоваться. Вонъ какая-то счастливая машетъ своему другу платкомъ.

— Не идеализируйте, пожалуйста! Это, просто, бѣлая корова хвостомъ машетъ. Вы давеча ее видѣли.

— Врете вы, врете! Вы черствый человѣкъ! Въ вашихъ жилахъ течетъ не кровь, а квасъ.

— А коли черствый человѣкъ, такъ пусть и буду черствый. Ступай домой! Ступай спать! Ни слова больше!

Жена плачетъ.

II.

Лѣтній садъ. Вечеръ. Въ боковой алеѣ на скамейкѣ сидитъ парочка: молодая дѣвушка въ свѣженькой, но простенькой шляпкѣ—очевидно модистка, и франтоватый писарь военнаго министерства, въ форменномъ пальто.

— Вы, Анна Дмитревна, ни одного изъ всѣхъ моихъ семи чувствъ къ вамъ не понимаете,—говоритъ писарь. Я къ вамъ всей душой, а вы какъ тигра или даже, можно сказать, какъ ледъ... Я ужъ и такъ сна лишился и въ казенныхъ бумагахъ вмѣсто дѣла разныя глупости пишу. Вчера и то вмѣсто слова «рапортъ» написалъ «бордюръ».

— Зачѣмъ-же вы это такъ?—замѣчаетъ дѣвушка.

— А затѣмъ, что вмѣсто сна кроплю мою одинокую подушку слезами. Я пламенѣю, готовъ грудь свою растерзать для васъ... Ахъ, Богъ мой, какъ-бы я желалъ быть тѣмъ бантикомъ, что покоится у васъ на груди, но нѣтъ, черезъ мѣсяцъ я буду хладный трупъ и вы будете безчувственно смѣяться на моей преждевременной могилѣ. И напишутъ на ней: здѣсь сражено тѣло юноши Аристарха Захарова!

— Ахъ, оставьте пожалуйста! Это вы въ насмѣшку и даже можно сказать въ контру...

— Боже мой! Могу-ли я въ насмѣшку, коли любовь моя скоропалительнѣе огня. Кромѣ комплиментовъ для васъ у меня нѣтъ никакихъ чувствъ. Прощайте на всегда!

Писарь подымается съ мѣста.

— Послушайте, остановитесь. Куда вы?—шепчетъ дѣвушка.

— Куда глаза глядятъ. Можетъ быть на дно хладный струй...—меланхолически отвѣчаетъ писарь.-Дайте рѣшительныя доказательства вашей любви ко мнѣ и я останусь, а то уйду на берегъ моря и... О, женщины!

— Какія-же доказательства?

— Пойдемте сейчасъ въ мою убогую хижину и осчастливьте ее своимъ благоуханіемъ.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Вы не согласны выпить у меня одну чашку чаю?

— Что вы говорите, я право не знаю.

— Коли такъ, прощайте!

Писарь трогается.

— Аристархъ Захарычъ!—окликаетъ его дѣвушка—Идемте, я согласна!

На глазахъ ея блестятъ слезы.

«Ага! Сдалась!»—шепчетъ писарь!—подходитъ къ дѣвушкѣ и подставляетъ ей руку.

НА УЛИЦѢ.

На Семеновскомъ мосту стоятъ мастеровой въ передникѣ и съ ремешкомъ на головѣ и отставной солдатъ съ узелкомъ и вѣникомъ. Оба они смотрятъ въ воду. Тоже самое дѣлаютъ и двое рыбаковъ на живорыбномъ садкѣ, находящемся у моста. Одинъ рыбакъ ощупываетъ что-то шестомъ въ водѣ. Около ихъ стоитъ плачущій мальчишка въ ситцевой рубахѣ. Вечеръ. По мосту снуютъ прохожіе, заглядываютъ въ воду и спрашиваютъ «въ чемъ дѣло».

— И вѣдь поди-жъ ты какая сильная! — разсказываетъ мастеровой. — Вотъ эти рыбаки вытащили ее спервоначала, а мальчишка началъ держать, а она такъ и бьется у него въ рукахъ. Онъ было ее тащить, а она какъ хватитъ его по зубамъ, сшибла у него шапку, да вмѣстѣ съ шапкой-то бултыхъ! Ну, и была такова!

— Не удержалъ! Выскользнула? — спрашиваетъ солдатъ.

— Гдѣ удержатъ! Мальчишка махонькій — обомлѣлъ!

— А сама-то она большая?

— Большая, толстая. Эдакую и нашему брату удержать такъ еле впору.

— Шапка-то выплыветъ, пожалуй.

— И она выплыветъ, потому башкой два раза о бортъ такъ стукнулась, что бѣда!

— Смотри, смотри, вонъ голова показалась!

Во время этого разговора у перилъ останавливается какая-то старуха въ линючемъ салопѣ и прислушивается.

— А глубоко здѣсь? — задаетъ она вопросъ.

— Сажени полторы, а нѣтъ и больше будетъ, — отвѣчаетъ солдатъ.

— Ахъ грѣхъ какой! Такъ что же вы, братцы, стоите? Брали-бы лодку, да ѣхали скорѣй, можетъ быть еще и вытащить можно. Вѣдь вы христіане, другъ другу помогать надо.

— Какъ-же, такъ сейчасъ и поѣхали! Охота намъ изъ-за всякой дряни въ чужое дѣло мѣшаться!

— Когда случилось-то?—спрашиваетъ, подбѣгая къ периламъ купецъ.

— Да вотъ сейчасъ. Рыбаки вынули ее и дали держать мальчишкѣ. А она какъ хлобыснетъ его по скулѣ!

— Ахъ Боже мой, Боже мой,—слезливо восклицаетъ старуха. — Смотрите, мальчишка-то какъ плачетъ, должно быть сынъ.

— Какое сынъ! Просто на садкѣ въ ученьи. А ужъ и перепадаетъ ему отъ приказчиковъ!

Толпа увеличивается. Проѣзжавшіе по мосту порожніе извозчики сходятъ съ линеекъ и тоже заглядываютъ въ воду. Старуха уже разсказываетъ какой-то бабѣ цѣлую исторію.

— Прачка она, четверо дѣтей, говорятъ, осталось. Мужъ-то у нея въ ундерахъ при театрѣ служитъ. Надъ шубами главный.

— Такъ, такъ. А все-таки отъ хорошей жизни не утопишься. Должно быть пилъ у нея мужъ-то. Охъ ужъ это проклятое вино до добра не доводитъ!

— Гужеѣды! Да что-жъ вы зря-то стоите!—кричитъ на извозчиковъ какой-то мѣщанинъ въ картузѣ съ заломомъ.—Отстегивайте у лошадей вожжи да спускайте въ воду, авось она вынырнетъ да ухватится за нихъ.

— Да, дожидайся!—откликается солдатъ.

— Гдѣ вынырнуть! Раньше, какъ пузырь не лопнетъ, не вынырнетъ. Тутъ сейчасъ подъ барку подтянуло, — разсуждаетъ кунецъ.—А ужъ подъ баркой шабашъ! Недолго пригрѣется.

— А все изъ-за вашего брата мужчиновъ наша сестра топится,—пикируется съ лакеемъ какая-то горничная.

— Эво! Вонъ пузыри пошли! Сейчасъ всплыветъ! Даве два раза голова показывалась!—раздается гдѣ-то.

Толпа натискиваетъ на перила. Численность ея увеличивается все болѣе и болѣе. Тутъ мужики, бабы, купцы, мальчишки.

Кто-то въ толпѣ успѣлъ уже оттрепать мальчишку за уши. Мальчишка плачетъ.

— И ни одного городового! Вотъ удивительно-то!—восклицаетъ какой-то чиновникъ съ орденомъ. Столько у насъ спасательныхъ средствъ, круги понадѣлали, пробковые пояса, цѣлое общество образовалось, и вдругъ ничего!

— Идетъ, идетъ! Городовой идетъ! Вонъ съ той стороны переходитъ!

Толпа зашевелилась.

— Уйдти за добра ума, а то еще притянутъ!—говоритъ купецъ, машетъ рукою и отходитъ.

Къ толпѣ подходитъ городовой.

— Господа, расходитесь. Расходитесь! Нечего тутъ дѣлать!—командуетъ онъ.

— Какъ нечего? Человѣкъ въ воду кинулся, спасать надо, а онъ—нечего дѣлать!

— Когда? Гдѣ? Мужчина или женщина? — спрашиваетъ городовой.

— Женщина. Сейчасъ вотъ пришла на садокъ, перекрестилась, да какъ бултыхнется!

— Городовой! Что-жъ ты такъ стоишь! Гдѣ у васъ спасательные круги? — возвышаетъ голосъ чиновникъ съ орденомъ.— Человѣкъ въ воду кинулся, а онъ стоитъ!

Въ разговоръ вмѣшивается солдатъ съ узелкомъ и вѣникомъ.

— Позвольте, ваше благородіе, все не такъ-съ, зря болтаютъ. Какой тутъ человѣкъ... Не человѣкъ, а щука! Вынули рыбаки изъ садка большую щуку и дали держать мальченкѣ, а та какъ хлобыснетъ его по зубамъ, выскользнула, сшибла съ него шапку, да въ воду. Ну, вотъ теперь и смотрятъ.

Чиновникъ хмурится и чешетъ затылокъ.

— Да ты не врешь?—кричитъ онъ.

— Извольте сами на садкѣ справиться.

Въ толпѣ слышенъ недовольный ропотъ.

— Вотъ-те на! Говорили: человѣкъ, анъ оказывается щука! Стоило смотрѣть!

— Эхъ, черти! Только сѣдока изъ-за васъ потерялъ!—восклицаетъ извозчикъ, садится на линейку и стегаетъ лошадь.

Народъ, разгоняемый городовымъ, расходится. Лакей уже

успѣлъ примазаться къ горничной, идетъ съ ней рядомъ и говоритъ:

— Вы давича изволили произнести, что будто черезъ насъ мужчиновъ женское потопленіе происходитъ. Это вы совсѣмъ напрасно и даже, можно сказать, въ контру. Наше мужчинское сословіе отъ вашей сестры терпитъ, это точно, потому вы какъ тигры около нашихъ сердецъ предоставлены и даже къ примѣру...

— Ахъ оставьте, что вы! Вонъ барыня въ окошко смотритъ,—перебиваетъ его горничная.

Лакей отходитъ.

БЕЗОБРАЗІЕ.

Восьмой часъ вечера. Солнце садится. По гладкой поверхности Невы, къ помосту тоней подъѣзжаетъ ялботъ съ двумя гребцами. Изъ ялбота выскакиваетъ сѣрый пуховый цилиндръ съ еле пробивающимися усиками, подбоченивается, и слегка покачиваясь, кричитъ:

— Эй! Во фрунтъ! Что ловится? сказывай!

Къ нему подбѣгаетъ приказчикъ тоней въ синей чуйкѣ и снимаетъ фуражку.

— Лещь ловится, ваше степенство, сигъ, а больше корюха идетъ,—говоритъ онъ.—По три рубля за тоньку съ гостей руководствуемъ. Закажите кинуть пяточекъ и будьте счастливы, кромѣ осетра и стерляди!..

— Во фрунтъ! закидывай безъ разговору! Кто я?

Приказчикъ улыбается.

— Извѣстно, именитое купеческое степенство. Это по облику сейчасъ видно...

— То-то. Эй, Гамлетъ!—кричитъ купеческое степенство.— Выдай ему рубль цѣлковый.

Изъ лодки выходитъ Гамлетъ — рослый и смуглый усачъ въ потертомъ пальто и подаетъ приказчику рублевую бумажку. На днѣ лодки что-то прикрытое рогожей начинаетъ барахтаться.

— Кита изволили по дорогѣ изловить? — спрашиваетъ приказчикъ, кивая головою на дно лодки.

— Нѣтъ, это адвокатъ; на случай протокола и прочаго безобразія съ собой возимъ. Почище Потѣхина свое дѣло знаетъ! Эй, виночерпій! Вставай и защищай меня, оскорбленіе словомъ и дѣйствіемъ совершилъ!..—обращается купеческое сте-

пенство къ трупу, вынимаетъ изъ кармана апельсинъ и швыряетъ имъ въ него.

Подъ рогожей раздается мычаніе.

— Ну, на скотскомъ діалектѣ заговорилъ! Рыбарь! Ты что-жъ на счетъ тоней-то? Накаливай! Во фрунтъ!

— Закинута. Это вашу тянутъ. Будьте счастливы!—отвѣчаетъ приказчикъ.

— То-то!.. Ты какъ объ насъ понимаешь? Смотри, мы сами въ ялботѣ, мамзель на берегу въ коляскѣ сидитъ, а лихачъ въ пролеткѣ корзину бѣлоголовой шампанеи везетъ... Эй, Жозефина Карловна, ползи сюда!

— Съ чего это загулять изволили, ваше степенство?

— Бабушка, старушка Божья, на тотъ свѣтъ отправилась и двѣ лавки съ торговыми банями забыла.

— Такъ-съ! дѣло хорошее.

— То-то... Гамлетъ, принцъ Датскій, сокрушимъ пару сулеечекъ!

— Можно, — отчеканиваетъ басомъ усачъ. — Только вотъ надо виночерпія изъ лодки вынуть да гребцовъ отпустить. Обратно въ коляскѣ поѣдемъ.

— Такъ вороши его!

Гребцы выносятъ изъ лодки виночерпія и кладутъ его на помостъ. Онъ вылезаетъ изъ-подъ рогожи, протираетъ глаза и мало по малу приходитъ въ себя. Это среднихъ лѣтъ мужчина съ краснымъ носомъ и въ фуражкѣ съ кокардой. Съ берега приходитъ, гремя чернымъ шелковымъ платьемъ, разряженная Жозефина Карловна. Лихачъ приноситъ корзину съ шампанскимъ. Гамлетъ начинаетъ откупоривать бутылки.

— Отпустите насъ, ваше степенство, намъ на пристань пора,—говорятъ гребцы.

— Во фрунтъ! Вы съ кѣмъ разговоръ разговариваете? Ты кто? Ты Ломоносовъ?

— Ломоносовъ, ваше степенство...

— А ты Державинъ?

— Точно такъ-съ, Державинъ, ваше степенство.

— Гамлетъ, дай имъ изъ вашей казны синенькую!

Бутылки шампанскаго откупорены.

— Изъ деревяннаго ковша пить будемъ!—восклицаетъ степенство.

— Сеня, Сеня! Ѣдемъ лучше на Дороттъ...—говоритъ Жозефина.

— Ты что разговариваешь? Ты чья?

— Твоя.

— То-то... И ты моя и всѣ твои вещи мои! Куплю, перекуплю и выкуплю!

Онъ выхватываетъ у нея изъ рукъ зонтикъ, переламываетъ его пополамъ и кидаетъ въ Неву.

— Сеня, какъ тебѣ не стыдно! Это скандалъ,—кричитъ она.

— Дура! Завтра новый куплю! Ребята, пой пѣсни! Пятявку синюю жертвую!

Раздается пѣсня. Компанія пьетъ шампанское изъ деревяннаго ковша. Вытаскиваютъ тоню съ десяткомъ корюхи и окунемъ.

— Эй, виночерпій изъ адвокатовъ! Изобрази дикаго человѣка.

— Три целковыхъ... — отвѣчаетъ виночерпій.

— Разговаривать еще! Гамлетъ! Выдай ему изъ казны!

Виночерпій становится на четвереньки, рычитъ, и схвативъ живую корюшку, разрываетъ ее зубами на части.

— Браво! браво!—неистовствуетъ Сеня.

Мужики хохочутъ.

— Ребята, допрежь сего пили изъ ковша, давай теперь для разнообразія изъ бутылочнаго дна пить!

— Сеня, ѣдемъ лучше на ресторанъ или домой!—ноетъ Жозефина.

— Ты кто? Марфа Посадница?

— Ну, хорошо, Марфа Посадница, только ѣдемъ домой.

— Чего? домой? Нѣтъ, шалишь! Мы еще помытэримъ, поѣдемъ въ мелочную лавочку соленую треску ѣсть и посуду бить. Трогай въ путь-дорогу! Гамлетъ! Расплатись!

— На предки милости просимъ, ваше степенство!—говоритъ приказчикъ.

— А вотъ пріютскій мундиръ спрыскивать буду, такъ понаѣду! Гамлетъ, кто я?

— Извѣстно, Юрій Милославскій.

— То-то... за мной! За все плачу! Всѣхъ куплю, перекуплю и выкуплю!

Компанія удаляется на берегъ.

НА МАСЛЯНОЙ.

На Царицыномъ лугу. Неясный гулъ носится въ воздухѣ. Громкій говоръ народа, крики торговцевъ сластями, зазывающихъ публику, звуки оркестровъ, шарманокъ, пискъ деревянныхъ петрушекъ, выскакивающихъ изъ-за ширмъ, стрѣльба въ балаганахъ, пѣсни на каруселяхъ — все слилось во едино. Тамъ слышатся веселые мотивы «Дочери Рынка», здѣсь кларнетъ выводитъ «Казачка», барабанъ и трубы усердно надсаживаются надъ какимъ-то маршемъ, звучитъ гармонія въ рукахъ доморощеннаго музыканта и раздается громкій посвистъ карусельнаго старика-остряка, играющаго на рукавицѣ. Лисьи и енотовыя шубы, сермяги, росписные платки, бархатныя шубки, тулупы, солдатскія каски и шинели, псевдо-русскіе костюмы мамокъ-кормилицъ, лакейскіе ливреи — все перемѣшалось. Вывѣски на балаганахъ — одна другой чудеснѣе. И зеленые черти, и змѣи, пожирающія крокодиловъ, и скелеты, и люди, жгущіе себя на кострѣ. Гуляющій народъ тщательно ко всему этому присматривается и дѣлаетъ свои замѣчанія.

Около звѣринца Роста, съ изображеніемъ на вывѣскѣ негра-силача, стоятъ два тулупа и солдатъ.

— Смотри-ка, арапъ-то какъ разозлился! Стулъ въ ротъ взялъ, — говоритъ солдатъ. — Ужъ и полоснетъ-же онъ кого ни-на-есть!

— Нешто онъ для драки? Онъ жрать его будетъ, — отвѣчаетъ тулупъ.—Весь до капельки сожретъ.

— Ври больше! Нешто арапы дерево ѣдятъ? Вѣдь они тоже люди, и душа у нихъ...

— Ну, вотъ! За грѣхи родительскіе рождены, да ужъ и душа! Видѣлъ я въ прошломъ году арапа-то, здѣсь-же показывали,—такъ онъ птицу живую ѣлъ. Душа!

— Ну, а человѣкъ-рыба: что, онъ дѣйствительно рыба или такъ только дразнятъ?

— Конечно, такъ только дразнятъ, а онъ сердится. Нешто здѣсь есть что настоящее?

— А вонъ у Егарева лягуха, та настоящая. Глазами вертитъ и ротъ открываетъ. Да вѣдь въ ростъ человѣка. По сцѣнѣ прыгаетъ.

— Какое настоящая! Просто, нѣмецъ переряженный.

— А что, братцы, вѣдь бываетъ и настоящая, коли ежели человѣка мать проклянетъ. Сначала онъ сдѣлается анафемой, а потомъ оборотится въ какого ни-на-есть гада. У меня въ деревнѣ племянникъ изъ-за материнаго проклятія три года въ волкахъ жилъ.

На балконѣ каруселей, обнявшись съ старикомъ, прыгаетъ дѣвушка, не то въ тирольской, не то въ коломенской шляпѣ. Стоящая внизу публика гогочетъ. Двѣ женщины, одна въ плисовой шубкѣ и шляпкѣ, другая въ ковровомъ платкѣ ведутъ промежъ себя разговоръ.

— Конечно, подпаиваютъ, такъ на тощахъ не запляшешь, а все-таки нужно завсегда себя соблюдать,—говоритъ женщина въ шляпкѣ и затягивается папиросной.

— Что говорить! Это дѣйствительно,—соглашается женщина въ платкѣ.—Безъ соблюденія дѣвушкѣ невозможно...

— Знаешь что, Марья Ивановна, кабы я спервоначалу себя соблюдала, я-бы давно въ колясках ѣздила...

— А жена мнѣ вчера дѣлала окрошку, положила тараканью ножку, кусокъ крашенины, да двѣ ноги лошадины! Ничего, скусно! — кричитъ старикъ. — У меня женѣ девяносто лѣтъ, ни одного зуба во рту нѣтъ. Выглянетъ въ окошко, такъ собаки лаютъ.

Въ публикѣ хохотъ.

— Позвольте генеральскому ребенку пройдти!—восклицаетъ рослый ливрейный гайдукъ, неся на рукахъ нарядно одѣтаго мальчика, и расталкиваетъ народъ.

Сзади слѣдуетъ гувернантка и юнкеръ. Они поднимаются по лѣстницѣ на карусели.

Изъ послѣдняго мѣста балагана Берга выбѣгаютъ мастеровые.

— Просто, братцы, уму помраченье! Живаго человѣка на куски изрѣзали и вдругъ опять забѣгалъ!—раздается возгласъ.

— Какое живой! Глаза отводятъ!

Купецъ въ лисьей шубѣ и толстая купчиха въ сатантюрковомъ салопѣ идутъ гуськомъ. Купчиха ѣстъ винныя ягоды.

— Ну выбирай-же! въ какой балаганъ хочешь? Хочешь къ Бергу, хочешь къ Егареву, хочешь великаншу съ бородой смотрѣть пойдемъ,—говоритъ купецъ.

— Ну ее! Еще ночью сниться будетъ!—отвѣчала купчиха.

— Коли такъ, звѣрей въ звѣринцѣ посмотримъ. Тигру, собаку летучую...

— Боюсь я, тамъ черный арапъ.

— Вотъ обуза-то! Такъ куда-жъ мнѣ съ тобой?

— Пойдемъ лучше къ Малафѣеву. Этотъ все-таки православный.

— Есть что смотрѣть у Малафѣева! Багдатскіе пирожники глотаютъ лампы и больше ничего! Тогда ужъ лучше къ Студеникову: тамъ новобранцевъ съ пальбою показываютъ!

— Ну вотъ! Еще въ глазъ попадутъ!

Купецъ вздыхаетъ.

— Это чистое наказаніе! — восклицаетъ онъ. — И дернула меня нелегкая взять тебя! Въ послѣдній разъ спрашиваю: чего хочешь, говори!

— Купи лучше пастилы да орѣховъ и поѣдемъ домой. Шутка, послѣ обѣда ни минутки не соснули!

Купецъ плюетъ.

— Вася, а Вася!—восклицаетъ чуйка, указывая на балаганную вывѣску, и толкаетъ товарища въ бокъ! — Вотъ ты все еще солдатчины-то боялся, а смотри какая выгода! Дѣти и нижніе чины платятъ за входъ половину! Почетъ! Съ кого двугривенный, а съ солдата гривенникъ!

— Зубоскаль еще! — улыбается товарищъ п пускаетъ въ чуйку орѣховой скорлупой.

Двѣ няньки съ ребятами стоятъ у балагана и разсматриваютъ вывѣску съ изображеніемъ бородатой великанши.

— А что, ежели-бъ эту бородатую женщину кто замужъ

вздумалъ взять, стали-бы ее вѣнчать, аль нѣтъ?—спрашиваетъ одна.

— Что ты! Съ бородатой-то? Ни въ жизнь! — отвѣчаетъ другая.—Развѣ обманомъ какъ, коли-бы ежели купоросомъ себѣ бороду вытравила.

— А велика, страсть какъ велика! И сильна, надо статься. Вотъ коли-бы этакую да въ жены нашему Николаю Семенычу, такъ онъ-бы не посмѣлъ надъ ней тиранствовать. Эта сама сдачи дастъ.

— Да, постоитъ за женское сословіе!

— Батюшки! Кошелекъ съ деньгами изъ кармана вытащили!—раздается гдѣ-то.

МОЗОЛЬ.

Суббота. Вечеръ. Сторожка пятнадцати-копѣечныхъ или такъ называемыхъ полтинныхъ бань биткомъ набита одѣвающимся и раздѣвающимся народомъ. То и дѣло входятъ новые посѣтители, со звономъ бросаютъ на стойку жестяной билетъ и начинаютъ разоблачаться. Изъ мыльной поминутно отворяется дверь и визжитъ дверной блокъ. Парильщики пропускаютъ въ сторожку «готовыхъ гостей» и кричатъ: «вѣничекъ»! Между гостями особенно замѣтны купцы въ ситцевыхъ рубахахъ и поясках съ молитвой. Они болѣе или менѣе знакомы между собой и ведутъ пространные разговоры о томъ, почемъ нынѣ судачина мороженая, въ какой цѣнѣ мочала, пухъ и т. п. предметы. Къ разговору ихъ прислушивается попъ, выпивающій чуть-ли не четвертую бутылку квасу, да въ углу, завернувшись въ простыню, стонетъ отъ банняго удовольствія распростертый на диванѣ и красный какъ вареный ракъ гладкобритый чиновникъ.

— Нѣтъ, ты тамъ что хошь говори, а супротивъ Евсѣя Прохорова волоса ничто не выстоитъ!—восклицаетъ купецъ съ подстриженной бородой.—Его волосъ хотя на пять рублей будетъ и дороже, но за то мягокъ и на всякое дѣло сподрученъ. Его и въ руку-то взять пріятно. Ты его хоть ѣшь.

— Все это такъ, но зато цѣна, милый человѣкъ! — откликается купецъ съ бородой клиномъ.—Вонъ у Петра Даниловича волосъ—бархатъ, а цѣна не подходящая. Мы вѣдь его больше съ мочалой мѣшаемъ, потому у насъ тюфякъ, диванъ дешевый и покупателя знакомаго нѣтъ, а все больше съ воли.

Въ разговоръ вмѣшивается попъ.

— Ну, а въ какой цѣнѣ, господа, теперь шкура?—спрашиваетъ онъ.—Вотъ когда я жилъ въ провинціи...

— Шкура? Шкура, ваше преподобіе, всякая есть. Городская шкура отъ мѣщанъ намъ совсѣмъ не годится, а вотъ ежели по деревнямъ у крестьянъ скупать,—хлопотъ не стоитъ. Настоящая шкура теперь въ цѣнѣ.

— Такъ... — удовлетворяется попъ, вздыхаетъ и требуетъ еще бутылку квасу.

Купцы начинаютъ спорить, въ которомъ году было наводненіе. Красный чиновникъ перестаетъ кряхтѣть, садится и смотритъ себѣ на ногу, разглядывая мезинецъ.

— Эй, сторожъ!—кричитъ онъ.—Послушай, ты мозоли рѣжешь?

— Рѣжу-съ, потому намъ безъ этого невозможно. Господа гости кажиный день требуютъ,—откликается изъ-за стойки бойкій мужикъ въ красной рубахѣ.

— Ну, такъ вотъ срѣжь мнѣ на мизинцѣ. Маленькая, будь она проклята, а страсть какъ безпокоитъ! Только пожалуйста поосторожнѣе, не обрѣжь, смотри.

— Что вы, сударь! Будьте покойны! И не услышите какъ срѣжу.

Сторожъ вооружается свѣчкой и перочиннымъ ножикомъ и подходитъ къ чиновнику. Тотъ протягиваетъ ногу.

— Пожалуйста не обрѣжь,—снова говоритъ онъ.

— Помилуйте, сударь, зачѣмъ намъ рѣзать? На томъ стоимъ.. Мозоль, коли ежели ее зарѣзать, такъ отъ нея и смерть можетъ быть: прикинется антоновъ огонь и шабашъ!—разсуждаетъ сторожъ и приступаетъ къ операціи.

— Ой-ой! Легче, легче!

— Будьте спокойны, сударь! Господи! Намъ не въ первой! Изъ нашаго брата на этотъ счетъ такіе мастера есть, что и супротивъ мозольнаго доктора выстоятъ. Вотъ доложу вамъ, сторожъ въ Обуховскихъ баняхъ... Панкратомъ звать, такъ тотъ...

— Послушай! Легче, говорятъ тебѣ! Я человѣкъ горячій, обрѣжешь, такъ и за себя не отвѣчаю...

— Не сумливайтесь, сударь... Ужъ который годъ этимъ дѣломъ занимаемся... Къ намъ по четвергамъ генералъ сюда одинъ ходитъ, такъ завсегда ему наши парильщики рѣжутъ.

— Смотри, смотри! Тише! Я тебя впередъ предупреждаю, я человѣкъ горячій!..

— Ахъ, Господи! И какіе-то есть вы робкіе! Сидите смирно

и ни о чемъ не думайте. Ужъ вы предоставьте... Мы пять годовъ на этомъ дѣлѣ...

— Постой, постой, ты, кажется, вкось забралъ...

— Никакъ нѣтъ-съ, это вамъ только такъ кажется, потому вы, значитъ, сырой комплекціи выходите. А вы—самое лучшее дѣло — зажмурьтесь и тогда у насъ живымъ маперомъ... Ужъ ежели мозоли не срѣзать, такъ что-же я послѣ этого за банщикъ!

— Осторожнѣе, осторожнѣе, я тебѣ говорю!

— Да ужъ сидите, сударь, безъ сумлѣнія! Неужто мы насчетъ осторожности этой самой не понимаемъ? Вѣдь тутъ не то, что лапоть ковырать. Человѣкъ — живое тѣло. Теперича вотъ только этотъ самый стержень и конецъ!

— Тише, тише!

— Будьте покойны, ваше благородіе. Вотъ мы даже по командѣ. Разъ, два!..

Но тутъ ножикъ у сторожа срывается и врѣзывается въ ѣло чиновника. Тотъ вскрикиваетъ, вскакиваетъ и со всего размаха ударяетъ сторожа по рожѣ.

Картина. Купцы хохочутъ. Чиновникъ стонетъ и унимаетъ кровь. Ошалѣлый сторожъ стоитъ въ отдаленіи, чешетъ затылокъ и говоритъ:

— Вотъ поди-жъ ты какая оказія! Никакъ не могу научиться эти самыя мозоли рѣзать. Третій грѣхъ сегодня: купца обрѣзалъ, офицера, а вотъ теперь чиновникъ попался.

ВЪ АПТЕКѢ.

Аптека, какъ она быть должна. На окнахъ пузыри съ цвѣтными жидкостями, на полкахъ форменныя банки и склянки съ латинскими надписями, въ отдѣльномъ шкапу трубки, бандажи, гуттаперчевые шары. Пахнетъ смѣсью лекарствъ. За стойками стоятъ и бродятъ бѣлобрысые аптекарскіе помощники. Они приготовляютъ лекарства, перекидываются между собой нѣмецкими фразами и изрѣдка выкрикиваютъ латинскія названія лекарствъ въ родѣ: «tinctura ferri pommati, acidum muriaticum, eine Drachme Kali bromati» и т. д. На ясеневой скамейкѣ, ожидая лекарствъ, сидятъ: молодая горничная въ драповой тальмѣ, офицерскій денщикъ, мастеровой мальчикъ въ тиковомъ халатѣ и кучеръ. Кучеръ, прижавшись къ углу, спитъ и по временамъ всхрапываетъ.

— Эй, ты! Послушай! Ты чего это спать пришелъ? Здѣсь не ночлежный домъ!—кричитъ ему изъ-за конторки франтоватый провизоръ въ очкахъ.

— Будьте благонадежны... мы завсегда въ аккуратѣ, — отвѣчаетъ проснувшійся кучеръ и снова начинаетъ дремать.

Денщикъ скашиваетъ на горничную глаза и постепенно подвигается къ ней. Горничная складываетъ губы сердечкомъ. Въ аптеку то-и-дѣло входятъ покупатели и спрашиваютъ лекарствъ. Входитъ купецъ въ енотовой шубѣ съ воротникомъ, поднятымъ кибиткой, и отряхивается отъ снѣга.

— Вамъ что?—спрашиваетъ его провизоръ.

— Намъ-то? Да у насъ вотъ въ поясахъ что-то все саднитъ,—отвѣчаетъ купецъ.—То понапретъ, то поотпуститъ, ну и въ поясницѣ тоже какъ-бы свербленіе, такъ нельзя-ли какого снадобья?.. Либо кровь, либо съ натуги... Мы тутъ, изволите видѣть, у свояка на имянинахъ были...

— Къ доктору обратитесь.

— Были и у доктора, только все препятствіе... Я гов орю: кровь пущать; а онъ говоритъ: «со стороны полиціи препона». Явите Божескую милость насчетъ какого ни-на-есть снадобья! Мнѣ по ночамъ хоть въ крикъ кричать...

— Возьмите камфарнаго спирту.

— Такъ-съ. А какъ-же теперича на счетъ дряни, которая во мнѣ сидитъ? Черкните записочку. Мы въ своемъ мѣстѣ по семи разъ въ годъ пущали. Коновалъ орудовалъ... Черная такая какъ вакса, и все печенки.

— Кровь нельзя... Возьмите оподельдокъ...

— Да ужъ больно она наружу-то просится. Нельзя-ли хоть насчетъ банокъ? Намъ ежели теперича полтора десятка накинуть, такъ въ самый разъ.

— Я вамъ говорю, возьмите оподельдокъ. Пятьдесятъ копѣекъ стоитъ.

Купецъ задумывается.

— А три гривенника не возьмешь?—спрашиваетъ онъ.

— Здѣсь не торгуются. Это аптека, а не мелочная лавка.

— Знаемъ. Ну, ужъ отпущайте, дѣлать нечего! Намъ-бы насчетъ крови-то сподручнѣе. Такъ какъ-же съ виномъ это снадобье-то?...

— Нѣтъ такъ...

— По-ложкѣ, али по стаканчику?

— Какое по-стаканчику! Мазаться надо. Мажьтесь лучше въ банѣ.

— Такъ-съ... А я думалъ насчетъ нутра.

Провизоръ подаетъ ему банку оподельдоку. Купецъ вертитъ банку, нюхаетъ.

— Да нѣтъ-ли чего поядовитѣй, чтобъ сразу пробрало?— говоритъ онъ.—Нельзя-ли вонъ изъ тѣхъ снадобьевъ, что на окошкѣ красныя стоятъ, потому у меня шкура — хоть кислотой трави.

— Нельзя, нельзя!.. Берите и уходите.

— Коли такъ получайте полтину...

Купецъ достаетъ деньги. На скамьѣ у дожидающихся лекарства движеніе.

— Ахъ, оставьте пожалуйста!—вскрикиваетъ горничная и вскакиваетъ. Денщикъ смотритъ въ стѣну.

— Послушай, любезный, ты забываешь, что ты въ аптекѣ, а не въ кабакѣ!—выговариваетъ провизоръ.

— Я у нихъ, ваше благородіе, только платокъ поправилъ...—оправдывается денщикъ.

— Вретъ онъ, господинъ аптекарь! Онъ щиплется, а я и у господъ къ этому непривычна...—говоритъ горничная.

— На цугундеръ тянетъ! По-военному!—замѣчаетъ купецъ и выкладываетъ на прилавокъ мѣдныя деньги.

Въ это время кучеръ опять пронзительно всхрапываетъ.

— Почтенный, ты опять спишь? Здѣсь этого дѣлать нельзя!—кричитъ ему аптекарь.

— Сейчасъ... Подаюсъ!—съ просонокъ откликается кучеръ.

Купецъ хохочетъ.

— Вы все еще здѣсь? Скажите, что-же вамъ надо? Взяли лекарство и идите!

— Мы и пойдемъ... Только я все еще въ сумнѣніи, — отвѣчаетъ купецъ. — Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь поядовитѣй потому шкура у меня...

— Идите, идите съ Богомъ!

Купецъ удаляется. Аптекарь выходитъ изъ-за прилавка.

— Ваше благородіе! Да скоро-ли будетъ готово лекарство-то для полковничьей собаки?—спрашиваетъ деньщикъ.

Аптекарь смотритъ на выходную дверь и стоитъ въ недоумѣніи.

НА СѢННОЙ.

Сѣнная площадь. Грудами лежатъ мороженные гуси, куры, утки, тетерки и рябчики, въ правильную шеренгу выстроились окаменѣлые отъ мороза бараньи, тельчьи и свиныя туши. Покупателей не оберешься. Чиновницы съ Петербургской, купцы въ енотахъ, «ундера при мѣстахъ», военные—все перемѣшалось. Торговцы, какъ угорѣлые, мечутся отъ одного покупателя къ другому, вскользь бросаютъ слова и по временамъ острятъ. Довольствомъ сіяютъ ихъ лица; видно, что и на ихъ улицѣ наступилъ праздникъ.

— Почемъ поросеночекъ-то?—спрашиваетъ чиновница.

— Рубль съ гривной безъ торга, сударыня,—отвѣчаетъ торговецъ.

— Что ты, что ты! Въ умѣ-ли? Да вѣдь это совсѣмъ ободранная собака!

— Тѣмъ лучше, сударыня. По крайности за ту-же цѣну и домъ вамъ на праздникахъ покараулитъ.

— Семь гривенъ я дамъ...

Но торговецъ не отвѣчаетъ; онъ уже стоитъ около другого покупателя.

— За эдакаго гуся и вдругъ восемь гривенъ!—восклицаетъ отставной военный, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ.— Да вѣдь онъ вѣсь паклей набитъ.

— И пакля, ваше благородіе, денегъ стоитъ! Вы прицѣнитесь-ка, вдвое вздорожала передъ праздниками!—отчеканиваетъ торговецъ и бросается къ купцу.—Вамъ чего, ваше степенство?

— Намъ-бы, землякъ, цѣлаго борова, для молодцовъ требовалось...

— Поуютнѣе насчетъ обширности-то, аль средственнаго?

— Вали самаго что ни на есть посадскаго...

— Пожалуйте, самый купеческій... Хоть на ворота взамѣсто льва поставить, такъ и то красоту обозначать будетъ.

— А почемъ?

— Съ людей двѣнадцать, а съ вашей чести по одинадцати съ половиной возьмемъ.

Купецъ изображаетъ изъ себя удивленіе.

— Да ты чай-то пилъ сегодня?

— Пили.

— То-то... Значитъ не забывай Бога-то. Изъ гусляковъ, видно? Мы вѣдь тоже углицкіе.

Купецъ наклоняется къ уху торговца и шепчетъ ему свою цѣну. Торговецъ также молча показываетъ ему цѣну на костяжкахъ счетовъ. Купецъ протягиваетъ перстъ и сбрасываетъ одну костяжку. Идетъ мимическая сцена.

— Не заставьте пить чай безъ сахару! Прибавьте что-нибудь хоть на пудъ-то!—говоритъ торговецъ.

— Ну, грѣхъ пополамъ!—машетъ рукой купецъ.

— Дешевенько... Ну, да ужъ чтобъ на предки быть знакомымъ. Хорошо, извольте!

— Нѣтъ-ли у васъ гусиныхъ потроховъ?—раздается гдѣ-то вдали визгливый женскій голосъ.

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Купецъ Варсонфій Кузьмичъ Огнихинъ былъ хорошій семьянинъ, торговалъ старымъ желѣзомъ на Апраксиномъ, имѣлъ взрослаго сына «совраса», по воскресеньямъ за ранней обѣдней пѣлъ съ дьячками на клиросѣ, съ женою дрался рѣдко и имѣлъ лишь одну слабость: по временамъ запивалъ. Запитіе это, по увѣренію супруги его, Степаниды Захаровны, совершалась, однако, не въ обыкновенные дни, а въ «непоказанные», когда именно слѣдовало-бы быть трезвымъ. Обстоятельство это она приписывала никому иному, какъ чорту и его кознямъ. Настанетъ, напримѣръ, сочельникъ, люди сухоядѣніемъ пробавляются, а онъ пьянъ; начнетъ говѣть, перестанетъ даже чай пить съ сахаромъ и вдругъ невзначай какъ нибудь напьется. Разъ его назначили экспертомъ для оцѣнки товара одного несостоятельнаго должника и цѣлую недѣлю онъ пропьянствовалъ; другой разъ вызвали въ качествѣ свидѣтеля къ мировому судьѣ, и онъ явился туда въ такомъ видѣ, что былъ оштрафованъ на десять рублей.

Дѣло было въ рождественскій сочельникъ. Уходя изъ дома въ лавку и прощаясь съ женой, Огнихинъ сказалъ:

— Къ обѣду меня не ждите. Поклюю что нибудь въ трактирѣ, съѣзжу на Сѣнную за провизіей, а тамъ въ баню пройду. Къ ужину приготовьте лапшу съ грибами. Ну прощай!

У жены сердце такъ и екнуло. Она начала переминаться съ ноги-на-ногу.

— Ты что же на Сѣнной-то покупать будешь?—начала она издалека.

— Пару гусей куплю, поросенка, буженины для щей, ну, да окорочекъ небольшой. Курей развѣ пары двѣ купить...

— Гусей-то съ потрохами купишь?

— Знамо дѣло, съ потрохами. Ну, прощай!

— Варсонофій Кузьмичъ...

Жена удержала его за полу шубы.

— Что тебѣ?

— Не напейся, голубчикъ, въ трактирѣ-то. Ужъ очень для тебя эти сочельники-то опасны. Да и вредно тебѣ при твоей тѣльности. Помнишь, что докторъ-то говорилъ? «Ударомъ, говоритъ, жизнь порѣшить можете». Да и что за радость? Къ празднику и вдругъ безъ покаянія... Пожалуйста воздержись.

— Ну вотъ! Будто я не знаю! Учи еще!.. Да и не по нынѣшнимъ днямъ. Люди до звѣзды пищи не вкушаютъ, а я вдругъ стану напиваться! Мы вѣдь тоже соблюдаемъ себя... Прощай!

Супругъ шмыгнулъ за дверь.

Цѣлый день у Степаниды Захаровны «было сердце не на мѣстѣ», такъ-что она даже и не обѣдала. «Напьется, напьется»—мелькало у нея въ головѣ. Наперсница ея, кухарка Василиса, была того же мнѣнія...

— Вы разочтите: съ Михайлова дня они не вкушали, ну значитъ теперь самый разъ и подошелъ,—говорила она и считала по пальцамъ дни.

Не взирая на грѣхъ, Степанида Захаровна загадала даже на картахъ. Вышелъ тузъ пикъ—трактиръ, и девятка пикъ—пьянство. Часовъ въ пять вечера пришла юродивая богомолка, обидѣлась малымъ подаяніемъ и начала пророчествовать о какомъ-то несчастіи.

Часы пробили семь, съ Сѣнной принесли провизію, а мужа все нѣтъ. Въ восемь явился изъ лавки сынъ съ молодцами. Степанида Захаровна къ нему.

— Ну что, Ванюшка, пьянъ отецъ?

— По облику-то, какъ-бы и не очень, а изъ пропасти достаточно припахивало. Впрочемъ, особой лютости мы не замѣтили. Пришелъ въ лавку, поругалъ съ четверть часа молодцовъ и отправился съ сосѣдями въ трактиръ. Въ бани Воронинскія компаніей собирались.

— Знаю, знаю... Ну, значитъ, теперь началъ, коли изъ пропасти припахивало! Быть бѣдѣ, быть! — всплеснула она руками.

Въ десятомъ часу мать и сынъ сѣли за ужинъ, а отца семейства все еще не было.

— Ты-бы, Ваничка, съѣздилъ въ Воронинскія-то бани, да справился, — начала она, всхлипывая.

— Съѣздить, маменька, не разсчетъ, а только ничего изъ этого, окромя равноденствія, не выйдетъ. Еще меня же исколотятъ. Вы сами знаете, въ банномъ пару человѣкъ еще больше оболдѣваетъ. Тутъ даже ударъ можетъ сдѣлаться, ежели его въ свирѣпость произвести.

Вдругъ въ это время въ кухнѣ раздался вой. Мать и сынъ вскочили изъ-за стола. На порогѣ стояла кухарка и причитала.

— Охъ, охъ, охъ! Грѣхи наши тяжкіе! Голубчикъ Варсонофій Кузьмичъ! Не дождался ты и великаго праздничка! Умеръ безъ покаянія! Загубилъ ты свою головушку!

— Гдѣ? Гдѣ онъ?—воскликнулъ сынъ, а мать такъ и шлепнулась на полъ.

Сдѣлалась всеобщая суматоха. Забѣгали молодцы. Сынъ приставалъ къ кухаркѣ, стараясь узнать, гдѣ умеръ отецъ. Та только выла, да причитала. Кой-какъ, наконецъ, удалось добиться толку.

— Пошла это я въ мелочную лавочку за огурцами, — разсказывала она.—Только вышла за ворота, глядь—на тротуарѣ человѣкъ ничкомъ лежитъ и около его народъ толпится. Городовой тутъ. А дворникъ нашъ Степанъ и говоритъ: «смотрика, говоритъ, Василиса, это, кажись, вашъ хозяинъ». Взглянула я,—у меня и руки и ноги подкосились. И шуба енотовая его, и калошки новенькія на немъ, только лица не видать. Господи, думаю, Варсонофій Кузьмичъ!

— Лошади его разбили что-ли?—приставали къ кухаркѣ молодцы.

— Узелокъ-то банный при немъ?—задавалъ кто-то вопросъ, но сынъ тотчасъ-же перебилъ:

— Господа, какъ вамъ не стыдно! Что вы за безбожники!—восклицалъ онъ.—Человѣкъ умеръ, чѣмъ бы скорѣй въ домъ его вносить, чтобы въ полицію не взяли, а вы съ пустяками къ женщинѣ пристаете. Господи! Можетъ живъ еще! Бѣгите кто-нибудь за докторомъ! Или нѣтъ, лучше я самъ!

Сынъ схватилъ фуражку, выскочилъ на парадную лѣстницу и побѣжалъ за докторомъ. Молодцы, путаясь въ халатахъ,

начали спускаться внизъ по черной лѣстницѣ. На дорогѣ имъ встрѣтилась процессія. Дворники несли тѣло, завернутое въ енотовую шубу. Воротникъ былъ поднятъ дыбомъ.

— Что? живъ еще?

— Какое! Похолодѣлъ даже! — былъ отвѣтъ.

Молодцы перекрестились и начали подсоблять дворникамъ тащить своего хозяина.

Покойника внесли въ комнату и положили не раздѣвая на диванъ. Жена было съ визгомъ бросилась къ мужу, но ее успѣли оттащить. Молодцы подходили къ дивану, робко заглядывали подъ воротникъ шубы и говорили:

— Фу, какъ вдругъ перемѣнился и узнать нельзя! Совсѣмъ другое лицо стало!

Кто-то предложилъ раздѣть покойника.

— Оставьте, оставьте! Не трогайте до доктора! За эту штуку можно такъ отвѣтить, что потомъ и не расхлѣбаешься!

Вошелъ дворникъ и подалъ найденную на дворѣ шапку. Степанида Захаровна вырвала ее у него изъ рукъ, упала въ кресло и начала причитать.

— Вотъ до чего винное-то запойство доводитъ! И шапка-то даже не его, а подмѣнена кѣмъ-то: Голубчикъ ты мой! Вѣдь говорила я тебѣ, что вино это самое хуже яду погубитъ тебя! Не послушался ты меня, бабу глупую!

Раздался звонокъ. Всѣ бросились въ прихожую. Въ дверяхъ стояла чуйка съ клинистой бородкой.

— Покойничекъ тутъ у васъ завелся, такъ мы гробовщики будемъ... И сродственничковъ ихъ, и дѣточекъ, и супругу, завсегда мы хоронили...—началъ было онъ, но передъ нимъ тотчасъ-же захлопнули дверь.

Вскорѣ явился докторъ. Важно закуся нижнюю губу, подошелъ онъ къ покойнику, распахнулъ на немъ шубу и началъ его ощупывать. Домашніе стояли въ отдаленіи въ нѣмомъ ожиданіи.

— Умеръ,—грубо произнесъ докторъ:—а для узнанія причины смерти покойника, тѣло подлежитъ вскрытію!

Степанида Захаровна глухо застонала. Сынъ отвелъ доктора въ сторону и совалъ ему что-то въ руку.

Голосъ доктора смягчился.

— Конечно, ежели принять въ соображеніе, что онъ въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ лѣчился отъ аневризма...

Вдругъ около покойника кто-то вскрикнулъ:

— Батюшки, да это не нашъ хозяинъ!

— Какъ не нашъ? Кто-же это? Не можетъ быть!

— Да это какой-то чужой! У него даже и бакенбарды вмѣсто бороды! И не похожъ совсѣмъ!

Произошла нѣмая картина, а для полноты и яркости ея на порогѣ комнаты стоялъ самъ Варсонофій Кузьмичъ Огнихинъ и держалъ въ рукахъ узелокъ съ бѣльемъ и вѣникъ. Онъ только-что сейчасъ воротился изъ бани и былъ здравъ и невредимъ.

——

На третій день Рождества изъ квартиры купца Огнихина хоронили отставнаго коллежскаго регистратора Семена Семенова Перетыкина. Огнихинъ хоронилъ его на свой счетъ, сдѣлалъ даже поминки и на поминкахъ этихъ разъ десять говорилъ своимъ знакомымъ:

— Вотъ, братцы, подарочекъ мнѣ достался на елку, такъ подарочекъ! Въ гробъ лягу, а и тогда не пойму, какъ это можно было чужаго мертваго человѣка принять за своего хозяина и внести въ квартиру. Да это ежели писатель какой пропечатаетъ въ газетахъ, то и ему не повѣрятъ! Конечно, мертвыхъ погребать для души пользительно, но все-таки возьмите, и вдругъ эдакій сюжетъ—къ празднику!

ПЕРЕДЪ СОЛДАТЧИНОЙ.

Лицевая линія Александровскаго рынка. Смеркается, Кой-гдѣ въ лавкахъ зажглись огни. Подъ аркой, прислонясь къ стѣнѣ, задумчиво стоитъ молодой купеческій сынъ и кутается въ лапчатую шубку съ бобровымъ воротникомъ. По линіи шныряютъ покупатели, а онъ и ухомъ не ведетъ. Даже классическое «пожалуйте, здѣсь покупали» не срывается съ его языка. Къ нему подходитъ сосѣдъ по лавкѣ, такой-же молодой малый. Онъ въ куньемъ пальто и барашковой шапкѣ.

— Что, братъ, Гаврилка?—вздыхаетъ пальто.—Куда ни обернись—вездѣ вода! Сейчасъ я считалъ: семь дней, четыре часа и двадцат четыре минуты до вынутія солдатскаго жребія осталось.

— А я такъ даже и не считаю, — отвѣчаетъ шубка.—Мнѣ и не счесть. Я теперь никакого и дѣла то, окромя виннаго запойства, дѣлать не могу. Стоишь и какъ-бы ждешь: что вотъ, вотъ тебя сейчасъ драть начнутъ. И во снѣ-то снится то тятенька съ дубиной, то красная шапка.

— Тебѣ когда вынимать-то?

— И не знаю. Прахъ ихъ возьми! Я не пойду! Пусть силой ведутъ! Гдѣ-жъ это видано, чтобъ по своей волѣ въ солдаты идти! Пусть берутъ.

— Да вѣдь за это хуже будетъ. Конечно, солдатчина страшна, но я такъ полагаю, что какъ-бы ни былъ крутъ у насъ начальникъ, а все намъ за нимъ лучше будетъ, чѣмъ за тятенькой, потому на счетъ драки нынче и въ полкахъ запретъ.

— Не спрашивай! Ничего не могу соображать! Ѣдемъ лучше сегодня по первопутку къ разнымъ Дороттамъ прокатиться. Возьмемъ лихача, урѣжемъ въ Малоярославцѣ муху, брында-

лызнемъ въ Палкиномъ, чтобъ не хромать, а лакомъ все это покрывать за городъ поѣдемъ.

— А тятенька?

— Тятенька теперь передъ салдатчиной звукъ пустой—и больше ничего! Скажи, что прямо изъ лавки въ баню идешь, потому завтра молебенъ служить сбираешься. Ходитъ, что-ли?

— Вали!

* * *

У Аничкина моста лихачъ въ бобровой шапкѣ и съ серьгой въ ухѣ. Онъ помахиваетъ метелкой изъ конскаго хвоста. У колоды жуетъ сѣно рысакъ, покрытый попоной. Покрытыя лакомъ сани такъ и блещутъ при свѣтѣ газоваго фонаря. По тротуару идутъ Гаврилка и его товарищъ по лавкѣ.

— Эхъ, господа купцы, лихо-бы прокатилъ на Васькѣ! Пожалуйте! Совсѣмъ безъ почину стою! Даве мамзель на зелененькую вывозилъ да денегъ не отдала!—восклицаетъ лихачъ.— Поддержите коммерцію ваше степенство!

Степенство останавливается. Пальто съ куньимъ воротникомъ начинаетъ рядиться.

— Спервоначалу тутъ по трактирамъ начнемъ славить,— говоритъ онъ:—а тамъ по Дороттамъ мотаться начнемъ. Ну чтобъ и домой тоже въ цѣлости предоставить. Почемъ въ часъ?

— Да коли ежели не до разсвѣта и мученіе рысаку насчетъ перегонки мамзелей говорить не будете, то по два рублика въ часъ положьте. Услужу для вашей чести!—отвѣчаетъ лихачъ.

Куній воротникъ задумывается. Шубка перебиваетъ его.

— Э, да что тутъ торговаться! Садись, Сеня! недолго и гулять нашему брату. Тебя какъ звать-то? Николаемъ?—обращается онъ къ лихачу.

— Николаемъ-съ, ваше боголюбіе! Пожалуйте, садитесь! Давно такихъ сѣдоковъ дожидаюсь! По облику видно, что вы чудесный купецъ!

Сѣли. Поѣхали.

— Куда прикажете, господа графчики?

— Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву! Сади въ Малоярославецъ!

И рысакъ понесся по Невскому, мѣрно ударяя копытами въ снѣжную дорогу и обдавая Ганю и Сеню морозною пылью.

Лихачъ покрикивалъ «поберегись». Мимо нихъ мелькали фонарные столбы, экипажи, пѣшеходы, пронесся, звоня во весь духъ, вагонъ конно-желѣзной дороги.

— А хорошо, ей ей хорошо!—говорилъ Сеня.—Вѣдь вотъ ни одной собачки въ нутро еще не пропустили, а ужъ отъ сердца наполовину тоска отлегла.

— Пожалуйте, ваше превосходительство!—выкрикнулъ лихачъ и осадилъ рысака у подъѣзда «Малоярославца».

Въ «Малоярославцѣ» Сеня и Ганя саданули по «лампадочкѣ сентифарисику померанцеваго», дерябнули мараскинцу, закусили селедочкой и спросили шипучаго забалую, что въ бѣломъ клобучкѣ щеголяетъ.

— Ну, что Сеня?—спрашивалъ его Ганя за бутылкой бѣлоголовки.

— Какъ будто бы и поотлегло маленько. По крайности тятенька передъ глазами не мотается, ну а солдатчину все еще чувствую.

— Погоди, черезъ часъ и солдатчину забудемъ. Кончай бутылку-то!

* *
*

И снова несется рысакъ по Невскому, по направленію къ Палкину. Хорошо, пріятно сѣдокамъ. Въ головѣ шумитъ, легкій морозъ щиплетъ щеки, а изъ мыслей мало-по-малу отлетаетъ даже и солдатчина. Сеня начинаетъ гоготать отъ восторга.

— Давай кнутъ, да держи ближе къ панели! Безобразіе хочу сдѣлать!—кричитъ онъ лихачу.

Лихачъ повинуется. Сеня машетъ кнутомъ и, поровнявшись съ спящимъ на саняхъ извозчикомъ, со всего размаха хлещетъ его по спинѣ. Ругань, крикъ, но они уже далеко.

У Палкина опять «бѣлоголовка», опять «перегородки» изъ мараскину. Ганя предложилъ выпить «медвѣдя», составленнаго изъ разныхъ водокъ. Выпили.

— Ну, что, отлегло?

— Теперь наоборотъ. Тятеньку ни капельки въ мысляхъ не чувствую, но солдатчина такъ передъ глазами и мотается; только я совсѣмъ напротивъ и даже, ежели сейчасъ, такъ хоть подъ черкеса идти могу!

— И я тоже. Выпьемъ портерцу съ шампанскимъ! Говорятъ, это сразу во всѣ семь чувствъ вгоняетъ!

— Жги!

* * *

Рысакъ несется къ Доротту. «Накаливай! Накаливай!» — кричатъ купеческіе сынки и хлещутъ кнутомъ переходящихъ улицу пѣшеходовъ и зазѣвавшихся извозчиковъ. Сзади ихъ раздаются уже свистки городовыхъ.

— Спасаться нужно, ваше сіятельство! — говоритъ лихачъ. — Коли красненькой на чай не пожалѣете, я и рысака не пощажу. Онъ ко кнуту ласковъ.

— Сади! Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву! Жертвую!

И черезъ пять минутъ рысакъ уже далеко, далеко. Онъ храпитъ, фыркаетъ, обдаетъ сѣдоковъ цѣлыми комьями с нѣгу

* * *

У Доротта тоже самое. Бѣлоголовка, портеръ, поперечники, медвѣдь.

— Что Сеня чувствуешь? — спрашиваетъ коснѣющимъ языкомъ Ганя.

— Ничего! Хоть сейчасъ въ городскую думу для вынутія солдатскаго жребія! — еле отвѣчаетъ Сеня. — А ты?

— И я ничего! Хочется только въ нюхало кого-нибудь садануть! Ѣдемъ!

— Куда?

— А куда глаза глядятъ! Неушто домой? Еще протокола не составили. Ѣдемъ въ Красный кабачекъ посуду бить!

— Взъерепѣнивай! Коли что, такъ я и за голенищу слазаю! Тамъ у меня семь серій припасено!

* * *

— Ямская. Часа четыре утра. По улицамъ отъ дома къ дому ѣздитъ лихачъ, будитъ спящихъ у воротъ дворниковъ и спрашиваетъ: «не здѣсь-ли живутъ эти самые купчики, что у него въ саняхъ сидятъ».

— Часа два отъ Трухмальныхъ воротъ ѣдемъ! — разсказы-

ваетъ онъ дворнику.—Вѣришь-ли, разъ десять по дорогѣ съ саней падали. Кабы деньги впередъ отдали, давно-бы бросилъ. Ей-ей!

— Да какіе такіе?—спрашиваетъ дворникъ.

— Иди, смотри! По дорогѣ толковали, что въ солдатчину сбираются! Еще какъ въ чувствахъ были, такъ велѣли въ Ямскую ѣхать.

Дворникъ подходитъ и при свѣтѣ фонаря разсматриваетъ купчиковъ.

— Одинъ нашъ,—говоритъ онъ:—а другой изъ Копылова дома.

— Ну, коли такъ, бери свое воинство, а за деньгами я завтра зайду!

ВЪ ОПУСТѢВШИХЪ ДАЧАХЪ.

Утро. Осеннее солнце ярко свѣтитъ сквозь полуобсыпавшуюся листву деревьевъ, заглядываетъ въ окна маленькой, выстроенной изъ барочнаго лѣса черноречѣнской дачки, но грѣетъ плохо. Въ небольшой комнатѣ помѣщаются укутанныя въ платки и кацавѣйки двѣ женщины: старуха-мать, извѣстная между дачниками подъ именемъ «полковницы», и дочь, прозванная «вѣчной невѣстой». Мать отогрѣвается кофейными переварками, дочь грѣется около затопленной печки, въ которой, между прочимъ, догораетъ ножка сломаннаго стула.

— Вотъ до чего дожили!—говоритъ мать.—Нѣтъ, душенька, здѣсь не городъ, здѣсь не дождешься, покуда тебя съ полиціей выгонятъ. Придется денежки заплатить. А гдѣ ихъ взять? Ну и сиди да мерзни! Какъ тутъ вырваться?—говоритъ мать.

— Одно средство—бросить имъ на съѣденіе нашу мебелишку и переѣхать въ номера, а платье и подушки постепенно по вечерамъ перевозить. Посудишку тоже въ узлы,—отвѣчаетъ дочь.

— Такъ вѣдь въ номерахъ-то черезъ три дня деньги потребуютъ. А ты сама знаешь, до пенсіону еще больше мѣсяца.

— Ну, въ меблированныя комнаты...

— Еще того хуже, тамъ за мѣсяцъ впередъ подай.

— Ахъ, маменька! Да неужто ничего заложить нельзя?

— Заложить! Развѣ ты не видишь, что мы цѣлую недѣлю деревянными ложками ѣдимъ. Тебя, что-ли? Такъ за тебя никто и двухъ двугривенныхъ не дастъ.

— Ошибаетесь, есть люди, которые, можетъ-быть, душу-бы отдали...

— Потому-что она ни копѣйки не стоитъ. Молчи ужъ лучше, коли Богъ лошадиное лицо послалъ. Выдрой была, выдрой и останешься, а то душу...

Дочь плачетъ. Входитъ дворникъ и нахально останавливается у притолки.

— Ты, любезный, зачѣмъ?

— Да все за тѣмъ-же. Прикажите, сударыня, за дачу получить. Второй мѣсяцъ пороги обиваю. Вѣдь это срамота!

— Ты, любезный, ошибаешься. Сказано, деньги уплатить передъ выѣздомъ съ дачи, а я и не думаю еще съѣзжать. Здѣсь такъ хорошо. Я привыкла наслаждаться какъ возрождающейся природой, такъ равно и умирающей. И въ смерти есть поэзія...

— Это точно, что поэзія, только пожалуйте деньги за дачу.

— Ты взгляни на это пожелтѣвшее дерево, на эту увядающую природу!..

— Что намъ природа! Съ насъ хозяинъ деньги требуетъ.

— Ты грамотный?..

— Коли ежели росписку въ полученіи написать, то можемъ.

— Нѣтъ, я не къ тому... Читалъ-ли ты когда-нибудь «Умирающаго Тасса»?

— Вы намъ, сударыня, Тассами-то зубы не заговаривайте, а деньги пожалуйте.

— А вотъ къ намъ сегодня генералъ обѣдать пріѣдетъ, такъ онъ съ тобою поговоритъ.

— Не больно страшно, не испугаемся! Это вы должны быть въ ночную отселева улизнуть хотите? Неудастся, подкараулю! Эхъ вы шарамыги!

Дворникъ плюетъ и уходитъ изъ комнаты. Пауза.

— Что тутъ дѣлать?—вопрошаетъ мать.—А все ты виновата! Вотъ, говоритъ, на легкомъ воздухѣ скорѣй замужъ выду, такъ мужъ заплатитъ!

— Ошибаетесь! Это вы поближе къ клубу переѣхали да хотѣли золотыя горы въ мушку выиграть!

— Дура!

— Отъ умной матери слышу!

Входитъ мелочной лавочникъ.

— Тебѣ что любезный? Садись. Не хочешь-ли папироску?

— Нѣтъ-съ, этимъ баловствомъ не занимаемся, а вы позвольте по заборной книжкѣ получить, потому намъ торговлю кончать надать. Всѣ разъѣхались и только одна шишгаль осталась...

— Скажи, любезный, ты семьянинъ, есть у тебя дѣти?

Лавочникъ плюетъ.

— Тьфу-ты? Десятый разъ тоже самое спрашиваетъ! Нѣтъ, я къ мировому, потому тутъ такъ толку не будетъ.

Онъ хлопаетъ дверью и уходитъ.

НА КЛАДБИЩѢ.

28 іюля Гулянье на Смоленскомъ кладбищѣ. Часъ дня. Обѣдня только-что кончилась. На могилахъ стоитъ, сидитъ и лежитъ самая разношерстная публика. Пока все чинно. Идутъ сдержанные разговоры. Разносчики съ сластями и ягодами выкрикиваютъ названіе товаровъ. Поминальщики на могилахъ вынимаютъ изъ корзинъ принесенные съ собой съѣстные припасы и сбираются закусывать. Слышны сѣтованія на запрещеніе приносить съ собою водку.

— Нѣтъ, коли ежели въ большомъ количествѣ, такъ она вредитъ, а въ маломъ завсегда на потребу,—ораторствуетъ пожилой купецъ, помѣщающійся около двухъ нарядныхъ памятниковъ, среди своего многочисленнаго семейства.

— Это вы Прохоръ Захарычъ, дѣйствительно,—откликается другой купецъ помомоложе. — И какое-же, спрашивается, можетъ быть поминовеніе безъ водки? Ни чувства настоящаго, ничего... Къ тому-же и мораль. Теперича семейный ты человѣкъ и иди за ограду въ трактиръ. Нешто это хорошо? А прежде все это бывало, вкупѣ, при семействѣ... Ну и дамы, которыя ежели потребляющія, тоже выпьютъ. Что-жъ, добѣжимте до желтенькаго трактира, тамъ и закупоросимъ передъ закуской-то...

— Не надо, не надо бѣгать! Сидите ужъ лучше тутъ. Я пронесла для васъ. Вотъ она,—успокоиваетъ ихъ купчиха и съ улыбкой на устахъ показываетъ лѣкарственную банку синяго стекла съ налитой въ нее водкой.— Семь баночекъ такихъ нацѣдила. Двѣ у меня въ карманѣ, двѣ у Настеньки, а три у Васеньки съ Петенькой.

— Ну тебя! Еще притянутъ да протоколъ составятъ! Лучше до трактира пройтись.

— Не притянутъ, я тебѣ говорю. Сиди. Ты съ ложечки при-

ми. Возьми столовую ложку да и пей съ нея сколько потребно. Будто лекарство.

Купцы разражаются легкимъ хохотомъ.

— Что, Прохоръ Захарычъ? Каково? А еще говорятъ, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ! Нѣтъ, онѣ эти самыя бабы умнѣе насъ. Гдѣ нашему брату такой карамболь придумать? Ну, ну, давай лѣкарство-то! полѣчимся.

Начинается выпивка съ ложки.

— Федоръ Федорычъ, ты куда?—окликаетъ изъ-за полисадника чиновникъ съ орденомъ другаго чиновника въ фуражкѣ съ кокардой, поспѣшно протискивающагося среди гулющаго по мосткамъ народа.

— Я-то? Въ трактиръ, водочки хлобыснуть. Вѣришь-ли: принесли съ собой закуску, началъ ѣсть и кусокъ въ горло безъ водки нейдетъ.

— А ты чайку чашечку хлобысни, вотъ кусокъ-то и пойдетъ.

— Ну, тебя! Ты знаешь, я чаю не люблю.

— Хлобысни, говорю. Заходи къ намъ въ полисадъ, я тебя поподчую!

— А!—догадывается чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой, улыбается и заходитъ. Чиновникъ съ орденомъ наливаетъ ему чего-то изъ мѣднаго чайника въ чашку. Тотъ пьетъ, крякаетъ и закусываетъ селедкой.

— Повторить не хочешь-ли? Выпьемъ еще по чашечкѣ. Чай не вредитъ.

— Пожалуй. Ахъ ты хитрецъ, хитрецъ!

— Еще-бы. Недаромъ шестнадцать лѣтъ въ Управѣ Благочинія служилъ.

Два военныхъ писаря съ женами расположились на могилкѣ закусывать. Тутъ-же съ ними и отставной ундеръ. У одной изъ женщинъ корзинка съ съѣстными припасами, у другой грудной ребенокъ, завернутый въ байковое одѣяло.

— Ну, Марья Ивановна, чтожъ ты? Открой младенца-то. Пусть онъ хоть легкимъ воздухомъ подышетъ,—говоритъ одинъ изъ писарей своей женѣ и при этомъ улыбается.—Не бойся, не бойся, открывай!

Женщина развертываетъ байковое одѣяло и вынимаетъ оттуда четвертную бутыль съ водкой.

ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ КОРРИДОРѢ.

Антрактъ. Театральный коррридоръ. Буфетчица прибираетъ буфетъ. На скамейкѣ около вороха шубъ дремлютъ два ливрейные лакея. Въ углу на табуреткѣ пріютился старичекъ-капельдинеръ и нюхаетъ табакъ. По корридору прохаживается очень еще молодой человѣкъ въ бобровой шапкѣ, посматриваетъ капельдинеру въ лицо и видимо хочетъ заговорить съ нимъ.

— Устали?—произноситъ онъ наконецъ и останавливается.

— Да, утомился,—отвѣчаетъ капельдинеръ. — Вѣдь наша должность такая... Каждый день на ногахъ. Одному мѣсто покажи, другому, третьему. У всѣхъ тоже билетъ спросить надо, уголокъ оторвать. Коммиссія!

— Все-таки лучше, чѣмъ цѣлый день въ лавкѣ стоять. У васъ по крайности все на благородствѣ основано, а главное, что при вашемъ званіи всякую пьесу смотрѣть за-всегда можно. Всталъ въ проходъ и смотри! И господинъ Нильскій, и господинъ Алексѣевъ, ну и Иванъ Федорычъ Горбуновъ...

— Охъ, надоѣло ужъ это намъ! Вѣрите, глаза-бы не глядѣли.

Молодой человѣкъ въ недоумѣніи смотритъ на капельдинера.

— Удивляюсь, какъ такая благородная вещь надоѣсть можетъ,—говоритъ онъ.—А я такъ каждый день ходилъ-бы въ театръ, ежели-бы отъ сродственниковъ пріостановки не было. Мы купцы по нашему положенію...

— Вижу-съ.

— Желѣзомъ торгуемъ, а я удивительно какъ театръ люблю и досмерти желалъ-бы съ театральными познакомиться, только не знаю гдѣ и какъ.

— Трудно-съ, очень трудно... Нынче настоящихъ купеческихъ актеровъ нѣтъ. Развѣ изъ мелкихъ кто. Вотъ прежде, дѣйствительно, господа актеры купцовъ любили и были съ ними

ласковы: и выпьетъ съ нимъ, и на билліардѣ осчастливитъ рублика на три, а нынче это все разрознено.

— Жаль, очень жаль. Скажите пожалуйста, господинъ Леонидовъ поди очень строги изъ себя, судя по ролямъ, потому роли у нихъ все такія страшныя, ну, и голосъ?..

— Нѣтъ-съ, они очень смирные, очень обходительные.

— А Иванъ Федорычъ? Вотъ забавникъ-то! Выдетъ, слова еще не скажетъ, а ужъ народъ со смѣху помираетъ. Я слышалъ они ужъ очень хорошо ругаться умѣютъ.

— Мастера-съ. Супротивъ этого съ нимъ ни кто не выстоитъ и для нихъ это все равно: фабричный, мастеровой, Разъ они съ извозчикомъ сцѣпились. Занятно! Вотъ господинъ Нильскій и господинъ Сазоновъ—тѣ себя совсѣмъ иначе держутъ. Все на тонкой деликатности. Въ трактиръ ни—Боже мой!

— Я вотъ съ Бродниковымъ разъ въ трактирѣ у буфета встрѣтился да побоялся заговорить.

— А напрасно-съ, они очень обходительны и къ купцу ласковы...

— Нѣтъ, видъ у нихъ такой, такъ я думалъ...

— Видъ въ театральномъ дѣлѣ вовсе ничего не составляетъ-съ. Иные съ виду свирѣпы, а на дѣлѣ доступны, иные съ виду недоступны и страшны, а въ душѣ благорасположеніе...

— Все-таки, я такъ полагаю, комики посмирнѣе будутъ?

— Комики наши теперь совсѣмъ безъ расположенія, потому стары стали. Возьмемъ Марковецкаго... Они даже плохо слышатъ и сами въ самомъ себѣ все составляютъ. Имъ только до себя. Имъ, напримѣръ, суфлеръ подсказываетъ: «графиня въ той комнатѣ умерла»; а они говорятъ: «графинъ въ той комнатѣ заперла»: а то и изъ другихъ ролей. Конечно, это для комиковъ еще лучше, потому тутъ смѣхъ и путаница выходитъ, а они на томъ стоятъ, чтобы смѣху побольше.

Пауза. Купчикъ переминается.

— Я вотъ для того и въ корридорѣ остался, чтобъ съ вами объ этомъ дѣлѣ поговорить. Потому очень ужъ мнѣ съ театральными познакомиться хочется. Сплю и вижу. И какъ только тятенька въ могилу свою снизойдутъ, я сейчасъ въ актеры, потому у меня дома и театральныя книжки и парики, и всю эту процессію я тайно отъ нихъ на голубятнѣ держу, потому туда они, по своей тучности, ни-какъ ужъ залѣзть не могутъ. И

какъ это только они спать лягутъ, я сейчасъ надѣну парикъ и давай себѣ лицо красками мазать.

— Въ молодости это занятіе хорошее, все лучше, чѣмъ малодушество къ вину имѣть,—отвѣчаетъ капельдинеръ.—Э, эхъ! Вотъ съ господиномъ Арди познакомьтесь; хорошій человѣкъ!

— Мнѣ одно только, чтобы кто нибудь меня на путь наставилъ, а то я теперь такъ, какъ-бы въ потемкахъ хожу и даже не знаю, какая краска на носъ требуется, какая ежели подбитый глазъ изобразить.

— Актеры этому до тонкости научить могутъ.

— Вотъ этого-то мнѣ и хочется. Скажите, гдѣ-бы мнѣ съ господами актерами познакомиться? Я имъ и угощеніе и все могу...

Капельдинеръ задумывается.

— Трудно это по нынѣшнимъ временамъ-съ,—произноситъ онъ наконецъ.—Толкнитесь въ «Европу», что у Чернышева моста, въ «Нордъ» на Офицерской. Тамъ мелкій актеръ собирается.

— Такъ и подходить къ нимъ безъ боязни?

— Такъ и подходите.

— Покорнѣйше васъ благодарю. Очень вамъ благодаренъ. Вы выпить со мной чего не хотите-ли? Мадерки? Хереску?

— Безъ благовременія оно не слѣдовало-бы, а впрочемъ, пожалуй, простячку выпью.

Купчикъ и капельдинеръ подходятъ къ буфету.

Среди нищей братіи.

Умеръ богатый купецъ-бакалейщикъ и перебудоражилъ всю нищую братію своего околодка, — да и не одного своего. Дѣло въ томъ, что купецъ завѣщалъ для раздачи бѣднымъ пятьсотъ рублей, вслѣдствіе чего въ подвалахъ, на чердакахъ и въ кабакахъ строчились слезныя прошенія на имя его старшаго сына, котораго именовали въ прошеніяхъ и «боголюбивымъ степенствомъ», и «священнымъ благоутробіемъ», и «имянитымъ высокородіемъ». Одинъ витій назвалъ его даже «благочестивой вѣтвью добродѣтельнаго древа».

Купца хоронили съ большими причудами. Такъ какъ онъ былъ «по вѣрѣ», то и въ гробъ его положили въ саванѣ, а пріютскій мундиръ несли впереди гроба, на подушкѣ. На подушкахъ-же несли медали, шпагу и трехъуголку. Сзади гроба, за провожавшими родственниками, ѣхала фура, нагруженная пряниками и коврижками изъ собственнаго пряничнаго куреня покойнаго и въ народъ кидали тюрюки съ пряниками, мармеладомъ и пастилой. Это послѣднее распоряженіе родственниковъ покойнаго породило толки о какихъ-то несмѣтныхъ богатствахъ умершаго купца. Салопницы, путешествуя по благодѣтелямъ, разсказывали, что у него свои апельсинныя и лимонныя фабрики и мадерные заводы.

Поутру въ первое воскресенье послѣ похоронъ, сынъ покойнаго, молодой человѣкъ—«изъ современныхъ»—одѣлялъ денежною милостью нищую братію, пришедшую къ нему въ контору, а подъ вечеръ поѣхалъ на квартиры къ той нищей братіи, которая, лежа «на одрахъ смерти», прислала ему по городской почтѣ слезныя прошенія съ обозначеніемъ своего мѣста жительства.

Филантропическую поѣздку рѣшено было обратить въ увеселительную прогулку.

— Это даже очень чудесно ради проминажу и, можетъ, большой спектакль для насъ выдти, обратился наслѣдникъ къ своимъ прихлѣбателямъ.—И то маменька съ могильными антифонами ужасно какъ надоѣла! Пуститъ это фонталъ слезъ и ноетъ на весь домъ. Слезами не воротишь! И чего рыдать о человѣкѣ, коли онъ въ горныхъ селеніяхъ? Погребли съ почетомъ, надѣли трауръ на шляпы и довольно! Какъ ты думаешь, прогорѣлый милліонеръ? задалъ онъ вопросъ представительному усачу съ сильно помятымъ лицомъ, но здоровыми кулаками.

— Ну, вотъ еще, учить тебя! «Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій»....

— То-то. А мы вотъ что сдѣлаемъ: захватимъ кулекъ съ шато-маргой и шипучкой,—кучеру подъ ноги,—а потомъ среди нищей братіи и растопимъ. Съ французинками-то ужъ надоѣло пить; для разнообразія можно и съ нищей братіей попробовать. Здѣсь, покрайности, новый антресоль, а то французинки да цыгане, цыгане да французинки! Правильно ли, Моська!

— Вѣрно, Митрофанъ Савельичъ, вѣрно!—откликнуля второй прихлѣбатель, тщедушный и бѣлобрысенькій, котораго звали «Моськой». Жги—и дѣлу конецъ!

— Значитъ, я велю закладать въ коляску пару вороныхъ, рѣшилъ наслѣдникъ:—а тѣмъ временемъ мы выберемъ какое ни-на-есть прошеніе—почуднѣй и по оному поѣдемъ.

— Да чего чуднѣй, вотъ, этого...

Моська развернулъ бумагу и, ставъ посереди комнаты, началъ читать:

«Ваше благолюбивое благоутробіе, господинъ именитый купеческій сынъ, Митрофанъ Савельичъ, украшенный добродѣтелями на подобіе звѣздъ голубаго небосклона!

«Будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ, состоящимъ изъ семи младенцевъ и удрученъ неисцѣлимою женой, находящеюся на одрѣ смерти при беременности восьмымъ, припадаю кь стопамъ щедрой десницы вашей, моля удѣлить частицу крохъ на поминовенье души и тѣла богоспасаемаго родителя вашего въ загробной жизни. Щетроты кошницы благодѣяній вашихъ, преисполненныхъ славою по бѣлокаменной сто-

лицѣ, не оскудѣваютъ, а посему прострите руку помощи безвременному страдальцу, находящемуся по непріятностямъ судебъ въ отставкѣ и лишенному внѣшней одежды для явленія къ вамъ самолично. Три дщери мои въ дѣвственной застѣнчивости простираютъ изхудалыя длани свои къ вашему неизрѣченному степенству и молятъ не дать имъ впасть, ради корки хлѣба, въ когти ужаснаго разврата. Обратите вашъ лучезарный взоръ и излейте бальзамъ на сердечныя раны юницъ въ отчаяніи чувствъ»!!...

— Довольно, довольно! перебилъ чтеніе наслѣдникъ. Вотъ по этому прошенію мы прежде всего и поѣдемъ... изливать бальзамъ на сердечныя раны юницъ.

Часа черезъ полтора, коляска благодѣтеля остановилась около двухъ-этажнаго деревяннаго дома одного изъ захолустнѣйшихъ переулковъ. Изъ нея выскочилъ изрядно уже выпившій благодѣтель въ сопровожденіи прихлѣбателей. Тѣ тоже были съ «здоровой мухой». У дверей мелочной лавочки, помѣщающейся въ домѣ, стоялъ приказчикъ въ передникѣ. Благодѣтель вздѣлъ на носъ золотое пенсне и посоловѣлыми глазами смотрѣлъ по сторонамъ.

— Послушайте, господинъ коммерсантъ!—обратился онъ къ приказчику.—Гдѣ бы намъ тутъ разъискать стрюцкаго, обремененнаго семью младенцами на одрѣ смерти?

— Чего-съ?—переспросилъ приказчикъ.

— Разъискиваемъ мы нищую братію, такъ нуженъ намъ отставной канцелярскій служитель Заборовъ...

— Ахъ, это Сизопѣгой-то? Здѣсь, здѣсь. Мы его Сизопѣгимъ зовемъ. Только вамъ, господа купцы, придется оборачивать оглобли назадъ, потому съ тѣхъ поръ, какъ ему въ Куракиномъ трахтирѣ подсунули булавку, онъ ужъ больше живыхъ стерлядей зубами не рветъ. Губу-то насквозь тогда пропоролъ...

— Какъ ты, братецъ, глупъ въ своемъ составѣ!—крикнулъ благодѣтель.—Я о чиновникѣ Заборовѣ спрашиваю, а ты о стерлядяхъ музыку заводишь.

— Такъ что жъ изъ этого! Вы — извѣстно, какъ молодые купцы, для своей потѣхи чиновника разыскиваете, а я вамъ докладываю, что онъ нонѣ этой моделью, чтобъ живыхъ стерлядей и раковъ зубами рвать, не занимается... стоялъ на своемъ лавочникъ.

— Ахъ, какой афронтъ чувствъ!—снова воскликнулъ благо-

дѣтель.—Да мы вовсе не для потѣхи его и ищемъ, а чтобъ подаяніе ему насчетъ папенькиной умершей души вручить.

— Въ такомъ разѣ — вонъ тамъ, на дворѣ, во флигель пожалуйте. На чердакѣ онъ существуетъ.

— Въ такомъ разѣ—мерси, приподнялъ благодѣтель шляпу, икнулъ и покачнулся. Моська! Вынь изъ подъ кучера кулекъ и марширъ за мной!—скомандовалъ онъ.—Ахъ, да!... Почемъ ты знаешь, что мы купцы?—обратился онъ къ лавочнику.

— Ахъ, ты Господи! Да нешто купеческую колодку скроешь? Ни въ жисть! Завсегда съ перваго раза замѣтно,—ухмыльнулся лавочникъ.

Благодѣтель уперъ руки въ боки.

— Въ такомъ разѣ—во фронтъ! Передъ тобой знаменитый бакалейщикъ и пряничникъ—Трынкинъ стоитъ!—произнесъ онъ, ласково взбилъ лавочнику волосы и направился во дворъ.

Сзади его прихлѣбатели несли кулекъ съ виномъ. Черезъ дворъ шла баба съ ведромъ помоевъ.

— Мадамъ! Послушайте! Гдѣ бы намъ господина отставнаго администратора Заборова отыскать?—задалъ ей вопросъ благодѣтель.

— Заборова? А вотъ по этой лѣстницѣ въ самый верхъ. указала баба.—Только, господа! Ежели вы насчетъ пѣсень, такъ онъ свою скрипку на прошлой недѣлѣ еще пропилъ.

— Вы, маркиза, совсѣмъ дура полосатая!

Поднявшись по лѣстницѣ, компанія достигла цѣли своего путешествія. На дверяхъ, обитыхъ рваной клеенкой, изъ подъ которой мѣстами торчали войлокъ и солома, было написано мѣломъ: «Машка—шкура, а Танька—чортова перечница».

— Вотъ такъ куплеты!—воскликнулъ благодѣтель, и взявшись за ручку, отворилъ дверь и вошелъ въ кухню.

Компанія послѣдовала за нимъ. На нихъ пахнуло чѣмъ то прѣлымъ, водочнымъ и дымноугарнымъ. Въ кухнѣ стоялъ всего одинъ трехъ-ногій стулъ съ прорваннымъ сидѣньемъ, да на плитѣ, около тагана съ подтопками, на которомъ грѣлся жестяной кофейникъ, сушились стоптанные женскіе полусапожки. Въ слѣдующей комнатѣ съ ободранными обоями виднѣлась, сидѣвшая на клеенчатомъ диванѣ, молодая дѣвушка, въ юбкѣ, кофтѣ и папильоткахъ. Она курила папиросу.

— Ахъ, какой пассажъ! Къ намъ хорошіе гости, а я въ та-

комъ видѣ!.. воскликнула она сиплымъ голосомъ, соскочила съ дивана и прикрыла рукой синякъ на лицѣ, около глаза.

— Мы, штучка, не гости, а благодѣтели!—отклинулся купеческій сынъ, входя въ комнату.—А что насчетъ вашей одежи, то хоть въ адамовомъ костюмѣ — намъ и то наплевать! Здѣсь юристъ Заборовъ процвѣтаетъ?—спросилъ онъ.

— Вамъ, значитъ, папеньку, а не меня. Здѣсь, но онъ сегодня не годится... отвѣчала дѣвица.

— Какъ не годится, коли мы желаемъ ему вручить благодѣяніе на поминъ праха умершаго? Давайте намъ его сюда о натюрель, соусъ скипидаръ!—допытывался благодѣтель.

— Коли такъ, получите! сказала дѣвушка и откинула грязную ситцевую занавѣску, закрывавшую уголъ.

Тамъ на кровати сидѣла отекшая и небритая личность съ всклокоченными волосами и въ тиковомъ халатѣ. Личность эта, стиснувъ зубы, рычала:

— Сокрушу выю и чресла!

— Протри зеньки-то, замѣтилъ ей прихлѣбатель «Моська».— Къ тебѣ благодѣтель пріѣхалъ, а ты драчливые каламбуры строишь. Мы братъ, и сами по затылку наградить умѣемъ!

— Прогорѣлый милліонеръ! Поднеси ему кулакъ къ носу!— скомандовалъ благодѣтель.

Рослый прихлѣбатель подошелъ къ личности и сдѣлалъ то, что отъ него требовали. Личность упала въ ноги.

— Уповаю на милосердіе!—прохрипѣла она.

— Брось его, милліонеръ! сказалъ благодѣтель, и вынувъ изъ кармана трехъ-рублевую бумажку, поднесъ ее къ лицу личности и сказалъ:

— На, вотъ, закуси зелененькой травкой за упокой нашего папаши! Не намъ судить о его хмѣльномъ безобразіи. Папенька сами къ этой музыкѣ были причинны.

— Благодѣтель!—завопила личность въ халатѣ и припала къ рукѣ купеческаго сына.

— Не строй дурака-то! отвѣчалъ тотъ —Гдѣжъ у тебя, баранья башка, семь младенцевъ и неизцѣлимая жена, о которыхъ ты писалъ въ прошеніи?—задалъ онъ вопросъ и посмотрѣлъ по сторонамъ.

— Это ужъ они такъ... отвѣчала за него дѣвушка.—У насъ папенька все въ забытьѣ, прибавила она.

— Ахъ пардонъ! значитъ вы та самая дщерь, которая простираетъ длани, дабы не впасть въ когти ужаснаго разврата? спросилъ онъ.

— Да-съ. Только мало-ли что они пишутъ! Они вотъ вторую недѣлю чертятъ и даже мой ватерпруфъ пропили.

— Это, значитъ игра на стеклянныхъ инструментахъ? Хорошая музыка! А можно, мамзель, здѣсь у васъ пару бѣлоголовой шипучки растопить? У насъ и провіантъ съ собой.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе и даже очень пріятно, отвѣчала дѣвушка.—Садитесь пожалуста. Только вотъ у насъ стульевъ нѣтъ. Но кто на диванъ, а то можно и на окошко... Сейчасъ я штопоръ подамъ.

— Нашъ провіантъ штопора не требуетъ. Моська! Сбей съ бутылокъ смолу и отвороти струны! Это по твоей части, обратился купеческій сынъ къ прихлѣбателю.—Вы намъ мамзель, стаканчиковъ позвольте.

— У насъ стаканъ всего одинъ, но я вамъ подамъ три чашки, засуетилась дѣвушка.

— Хоть блюдечки, но только бы было можно выпить. Мы и изъ самоварной крышки пивали.

Хлопнули пробки и началось хлебаніе. Вылѣзъ изъ своей берлоги и «администраторъ» Заборовъ. Ему, за неимѣніемъ посуды, поднесли въ деревянномъ уполовникѣ и спеціально для него вытащили изъ кулька бутылку хересу. Всѣ оживились. Дѣвушка залпомъ выпивъ три чайныхъ чашки шампанскаго и затягиваясь папиросой, подсѣла къ прихлѣбателю Моськѣ и стала напирать на него плечомъ. Это не уклонилось отъ наблюдательности благодѣтеля.

— Смотрите, не обожгитесь,—мамзель! замѣтилъ онъ съ усмѣшкой,—У него въ одномъ карманѣ пусто, а въ другомъ не густо! А вы намъ лучше скажите: чья это у васъ литература на дверяхъ? «Машка шкура, а Танька чертова перечница»... пояснилъ онъ.

— Ахъ, это половые балуются. Ужасти какіе скоты! Они къ намъ изъ трактира то за папенькой, то зачѣмъ нибудь другимъ ходятъ, отвѣчала дѣвушка.—Не понимаю за что они сестру Танюшку ругаютъ.

— У васъ еще сестра есть? А чѣмъ она занимается?

— Щепки по постройкамъ сбираетъ. Ей всего пятнадцатый годъ.

— Чтожъ, лѣта подходящія, но въ эти годы можно ужъ чѣмъ нибудь и поприбыльнѣе заняться.

— Ахъ, что вы! Она еще совсѣмъ маленькая и ежели будетъ пріучаться къ художествамъ, то мы съ папенькой ее за вихоръ... пояснила дѣвушка.

— На маленькихъ-то особенные охотники есть, сказалъ благодѣтель и крикнулъ:—Пей, мамзель! А сестренку мнѣ покажи. Я въ другой разъ заѣду.

Вино достаточно уже ошеломило всѣхъ, Моська щипалъ дѣвушку, а та визжала. Совсѣмъ уже пьяный Заборовъ, пошатываясь, всталъ съ мѣста и разбитымъ голосомъ заоралъ:

— Благоденственное и мирное житіе благодѣтелю нашему!.. Но тотъ перебилъ его.

— Ну, тѣ въ болото съ трубнымъ гласомъ-то! Ты, говорятъ, комикъ хорошій. Изобрази-ко мнѣ аспида и василиска, какъ они по землѣ ползаютъ, а мы тебѣ изъ папенькинаго поминовенія еще трешницу прожертвуемъ. Можешь, финансовый администраторъ?

— Могу!—отвѣчалъ совсѣмъ уже пьяный Заборовъ, и рухнувшись на полъ, заползалъ и зарычалъ дикимъ голосомъ.

Компанія хохотала на ползанье аспида. Благодѣтель моталъ передъ его носомъ зелененькой бумажкой и манилъ его ею по направленію къ дочери, приговаривая: «усь ее! усь!». Дѣвушка сторонилась и бормотала:

— Ахъ, папенька, какіе вы страшные да поганые!

— Вы, дѣвица, въ арфянкахъ въ Нижнемъ не были-ли?— Кажись, я васъ въ ресторантѣ на Откосѣ встрѣчалъ?—спросилъ ее прогорѣлый милліонеръ.

— Это точно, что была... отвѣчала она.—Но тамъ маленькая непріятность вышла: случилась драка и одинъ купецъ мнѣ голову бутылкой пробилъ.

— То-то, мнѣ вотъ ваша бородавка съ волосомъ на щекѣ знакома.

— Изъ-за этой бородавки въ меня цыганъ одинъ влюбился до смерти и въ хоръ къ себѣ звалъ, но тутъ съ моей стороны интрига вышла, а онъ въ тюрьму попалъ. Кромѣ того, два купца и юнкерь въ эту бородавку влюбимшись были, разсказывала

дѣвушка. — Ежели-бы я себя, господинъ, соблюдала, я давно бы въ каретахъ ѣздила, прибавила она.

Дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе.

— Моська! Жги еще пару бѣлоголовокъ съ лиминаціей! кричалъ благодѣтель.

Маленькій прихлѣбатель сломалъ проволоку на бутылкахъ и, поставивъ ихъ на столъ, зажегъ на нихъ смолу. Смола пылала и пробки хлопнули, выскочивъ изъ бутылокъ.

Всѣ были въ восторгѣ. Вдругъ дверь съ лѣстницы отворилась и въ кухню вошла тщедушная дѣвочка въ линючемъ ситцевомъ платьѣ и съ пустой корзинкой въ рукахъ.

— Ни одной щепочки недостала! крикнула она, сверкнувъ черненькими глазками, но увидавъ постороннихъ лицъ, потупила хорошенькое личико и прибавила тихо:—Сегодня на постройкахъ не работаютъ и всѣ дворы заперты.

— Ахъ, вотъ она дѣвственная-то юница, избѣгающая когтей разврата!—воскликнулъ благодѣтель.—Подойди сюда маленькая чертова перечница!

Дѣвочка остановилась въ дверяхъ и не двигалась.

— Таня! Подойди, коли тебя господинъ зоветъ!—приказывала старшая сестра.—Ахъ, упрямая!

— Татьяна! совсѣмъ пьянымъ голосомъ промычалъ отецъ, но покачнувшись на стулѣ, свалился на полъ.

— Иди, миленькая! Я не волкъ и не кусаюсь. На вотъ, выпей пару чашечекъ забалуя купеческаго! Оно сладенькое и хоть ножные костыли портитъ, но веселитъ сердце человѣка!— продолжалъ благодѣтель и посоловѣлыми глазами щурился на дѣвочку, какъ коршунъ на добычу.

Та не перемѣняла своего положенія.

— Ну, коли такъ мы патретной бумажкой поманимъ. На вотъ синичку пятирублеваго достоинства!

— Благодѣтель вынулъ изъ бумажника пятирублевку и сталъ помахивать ей, соблазняя дѣвочку.

— Вотъ дура-то. Да иди, говорятъ тебѣ! Господинъ деньги даетъ. Вѣдь на сапоги и на платьишко годится!—топнула ногой старшая сестра, но тщетно.

— А коли такъ, то мы и силою возьмемъ и поцѣлуемъ!— проговорилъ благодѣтель, и выпивъ залпомъ чашку вина, поднялся съ мѣста и направился къ дѣвочкѣ.

На сцену эту внимательно смотрѣлъ рослый прихлѣбатель, именовавшійся «прогорѣлымъ милліонеромъ» и крутилъ усъ. При послѣднемъ движеніи благодѣтеля глаза его сверкнули.

— Митрофашка! Не смѣть ее поганить!—заоралъ онъ, и схвативъ со стола порожнюю бутылку, замахнулся ею на купеческаго сына.

Тотъ обернулся и подбоченился.

— Это еще что?—ощетинился онъ.—На кого ты руку подымаешь? Да громъ-то, братъ, не изъ тучи, а изъ навозной кучи! Такъ я тебя и послушаю!

Благодѣтель ринулся впередъ, но пара дюжихъ рукъ схватила его за плечи и посадила на полъ.

— Васька! Оставь, не балуй!—началъ онъ сдаваться, и какъ только освободился изъ рукъ, сейчасъ-же началъ сбираться уѣзжать.

— Моська! сбирайся въ Нѣмецкій клубъ стерлядей ловить! крикнулъ онъ маленькому прихлѣбателю, а ты прогорѣлый милліонеръ оставайся тутъ благороднымъ рыцаремъ при своемъ предметѣ; ну, а отселева можешь на своихъ двоихъ, потому я тебя больше не намѣренъ въ своей коляскѣ возить.

— Плюю я на твою коляску!—отозвался рослый прихлѣбатель.

— Прежде чѣмъ плевать-то—по векселю двѣсти рублей заплати! Пройщайте, мамзель!—крикнулъ благодѣтель и началъ уходить.

Сзади него шелъ Моська, а «прогорѣлый милліонеръ» презрительно смотрѣлъ въ слѣдъ и произнесъ: «мерзавецъ»!

На лѣстницу къ благодѣтелю выскочила дѣвица и говорила:

— Послушайте, господинъ! Вы въ другой разъ заѣзжайте къ намъ, а я къ тому времени, можетъ статься, сестренку сдѣлаю поласковѣе!

— О, чтобъ васъ черти побрали и съ сестренкой-то! Этого добра для денежнаго человѣка вездѣ хоть прудъ пруди!—огрызнулся онъ и сталъ сходить съ лѣстницы, поддерживаемый Моськой.

СРЕДИ ДЕЛИКАТНОЙ ПУБЛИКИ.

Выдался теплый майскій вечеръ. Нева не шелохнетъ. Къ тонямъ на Аптекарскомъ островѣ подплываетъ ялботъ о двухъ гребцахъ. Старательно работаютъ мускулистыя руки лодочниковъ. Въ ялботѣ купецъ съ женой. Видъ перваго напыщенно-солидный, видъ второй болѣзненно-рыхлый. Борода у купца подстрижена и расчесана, шляпа слегка надѣта на бокъ, пальто на-распашку и показываетъ бортъ сюртука съ пяткомъ маленькихъ «будничныхъ» медалекъ, помѣщенныхъ въ рядъ на золотой булавкѣ. Купчиха въ бархатномъ пальто, въ легонькой шляпкѣ съ обиліемъ цвѣтовъ и въ свѣтлыхъ перчаткахъ. На подмосткахъ тоней виднѣется полковникъ въ эполетахъ пестро одѣтый молодой человѣкъ съ стеклышкомъ въ глазу и двѣ дамы съ нараднымъ мальчикомъ. Мужики тянутъ тоню.

Подъѣзжая къ тонямъ, купецъ пріосанивается, поправляетъ медальки и говоритъ женѣ:

— Пожалуйста держи себя во всей своей благородной дистанціи. Видишь, тамъ сегодня деликатная публика собралась и нашего суздальскаго письма не видать. Поняла?

— Поняла, Кондратій Савельичъ.

— То-есть что поняла? Помни, что ты хотя и паркетчица по мужниной столярной профессіи, но мануфактуру эту изъ головы брось и чувствуй какъ-бы въ не себѣ. Паркетъ паркетомъ, но у меня, все-таки, мундиръ восьмаго класса, а посему лучше по своей глупости молчи. Ввяжешься въ разговоръ — можешь завраться и выдетъ конфузъ среди деликатной публики.

— Слушаю, Кондратій Савельичъ.

Ялботъ причаливаетъ къ помосту. Купецъ и купчиха выходятъ изъ ялбота

— Счастливаго улова, господа! — произноситъ купецъ развязно и кланяется публикѣ. — Но гдѣ-же здѣсь уполномоченное лицо отъ тоней? Я не вижу его въ своемъ составѣ,—обращается онъ къ рыбакамъ.

Къ купцу подбѣгаетъ приказчикъ тоней въ синей чуйкѣ и снимаетъ картузъ.

— Накройся, любезный! По какому курсу нонѣ отпущаете?

— По три рубли брали, но господинъ полковникъ полтину выторговали, то и съ вашей чести, — отвѣчаетъ приказчикъ.

— А ежели я оптовый покупатель и пріѣхалъ поддержать тебѣ комерцію на дюжину тоней?

— Цѣна одна, что съ людей, то и съ васъ.

— Чудакъ, но долженъ-же я по моей инструкціи какой-нибудь профитъ имѣть. Не такъ-ли, господинъ полковникъ? Откройте вашъ вердиктъ, — относится купецъ къ полковнику.

Тотъ пожимаетъ плечами, и еле сдерживая улыбку, произноситъ:

— Конечно, на двѣнадцать тоней уступку сдѣлать можно, но я думаю вы не успѣете ихъ закинуть. Скоро стемнѣетъ.

— Это ужъ опять не его сюжетъ, а моя собственная подробность. Можетъ, я такой капризъ подпущу, что и цѣлую ночь ловить буду. Господинъ коммерсантъ, соглашайтесь.

— Невозможно-съ—разводитъ руками приказчикъ. — Отъ хозяина нахлобучка можетъ быть.

— Въ такомъ разѣ я аренду только четыре тони и оставлю васъ съ вашимъ хозяиномъ въ мирной оваціи, — растягиваетъ слова купецъ.

Приказчикъ кланяятся.

— Будьте счастливы! Кромѣ осетра и стерляди!

— Какъ кромѣ осетра и стерляди! А вдругъ такой экспромтъ, что осетръ? Можетъ, я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ ждать, пока онъ не попадетъ въ мои дипломатиеескія сѣти.

— Тогда другой уговоръ. Меньше трехъ рублей за тоню я взять не могу.

— Согласенъ!—отвѣчаетъ купецъ, и обратясь къ полковнику, говоритъ:—Въ сущности, весь пунктъ на четыре тони въ двухъ канареечныхъ, а привилегія большая. Теперича ме-

ня то головное воображеніе занимаетъ, что вдругъ осетръ или стерлядь. Переговоры мы вели при всемъ вашемъ конгрессѣ и отвиливать онъ не смѣетъ, а ему обида. Вы генерала Переплетникова изволите знать? Онъ у насъ въ братствѣ засѣдаетъ, куда я вносы дѣлаю. Такъ вотъ съ: разъ ему на Козлахъ три стерляди!.. Прикащикъ, видя всю эту музыку — полъ-бороды изъ физіономіи своей вырвалъ! Ей-ей. Потому невская стерлядь, по своей рѣдкости, птичьему молоку вровень. Анисья Петровна! Вы-бы присѣли, а то дамѣ на дыбахъ долго-ли устать?—переноситъ онъ свое вниманіе на супругу. — Вонъ и скамеечка.

Та, молча, садится.

— А вы, должно быть, большой охотникъ до рыбной ловли?—спрашиваетъ купца полковникъ.

— Большое одолѣніе питаемъ, но некогда намъ этой антимоніей заниматься. Теперича окромя мануфактуры и коммерческихъ дѣлъ, я въ трехъ братствахъ и двухъ пріютахъ засѣдаю. Конечно, иногда дѣла такія въ засѣданіяхъ, что одно прессъ-папье изъ себя строишь, а все-таки, сиди. Вы князя Мухтарскаго, Аристарха Никодимыча, изволите знать? Онъ у насъ предсѣдательское кресло держитъ.

— Нѣтъ не знаю, не слыхалъ.

— Тоже большую слабость къ рыбной ловлѣ имѣютъ, но ту механику любятъ, чтобъ самому съ удочкой сидѣть. Разъ парадный обѣдъ въ нашемъ обществѣ изъ-за своего рыбнаго малодушества прозѣвали. Пріѣзжаютъ, а мы ужь пуншъ-глясе лижемъ и рѣчи изъ себя испускаемъ. Въ другомъ манерѣ я, будучи съ нимъ на тоняхъ около Бердова завода, чуть-чуть вотъ этотъ самый, жалованный перстень въ виду не опустилъ. Вытягиваемъ угря, а онъ изъ сѣти въ прорѣху лѣзетъ. Князь увидалъ и кричитъ мнѣ: «Кондратій Савельевъ, держи»! Тутъ я какъ былъ во всей амуниціи и ринулся... Что смѣху-то было! Страсти! Анисья Петровна, помнишь?

— Даже очень чудесно, откликается супруга.—У васъ еще въ тѣ поры подтяжка лопнула.

Купца слегка коробитъ.

— Подтяжку можете и при себѣ удержать, говоритъ онъ;— а я васъ про свою рекогносцировку съ перстнемъ спрашиваю.

— И про перстень помню. Вы тогда полагали, что его налимъ проглотилъ, а потомъ въ мелкой ряпухѣ нашли.

— Ну, вотъ-съ. Хорошо еще, что въ тѣ поры былъ безъ мундира и безъ регалій, а въ носильномъ платьѣ. Весь измучился. Въ мундирѣ-бы не пріятно было! у меня все-таки восьмого класса.

— А вы чѣмъ занимаетесь?—спрашиваетъ полковникъ.

— Паркетный мануфактуристъ. Теперича наши произведенія въ Парижѣ на выставкѣ сіяютъ и я, какъ экспонентъ во всемъ своемъ составѣ, полагаю въ компаніи съ нѣкоторыми негоціантами и самъ туда проминажъ сдѣлать. Только насчетъ курсовъ сомнѣніе.

Полковницкую тоню вытаскиваютъ, но пустую.

— Водицу изволили процѣдить, ваше высокоблагородіе, говоритъ купецъ.—Ну, да и то сказать—за то свой авантажъ потѣшили. Теперича мой чередъ. Но я полагаю господамъ рыбарямъ четвертную мужицкаго шампанскаго выставить, чтобъ вольготнѣе тянули. Въ Нищенскій-же комитетъ вносимъ, ну а сіи персоны небольшую пропорцію отъ нищихъ содержутъ. Ребята, четверть жертвую!—восклицаетъ онъ.

Полковницкое семейство уходитъ. Купецъ раскланивается съ полковникомъ.

— До пріятнаго свиданія-съ. Можетъ, въ Парижѣ на выставкѣ придется встрѣтиться, такъ половимъ и иную рыбку съ вашимъ высокоблагородіемъ, — говоритъ онъ привѣтливо улыбаясь, долго смотритъ ему въ слѣдъ, и обратясь къ женѣ, цѣдитъ сквозь зубы:

— Дура полосатая! Не умѣешь среди деликатной публики себя потрафить! Ну, къ чему ты на счетъ подтяжки вывезла! Весь альбомъ испортила. Тьфу!

НА НЕВСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

У пристани Лѣтняго сада свиститъ пароохдъ, но прочь не отходитъ. На кормѣ и на носу стоятъ чухны-матросы и смотрятъ на набережную, поджидая пассажировъ. Находящіеся на пароходѣ пассажиры возмущены долгимъ стояніемъ.

— Скоро-ли?—спрашиваютъ они.

— Сейчасъ отвалимъ. Вонъ господинъ бѣжитъ, — хладнокровно отвѣчаетъ шкиперъ.

— Да что сейчасъ!—выходитъ кто-то изъ терпѣнія. — Мы ужъ это слышимъ полъ-часа!

Машинистъ даетъ продолжительный и долгій свистокъ.

Матросы, видя, что «ничего не подѣлаешь», снимаютъ трапъ.

— Стой! Стой!—кричитъ кто-то у кассы и на пристани показывается среднихъ лѣтъ запыхавшійся мужчина въ сѣромъ пальто и круглой шляпѣ. Въ рукахъ у него зонтикъ. Потъ съ него льетъ градомъ. На усахъ сбитыя сливки. Такъ какъ трапъ уже снятъ, то онъ спрыгиваетъ на пароходъ прямо съ пристани.

— Слава тебѣ, Господи! Наконецъ-то я поймалъ его, мерзавца?—восклицаетъ онъ и даже крестится.

— Утритесь. У васъ усы замараны,—замѣчаетъ ему кто-то.

— Не до того мнѣ-съ! Это у меня въ мороженомъ! Тридцать шесть рублей съ четвертакомъ!.. Постой, я тебѣ покажу, фараонова ты мышь эдакая.

Мужчина въ сѣромъ пальто начинаетъ бѣгать по пароходу и кого-то искать.

— Да куда-же, наконецъ, ему дѣться?—разводитъ онъ руками.—Сударыня, вы тутъ на юру сидите, не видали-ли вы, куда проскочилъ господинъ такой, въ сѣрой крылаткѣ и шляпа тирольцемъ?—обращается онъ къ какой-то дамѣ.

— Здѣсь много господъ проскакивало,—отвѣчаетъ та.

— Охъ, этотъ человѣкъ замѣтный! Видъ у него самый богомерзкій. Такъ и хочется плюнуть! Лицо зеленое и переносье сломано.

— Богъ знаетъ, что вы городите!

— Послушайте, вы кого ищете? — интересуется солидный гладкобритый господинъ, смахивающій на бульдога.

— Барина съ зеленымъ лицомъ.

— То-есть какъ это съ зеленымъ?

— Не съ зеленымъ, а съ сѣрымъ и на немъ эдакія крапинки,—запыхавшись отвѣчаетъ сѣрое пальто, блуждая взоромъ по сторонамъ. — Переносья у него совсѣмъ нѣтъ, а какъ-бы трещина и на носу очки. Точь-точь обезьяна! Ахъ, ты, Господи! Самъ своими глазами видѣлъ, какъ онъ сюда на пароходъ вскочилъ и вдругъ... Ну, скажите на милость! Словно спиритовизмъ какой-то, что въ Морской англичанинъ за пять рублей показывалъ! Не залѣзъ-ли онъ туда, въ нутро, къ машинисту?

— Кто-жъ его туда пуститъ? Укралъ онъ у васъ что-нибудь, что-ли?

— Не укралъ-съ, а долженъ. То-есть не мнѣ долженъ, а хозяину, а хозяинъ взялъ да и поставилъ мнѣ въ счетъ! Для нашего брата, приказчика, тридцать шесть съ четвертакомъ деньги большія! Ахъ, ты, Господи! Вотъ уха-то стерляжья!

Сѣрое пальто въ изнеможеніи падаетъ на скамейку.

— И, вѣдь, какимъ шильническимъ манеромъ объегорилъ-то меня!—продолжаетъ онъ. — Приходитъ въ нашу лавку на Перинную линію, покупаетъ охотничьи сапоги и резинковое пальто и говоритъ: «Пришлите, дома деньги отдамъ». Посылаю съ мальченкомъ — отвѣчаетъ: «благодари!» Тотъ, дура съ печи, и оставилъ товаръ. Семь вихровъ ему вырвали, а какая изъ того польза? Шлю за деньгами разъ—дома нѣтъ, два—дома нѣтъ, три—то-же самое! На четвертый разъ говорятъ: «оспой умеръ» и вдругъ сейчасъ въ Лѣтнемъ саду носъ съ носомъ!..

— Но отчего-же вы его тамъ не схватили? — интересуется кто-то.

— Ахъ, господинъ! Въ томъ-то мое и несчастіе, что я былъ съ одной штучкой изъ нашихъ обшивалокъ. Вѣдь, башмачники мы и у насъ эти самыя мастерицы большой антресоль составляютъ. Чудесно. Сидимъ это мы съ ней въ Лѣтнемъ саду у

ресторана; самъ мороженное ѣмъ и ей порцію стравилъ. Товарищъ съ нами изъ сосѣдней лавки. Вдругъ этотъ самый баринъ съ зеленымъ лицомъ! Увидалъ меня, да какъ шасть!.. Я за нимъ. Офиціантъ меня за фалды... Кричу: «товарищъ заплатитъ». Вырвался и побѣжалъ. Глядь—онъ на пароходъ. Я сюда и вотъ, изволите видѣть: словно сквозь землю провалился!

Огорченный приказчикъ опускаетъ руку въ карманъ и восклицаетъ:

— Батюшки! Что-жъ это такое! Я по забывчивости даже ложку отъ мороженнаго стянулъ! Вотъ она.

Пассажиры не могутъ удержаться отъ смѣха.

— Ну, что-жъ такое! Съ кѣмъ чего не бываетъ. Завтра принесете и отдадите имъ,—утѣшаютъ они его.

Приказчикъ хватается за голову.

— А ужъ пуще всего мнѣ этой штучки изъ обшивалокъ жаль! Совсѣмъ, господа, съ ней на мази дѣло было и вдругъ эта зеленая рожа съ крапинками! Вы то учтите: что я этой самой обшивалкѣ апельсиновъ однихъ у насъ на линіи скормилъ! Опять это самое мороженое. Совсѣмъ прикормилъ, а для чего, спрашивается? Теперь, поди, сидитъ, подлая, съ товарищемъ и амуры строитъ. Э-эхъ!

— Но неужели-же вашъ товарищъ?...—замѣчаетъ кто-то.

Приказчикъ вскидываетъ на него глаза.

— Будьте покойны! У насъ на линіи молодцы тоже охулки на руку не положатъ, не опустятъ что по рѣчкѣ плыветъ,—говоритъ онъ.—Одно только на счетъ этой обшивалки утѣшеніе, что у товарища денегъ всего-на-все полтора рубля было, тогда-какъ мы... Позвольте, позвольте! Чтожъ это такое?!

Приказчикъ хватается за свое пальто и разсматриваетъ полы, суетъ руки въ карманы.

— Такъ и есть! Вотъ несчастіе-то!—вопитъ онъ.—Впопыхахъ-то я товарищево пальто надѣлъ, а свое деньгами съ двумя красненькими и зелененькой ему оставилъ? Ну, теперь все пропало! Пароходщикъ, стой! Стой! Я выду!

— Послушайте, куда вы по серединѣ Невы выдете?—останавливаютъ его.

Приказчикъ въ отчаяніи.

— Вамъ, господа, хорошо разсуждать, а у меня кровное пропадаетъ! —оретъ онъ, размахивая руками. — Зеленой рожѣ тридцать шесть съ четвертакомъ, товарищу двадцать три рубля! Шутка это? Ахъ, ты Господи! Стой! Стой!

Его высаживаютъ на пристань Черной рѣчки.

— Извочикъ? Извощикъ! Въ Лѣтній садъ!—кричитъ онъ, но у пристани нѣтъ извощиковъ.

На пароходѣ хохотъ.

ВЕРБНОЕ ГУЛЯНЬЕ.

По галлереѣ Гостиннаго двора безцѣльно двигается пестрая толпа самаго разношерстнаго народа и прицѣнивается къ выставленнымъ на столахъ сластямъ, бездѣлушкамъ и книгамъ. Тѣснота страшная, доходящая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до давки. То тамъ, то сямъ протискиваются сквозь толпу здоровые дѣтины въ тулупахъ, продающіе съ рукъ какого-нибудь «чортика» въ банкѣ», дерущихся пѣтушковъ, дѣтскій телефонъ или красный воздушный шаръ. Бродятъ и присущіе каждому гулянью франтоватые «стрекачи» съ пряничными баграми и топорами на плечахъ и, какъ водится, стараются задѣть молоденькихъ дамъ, дабы пристать къ нимъ съ разговоромъ. Въ большинствѣ случаевъ уста проходящихъ жуютъ. На вербахъ ѣдятъ пряники даже и тѣ, кто никогда ихъ не ѣстъ

Вотъ пара стрекачей съ пряничными топорами въ рукахъ идетъ по слѣдамъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ. Одна изъ нихъ несетъ искусственный розанъ въ горшечкѣ. Стрекачи стараются завязать равговоръ.

— Не знаешь кому отдать преимущество: розану или его владѣлицѣ,—говоритъ надъ самымъ ухомъ дѣвушки одинъ изъ стрекачей въ налощенномъ цилиндрѣ на головѣ.

Дѣвушка старается отвернуться, сдерживая улыбку, но стрекачъ не отстаетъ. Другой является на подмогу.

— Дивлюсь, какъ это ты сравниваешь съ розаномъ,—возражаетъ онъ товарищу.—Хорошенькую дѣвицу я скорѣй сравнилъ-бы съ бутономъ.

— Банковаго касира купить не желаете-ли?—восклицаетъ рослый дѣтина въ полушубкѣ, суя проходящимъ чуть не подъ носъ классическаго вербнаго чертика въ банкѣ.

— Купите вотъ, барышни, себѣ кассира въ банкѣ,—при-

стаетъ къ дѣвушкамъ стрекачъ.—Отличный женихъ выдетъ. Онъ давно уже въ банкѣ сидитъ. значитъ, въ лучшую успѣлъ его ограбить.

— Отвяжитесь пожалуйста!

— Да мы къ вамъ и не привязаны. У насъ дажс и веревки нѣтъ.

Одна изъ дѣвушекъ предлагяетъ другой сластей.

— Довольно, Надя, зубы заболятъ, мы ѣли.

— Вотъ ужь на ели-то вовсе не похожи. Скорѣй-же вы незабудки,—не унимаются стрекачи.

— А вы такъ вотъ дерево, сосна!—выходитъ изъ терпѣнія дѣвушка.

— Ошибаетесь, совсѣмъ не со сна. Еще въ девять часовъ утра встали, а теперь два часа.

Стоящій на порогѣ франтоватый приказчикъ остановилъ нарядную даму съ двумя мальчиками.

— Супругъ вашъ здоровъ-ли?—спрашиваетъ онъ.

— Слава Богу, но только все поясница болитъ,—отвѣчаетъ дама. Полагаю такъ, что отъ сидѣнья въ трактирѣ. Иной день по семи разъ... Тутъ. вѣдь, у пего очистка мусора была по казеннымъ мѣстамъ,—ну, съ однимъ смотрителемъ, съ другимъ, съ третьимъ. Угостишь человѣка—десятокъ коекъ выгадаешь. Я ужь и не препятствую.

— А вчера у насъ папенька пьянъ былъ,—вставляетъ свое слово мальчикъ.

— Ахъ, какой ты дрянной мальчишка! — возмущается мать!—Когда же это было? Вотъ за ухо тебя!

— За ухо—оторвешь, а вы лучше за вихоръ!—подаетъ совѣтъ кто-то изъ мимо проходящихъ.

— Вотъ срамъ-то! Пойдемте домой, коли не умѣете держать себя!—восклицаетъ дама, и кивнувъ приказчику, тащитъ ребятишекъ за руки.

Тѣ ревутъ.

— Запахните, Анна Дмитріевна, тальму-то, а то здѣсь шильничества много; какъ разъ кошелекъ изъ кармана выудятъ!—предостерегаетъ ее приказчикъ.

— Къ намъ, господа! Преотмѣнная ѣда! Самъ-бы ѣлъ, да деньги нужны!—зазываетъ балагуръ-мужикъ, стоящій около столика съ сластями.

Подходитъ пожилой купецъ въ фуражкѣ съ большимъ наваченнымъ дномъ. Въ рукахъ у него громадный пучекъ вербы. Съ нимъ маленькій сынишка въ длинномъ пальтишкѣ, сшитомъ «на ростъ».

— Давай-ка коврижку медовую, да только помягче,—говоритъ купецъ.

— Халвы хочу—заявляетъ мальчишка.

— Нельзя халвы, халва скоромная,—даетъ отвѣтъ купецъ.—Козье молоко туда мѣшаютъ.

— Помилуйте, что вы, ваше степенство, стоитъ-ли козье молоко мѣшать. Да и гдѣ его здѣсь возьмешь?—возражаетъ торговецъ.—Возьмите фунтикъ. Право, не скоромная. Тутъ сахаръ, миндальное молоко, да розовое масло, что архиреи себѣ руки мажутъ. Къ архирейской рукѣ по постамъ прикладываетесь-же? Какая тутъ скоромь!

— Да ты врешь! Знаемъ мы васъ тоже. Вамъ-бы только продать, а о грѣхѣ человѣческомъ дѣла нѣтъ. Побожись, коли постная.

— Ей Богу, постная!

— Нѣтъ, ты сними шапку, взгляни на небо и перекрестись.

— Да что вы! ваше степенство! Ей-ей, не хорошо, народъ смотритъ,—упирается мужикъ, однако снимаетъ шапку и крестится.

— Ну, коли такъ, отвѣсь фунтикъ. А конфекты эти самыя у тебя безъ сѣры?

— Зачѣмъ-же съ сѣрой-то? Помилуйте! Что вы?..

— Мало-ли зачѣмъ! Говорятъ, для цвѣта, эту самую сѣру примѣшиваютъ, чтобъ цвѣтъ нагнать. Ну, а что за радость, ежели ребятишки наѣдятся и у нихъ почнутъ животы болѣть? Ежели безъ сѣры, то тоже насыпь фунтикъ.

— Смѣло берите! Ничего не подмѣшано.

— И кирпичу толченаго, скажешь, для вѣсу тоже не подмѣшано?—спрашиваетъ купецъ.—Эхъ ты! Кирпичъ во всѣ конфекты идетъ. Сахаръ-то почемъ? Ну, да ужъ кирпичъ Богъ съ нямъ! Только на зубахъ хрустѣть будетъ, а животамъ не тревога!

Двѣ дамы покупаютъ у бабы вербу, выбирая ее въ корзинкѣ. Баба старается навязать имъ нѣсколько пучковъ.

— Куда намъ столько! Что ты!—восклицаютъ дамы.

— По хозяйству, сударыня, пригодиться,—отвѣчаетъ баба.— Ежели у кого ребятишки маленькія, то лучшихъ розогъ и желать не надо. Все лучше, чѣмъ изъ вѣника-то выдергивать. У вербы прутъ гибкій, къ тѣлу ласковый.

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы не сѣчемъ своихъ дѣтей. Нынче ужъ розги-то изъ моды вышли.

— Полноте, сударыня! Никогда онѣ изъ моды не выдутъ,— увѣряетъ баба.

— Батюшки, у меня сейчасъ кошелекъ изъ кармана вытащили!—раздается въ толпѣ визгливо-слезливый женскій голосъ.

— Слышишь, кошелекъ вытащили,—громко замѣчаетъ какой-то франтъ пріятелю.—Бьюсь объ закладъ, что это кассиръ какого-нибудь банка согрѣшилъ для практики!—острить онъ.

Окружающіе смѣются.

ПРІѢХАЛЪ!!!

Маленькая квартирка дѣвицы, проживающей, по выраженію старшаго дворника, «на отдѣльномъ положеніи у одного обстоятельнаго купца какъ-бы въ племянницахъ или въ гувернанкахъ». Вечеръ. Небольшая спальная, раздѣленная пополамъ драппировкой и уставленная дешевой мягкой мебелью, крытой пестрымъ ситцемъ. На столѣ среди полудюжины пустыхъ пивныхъ бутылокъ горитъ лампа подъ абажуромъ и освѣщаетъ полную дѣвицу въ ситцевомъ распашномъ капотѣ, сидящую на диванѣ, поджавъ подъ себя ноги и съ папироской въ рукахъ. Глаза ея заплыли жиромъ отъ сна и пива, объемистая грудь колышется какъ кузнечный мѣхъ, полныя руки съ трещиной на пульсѣ въ браслетахъ и кольцахъ. Невдалекѣ отъ дѣвицы на стулѣ тщедушный мужчина съ небольшими усиками. Онъ въ мундирѣ телеграфиста, надѣтомъ въ одинъ рукавъ и съ гитарой. Тутъ же на стулѣ старуха-тетенка въ темномъ платьѣ и ситцевомъ платкѣ. Тетенька хмѣльна и поклевываетъ носомъ, телеграфистъ пьянъ и пощипываетъ струны гитары, сама дѣвица тоже на «второмъ взводѣ», и зажмуривъ глаза подпѣваетъ подъ гитару визгливымъ голоскомъ:

Ахъ, какъ сердце бьется сильно!
Съ глазъ текутъ слезы обильно!
Лучше-бъ я млада дѣвица
При своей маменькѣ жила.

— Ну, опять канитель затянула,—прерываетъ ее тетенька.—Такъ словно когтями кто за сердце... И что это тебѣ за пѣсня жалостная далась! Съ чего ты ноешь?

— Понятно, что съ своей собственной грусти отъ страшной тоски, —отвѣчаетъ дѣвица.—Такъ какъ я теперь на подобіе какъ-бы канарейка въ клѣткѣ.

— И полно, матка! Ѣшь ты сладко, живешь за купцомъ, словно принцесса, самоваръ съ пивомъ и кедровыми орѣхами со стола не сходитъ.

— А коварства эти самыя, что онъ подъ меня подпущаетъ, вы не считаете? Теперича я просила пальто, а онъ тальму прислалъ. Опять-же говоритъ: «коли по нѣмецкому клубу будешь шляться, я тебѣ душу выворочу!»

— Да, вѣдь, не выворотилъ-же.

— Потому и не выворотилъ, что полѣно это самое вмѣсто меня въ стѣну попало, а кулаками все-таки по лицу два раза прошелся и за косу по комнатѣ променажъ сдѣлалъ. Лобъ-то мой на виду; извольте посмотрѣть...

— Да что тебѣ съ лица-то портреты рисовать, что-ли? Онъ тебя съ синяками-то еще больше любить будетъ. Взглянетъ и вспомнитъ, какой ты мученическій вѣнецъ отъ него пріяла.

— Петьку вонъ гонитъ. Приду, говоритъ, увижу и перечницу изъ носа сдѣлаю.

Дѣвица кивнула на телеграфиста.

— Еще-бы его-то вонъ не гнать, когда онъ видитъ въ немъ своего интригана.

— Мы его тоже хотимъ пистолетной идеей попугать. Нынче это въ модѣ,—отликается телеграфистъ.—Что онъ куражится? Сейчасъ дуло приставилъ и бери съ него сто цѣлковыхъ.

— А вотъ за эти слова тебя по шапкѣ! — снова говоритъ тетка.—Купецъ ей кормитель, а ты пьявка.

— Пожалуйста! Ужъ и пьявка. Всего только и взялъ я съ нея шесть рублей на брюки да два съ полтиной на гитару.

Дѣвица потягивается.

— Ахъ, тетенька, да бросьте эти самые ругательные комплементы! И что это, право, кухарка пиво не несетъ! Долго-ли полдюжины взять!

Пауза. Съ разныхъ сторонъ вздохи. Телеграфистъ плюетъ въ колки гитары. Дѣвица звонко разгрызла орѣхъ. Въ комнату вбѣгаетъ запыхавшаяся кухарка съ пивомъ.

— Спасайтесь! Спасайтесь! Пріѣхалъ!—кричитъ она.—Самъ пріѣхалъ! Иванъ Федосѣичъ.

Всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ. Дѣлается смятеніе. Порожнія бутылки падаютъ со стола. Телеграфистъ напяливаетъ на себя мундиръ и суетъ гитару подъ диванъ.

— Гдѣ онъ?—спрашиваетъ дѣвица кухарку.

— На дворѣ съ какими-то мастеровыми ругается.

— Пьянъ?

— Ужасти подобно! Дворникамъ далъ рубль на чай и тѣ съ фонарями около него. Шелъ мимо полѣницы дровъ—разрушилъ, отъ чулана дровяного дверь выворотилъ, купилъ въ мелочной лавочкѣ семь фунтовъ патоки и тебѣ въ подарокъ несетъ!—разсказываетъ кухарка.

Всѣ суетятся.

— Куда мнѣ?..—спрашиваетъ оторопѣвшій телеграфистъ.— По чистой лѣстницѣ или по грязной?

— Иди по чистой. Онъ хочетъ по грязной идти, чтобъ тебя изловить.

— Вотъ онъ пистолетъ то-бы теперь!.. А ежели онъ вдругъ и самъ по чистой?—снова задаетъ вопросъ телеграфистъ.

— Тогда убьетъ. Завидишъ его,—прямо бѣги на верхъ и спасайся въ чужую квартиру.

— А мнѣ, Катенька, здѣсь можно остаться? Вѣдь я тебѣ все-таки тетка,—мечется старуха.

— Уйдите, уйдите! Онъ даже сказалъ мнѣ: «Какъ только увижу твою тетку—сейчасъ ей все лицо горчицей вымажу!»

— Катя! Дай хоть двугривенный на извощика! Шутка на Васильевскій островъ пѣшкомъ!—вопитъ телеграфистъ.

— Нѣтъ у меня двугривеннаго! Вотъ тебѣ цѣлковый.

— По грязной, по грязной лѣстницѣ идетъ!—кричитъ кухарка изъ кухни.—Спасайтесь по чистой! Батюшки, замокъ у чьего-то ларя сорвалъ!

Телеграфистъ и тетка спасаются по чистой лѣстницѣ. Пауза. Въ кухнѣ слышны шаги, падаетъ кастрюлька съ полки и раздается пьяный возгласъ:

— Дома-ли моя беззаконная Катерина Палагѣвна на каменномъ фундаментѣ?

ЛОЖА № 13.

Александринскій театръ. На сценѣ идетъ представленіе, а въ корридорѣ—ссора, перебранка, размахиваніе руками. Свирѣпствуетъ дама въ чепчикѣ съ зелеными лентами; тутъ-же молодая дѣвушка съ розой въ волосахъ, двое мальчиковъ въ нарядныхъ голубенькихъ рубашечкахъ и двое мужчинъ: одинъ—пожилой съ классическими чиновничьими бакенбардами на скулахъ, другой—молодой съ совершенно гладко бритымъ лицомъ. Капельдинеръ держитъ въ рукахъ шубы.

— Вы это что-же сдѣлали? Куда вы меня привезли?—возвышаетъ голосъ дама, обращаясь къ пожилому мужчинѣ.—Тащилась, тащилась съ Петербургской стороны и вдругъ ложа № 13! Отчего вы раньше не сказали, что у васъ ложа подъ № 13?

— Но, матушка, я и не замѣтилъ даже подъ какимъ она нумеромъ,—возражаетъ пожилой мужчина.—Какъ вчера кассиръ мнѣ ее далъ, такъ я и положилъ въ бумажникъ, не посмотрѣвши.

— Врете! Вы это нарочно сдѣлали! Поздно меня теперь отъ моихъ привычекъ отучать! Не пойду я въ тринадцатый нумеръ. Извольте сейчасъ надѣвать шубу и отправимтесь обратно на Петербургскую! Гдѣ мой салопъ? Позвольте мой салопъ!

— Тише ты, тише! Ну, полно, не хорохорься! Авось ничего и не случится. Перекрестись и входи въ ложу. Важная вещь тринадцать! Господи! Ну, Богъ милостивъ!—пробуетъ уговорить даму пожилой мужчина.—Вѣдь тринадцатой пассажиркой ѣздила-же бывало въ щапинскомъ дилижансѣ.

— Никогда. Всегда впередъ считала, а потомъ садилась.

— Ну, въ другомъ въ чемъ-нибудь... Вспомни, сколько тринадцатыхъ-то чиселъ мѣсяца ты пережила.

— Тамъ тринадцатыя числа мимо меня проходятъ, а здѣсь ложа, здѣсь я сама должна въ нее войдти. А еще мужъ! Не желаю я еще умирать. Рано! у меня дѣти маленькія. Да и тебѣ не пора. Прежде пансіонъ выслужи, а потомъ и умирай. Ну, куда я съ дѣтьми-то дѣнусь?

— Вотъ не было печали!—всплескиваетъ руками мужъ.— Да тише ты! Слышишь изъ ложъ шикаютъ. Ну, не срамись, входи. Завтра молебенъ отслужимъ.

— Ни за что на свѣтѣ! Я ѣду домой.

— Сестрица, да полноте...—успокоиваетъ ее дѣвушка.

Дама накидываетъ на себя салопъ. Ребятишки плачутъ.

— Мама, намъ представленіе смотрѣть хочется,—стонутъ они.

— Представленіе! Поблагодарите отца за это представленіе! По городу этотъ самый дефтеритъ на дѣтяхъ ходитъ, а онъ тринадцатый нумеръ!

Въ разговоръ вмѣшивается и старичекъ капельдинеръ.

— Знаете что, сударыня,—говоритъ онъ:—у насъ и генералы въ тринадцатыхъ нумерахъ сидятъ и то ничего никогда не случалось. Тринадцатая ложа самая лучшая. Какъ новая пьеса, то у насъ ее завсегда статскій совѣтникъ Трамбуковъ беретъ, а они съ супругой люди преклонные и даже удушьемъ одержимы, а вотъ ужъ сколько лѣтъ ничего!..

— Вамъ хорошо свой товаръ выхвалять!

— Да мнѣ что-же? Я за это ничего не получаю,—отвѣчаетъ капельдинеръ.

— Нельзя-ли намъ вмѣсто тринадцатаго-то нумера въ двѣнадцатый сѣсть? Вѣдь онъ свободный?—задаетъ ему вопросъ мужъ.

— Продана эта ложа. Не можемъ мы въ нее пустить. Вотъ погодите маленько. Придутъ въ нее, такъ, можетъ, и уговоритесь съ ними на счетъ обмѣна.

— Стыдно и уговариваться-то,—замѣчаетъ мужъ.—И тринадцатый нумеръ газеты ты тутъ какъ-то читала.

— Опять-таки то газета! Я въ нее не влѣзала, а тутъ влѣзать должна!

Въ корридоръ входитъ купеческое семейство и начинаетъ «разоблакаться».

— Хороша-ли ложа-то? Можетъ въ ней протекаетъ и продуваетъ?—шутитъ купецъ, снимая съ себя шубу.

Къ нему подходитъ владѣлецъ тринадцатаго нумера.

— Извините... Какъ не странно мое предложеніе,—говоритъ онъ:—но, можетъ быть, вы будете столь добры и согласитесь. Вотъ видите-ли... У насъ тринадцатый нумеръ ложи, а у васъ двѣнидцатый. Не будете-ли вы столь добры помѣняться съ нами? Жена у меня, по своему предразсудку, не желаетъ сидѣть въ тринадцатомъ нумерѣ. Ну, извѣстно баба... сами понимаете.

Купецъ подбочениваетcя.

— Какъ не понять! Не махонькіе!—произноситъ онъ.— Такъ что-жъ ты вмѣсто жены-то меня на смерть сажать хочешь, что-ли? Ловко тоже придумаютъ! Ну, народъ! Акулина Кузьминишна? Слышала?—обращается онъ къ женѣ.

— Позвольте... Я думалъ, что вы безъ предразсудковъ, и потому...

— Да знаешь-ли ты, что въ прошломъ году мнѣ въ рынкѣ выгодная лавка подъ номеромъ тринадцатымъ наклевывалась, такъ я и отъ той отказался!

— Мы вамъ выходу можемъ рубль серебра дать,—вмѣшивается въ разговоръ гладко бритый молодой человѣкъ изъ партіи ложи № 13.

— Чего-съ?—восклицаетъ купецъ.—Такъ что-жъ ты мою жизнь-то въ рубль цѣлковый цѣнишь? Ахъ, ты облизьяна! Да я самого тебя куплю, перекуплю и выкуплю! Брысь!

— Однако, позвольте, господинъ купецъ!

— Нечего тутъ позволять! Мы сами тоже съ усами.

Идетъ перебранка. Сцѣпились и дамы.

— Вишь фря какая выискалась!—кричитъ повязанная косынкой купчиха.—Думаетъ, что чепчикъ съ крыльями надѣла, такъ ужъ и барыня! Экономокъ-то такихъ мы видали!

— Что ты сказала! Повтори, дрянь ты эдакая?—въ свою очередь восклицаетъ дама въ чепчикѣ.—Ахъ, ты самоварница!

— Отъ кофейницы слышу!

— Позвольте, господа! Здѣсь кричать нельзя!—возвышаетъ голосъ капельдинеръ.

Изъ ложъ выглядываютъ. Нѣкоторые выходятъ въ корридоръ. Дѣлается суматоха. Ребята ревутъ. Скопляется публика.

Всѣ спрашиваютъ: «въ чемъ дѣло»? Капельдинеръ поясняетъ. Въ корридорѣ виднѣются театральный чиновникъ и полицейскій офицеръ, спѣшащіе къ мѣсту происшествія. Большинство постороннихъ, узнавъ причину шума, смѣются.

— Позвольте мнѣ вамъ услужить... Я васъ помирю,—дѣлаетъ предложеніе дамѣ въ чепчикѣ какой-то бородачъ въ очкахъ.—Мы сидимъ въ четырнадцатомъ нумерѣ и такъ-какъ всѣ безъ предразсудковъ, то можемъ перемѣститься въ тринадцатый нумеръ, а вы въ нашу ложу сядете.

— А, очень вамъ благодарна! Вы такъ любезны... такъ!.. Она, знаете, ничего,—отвѣчаетъ дама:—но ежели у кого примѣта... Тутъ я какъ-то на извозчикѣ съ тринадцатымъ нумеромъ ѣхала и то у насъ деверь умеръ... А и не старый человѣкъ былъ.

Начинается перемѣщеніе. Лица изъ ложи № 14, еле сдерживая смѣхъ, пересаживаются въ ложу № 13. Купецъ все еще не можетъ успокоиваться, расточаетъ слова «шишгаль, стрекулисты» и плюетъ. Купчиха тоже.

— Фря эдакая!—говоритъ она, бросая взглядъ на даму въ чепчикѣ и лѣзетъ въ свою ложу.

— Коровница со скотнаго двора!—откликается, въ свою очередь, дама въ чепчикѣ и пропихиваетъ въ ложу № 14 своихъ ребятишекъ.

Вскорѣ все успокоивается.

Самоѣды.

Воскресенье. На льду, на Невѣ, у Николаевскаго моста, около чума самоѣдовъ столпился народъ Разныя лица тутъ есть, но больше мужиковъ, мастероваго люда. Охотники до катанья ѣздятъ на измученныхъ оленяхъ, которыхъ перегонитъ любая лошадь. Какой-то господинъ съ гувернанткой привезъ дѣтей покататься. Нарядныя дѣти разсматриваютъ оленей, стоящихъ понуря головы.

— Папа, а отчего вотъ этотъ олень съ рогами, а этотъ безъ роговъ?—интересуется мальчикъ въ кучерскомъ нарядѣ.

Отецъ слегка заминается.

— Такъ, душечка, просто такъ...—говоритъ онъ.—Впрочемъ, тутъ папа и мама: папа съ рогами, а мама безъ рогъ.

— А отчего папа съ рогами?—допытывается мальчикъ.

— Отчего папа-то съ рогами? Да такъ... Папы ужъ завсегда съ рогами бываютъ. Это красивѣе. Папа называется олень, а мама лань.

— Газель и серна, а въ общемъ олень,—поправляетъ гувернантка.

— А дяденьки у нихъ, съ рогами или безъ роговъ ходятъ? Дяденьки тоже олени? продолжаетъ спрашиваетъ мальчикъ.

— Дяденька у нихъ баринъ, лось прозывается и самый что-ни-на-есть свирѣпый,—вмѣшивается въ разговоръ новый романовскій полушубокъ.—Какъ теперича копытой по зубамъ хватитъ—смерть!

Гувернантка старается заслонить дѣтей отъ мужика.

Тутъ-же и купецъ съ купчихой. Купчиха тоже интересуется, отчего одинъ олень безъ рогъ.

— А за долги,—шутитъ купецъ,—кредиторы сняли. Предлагалъ двугривенный за рубль—не согласились и взяли товаръ.

— Ну, ужъ!.. сейчасъ какой-нибудь карамболь выпустишь —упрекаетъ купчиха.—Тебя честью спрашиваютъ.

— А я тебѣ честью и отвѣчаю. Вонъ турецкіе мерблюды тоже всѣ безъ роговъ щеголяютъ. А отчего?—Англичане за долги сняли.

— Пошелъ, поѣхалъ турусы на колесахъ строить!—машетъ рукой купчиха.

— И вовсе даже не пошелъ и не поѣхалъ, а на мѣстѣ стою. А ты думаешь какъ? Коли ежели-бы я труболетствомъ занялся, да у меня рога состояли, кредиторы-бы ихъ помиловали? Какъ-же, держи карманъ!

Тутъ-же два синихъ кафтана въ кошачьихъ шапкахъ.

— Зачѣмъ-же это ихъ, этихъ самыхъ оленевъ въ задъ палками-то пихаютъ?—старается догадаться одинъ изъ нихъ.

— А отъ необразованія,—поясняетъ другой: — потому одно слово—самоѣды. Коли-бы ежели человѣкъ образованіе въ себѣ содержалъ, сейчасъ-бы взялъ кнутъ.

— Чудно! Самоѣды! Ахъ, дуй тѣ горой! Неужто эти самоѣды сами себя ѣдятъ?

— Ѣсть не ѣдятъ, потому они падалью питаются, ну, а обсасывать себя обсасываютъ, потому это для нихъ первое удовольствіе. Ну, а въ голодные годы онъ и самъ себя ѣсть можетъ, потому нашъ хлѣбъ голодный, который ежели съ мякиной или съ корой, или съ лебедой, у него нутро не переноситъ. Сейчасъ взялъ это, отрѣзалъ отъ ноги у себя кусочекъ и съѣлъ.

— Ну, а потомъ какъ?

— Потомъ на этомъ мѣстѣ новое мясо наростетъ. У нихъ противности этой самой совсѣмъ нѣтъ... Жилъ я это въ кухонныхъ мужикахъ у француза съ желѣзной дороги, такъ былъ у насъ дворникъ Ахмедка,—татаринъ онъ, но тоже изъ самоѣдовъ. Бывало, возьметъ это руку, насосетъ ее до крови и сытъ. И что-жъ ты, братецъ, думаешь? Зарубилъ онъ себѣ руку топоромъ и свезли мы его въ больницу, глядь черезъ мѣсяцъ, а у него на рукѣ-то дикое мясо растетъ. Такъ и докторъ сказалъ: «это, говоритъ, дикое мясо». Вотъ онъ что самоѣдъ-то изъ себя составляетъ!

— Ври больше!—вмѣшивается въ разговоръ бараній тулупъ, крытый синимъ сукномъ.—Потому они самоѣдами называются,

что женъ своихъ собственныхъ ѣдятъ, а не то чтобъ себя. Гдѣжъ это видано, чтобъ человѣкъ самъ себя ѣлъ!

— Анъ ѣстъ!—поправляется кафтанъ. — Ты вотъ разыщи этого самого Ахмедку и посмотри. Въ конюхахъ теперь у графа Ахлебова живетъ. Онъ тѣ и дикое мясо покажетъ и все, стоитъ только ему два двугривенныхъ прожертвовать..

— Все это только одна пустая пропаганда въ вашихъ словахъ,—замѣчаетъ купецъ.—Потому они самоѣдами называются, что людей ѣдятъ, а тамъ жена или кто это—имъ наплевать. Поймалъ человѣка и съѣлъ въ компаніи, только теперь имъ эта самая ихъ вѣра отъ начальства воспрещена, потому они тутъ какъ-то въ Сибири не токма что обывателей, а поймали становаго и того съѣли.

— Вѣрно, правильно, купецъ,—ободряетъ кто-то.—По ихъ вѣрѣ, чтобъ человѣка съѣсть, это у нихъ все равно, что наши поминки, али панихида... И тѣ понятія, чтобъ сродственнику на томъ свѣтѣ хорошо было.

— А водку пьютъ?—слышится вопросъ.

— Такъ-то хлещутъ, что бѣда! Ну, и ругаются по нашему тоже очень хорошо. Даве одинъ изъ нихъ около кибитки такъ это разсыпалъ! Смерть!

— Да, вѣдь, руготня это такая вещь, что она на всѣхъ двѣнадесяти языкахъ одинаково потрафляется. Вонъ голанецъ на биржѣ...

— Съ женами пріѣхали?—спрашиваетъ кто-то.

— Съ женами. Вонъ онѣ тамъ въ кибиткѣ сидятъ. Ихъ по пятаку показываютъ. Я даве смотрѣлъ.

— А дразнить за эти деньги ихъ можно?

— Да вѣдь дразни не дразни, а сидитъ она, къ примѣру какъ кикимора или статуй и рыбій жиръ взамѣсто чаю пьетъ, да сушеной олениной закусываетъ.

— Фу, мерзость!—плюетъ кто-то.

— Вотъ подижь-ты! А господа на счетъ оленины не нахвалятся и завсегда ее у Борелевъ этихъ самыхъ ѣдятъ. У меня извозчикъ—лихачъ одинъ знакомый былъ, такъ тотъ по совѣту барина за три цѣлковыхъ одинъ букивротъ съ олениной съѣлъ.

Наблюденія опять переносятся на оленей.

— Словно фараонова мышь изъ себя...—замѣчаетъ романовскій тулупъ.

— А ты нешто видалъ фараонову мышь?

— Не видалъ, а странникъ мнѣ одинъ разсказывалъ. Онъ на ней въ Ерусалимъ ѣздилъ. «Сизая, говоритъ, такая и голова словно калачъ».

— Вретъ твой странникъ!

— Нѣтъ, ужъ это вы «ахъ оставьте!» Странникъ этотъ медаль за Доброволію имѣетъ. «Я говоритъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ былъ и на мерблюдахъ ѣздилъ, и на собакахъ, и на слонахъ, и на волахъ, и на козлахъ».

Въ это время на самоѣдскія сани усѣлись купецъ съ купчихой. Самоѣдъ ткнулъ шестомъ оленей. Сани тронулись. Купчиха взвизгнула и свалилась. Народъ побѣжалъ ее подымать.

ВЪ МАСКАРАДѢ.

Маскарадъ въ приказчичьемъ клубѣ. У подъѣзда, какъ водится, ни одной кареты, за то въ подъѣздѣ множество женскихъ масокъ, выпрашивающихъ «входный билетикъ» у подъѣзжающихъ на извозчикахъ кавалеровъ. Все это пищитъ, переругивается, хватаетъ мужчинъ за фалды. Тутъ-же городовой.

— Брюнетный господинъ! Послушайте!—окликаетъ продрогшая на морозѣ маска только-что сейчасъ выскочившаго изъ саней и юркнувшаго въ подъѣздъ кавалера.

Тотъ останавливается и оборачивается.

— Съ чѣмъ прикажете? Съ холоднымъ или съ горячимъ?

— Я васъ знаю. Вы изъ Перинной линіи. Нѣтъ-ли у васъ входнаго билетика?

— Ну, эту эпитимію мы каждый маскарадъ слышимъ!— машетъ рукой кавалеръ и прибавляетъ:—сами семерыхъ сбирать послали!

— И какъ это ноничи у кавалеровъ липкости никакой нѣтъ къ женскому полу!—вздыхаетъ другая маска.—Послѣ этого, я такъ полагаю, что не слѣдъ имъ и въ маскарадъ ходить. Послушайте, блондинный мужчинка, дайте билетъ!— останавливаетъ она сѣдаго старика въ енотовой шубѣ.

— Я не по билету, а по плакату!—острить тотъ и тоже скрывается за дверями.

Подъѣзжаетъ на лихачѣ купеческій «соврасъ» въ бобровой шапкѣ. Распахнулъ шубу и показалъ массивную золотую цѣпочку и складную шляпу, засунутую на груди за жилетъ. Онъ уже пьянъ.

— Долго здѣсь пробудете, ваше сіятельство?—спрашиваетъ лихачъ.

— А вотъ покуда патретъ свой не изукрасимъ,—отвѣчаетъ

онъ.—Мы виномъ маскироваться пріѣхали. Какъ перестанутъ знакомые узнавать, ну, значитъ, тогда иноходцемъ и домой.

— Ежели долго пробудете, то отпустите меня, ваше степенство!

— Во фрунтъ!—кричитъ соврасъ и, подбоченившись, спрашиваетъ лихача;—Василій, кто я?

— Извѣстно, именитые фабриканты и во всемъ богатствѣ...

— То-то. Ну, значитъ, и жди своего термину, пока тебя городовой не вострубитъ для нашего променажа. Мадеру пьешь?

— Все трескаемъ-съ.

— Значитъ и веди себя хорошенько. Сейчасъ тебѣ вышлю кадетскій стаканъ мадеры и букивротъ съ тешкой на за куску!

— Это зонтишникъ изъ Гостиннаго двора,—шепчетъ одна маска другой.—У него всегда билеты есть. Господинъ юноша, мы вами завсегда въ окнѣ любуемся!—обращается она къ соврасу.—Дайте намъ пару билетиковъ въ маскарадъ.

Соврасъ продолжаетъ кобениться.

— А вы-бы, мамзель, въ туляковскій нагольной шли. Тамъ дешевле и даже за десять копѣекъ пущаютъ.

— Имѣйте учтивость къ дамамъ,—отвѣчаютъ маски.—Въ нагольномъ маскарадѣ мы въ субботу были, а сегодня сюда хочется. Полноте, интересненькій, дайте!

— Ой! Ну, коли такъ, получайте три билета съ бонжуромъ! Вотъ вамъ на драку! Бери и поминай за здравіе Никиту, Калина и Ивана! Лови!

Соврасъ кидаетъ три билета. У подъѣзда свалка. Одинъ билетъ разорвали въ клочки!

— Эй, вы, щучье племя! Смирно!—кричитъ городовой.

— Соврасъ исчезаетъ въ подъѣздѣ.

Въ залѣ и въ зимнемъ саду толпы народа. У буфета давка. Пиво и водка льются рѣкой. Кто-то подшпиливаетъ фалды сюртука булавками.

— Ты это что дѣлаешь?—спрашиваетъ его пріятель.

— А фракъ изображаю. Въ залу безъ фрака не пускаютъ, а я тамъ съ хоръ штучку намѣтилъ, такъ искусить ее хочу.

— Чѣмъ искушать-то будешь?

— Да думаю на мараскинъ съ коньякомъ половить. Хочешь садануть по одной собачкѣ за компанію?

— Жарь! Дѣльныя рѣчи завсегда пріятно слушать.

По буфету проходятъ маски. Нѣкоторыя закостюмированы

въ ситцевые сарафаны, «колонистихами» въ шелковыхъ чепцахъ съ позументами, матросами въ тиковыхъ курткахъ и клеенчатыхъ шляпахъ. Вообще въ костюмахъ преобладаетъ самодѣльщина. Есть и цыганки въ ковровыхъ платкахъ, надѣтыхъ на бокъ отъ праваго плеча подъ лѣвую мышку, а на головѣ почему-то чалма.

— Родныя!—кричитъ маскамъ какой-то пьяненькій фрачникъ.—Гдѣ прикладъ-то швейный покупаете?—и растопыриваетъ руки, чтобъ остановить ихъ.

— У Кисельникова. А ты почему думаешь, что мы портнихи?—откликается особенно бойкая.

— Эво! Сейчасъ видна птица по полету! Вотъ пальцы-то иголкой исколоты! Намъ только покажи дѣвицу, сейчасъ мы и видимъ какой она калинкоръ. Эхъ, гладенькая! Совсѣмъ прозрачная!

Фрачникъ хочетъ обхватить маску. Та увертывается.

— Пожалуйста, не распространяйте ваши руки! Наша прозрачность при насъ и останется, а вы лучше пивкомъ угостите.

— Ходитъ! Но только въ томъ смыслѣ, чтобъ весь портняжный прикладъ у меня покупать. Будьте знакомы и получайте нашъ нумеръ лавки. Тутъ вся фирма обозначена. Человѣкъ! Полъ-дюжины пива!—кричитъ фрачникъ и раздаетъ маскамъ по карточкѣ съ нумеромъ лавки. — Прошу садиться! Нечего дыбомъ-то стоять!

Маски садятся за мраморный столъ. Фрачникъ помѣщается среди ихъ. Мимо проходитъ пикжакъ, останавливается передъ столомъ и смотритъ на компанію въ кулаки.

— Такъ въ подозрительную-то трубку лучше глядѣть,— говоритъ онъ и спрашиваетъ:—Что, Вася, клюнуло? «Ура, на трехъ ударимъ разомъ!» Уступи мнѣ хоть одну штучку.

— Ужъ и клюнуло!—оскорбляется одна изъ масокъ.—Удивительно, какое низкое мнѣніе вы объ нашей сестрѣ обозначаете. Держали-бы при себѣ. Что мы, рыбы, что-ли?

— А то развѣ нѣтъ? Конечно, рыба-плотва. И самая что-ни-на-есть свѣжая!

— Зачѣмъ-же вы лѣзете къ плотвѣ?

— А затѣмъ, что я самъ налимъ, во всемъ своемъ составѣ,— скашиваетъ глазъ пикжакъ и, подмигнувъ, тоже садится.

— Только руки подальше!—предупреждаютъ маски.

Лакей приноситъ пиво.

За столомъ напротивъ сѣлъ только-что сейчасъ пріѣхавшій «сврасъ», котораго маски звали «зонтишникомъ», и вытянулъ руки, украшенныя брилліантовыми перстнями.

— Пивная команда!—начинаетъ задирать онъ компанію, сидящую съ масками.

— Чего?

— Ничего, проѣхало и воротъ не задѣло! Человѣкъ! Бутылку шампанскаго!

— Который уголъ у отцовской-то лавки на шампанское спускаешь?—въ свою очередь задѣваютъ его съ другого стола.

— Не тебѣ, птичья шерсть, меня усчитывать! Человѣкъ, шампанскаго!

— Какого прикажете?—спрашиваетъ его лакей.

— Самаго лучшаго! Я худого не пью. Да чтобъ золотая пробка!... Во фрунтъ! И скорымъ шагомъ маршъ!

Лакей бѣжитъ. Фрачникъ изъ компаніи масокъ окликаетъ его.

— Дай ему, человѣкъ, такого шампанскаго, чѣмъ ворота запираютъ, а то отъ настоящаго у него глазъ выворачиваетъ,— говоритъ онъ лакею и показываетъ на «совраса».

— Смотри, чтобъ тебѣ самому дома хозяинъ-то глазъ не выворотилъ! Онъ-тѣ покажетъ, какъ на маскарадъ изъ выручки за голенищу двугривенные спускать!

— Ошибаешься! Сами хозяева состоимъ и такихъ, какъ ты, мальчишекъ въ лучшемъ видѣ за волосья треплемъ!

— А ну-ко потрепли! Тронь!

— И потреплю!

Соврасъ и фрачникъ лѣзутъ другъ на друга, какъ пѣтухи. Въ залѣ слышенъ ритурнель кадрили. Маски, залпомъ выпивъ по стакану пива, бѣгутъ изъ-за стола. Шумъ. Вдали показывается полицейскій офицеръ.

У МИСТЕРА СЛЭДА.

Въ подъѣздъ гостинницы «Мира» входитъ молодецъ въ барашковой шубѣ и въ фуражкѣ, надѣтой на-бекрень.

— Здѣсь духоборецъ живетъ?—спрашиваетъ онъ швейцара.

Тотъ недоумѣваетъ. Молодецъ повторяетъ свой вопросъ.

— Какой духоборецъ? — задаетъ въ свою одередь вопросъ швейцаръ.

— Да вотъ, что съ духами-то этими самыми и съ чертями... Изъ аглицкихъ столовѣровъ онъ.

— Ахъ, мистеръ Слэдъ! Здѣсь, здѣсь.

— Ну, такъ хозяинъ приказалъ, чтобъ звать его завтра къ себѣ на чашку чаю. Только чтобъ со всей требухой и банками, гдѣ у него духи понасажены... Почемъ онъ ходитъ по домамъ-то? Столы у насъ свои есть. Верти сколько хочешь... Ломоваго не потребуется, чтобъ везти.

— Да беретъ, съ кого какъ...

— Съ кого какъ!.. Ты тѣнь-то не наводи, а говори толкомъ! Нашъ хозяинъ хоть и именитый купецъ, а дорого не дастъ, потому привыкъ копѣйку къ копѣйкѣ гвоздемъ приколачивать. Брюхомъ этотъ англичанинъ у насъ можетъ вынести сколько хочетъ. У насъ для гостей ужинъ сытный и водки пей въ волю. Пару красненькихъ довольно будетъ?

— А ужъ это надо будетъ у него у самаго спросить. Подымись на верхъ.

Швейцаръ сказываетъ номеръ, въ которомъ остановился мистеръ Слэдъ. Молодецъ колеблется.

— А не страшно?—спрашиваетъ онъ. —Черти эти самые у него изъ банокъ-то не выпущены!

— Какіе черти! Чертей у него нѣтъ!

— Толкуй слѣпой съ подлѣкаремъ! Постомъ и бдѣніемъ, что-ли, онъ, по твоему, до колдовства-то дошелъ?

— Иди смѣло! Цѣлъ останешься. Никто тебя пальцемъ не тронетъ.

— То-то. А то поврежденіе въ ликѣ получишь или вывихъ, такъ, вѣдь, намъ хозяинъ за это ни копѣйки не заплатитъ.

Молодецъ крестится и взбирается по лѣстницѣ во второй этажъ. Въ корридорѣ онъ встрѣчаетъ горничную съ ведромъ воды.

— Послушайте, умница! Гдѣ у васъ тутъ аглицкій столовѣръ стоитъ?—окликаетъ онъ горничную.

Опять та-же исторія, что и внизу у швейцара. Горничная не можетъ понять, про кого у нея спрашиваютъ.

— Да вотъ что съ того свѣта покойниковъ-то грамотныхъ къ себѣ подъ столъ вызываетъ,—поясняетъ молодецъ.

— Ахъ, это вы про англичанина Слэда? Есть, есть такой... Вонъ тотъ корридорный вамъ укажетъ.

Горничная продолжаетъ путь.

— Умница, а, умница, на пару словъ!—кричитъ ей вслѣдъ молодецъ, и остановивъ ее, спрашиваетъ:—А правда, что онъ, какъ столъ вертѣть начнетъ, сейчасъ всю дамскую націю, что около сидятъ, за голыя колѣнки хватаетъ?

— Нѣтъ-съ, они даже очень учливы изъ себя и все въ задумчивости и даже совсѣмъ на нашу сестру никакого вниманія не обращаетъ,—отвѣчаетъ горничная.

— То-то. А то у насъ на Калашниковой пристани народъ сердитый и во хмѣлю буйный: какъ что, ежели на счетъ ихъ женъ покушеніе — сейчасъ въ ухо и всѣ позвонки обломаютъ. Мерси вамъ...

Молодецъ раскланялся передъ горничной и закричалъ: «корридорный! корридорный!».

— Чего орешь! — откликается, выходя изъ номера, корридорный служитель.

— Не ору, а за дѣломъ пришелъ. Вольно вамъ зеньки-то свои заспать на господскихъ кроватяхъ. Вотъ что, землякъ: ты ярославскій будешь?

— Нѣтъ, тверской.

— Ну, и чудесно? А мы ярославскіе, Углицкаго уѣзда. Скажи пожалуста, говорятъ, тутъ у васъ англичанинъ объявился, что съ нечистой силой знакомъ?

— Есть. Мистеръ Слэдъ прозывается. Спиритъ.

— Ну, вотъ его-то намъ и надо съ потрохами вмѣстѣ. Вотъ, видишь-ли, мы съ Калашниковой пристани и хозяинъ у насъ ту жилу тянетъ, чтобъ модѣ подражать, ну, а теперь такой скусъ въ графскихъ домахъ показался, чтобъ вашего англичанина смотрѣть. Изъ-за этой-то моды хозяинъ меня и прислалъ сюда. Тоже хочетъ его попоить и покормить и чтобъ столоверченіе!... Понялъ?

— Еще-бы не понять! На сеансъ его пришелъ просить.

— Какой сеансъ! Никакаго сеанса у насъ не будетъ, а просто соберутся хозяйскіе зятья на кормешку съ пьянствомъ и чтобъ этого вашего англичанина посмотрѣть. Вѣдь, онъ у васъ, говорятъ, всякаго человѣка на воздусяхъ вмѣстѣ со стуломъ подымаетъ.

— Вѣрно. Меня подымалъ. Дивомъ, братецъ ты мой, надо дивоваться!—восторгается корридорный.

— Ну, вотъ. А хозяинъ у насъ восемь пудовъ два фунта вѣсомъ. На обыкновенной линейкѣ его и извощикъ не везетъ. Такого грузнаго купца поискать, да поискать. Страхъ какъ здоровъ. Въ банѣ ему ежели одинъ парильщикъ, то ни въ жизнь шкуры не протретъ, а завсегда двое надъ нимъ мочалкой орудуютъ. Такъ вотъ нашъ хозяинъ и говоритъ: «ежели, говоритъ, онъ меня одной ногой на воздусяхъ подыметъ, тогда за такое чудо я въ него въ туже минуту увѣрую». Такъ вотъ англичанина мнѣ этого самого видѣть нужно, чтобъ на чашку чаю...

— Можно. Пойдемъ, я тебя къ нему сведу.

Молодецъ, видимо, робѣетъ, однако, идетъ за корридорнымъ.

— А безъ опаски можно идти? Черти-то, эти самые, можетъ, на волѣ у него по комнатѣ скачутъ?

— Никакихъ у него чертей нѣтъ, а только сказываютъ, что духи ему помогаютъ,—поясняетъ корридорный.

— Ну, что духъ, что чортъ — одна сила! Зеленыя у нихъ хари у духовъ-то?

— Духовъ не видать, а только запахъ легкій, какъ-бы креозотомъ, вотъ что зубы полощатъ...

— Ну, ладно. Только ты первый входи въ комнату, а я за тобой...

— Ты подожди въ корридорѣ, а я пойду и спрошу. Еще дома-ли онъ!

Коридорный входитъ въ комнату, а молодецъ, оставшись одинъ, опять крестится и творитъ молитву. Черезъ нѣсколько времеии корридорный выходитъ.

— Дома его нѣтъ, говоритъ онъ. — Да на этой недѣлѣ ему и не слободно. Всѣ вечера у него заняты.

Молодецъ чешетъ затылокъ.

— Скажи на милость! Вотъ незадача-то! А хозяинъ такъ полагалъ, чтобъ завтра этого англичанина кормить, а на утро послѣ него домъ святить, потому ужъ у насъ и попъ на молебенъ приглашенъ. Ну, дѣлать нечего. Прощенья просимъ, землякъ! — заканчиваетъ онъ и сходитъ внизъ по лѣстницѣ.

Входъ безплатный.

Воскресный вечеръ. Къ увеселительному заведенію «Ливадія», что въ Новой деревнѣ, подъѣзжаютъ на лихачахъ и «собственныхъ» купцы съ женами, веселыя компаніи на тройкахъ, чиновники Петербургской стороны на «ванькахъ». Всѣхъ манитъ музыкальный вечеръ и «входъ безплатный».

Вотъ пара купеческихъ молодыхъ новоженовъ средней руки входитъ въ подъѣздъ.

— У васъ входъ безплатный?—спрашиваетъ супругъ.

— Безплатный-съ. Пожалуйте, — отвѣчаетъ швейцаръ. — Извольте раздѣваться. За храненіе платья позвольте.

— Сколько?

— По желанію, десять копѣекъ со штуки, только и на нашу команду что нибудь... Иные господа и по полтинѣ даютъ.

Купецъ суетъ ему сорокъ копѣекъ.

— За храненіе калошъ что-нибудь позвольте,—пристаетъ другой швейцаръ.—Я ихъ подъ нумерокъ поставилъ.

— Какъ и за колоши?—восклицаетъ купецъ и даетъ еще двугривенный.—Жирненько!

— Помилуйте, у насъ входъ безплатный,—поясняютъ ему.

Въ буфетной комнатѣ новожены встрѣчаются съ компаніей купцовъ, находящихся уже «на первомъ взводѣ».

— Ивану Степанычу! Какими судьбами? Вотъ вѣтеръ-то попутный дулъ!—восклицаютъ они.

— Тихону Гаврилычу! Прохору Михайлычу почтеніе!—раскланивается новоженъ.—А, и Иванъ Иванычъ здѣсь! Да что, братцы, дѣйствительно, что попутный вѣтеръ дулъ, а жена парусомъ салопъ разставляла. Поѣхали это въ Александринскій театръ, да барышникъ за пару креселъ семерикъ цѣлковыхъ просилъ. «Ну, думаю, на яму не напасешься хламу, семъ-ко мы въ «Ливадію» катнемъ, тамъ входъ безплатный». Сторговалъ желтоглазаго за пару цѣлковыхъ взадъ-назадъ, да и сюда. Все-таки дешевле. Вотъ, думаю, чайку напиться. Это супруга моя.

— Оченно пріятно. Слышали, что сочетался!—загалдила компанія.—По рюмочкѣ? А вамъ, сударыня, ванельнаго ликерцу съ мороженымъ. Съ дорожки оно хорошо.

— Самъ-то я, пожалуй, и дербалызну собачку, а жена, Богъ съ ней! Да и простудится съ мороженаго-то.

— Ежели во славу Божію—ни въ жизнь! Зачѣмъ простужаться?.. А то такъ въ такомъ разѣ чашку щиколаду...

Новоженъ въ сопровожденіи компаніи подошелъ къ буфету и «глотнулъ».

— За что такъ дорого?—спросилъ расплачивающійся.

— Да, вѣдь, вы хересовыя рюмки изволили купать.—отвѣчаетъ буфетчикъ.—Помилуйте, у насъ входъ безплатный.

— Съ горъ покататься изволили пріѣхать, сударыня?—обращается одинъ изъ купцовъ къ супругѣ новожена.

— Съ горъ я пужаюсь,—отвѣчаетъ та.

— Ничего тутъ страшнаго нѣтъ. Мы васъ на двухъ-спальныхъ саняхъ скатимъ. Чудесно! Съ градомъ выдетъ!

— А вотъ прежде чайкомъ побалуемся и теплую сырость въ животѣ разведемъ, а тамъ видно будетъ,—замѣчаетъ супругъ и въ сопровожденіи компаніи направляется въ залу.

Въ залѣ на эстрадѣ играетъ женскій оркестръ, то тамъ, то сямъ бродятъ тирольцы въ чулкахъ, натянутыхъ на крупныя икры, жирныя тирольки въ шляпахъ, надѣтыхъ на бекрень. Какой-то пьяненькій танцуетъ подъ музыку около стола, заставленнаго пивомъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего выливъ изъ стакана въ шапку пиво, надѣваетъ ее себѣ на голову. Хохотъ. Фыркаютъ даже музыкантши женскаго оркестра на эстрадѣ. Его выводятъ.

— Съ чего это онъ? Бѣлены, что-ли, объѣлся?—спрашиваетъ жена.

— А, надо полагать, приказчикъ. Спулилъ хозяйскія деньги, ну, и радъ,—отвѣчаетъ мужъ.

— Это дѣйствительно,—замѣчаетъ кто-то изъ компаніи.—На даровыя-то деньги у насъ одинъ молодецъ патокой помадился.

Компанія садится за столъ и требуетъ чайку

— Дамамъ-то, кажись, не подходитъ на скрипицахъ играть?—киваетъ купецъ на эстраду.—Вонъ и контрабасъ!

— А что?

— Да такъ. Что на колокольню ходить, что на вышку дилижанса лѣзть, что на скрипкахъ играть—насчетъ дамъ всегда было запрещеніе. На то фортупьяны есть. Видѣлъ я, какъ бабы и на трубахъ солдатскихъ играютъ, а только не модель?

— Тирольцы вѣдь это изъ нѣмцевъ?—спрашиваетъ жена мужа.

— Изъ нѣмцевъ, только порченые, такъ какъ у нихъ во время пѣнія въ горлѣ переливается. Вотъ ужо услышишь.

Разговоръ плохо клеится, чай пьется плохо. Требуютъ коньяку. Является оживленіе. Кто-то уже начинаетъ подпѣвать тирольцамъ. Лица краснѣютъ.

— Ну, теперь съ горъ. Молодецъ, сочти-ко счетъ! Сколько съ насъ? Причти и чашку шеколаду.

Лакей сказываетъ такую цифру, что купцы приходятъ въ ужасъ.

— За что? Почемъ у васъ чай-то?

— По тридцати копѣекъ съ человѣка. Коньякъ, рюмка ликеру, чашка шеколаду...

— Однако грабите!

— Помилуйте, сударь, у насъ входъ безплатный,—отвѣчаетъ лакей, и принявъ двугривенный на чай, подбрасываетъ его на рукѣ, косясь въ то-же время на купцовъ: «дескать маловато».

Компанія идетъ обозрѣвать зимній садъ. Тамъ играетъ военный оркестръ музыки. Помѣщеніе маленькое, а потому выходитъ такъ громко, что даже разговору не слыхать. Впрочемъ, нашлись охотники, которые усѣлись какъ разъ противъ музыкантовъ и смотрятъ имъ прямо въ рты.

— Что, хорошо? — спрашиваетъ мужъ жену.—Я вотъ эдакую музыку смерть люблю, по крайности, за жилы и за сердце хватаетъ!—кричитъ онъ ей на ухо.

Отправились къ ледянымъ горамъ. Рѣшились скатиться въ дилижансѣ, «чтобъ всѣмъ вкупѣ».

— Ни за что на свѣтѣ! — отказывается жена. — Я смерть пужаюсь!

— Дура! Чего тутъ пужаться? А ты вотъ что: какъ сядешь—перекрестись, а поѣдешь—молитву твори,—учитъ ее супругъ.

— Вы въ насъ ручками-то вцѣпитесь,—совѣтуютъ купцы:—

и какъ что — сейчасъ и падайте на насъ. Мы мягкіе, выдержимъ безъ ушибу!

— Въ такомъ разѣ я согласна.

Съѣхали разъ, два, три и такъ далѣе. Дама визжала и хваталась за что ни попало, такъ-что одному купцу исцарапала носъ. Новоженъ началъ расплачиваться у будки. Содержатель горъ сбилъ его съ толку и требовалъ вмѣсто шести разъ катанья за восемь. Купецъ ругался.

— Помилуйте, стоитъ-ли изъ-за лишнихъ шести гривенъ торговаться! — утѣшалъ его содержатель горъ.—И такъ ужъ у насъ входъ безплатный.

— На чаекъ-бы съ вашей милости! — приставали къ нему катальщики.—Мы тоже дилижансъ носили.

Новоженъ далъ двугривенный.

— Помилуйте, насъ четверо. Тутъ и облизнуться нечѣмъ. И такъ ужъ у насъ входъ безплатный!

Купецъ плюнулъ и заторопилъ жену домой.

— Дома и щецъ похлебаемъ и все эдакое, — шепталъ онъ ей на ухо.—А здѣсь ограбятъ. И такъ ужъ больше семи цѣлковыхъ вышло.

— На чаекъ, сударь, пожалуйте! — кланялся у воротъ «ундеръ».

— За что?

— Какъ за что? Я съ вашей милости снѣгъ давеча отряхалъ. И такъ ужъ у насъ входъ безплатный.

— Иванъ изъ Разъѣзжей улицы! Иванъ!—кричалъ купецъ своего извозчика, но тотъ не являлся.

Черезъ нѣсколько времени его привелъ какой-то мужикъ. Ругаясь, купецъ сѣлъ. Мужикъ снялъ шапку.

— На чаекъ-бы съ вашей милости. Мы дворники здѣшніе. И такъ ужъ у насъ, сударь входъ безплатный!

— Ахъ, вы грабители, грабители! — вышелъ изъ терпѣнія купецъ и хлестнулъ мужика въ ухо.

— Городовой! Городовой!—заоралъ мужикъ и схватилъ подъ узцы лошадь.

Купца повели составлять протоколъ. Жена плакала.

— Вотъ тебѣ и входъ безплатный!—твердилъ купецъ, ощупывая бумажникъ и намѣреваясь мириться съ мужикомъ.

Тифъ.

Въ Ямской на извозчичьемъ дворѣ разболѣлся «хозяйскій братъ», ѣздившій въ «лихачской закладкѣ». Работники его и въ баню водили, и солью съ саломъ терли — все горитъ. Хозяинъ хотѣлъ за докторомъ послать въ часть, «братъ», узнавъ, застоналъ и просилъ не губить его. Пригласили старуху свѣдущую. Та спрыснула его съ угля, помяла ему животъ, отрѣзала у его рубашки клинъ, сожгла этотъ клинъ въ печи, взяла два двугривенныхъ и ушла, объявивъ, что у хозяйскаго брата «нутро попорчено». Хозяйскій братъ впалъ въ безпамятство, бредилъ. Позвали коновала. Про него ходила такая слава, что онъ хоть и коновалъ, а одного генерала отъ сухотки вылѣчилъ. Коновалъ пришелъ на извозчичью квартиру. Больной лежалъ на нарахъ и стоналъ.

— Можешь?—спросилъ его хозяинъ.

— Могу. И не такихъ пользовали, — важно отвѣчалъ коновалъ.

— Сколько возьмешь?

— Я только за скота беру, а за человѣка ни Боже милостивый! Мнѣ такое заклятіе дано, чтобъ денегъ не брать. Вотъ ежели хорошее угощеніе, то и квиты. Ставь на столъ-то... Вотъ мы потолкуемъ.

— Да ты посмотри хвораго-то. Вѣдь горитъ весь.

— Я не смотря лѣчу. Это только ученые доктора человѣка щупаютъ, а мы такъ... А что горитъ,—такъ просто разгасился.

Коновалъ сѣлъ за столъ и задумался. Поставили полштофъ водки, соленыхъ огурцовъ; стряпуха начала вздувать самоваръ. Хозяинъ послалъ сынишку въ лавку за семгой. Въ комнатѣ стояли бабы и мужики, пришедшіе со двора, и смотрѣли на коновала. Тотъ выпилъ и началъ, обращаясь къ хозяину:

— Ты говоришь горитъ—это, значитъ, онъ расгасился; бредъ—это семь сестеръ лихоманокъ его мучаютъ. Ужо я расщеплю полѣно и волосы его тамъ ущемлю. Потомъ полѣно сжечь. Три волоса мнѣ отъ него нужно.

Находившійся тутъ-же какой-то парень тотчасъ-же вскочилъ на полати и вырвалъ у больного прядь волосъ. Больной застоналъ. Парень положилъ прядь волосъ передъ коноваломъ.

Хозяинъ разводилъ руками.

— Въ больницу-бы его свезти, да жалко. Вѣдь единоутробный братъ тоже,—говорилъ онъ.

Коновалъ махнулъ рукой и опять выпилъ.

— Кака больница! Тамъ сейчасъ испортятъ, потому какъ привезутъ—сейчасъ въ кипятокъ сажаютъ, чтобы суставы ослабить, а потомъ льдомъ трутъ. Надо вотъ что: надо три дуги вмѣстѣ связать и животъ ему тереть,—прибавилъ онъ.

— Легковыя дуги, или отъ ломовыхъ?..—спросилъ хозяинъ.

— Все равно хоть отъ легковыхъ, да тереть крѣпче. Стонать будетъ—не уважать ему и все тереть.

— Не ѣстъ, вѣдь, ничего четвертый день. Совсѣмъ на ѣду не тянетъ,—заявилъ кто-то.

— А вы силкомъ кормите. Натрите рѣдьки, перемѣшайте съ толокномъ и кормите рѣдькой.

— Пьетъ—такъ ужасти подобно! Словно у него внутрѣ-то пожаръ.

— Пусть пьетъ. Ежели четвертную въ день квасу выпьетъ и то давайте. Квасъ кишки промываетъ. Я въ одного купца такъ по двадцати бутылокъ кислыхъ щей всаживалъ, да еще ялапный корень примѣшивалъ.

— Можетъ и ему кислыхъ-то щей лучше, чѣмъ квасу.

— Нѣтъ, квасомъ поите. У купца была поперечная жила испорчена, а у вашего она цѣла.

— Да, вѣдь, ты не видалъ, Терентій Сидорычъ. Можетъ, и хозяйскій братъ давно ужъ безъ поперечной жилы,—осмѣлился замѣтить какой-то скептикъ.

Коновалъ нахмурилъ брови.

— Не видалъ!—передразнилъ онъ.—Я и такъ знаю. Видавши-то лѣчить нѣтъ мудрости. Это и ученые доктора могутъ. А ты не видавши полѣчи..

— Сыпь у него по тѣлу пошла, какъ-бы пятна...—разсказывалъ хозяинъ.

— Это лучше, это значитъ—болѣзнь наружу выходитъ.

— Снадобья никакого не дашь?

— Нѣтъ, не дамъ. Вѣдь, ногами онъ дрыгаетъ?

— Ужасти какъ дрыгаетъ. Ночью даже съ полатей спрыгнулъ.

— Ну, значитъ, низы всѣ цѣлы, а только полъ-человѣка болѣзнь взяла. Вотъ ежели-бы ноги не дрыгали... Дай ему плошку чернаго масла и шабашъ!

Каковалъ хватилъ уже стаканчика четыре, охмѣлѣлъ и совсѣмъ заврался.

— Галку, либо ворону надо убить, да потомъ возьми и приколоти ее гвоздемъ за крылья на ворота,—совѣтовалъ онъ.

— Это зачѣмъ-же?

— Чтобъ болѣзнь пугать. Болѣзнь мертвой птицы смерть боится. Да вотъ что: не сидитъ-ли въ немъ анафема за родительское проклятіе? Можетъ, родители какъ-нибудь съ-горяча прокляли?

— Нѣтъ, наши родители смирные были,—отвѣчалъ хозяинъ.—Да и онъ сынъ почтительный. Женили его въ деревнѣ, такъ тятенька какъ его за волосья таскалъ изъ-за тѣлогрѣйки, а онъ даже и не отбивался.

— То-то. А ежели анафема въ немъ сидитъ, такъ ту можжевельникомъ выкуривать надо и на вино...

Коновалъ всталъ и направился къ выходу.

— А чайку-то?—предложилъ ему хозяинъ.

— Нѣ... Что брюхо парить! Я водкой разогрѣлся. Вотъ семушки кусочекъ я съ собой возьму.

— А кровь ему не пустишь? Можетъ, у него дрянь наружу просится?

— Нѣтъ, что зря-то пускать! Еще притянутъ чего добраго. Нынче все строгости пошли.

Коновалъ и хозяинъ вышли на дворъ.

— Ну, прощай! Спасибо тебѣ!—говорилъ хозяинъ и началъ повторять на память рецептъ:—три дуги связать... галку... квасъ да рѣдьку съ толокномъ. Послушай, Терентій Сидорычъ, нынче все вотъ о какомъ-то тифѣ толкуютъ? Не тифъ-ли у него?

— Тифъ и есть. А ты думалъ что?

— Ой! А не опасно для насъ-то? Говорятъ, зараза эта и пристать можетъ?

— Пустое! Это все ученые доктора толкуютъ. Да вотъ что... Ежели ужъ сумнѣніе вышло, то вотъ что дѣлайте...

Коновалъ задумался и началъ чесать затылокъ. Извозчичій хозяинъ напрягъ вниманіе.

— Вотъ что...—продолжалъ онъ.—Повѣсьте въ горницѣ чеснокъ и кринку съ дегтемъ, а носы свои отварной водой смачивайте. Вотъ и все. Прощай!

Коновалъ заложилъ руки за спину и важно пошелъ по двору за ворота.

ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Квартира богатаго купца-рыночника. Вечеръ «прощенаго воскресенья». Чады и домочадцы уже отужинали. Вездѣ горятъ лампады. Пахнетъ деревяннымъ масломъ. Въ кухнѣ кухарка выжигаетъ сковороды отъ скороми, паритъ горшки калеными камнями. Многочисленные молодцы-приказчики одинъ за другимъ являются домой съ гулянки и проходятъ черезъ кухню въ молодцовскую, придерживаясь за стѣну. Есть хмѣльные, есть и совсѣмъ пьяные. Нѣкоторыхъ приводятъ дворники.

— Вашъ, что-ли?—спрашиваютъ дворники, протискавъ въ двери кухни пьянаго молодаго парня и прислонивъ его къ стѣнкѣ.

— Нашъ, нашъ,—отвѣчаетъ кухарка.

— А что-же онъ къ мѣняламъ Потаповымъ въ квартиру лѣзъ? Шумъ на лѣстницѣ поднялъ.

— О, Господи! Да не видишь развѣ, что хмѣльной человѣкъ! Вѣдь, хмѣльной человѣкъ все равно что муха, во всякое мѣсто лѣзетъ.

— Ну, такъ и получайте! То-то мы глядимъ, что тамъ, кажись, все безбородые и бабьеголосаго согласія, а этотъ съ бородой и голосъ что твоя труба. Тамъ онъ у воротъ два двугрпвенныхъ за извозчика не отдалъ.

— Заплатите изъ своихъ. Завтра онъ отдастъ вамъ и на чай прожертвуетъ. Гдѣ-жъ ему теперь! Можетъ и обобрали всего.

— Во блаженномъ успеніи... — начинаетъ басить пьяный.

— Тише ты, полуумный! — обрываетъ его кухарка. — Хозяинъ дома. Проходи скорѣй въ молодцовскую!

Молодецъ трогается съ мѣста, но тотчасъ-же падаетъ на четверинки. Изъ комнаты въ кухню заглядываютъ молодцы.

— Батюшки, Алексѣй-то нашъ какъ напузырился! — громкимъ шопотомъ восклицаютъ они. — Совсѣмъ до радужной кобылы дошелъ!..—и ведутъ его въ молодцовскую, отдавъ дворникамъ слѣдуемыя деньги съ присовокупленіемъ на чай.

Въ молодцовской горитъ стеариновый огарокъ и лампа. Молодцы сбираются «прощаться» съ хозяиномъ. Нѣкоторые, кто потрезвѣе, жуютъ сухой чай и кофеинки, стараясь заглушить винный запахъ изъ рта. Идетъ сдержанный разговоръ тѣмъ-же полушепотомъ. Только пьяные время-отъ-времени дѣлаютъ возгласы.

— Федоръ Ивановъ полъ-дюжины пива подъ меня, а я ему лимонадъ съ коньякомъ; Васька, бутылку мадеры, а я пару портеру! Ну, и вышла кислота! Васька-то, поди, теперь въ части. Два раза его спасали, а онъ самъ городовому въ руки отдался. Подходитъ къ нему, да и говоритъ: «ахъ, ты фараоново начальство!» Ну, тотъ и не стерпѣлъ!

— Однако, господа, пора ужъ и съ хозянномъ идти проститься,—замѣчаетъ старшій приказчикъ. — Нужно прощеное-то воскресенье справить.

— Хозяину-то я, пожалуй, и поклонюсь, а хозяйской сестрѣ—ни въ жизнь! Ну, ее къ вѣдьмѣ на рога!—говоритъ кто-то.—Что ни день, то интрига! Вчера я мальчишку за виномъ вечеромъ посылалъ—ужъ извѣстно, все передала самому.

— Плюнь, Гаврило! Стоитъ-ли канифоль въ такой день заводить!—останавливаютъ его. —Старуха ехидная, опять что-нибудь выйдетъ. Ну, ее къ чортовой матери! Поклонись. Мы всѣ кланяться будемъ.

— А зачѣмъ она вчера вмѣсто сахару кусокъ стеарину мнѣ къ чаю подсунула? Я, вѣдь съ-горяча-то чуть не съѣлъ его. Какъ эта интрига называется? Пожалуй, поклонюсь кивкомъ, а въ ноги—ни за что на свѣтѣ!

— А я такъ вотъ что сдѣлаю,—разсказываетъ кто-то.—Я поклониться—поклонюсь ей въ ноги, пусть хозяинъ видитъ, а лежа возьму, да фигу и покажу.

— Ахъ, господа! Вотъ кралечку-то я сегодня въ Пассажѣ встрѣтилъ!—снова раздается чей-то возгласъ.

— Пойдемте, ребята, поклонимтесь хозяевамъ-то! Они ужъ ждутъ, поди!—настаиваетъ старшій приказчикъ.

Начинаютъ приготовляться. Нѣкоторые смотрятся въ зер-

кало и пялятъ глаза, стараясь ихъ сдѣлать трезвыми, нѣкоторые умываются. Пьяный бурлитъ и тоже хочетъ идти.

— Никому въ ноги, окромя хозяйской дочери Варвары Парамоновны!—говоритъ онъ.

— Почистите, ребята, ему хоть сюртукъ-то! Вѣдь, онъ словно боровъ! Вонъ у него и раковая скорлупа въ волосахъ.

Является мальчикъ и начинаетъ «чистить» приказчика. Тотъ старается словить его за вихоръ.

Въ гостинной собралось хозяйское семейство и, дѣйствительно, ждетъ молодцовъ съ «прощеными поклонами». *Самъ* въ халатѣ, и сидя на диванѣ, перелистываетъ псалтирь, время-отъ-времени дѣлая возгласы. «Сама» въ блузѣ держится за грудь и икаетъ. Хозяйская сестра тутъ-же вяжетъ чулокъ. Старшая дочка въ какомъ-то томленіи вынимаетъ изъ кармана баранки и жуетъ ихъ. Маленькій хозяйскій сынишка играетъ съ котомъ.

— Папенька, и мнѣ молодцы будутъ въ ноги кланяться?—интересуется онъ.

— И тебѣ поклонятся... По-христіански, какъ слѣдуетъ,—отвѣчаетъ отецъ и дѣлаетъ возгласъ: «Зубы грѣшниковъ сокрушу»!..

Входятъ молодцы одинъ за другимъ и крестятся на образъ. Пьяный Алексѣй съ ними-же и держится за спины товарищей. Хозяинъ встаетъ съ мѣста.

— Ну, что, проститься пришли?—спрашиваетъ онъ, поглаживая бороду.

— Точно такъ-съ. Простите насъ грѣшныхъ, Парамонъ Иванычъ! Чѣмъ согрѣшили, прогнѣвали...—отвѣчаютъ хоромъ молодцы и кланяются въ ноги.

— Простите и меня грѣшнаго, окаяннаго!

Хозяинъ, въ свою очередь, кланяется въ поясъ, касаясь рукой до пола.

— Ведите себя по-христіански, какъ подобаетъ, — продолжаетъ онъ. — Не пьянствуйте, не буянствуйте, поститесь постомъ пріятнымъ, потому аще...

— Аминь!—взвизгиваетъ ни съ того, ни съ сего старшій сынишка, стоящій около отца.

Тотъ даетъ ему подзатыльника. Кто-то фыркаетъ. Рѣчь перебита и прекратилась на словѣ «аще». Молодцы поднялись, а пьяный Алексѣй все еще лежалъ на полу и барахтался.

— Что съ нимъ?

— Виномъ маленько ошибшись... захмѣлѣлъ. Извѣстно—масляница!..

— Ну, подымите его, скота! завтра я съ нимъ поговорю... Сегодня не такой день.

Приказчики подымаютъ Алексѣя и держатъ его подъ руки. Идетъ поклоненіе другимъ членамъ семейства. Дѣло доходитъ до старшей хозяйской дочки. Та незамѣтно убѣгаетъ изъ гостинной.

Про сынишку забыли.

— А мнѣ-то что-же?.. обидчиво спрашиваетъ онъ.

Приказчики мнутся.

— Гдѣ Варвара!—спрашиваетъ хозяинъ про дочь.—Варвара!

Та показывается въ дверяхъ. Приказчики ей отвѣшиваютъ земной поклонъ.

— Простите и вы насъ грѣшныхъ, Гаврило Парамонычъ,—обращаются они къ хозяйскому сынишкѣ.

Тотъ сейчасъ-же отвѣчаетъ земнымъ поклономъ и стучитъ о полъ лбомъ.

Скрипя сапогами, приказчики уходятъ изъ гостиной. Алексѣя ведутъ подъ руки. Кто-то фыркаетъ.

— А вѣдь я, братцы, хозяйской-то сестрѣ, ей-ей, кукишъ показалъ!—раздается шопотъ.

ЗАРАЗА.

Купецъ Терентій Тихонычъ Обложкинъ только-что пришелъ изъ лавки обѣдать, снялъ съ себя сюртукъ, надѣлъ засаленный халатъ съ прорваннымъ задомъ и сѣлъ за столъ. Онъ былъ мраченъ.

— Что съ тобой?—спросила его жена.

— А то, что народъ въ Питерѣ валитъ почище еще чѣмъ на войнѣ валило—вотъ что!—отвѣчалъ онъ.—Кругомъ зараза! Сегодня вонъ въ «Голосѣ» семнадцать покойниковъ публикацію дѣлаютъ, Сидоръ Захаровъ умеръ. Взялъ передъ смертью на триста рублей товару и умеръ. Теперь ищи съ него!

Терентій Тихонычъ задумался и чертилъ ложкой по скатерти вавилоны.

— Какъ только «Голосъ» въ руки — сейчасъ пятнадцать покойниковъ...—продолжалъ онъ.

— Зачѣмъ ты газеты-то читаешь? Только на себя сумнѣніе наводишь.

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь, я не тварь безчувственная, чтобъ мнѣ современность не соблюдать. Пришелъ въ трактиръ чай пить, взялъ газету и думалъ путное что-нибудь прочесть, а наткнулся на покойниковъ.

— А ты путное-то читай, а отъ покойниковъ-то отворачивайся.

— Дура! Нешто можно отъ нихъ отворотиться, коли они въ черныхъ рамкахъ понаставлены! Сами въ глаза бьютъ.

Жена поставила передъ нимъ графинъ водки.

— Убери. Не стану... Баста!—отстранилъ онъ графинъ.— Съ завтрашняго дня дезинфекцію вмѣсто водки будемъ пить.

— Какую такую дезинфекцію?—спросила она.

— А вотъ увидишь, какъ изъ аптеки принесутъ. Пошлю на рубль серебра и буду по рюмкѣ пить. Отъ тифа это.

— Да, вѣдь, ты здоровъ.

— Теперь здоровъ, а это для переду. Сунется онъ, понюхаетъ, что отъ человѣка изъ рта дезинфекціей пахнетъ, ну, и въ сторону! Онъ ее смерть не любитъ.

— Кто онъ-то?—недоумѣвала жена.

— Ахъ, Господи! Да тифъ. Что у тебя за безпонятливость! Словно тебя кто гирей по теменю стукнулъ! Вѣдь, онъ теперь въ незримомъ видѣ по воздуху носится. Наскочитъ на человѣка, ну, и шабашъ! Вотъ, можетъ, ужъ у тебя надъ головою вьется.

— О! Господи, наше мѣсто свято! Что это ты толкуешь!—воскликнула въ испугѣ жена и перекрестилась.

— Я вотъ и тебя этой самой дезинфекціей поить буду.

— Ну, ужъ это дудки, чтобъ я незнаемую вещь по постамъ пила! Можетъ, она эта самая дезинфекція скоромная? Можетъ, она хуже мяса?

Мужъ ударилъ по столу кулакомъ.

— Не дразни меня, а то силкомъ поить буду!—крикнулъ онъ.—Велю молодцамъ тебя держать, а самъ буду въ горло вливать, потому мнѣ изъ за тебя околѣвать нечего. Безъ дезинфекціи этой ты тифомъ заразишься, заразишь и меня. Это одно только невѣжество, чтобъ не пить.

Подали щи съ соленой рыбой. Мужъ похлѣбалъ ихъ и тоже отодвинулъ отъ себя тарелку.

— И соленую рыбу съ завтраго надо бросить, — сказалъ онъ.—Квасъ тоже по боку... Капусту къ чорту!

— Ужъ не скоромное-ли стряпать прикажешь?

— А хоть-бы и скоромное? Мнѣ жизнь-то не надоѣла. Подгоню говѣнье къ послѣдней недѣлѣ, а тамъ и покаюсь.

— Ты что хочешь жри, а я и соленую рыбу буду ѣсть, и квасъ, и капусту!—отрѣзала жена.

— Тогда я тебя, окромя того, чтобъ поить, поливать буду этой самой дезинфекціей. Мнѣ, матушка, не особенная пріятность, ежели эти самые міазмы съ тебя на меня переходить будутъ.

— Какія такія міазмы?

— А вотъ что въ соленой рыбѣ сидятъ. Будешь ты соле-

ную рыбу ѣсть, заведутся они въ тебѣ, а съ тебя и на меня перейдутъ.

— Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ!—всплеснула руками жена.

— Я-то не сошелъ... Я свою шкуру берегу, а вотъ ты спятила, коли мужа морить хочешь. Тебѣ умереть ничего, ты на бездѣльномъ положеніи сидишь, у тебя ни кругомъ ни около, а у меня двѣ лавки. Я семью кормлю. Что у васъ тамъ еще настряпано?

Жена заплакала.

— Ну, начались попреки!—сказала она.

Подали грибы съ кислой капустой.

— Въ каждомъ вотъ въ этомъ грибѣ зараза на міазмѣ ѣдетъ и тифомъ погоняетъ,—пробормоталъ мужъ и отвернулся.

— Ври больше!

— Прочти въ газетахъ, что тамъ сказано. Теперича какъ грибъ,—сейчасъ въ немъ незримая міазма съ зеленой головой. Войдетъ въ человѣка, ну и капутъ!

— Не говори глупости! Я ѣсть буду!—крикнула жена.

— А я не дамъ тебѣ ѣсть. Можешь и черезъ баранки съ чаемъ быть сыта. Да вотъ что еще: надо будетъ мнѣ гигіену завести. Теперь кто не хочетъ заразы, долженъ съ гигіеной жить.

— Съ какой-такой гигіеной! Опомнись! Что ты говоришь? Женатый человѣкъ и вдругъ эдакія слова!—слезливымъ голосомъ обратилась къ нему жена.

Мужъ улыбнулся и махнулъ рукой.

— Вотъ дура, такъ дура! — сказалъ онъ. —Да что-же ты гигіену-то за француженку желтоволосую, что-ли приняла? Ахъ вы чернь въ своемъ невѣжествѣ непросвѣщенная! Гигіена — вѣдь это звѣрь лѣсной, а ты на—поди! Помнишь, сѣрая-то?... Въ Зоологическомъ саду въ клѣткѣ сидѣла.... Вотъ кто гигіена.

— Ну, прости. А ужъ я думала, что ты отъ жены бабу на сторонѣ завести хочешь! Зачѣмъ-же тебѣ звѣрь-то, гигіена-то эта самая?

— А затѣмъ, что она міазмами этими самыми питается, отвѣчалъ мужъ. — Поняла? Вотъ купимъ ее на Щукиномъ въ птичьемъ ряду, посадимъ въ клѣтку и поставимъ въ гостиную. И будетъ она у насъ въ клѣткѣ сидѣть да заразу глотать. Какъ незримая міазма по воздуху летитъ, сейчасъ она ее цапъ-

царапъ и съѣстъ. Потому міазма только на человѣка тифъ нагоняетъ, а гигіенѣ этой самой она совсѣмъ не вредитъ и даже большое удовольствіе приноситъ.

Жена покачала головой.

— Что-то ты недѣльное толкуешь, Терентій Тихонычъ? сказала она.

— Недѣльное! передразнилъ ее мужъ. — Прочти въ газетахъ. Тамъ доктора ученые прямо пишутъ: во время тифа, надо безпремѣнно съ гигіеной жить.

— Да вѣдь отъ нея отъ самой пахнуть будетъ. Шутка эдакій звѣрь въ комнатѣ!..

— Ну, молчи! Довольно! Меня и умному-то человѣку не переспорить, не токма что дурѣ! Теперь я лягу спать въ гостинной, а въ пять часовъ разбуди меня къ самовару!—закончилъ онъ, всталъ изъ-за стола и вышелъ изъ комнаты.

Англичанинъ.

Поѣздъ только-что отошелъ отъ петербургской станціи и летитъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву. Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса не особенно многолюдно: нагольный тулупъ съ пестрятинной котомкой и пилой въ чехлѣ, купецъ въ енотовой шубѣ съ тремя подушками и цѣлымъ узломъ провизіи, богомолка съ головой, окутанной черным платкомъ, полупьяная чуйка въ красномъ гарусномъ шарфѣ на шеѣ, гимназистъ съ матерью и нѣкто въ верблюжьяго цвѣта пальто съ рысьимъ воротникомъ, англійской морской фуражкѣ и высокихъ сапогахъ американской тисненой кожи съ изумительно толстыми подошвами. Этотъ нѣкто, расправивъ свои длинныя рыжія бакенбарды, сидитъ отдѣльно отъ всѣхъ въ углу вагона, вытянулъ ноги на противоположную скамейку, и стиснувъ въ зубахъ сигару, внимательно читаетъ какую-то книгу. На него обращено всеобщее вниманіе. Всѣ киваютъ головами, указываютъ другъ другу и шепчутъ: «англичанинъ!» Каждый старается его задѣть чѣмъ-нибудь, но онъ невозмутимъ.

Купецъ развернулъ газету, посмотрѣлъ въ нее, отбросилъ въ сторону и, прищурившись на англичанина, крикнулъ.

— И читать-то противно! До того англичанинъ вредитъ! Кажется, вотъ взялъ-бы и задалъ ему сейчасъ здороваго тумака! Да что, и кулакъ марать не стоитъ!

Тотъ и бровью не повелъ.

— А коли такъ, то по нашему, возьми разложи, да и всыпь ему березовой...— откликнулся нагольный тулупъ.—Не бойсь— прочувствуется!

— Нѣтъ, не прочувствуется! Не то сословіе!—возражаетъ во все горло купецъ.—Англичанинъ что жидъ, а про жида сказано; не бей жида дубиной, а бей полтиной. Эхъ, ежели-бы

мои кредиторы не русскіе были, а изъ англичанъ свой составъ составляли—сейчасъ-бы я обанкрутился. И мнѣ бы было пользительно и ему чувствительно! Вотъ это-бы англичанина проняло.

Всѣ устремили глаза въ уголъ вагона, но сидящій тамъ рыжій бакенбардистъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать книгу.

— Видно, ни слова по-русски не понимаетъ,—послышался шопотъ.

— Обругать хорошенько, такъ пойметъ!—визгливымъ голосомъ вскрикиваетъ чуйка.—Вонъ ихъ братъ на корабляхъ сюда приплываетъ по матрозной части, такъ ругается, что инда за ушами трещитъ! Хлѣба по-русски попросить не можетъ, а ругаться умѣетъ. Видно, ругательство-то это на всѣхъ языкахъ единственный видъ имѣетъ.

У купца мелькнула счастливая мысль.

— Баринъ, а баринъ! - манитъ, онъ гимназиста—Англійскую грамоту знаешь?

— Учусь. И писать, и читать могу,—отвѣчаетъ гимназистъ.

— Ну, и чудесно! А по-англійски ругаться умѣешь?

— У насъ въ учебникахъ никакихъ ругательствъ не напечатано.

— Врешь! Что-нибудь да знаешь. Поди и обругай по-англійски вонъ энтаго рыжаго пса, что въ углу сидитъ. На тебѣ за это пирожокъ съ брусничкой.

Гимназистъ конфузится.

— Не надо. Я и такъ...—бормочетъ онъ, и улыбнувшись, близится къ англичанину.

— Петенька! Не подходи къ нему близко! Ругайся отсюда, а то убьетъ!—кричитъ ему мать.

— Не убьетъ. Мы заступимся,—ободряютъ его хоромъ и купецъ, и тулупъ и чуйка.—Только пусть пальцемъ тронетъ, такъ самого распотрошимъ, что только мокро станетъ.

Гимназистъ садится неподалеку отъ англичанина и начинаетъ на-распѣвъ твердить фразу:

— Енглишъ бой—горшокъ съ дырой... енглишъ бой—горшокъ съ дырой! Ассъ, эссъ!—старается онъ выговорить по-англійски слово «оселъ», но англичанинъ даже и не пошевельнулся.

— Вотъ остолопъ-то! Словно идолъ-истуканъ!—всплеснула руками богомолка.

— Петенька, иди, Бога ради, сюда! Смотри, у него ужъ и глаза кровью налились!—надсаживается мать.

Гимназистъ отходитъ. Въ вагонѣ составляется совѣтъ, какъ пронять англичанина.

— А, можетъ, это и не англичанинъ, а нѣмецъ!—заявляетъ кто-то.

— Англичанинъ!—настаиваетъ купецъ.—Англичанинъ, но только труситъ сцѣпиться; потому насъ много, а онъ одинъ. Я и книгу его видѣлъ—англійская.

— Да ты нешто по-англійски знаешь?

— Не знаю, но буквицу нѣмецкую отъ англійской завсегда отличу. У нѣмцевъ палочками печатаютъ, какъ-бы флюгера, ну, а у англичанъ калачиками, на манеръ растягая.—Знаешь что?—обращается онъ къ полупьяной чуйкѣ.—Подсядь къ нему ты и дай въ брюхо кулакомъ.

Чуйка чешетъ затылокъ.

— А ежели меня онъ по сусаламъ мазнетъ? Вѣдь зубаревыхъ-то дѣтей тогда во рту не досчитаешься. Эво какой, онъ длинный, а вѣдь я изъ мелкихъ, макарьевскаго пригона.

— Ну, полно! Что тебѣ за всякимъ тычкомъ гоняться! Заступимся!—утѣшаютъ его.

— На-ко, выпей прежде для храбрости! Ну, благословись!

Купецъ лѣзетъ въ узелъ и достаетъ бутылку съ стаканчикомъ. Чуйка пьетъ и съ наслажденіемъ сплевываетъ.

— Ну-ко, чтобъ не хромать!

Купецъ наливаетъ еще стаканчикъ. Чуйка плюетъ на руки.

— Господи благослови!—произноситъ она, подходитъ къ англичанину, садится какъ разъ противъ него, около ногъ и начинаетъ ковырять пальцемъ его сапоги.

Англичанинъ не обращаетъ на его дѣйствія никакого вниманія.

— Не робѣй, землякъ, не робѣй!—кричитъ ему купецъ.

Всѣ затаили дыханіе, но вдругъ свистокъ. Поѣздъ начинаетъ убавлять ходъ.

— Хлестни его, хлестни! Сейчасъ остановимся!—подзадориваютъ чуйку со всѣхъ концовъ.

Поѣздъ остановился.

— Станція Колпино!—возглашаетъ кондукторъ.

Въ вагонъ входитъ скунсовая шуба съ сакъ-вояжемъ въ рукахъ, всматривается въ англичанина и восклицаетъ:

— Вакулъ Доримадонтычъ! Воздвиженскій! Другъ! Какими судьбами!

— Очень просто: говѣть въ Новгородъ ѣду,—отвѣчаетъ чисто-русскимъ языкомъ англичанинъ и заключаетъ пріятеля въ свои объятія.

Картина.

НАЕМЪ ГОДОВАГО ДОКТОРА.

Купеческое семейство средней руки. Докторъ, среднихъ лѣтъ мужчина, въ виц-мундирномъ фракѣ и съ казенной сильно поношенной физіономіей, украшенной маленькими бакенбардами въ видѣ колбасокъ, только вышелъ въ гостинную изъ спальной больного. Сзади его слѣдовали гурьбой всѣ члены многочисленнаго семейства. Вышла даже нянька съ ребенкомъ на рукахъ. Всѣ смотрѣли ему прямо въ ротъ и ждали, что скажетъ. Докторъ остановился около стола, задумался, оттопырилъ нижнюю губу, потеръ переносье и сѣлъ писать рецептъ. Въ дверяхъ показалась кухарка, два-три молодца изъ лавки, и не смѣя войдти въ гостинную, тоже съ подобострастіемъ взирали на доктора. Ребенокъ ревѣлъ на рукахъ няньки; та унимала его.

— Ну, молчи! Вотъ сейчасъ отдамъ доктору. Онъ тебя и съѣстъ!

Хозяинъ помѣстился за столомъ, какъ разъ противъ доктора. Ребятишки влѣзли на кресло, сзади доктора, и смотрѣли черезъ плечо его, что онъ пишетъ. Отецъ далъ имъ по подзатыльнику. Визгъ. Докторъ вывелъ какія-то каракули на бумагу и бросилъ перо.

— Да что, и писать не стоитъ! Закатите ему кастороваго масла на двугривенный—вотъ и дѣлу конецъ,—сказалъ онъ про больного.

— Не опасно? Не тифъ у него?—спросилъ отецъ семейства.

— Да, теперь не опасно и не тифъ, но если-бы вы промедлили еще часа два и не послали бы за мной, то былъ-бы и тифъ,—отвѣчалъ докторъ и всталъ съ мѣста.—Ну, прощайте! Завтра я заѣду, а теперь мнѣ некогда: у меня еще семеро тифозныхъ, двѣ родильницы и отнятіе ноги впереди.

Онъ схватилъ шляпу и побѣжалъ въ прихожую. Хозяинъ остановилъ его.

— Докторъ! еще одно слово...

— Не могу-съ. Въ четыре часа у меня раздробленіе черепа у одного статскаго совѣтника. Осколки вынимать надо...— замахалъ руками докторъ.—Впрочемъ, что вамъ? Можетъ, у васъ у самихъ какое-нибудь мѣсто заложило?

— У меня-то не заложило... Только прошу покорно присѣсть. Стоя не разскажешь.

Сѣли.

— Такъ-какъ теперича эта самая тифозная эпидемія въ воздухѣ носится,—началъ хозяинъ: — и даже не доглядишь, какъ она въ питье или въ пищу упадетъ, наконецъ, просто во время сна въ ноздрю залѣзть можетъ...

— Ближе къ дѣлу, господинъ хозяинъ! Ближе къ дѣлу! Меня одинъ заслуженный полковникъ ждетъ. Кишки ему вправлять надо.

— Извольте-съ, коли ужъ такая спѣшка! Что-бы взяли къ примѣру, огуломъ, въ годъ, то-есть, чтобъ ничего у насъ не болѣло и за нутромъ нашимъ слѣдить?... Только ужъ, чтобъ и чадовъ и домочадцевъ...

— Ахъ, вы хотите меня взять годовымъ? Это дѣло другое. Сколько съ васъ взять-то? Народу-то у васъ ужъ очень много. По языку—полтора десятка языковъ, по пульсу—полтора десятка пульсовъ.

— Что дѣлать, коли ужъ столько народили!—развелъ руками хозяинъ.

— Однако, приказчиковъ-то не вы народили, а мнѣ ихъ все-таки щупать придется.

— На счетъ приказчиковъ будьте безъ сумнѣнія. Они у меня народъ твердый. Развѣ пьяные на праздникахъ расшибутся—вотъ вся и болѣзнь ихъ. Теперича на масляницѣ у насъ послѣ трехъ блинныхъ дней у всѣхъ животы заболѣли, а они восемь денъ блины ѣли и ни въ одномъ глазѣ!..

— Такъ-то такъ, но вывихи вправлять и носы разбитые склеивать намъ еще труднѣе, чѣмъ животы чинить. Сейчасъ, поди, у васъ на первомъ планѣ кровь жильную пущать, банки на загривки ставить?

— Это ужъ какъ водится, потому народъ простой и у него

завсегда много всякой дряни въ крови накапливается, ну, она и томитъ, и просится наружу.

— Вотъ видите. Конечно, мнѣ чужой крови не жаль, а все-таки работа и инструментъ портится. Триста рублей въ годъ вамъ будетъ не обидно заплатить?

— Что ты! Что ты! Я думалъ такъ, что половину!—отрѣзалъ хозяинъ.

— Нѣтъ, я вижу намъ долго торговаться! Я по двухрублевкамъ вдвое больше съ васъ натереблю!

Докторъ вскочилъ съ мѣста.

— Постой! Постой! Экой ретивый какой, ваше высокоблагородіе!—остановилъ его хозяинъ. — Коли ежели какая мудреная болѣзнь случится— мы тебя не обидимъ: и лошадкѣ куль овса изъ своего лабаза пришлемъ, и самому конфетной мучки мѣшочекъ—ѣшь на здоровье.

Докторъ задумался.

— Что мнѣ мука! Вотъ ежели бы вы шелковыми товарами торговали, то я бы жену къ вамъ прислалъ. Ну, полно, господинъ купецъ, выворачивай двѣсти рублей за годъ. И такъ ужъ только съ тебя! Зато какой я вамъ декоктъ на водкѣ пропишу — такъ ужъ останетесь довольны! Пейте всѣ по стаканчику и никакой болѣзнью хворать не будете!

— А навѣщать насъ по-скольку разъ въ недѣлю будешь?

— Ну, разъ въ недѣлю, ежели все будетъ обстоять благополучно. Вѣдь вамъ, поди, съ прощупиваніемъ всѣхъ животовъ надо?

— Да ужъ это безпремѣнно, потому изъ за животовъ только и нанимаемъ. Ну, чтобъ и носы наши осмотрѣть. Какъ жаръ—давай прохладительнаго.

— Вотъ видишь, значитъ двѣсти-то рублей будетъ и не много. Не сквалызничай! На пятьдесятъ рублей кого-нибудь надуть—вотъ тебѣ и наверсталъ убытки.

— Возьми сто восемьдесятъ! По крайности буду знать, что по пятнадцати рублевъ въ мѣсяцъ!

— Нельзя. Себѣ дороже!

— Ну, Богъ съ тобой! Давай руку и лѣчи!

Хозяинъ взялъ доктора за руку, и потрясая ее, покрылъ полой своего сюртука.

Обыватель и городовой.

Два-три теплыхъ солнечныхъ денька растопили снѣгъ и совсѣмъ согнали его съ улицъ, оставивъ только густую зловонную грязь, быстро высыхающую на солнцѣ. Посинѣлъ и надулся ледъ на Невѣ, какъ больной въ предсмертной агоніи. То-же сдѣлалось и на каналахъ. Образовались большіе полыньи. На уцѣлѣвшемъ еще льдѣ ярко обозначился накиданый въ разное время мусоръ. Кой гдѣ виднѣются стоптанный опорокъ, голикъ отъ метлы, дохлый котенокъ, обручъ отъ бочки. Спуски на ледъ загорожены досками и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охраняются полиціей.

Вотъ около одного изъ спусковъ на Фонтанкѣ невозмутимо стоитъ городовой, вперивъ тупой взоръ на какую-то одну точку на противоположно лежащемъ домѣ. Къ спуску подходитъ пьяненькій мужиченко въ дырявомъ полушубкѣ на распашку и въ замасленомъ картузѣ съ разорваннымъ козырькомъ. Подошелъ, покосился на городоваго и лѣзетъ черезъ загородку на спускъ.

— Ты куда? Нельзя!—лаконически отрѣзываетъ городовой, не двигаясь съ мѣста.

— Отчего нельзя?.. Господамъ можно, а намъ нельзя!.. ломается мужиченко.

— И господамъ нельзя. Видишь загорожено! Провалиться можешь.

— Анъ вдругъ на счастье и не провалюсь.

Мужиченко уже занесъ ногу.

— Тебѣ говорятъ!—кричитъ на него городовой и отстраняетъ слегка шашкой.

— А почемъ я знаю, что мнѣ?.. Можетъ и не мнѣ... Ты меня за шиворотъ возьми, тогда я и буду знать... А то взялъ,

наградилъ по затылку—вотъ мы и поймемъ, что запрещеніе, а то: нельзя!..

Городовой машетъ рукой. Мужиченко опять лѣзетъ черезъ загородку.

— Опять? Честью тебѣ говорятъ, что провалишься!

— А ты зачѣмъ честью? Ты обругай—ну, мы и будемъ имѣть свое понятіе. Провалишься! Хочешь на пару пива, что не провалюсь? Денегъ, что-ли, у насъ нѣтъ! Деньги есть. Ты какой губерніи?

Мужиченко растопыриваетъ ноги, и смотря въ упоръ на городоваго пьянымъ взоромъ, побрякиваетъ мѣдяками въ карманѣ. Городовой молчитъ.

— Такъ не хочешь вдарить меня по загривку?—пристаетъ къ нему пьяный.

— Иди ты своей дорогой! Мотыга!—вырывается у городоваго.

— Мотыга! Это мы и безъ тебя знаемъ, потому три съ четвертакомъ пропили, а ты хвати меня кулакомъ по становой жилѣ—вотъ я и караулъ закричу.

— Э эхъ!—кряхтитъ городовой, сжавъ зубы, и старается не глядѣть на пьянаго, но тотъ продолжаетъ допекать его.

— Ну, а ежели я тебя фараономъ назову? Вдаришь?—спрашиваетъ пьяный. — Тоже не вдаришь? Чудесно! Какая-же ты послѣ этого полиція? Эфіопъ и больше ничего!

— Что!—возглашаетъ городовой.—Какое ты слово сказалъ?

— Никакого. Вотъ на ту сторону хочу и пойду.

— А я тебѣ говорю, что не пойдешь! Или въ казенное-то тепло очень захотѣлось?

— Намъ, братъ, казенное тепло не страшно, ты насъ имъ не пугай. Мы въ немъ, почитай, послѣ каждаго праздника сидимъ... А ты полосни меня по-уху, попробуй! Обижать-то можно!

Мужиченко плачетъ и отираетъ глаза полой полушубка. Между тѣмъ около мужика и городоваго начинаютъ уже останавливаться прохожіе: баба въ синемъ кафтанѣ съ длинными рукавами, господинъ въ очкахъ и съ портфелемъ, полотеръ со щеткой и ведромъ мастики.

— Чей ты, землякъ?—пристаетъ къ мужику баба.—Съ какого мѣста?

Тотъ молчитъ и уже начинаетъ всхлипывать.

— Что съ нимъ такое? Объ чемъ онъ плачетъ?—интересуется господинъ въ очкахъ.

— Да надо полагать, хмѣльной деньги потерялъ, — даетъ отвѣтъ полотеръ.

— Какое деньги! Просто городовой дерется, — поясняетъ баба.

— А ты видѣла? — возмущается городовой. — Эхъ куричья шерсть! Деревня!

— Объ чемъ ты, любезный? — спрашиваетъ пьянаго господинъ въ очкахъ.

— Ваше-ско... благородіе! Явите Божескую милость, заступитесь! — плачетъ мужикъ. — Теперича генералъ Мухоловцевъ приказалъ, чтобъ къ десяти часамь во фрунтъ! Топку у нихъ чтобъ въ нижнемъ этажѣ поправить, такъ какъ мы, значитъ, печники, ну, а городовой не пущаетъ. Генералъ строгій... Какъ что — сейчасъ: «Микита во фрунтъ!» Ну, и слушай его команду!

— Отчего-же ты не пускаешь его къ исполненію своихъ обязанностей?—обращается къ городовому господинъ въ очкахъ.

— Да кто его, господинъ, не пущаетъ! А онъ хочетъ черезъ ледъ... Ну, а у насъ приказъ, чтобы, по неблагонадежности Фонтанки, препятствовать,—разсказываетъ городовой. — На то и загородка, а онъ лѣзетъ.

— И полѣзу!—кричитъ мужиченко, подбоченившись.—Потому генералъ на этой сторонѣ существуетъ, а я червь супротивъ него и обязанъ слушаться.

— Ну, ты и обойди кругомъ, по мосту.

— Ахъ, ваше боголюбіе! какъ я могу, коли была команда: «Къ десяти часамъ во фрунтъ».

— Да пусти ты его, служивый! Вѣдь онъ утонетъ, а не ты!—вмѣшивается баба.

— Вишь прыткая! Онъ утонетъ, ему ничего, а съ насъ спросится, мы въ отвѣтѣ ..

— А ты вытащи! На то ты и городовой, чтобъ обывателей ловить!—не унимается мужикъ и снова заноситъ ногу.

— Ты чего-же это, куричій сынъ? Разпотрошить мнѣ тебя, что-ли! — выходитъ изъ терпѣнія городовой и хватаетъ его за рукавъ. — Ангеловъ, черти окаянные, изъ терпѣнія выведете! Прочь отсюда!

Легкій тумакъ въ спину. Раздаются ругательства. Мужиченко, передвинувъ шапку со лба на затылокъ, отходитъ отъ спуска, покачиваясь и, обернувшись къ городовому, кричитъ ему:

— Фараонъ!

НА ИЛЛЮМИНАЦИИ.

Вечеръ. Вѣтеръ такъ и завываетъ. Скользко на тротуарахъ. На улицѣ толпы народа. Иллюминованъ не только Невскій проспектъ и Морскія, но даже и самыя отдаленныя улицы.

По Разъѣзжей, расталкивая народъ, идутъ купецъ и купчиха. Самъ въ енотѣ и воротникъ, какъ водится, поднятъ кибиткой; сама въ лисьемъ салопѣ и ковровый платокъ на головѣ. Идутъ гуськомъ.

— Я теперича какъ бы тумбѣ подобна. Совсѣмъ пужаюсь идти,—говоритъ купчиха.—Ноги такъ и разъѣзжаются.

— А ты трафь ногами-то какъ Блонденъ по канату, вотъ и не будешь тумбѣ подобна,—откликается купецъ.—Иди да приговаривай! «разъ, два, разъ, два». Помнишь какъ простой русскій акробатъ Егоръ Васильевъ въ Зоологіи ходилъ?

— Все-таки пужаюсь. Ноги словно сани.

— Приговаривай, говорю: «разъ, два, разъ, два»! Что-жъ ты молчишь?

— Ну, вотъ! Стану я срамиться на улицѣ! Пожалуй еще за пьяную сочтутъ.

— А пущай ихъ почитаютъ хоть-бы и за пьяную. Мнѣ вотъ все равно.

— Тебѣ, конечно, все равно, коли ты дома этого самаго угару-то наглотался.

Купецъ оборачивается.

— Кто? Я наглотался?—спрашиваетъ онъ.—Ну, нѣтъ, братъ, шалишь! Насчетъ тверезости мы не въ одномъ глазѣ! Садись сейчасъ ко мнѣ на закорки,—какъ Блонденъ по канату по всей улицѣ пронесу.

— Гдѣ-жъ это видано, чтобъ купцы своихъ женъ носили! Что люди-то скажутъ?

— Ничего не скажутъ! Дѣло праздничное. Главное, чтобъ совѣсть была чиста у человѣка. Блонденъ носилъ-же свою жену.

— Такъ вѣдь то Блонденъ, а ты купецъ.

— Это разности не составляетъ. Можетъ и Блонденъ этотъ самый по второй гильдіи платилъ.

Жена останавливается.

— Ну, какъ хочешь, а я дальше идти не могу,—говоритъ она.—Устала. Постоимъ маленько. Вотъ и иллюминація въ калошѣ горитъ.

— Есть что смотрѣть! Важное кушанье калоша! Садись, говорю! Въ лучшемъ видѣ пронесу!

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, бѣлены что-ли объѣлся!—сердится купчиха.—Я думала онъ шутитъ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ. Не пространяй лапы-то! не пространяй!

— Что мнѣ распространять! Захотѣлъ-бы, такъ и силкомъ взялъ, потому ты мнѣ единоутробная жена. Ей-Богу, садись! Лучше всякой шведки прокачу! — восклицаетъ купецъ, но, поскользнувшись, падаетъ

— Эво, вѣтеръ-то какой! Даже купца сдунуло!—замѣчаетъ стоящій у воротъ дворникъ въ тулупѣ.

— Ничего, не разобьется. Купцы люди мягкіе!—откликается чуйка въ гарусномъ шарфѣ:—потому жиру этого самаго—страсть!

Купчиха поднимаетъ мужа.

— Эхъ, нетечко любезное! Самъ-то еле на ногахъ стоишь, а туда-же жену на себѣ тащить собираешься!—поддразниваетъ она его.—Вишь какъ сверзился!

— И вовсе даже не сверзился, а просто не той ногой ступилъ! —оправдывается мужъ, и остановившись около жены, начинаетъ смотрѣть на горящую на тумбѣ резиновую калошу съ саломъ.

Кромѣ ихъ на пылающую калошу смотрятъ: дворникъ, двое ребятишекъ, изъ коихъ одинъ въ отцовской шапкѣ, нахлобученной на глаза, и кухарка и баба, такъ закутанная въ байковый платокъ, что виднѣются только одни глаза.

— Зачѣмъ-же это калошу-то жгутъ?—спрашиваетъ у мужа купчиха.

— А чтобъ сало ярче горѣло,—отвѣчаетъ онъ.—Плошка совсѣмъ не тотъ вкусъ, а тутъ все-таки калоша.

Дворникъ подливаетъ въ калошу скипидаръ. Пламя вспыхиваетъ еще больше.

— Что-же это они льютъ-то?—допытывается купчиха.

— А кислоту!—откликается баба.

— Надо полагать, съ лѣвой ноги...—бормочетъ купчиха, разсматривая калошу.

— Нѣтъ, сударыня, съ правой. Съ лѣвой ноги и горѣть не будетъ, а такъ только одна копоть.

— Пустое!—машетъ рукой дворникъ.—Жгли мы и съ лѣвой—все одно. Вотъ на взятіе Плевны шапку мы запалили, такъ совсѣмъ другой вкусъ былъ!

— А что?

— Да словно какъ-бы мингальскій огонь.

— Хозяинъ шапку-то прожертвовалъ? — задаетъ вопросъ купецъ.

— Нѣтъ, гдѣ ему Ироду! Мастеровой тутъ у насъ хмѣльной былъ. «Берите, говоритъ, ребята, для Плевны; все одно она мнѣ даромъ досталась: одинъ знакомый покойникъ подарилъ». На утро спрашиваетъ: «гдѣ шапка?» Что смѣху-то было!

Купецъ вздыхаетъ.

— Подишь ты, какая нонѣ мода выискалась: калоши и шапки на иллюминацію жечь!—говоритъ онъ.—Ну, а сапоги не жгли?

— Нѣтъ, не по нынѣшнимъ временамъ нонѣ сапоги-то жечь!—отвѣчаетъ дворникъ.—Голенищи татарину предложить, такъ и то полтину серебра дастъ.

— Коли ты русскій и патріотъ, человѣкъ, то что тебѣ полтина? Долженъ и сапоги жечь.

— А коли ты такъ разсуждаешь, то вотъ возьми и сожги свои. Ты все-таки купецъ, а я дворникъ.

— А думаешь не сожгу? Ей-ей, сожгу. Хочешь сожгу?—горячится купецъ и хочетъ садиться на тумбу, чтобъ разуваться.

— Иванъ Трофимычъ, да полно, что ты!—останавливаетъ его жена.—А тебѣ, землякъ, и не стыдно? Видишь, что человѣкъ пьянъ, а ты его подзадориваешь,—обращается она къ дворнику.

— Пойдемъ!—тащитъ она мужа.

— Чего пойдемъ? Я-бы ему показалъ, какъ сапоги-то жгутъ!—все еще не унимается мужъ.—Ахъ ты патріотъ, патріотъ!—добавляетъ онъ и отходитъ прочь.

Чортъ.

— Извозчикъ! Къ гостиному двору!

— Четвертачекъ положьте.

— Пятіалтынный!

— Дайте, сударь, хоть двугривенничекъ. Ей Богу, стоитъ!

Сѣли, поѣхали. Порошилъ снѣгъ.

— Снѣжку Богъ даетъ,—началъ извозчикъ:—а то ужъ очень для лошадинаго-то нутра тяжело было, потому одна гнила да навозъ.

— Ну, такъ ты и пошелъ скорѣе. Словно по клюкву ѣдешь. Я не кататься сѣлъ.

— Будьте покойны, живымъ манеромъ доставимъ... Теперь лошадь къ закладкѣ ласкова, потому снѣгъ видитъ. Солдатъ, поберегись! Эй, шуба!

Извозчикъ стегнулъ кнутомъ и задергалъ возжами.

— А я, ваше благородіе, вчера чорта видѣлъ,—началъ онъ ни съ того, ни съ сего.

— Погоняй, погоняй знай. Нечего мнѣ зубы-то заговаривать! Я тороплюсь.

— Сейчасъ умереть,—видѣлъ, ваше степенство. Что мнѣ васъ заговаривать?

Сѣдокъ улыбнулся.

— Съ рогами?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, безъ рогъ. Надо полагать, молодой, такъ не отросли. Возилъ это я спервоначала купца хмѣльнаго. Ну, извѣстно, какъ купцы ѣздятъ: что ни есть у Бога трактиръ—стой! Тамъ винцомъ брызнетъ, здѣсь стаканчикомъ побалуется. И мнѣ подносилъ. Я-то еще ничего, а онъ ужъ, смотрю, «мама» не можетъ выговорить. Ну, я его кой-какъ по догадкамъ домой

въ Ямскую довезъ. Дворники у воротъ осмотрѣли его, признали за своего и повели.

— И ты пьянъ былъ?

— Намухоморившись, это точно, только не очень... Потомъ мамзель возилъ, потомъ, надо полагать, дворецкаго, потому лицо такое дворецкое было, словно какъ бы изъ мордашекъ. Псы такіе есть у господъ. Барыни ихъ въ морду цѣлуютъ и въ бурнусахъ водятъ, такъ вотъ точь въ точь. Дѣло вечеромъ было.

— Гдѣ-же ты чорта-то видѣлъ?

— А это у Александринскаго театра. Вотъ, говорятъ, что комедии эти—ничего. Нѣтъ, ваше боголюбіе, онѣ-то чертей и разводятъ. Гдѣ театральная игра, тамъ и чортъ! Ну-съ, сморило это меня съ купеческаго-то поднесенія, и надо полагать, я заснулъ. Только слышу—ругаются. Проснулся, гляжу—на углу Театральной стою, представленіе ужъ кончилось, всѣ разъѣхались и только съ чернаго подъѣзда актеровъ въ зеленыя кареты пихаютъ. Ну, а актеры, которые пѣшкомъ, такъ это слова и разсыпаютъ. Подходитъ баринъ толстый. «Въ Измайловскій полкъ, говоритъ... садись!» Безъ ряды сѣлъ. Ѣдемъ, а я клюю носомъ. Только какъ звизданетъ онъ меня по шеѣ. Свѣту не взвидѣлъ, обернулся, глядь, а лицо-то у него красное прекрасное, какъ у рака. За что, говорю, сударь? По нынѣшнимъ временамъ это совсѣмъ лишнее. А онъ хохочетъ и не хорошо таково хохочетъ, словно лѣшій и кулачище показываетъ. Кулачище—во! «Что, больно, говоритъ, тебѣ?»—Какъ-же, говорю, не больно, коли вы прямо въ становую жилу... «А мнѣ, говоритъ, теперь еще больнѣе. Извозчикъ, можешь ты, говоритъ, такую комедь написать, чтобы ее актеры играли?»—Гдѣ, говорю, намъ, мы люди темные, не грамотные. — «А я, говоритъ, могу». И тутъ опять таково онъ страшно захохоталъ и такія слова говорилъ, какъ-бы въ семи смыслахъ. — «У меня, говоритъ, всѣ актеры въ струнѣ, глазомъ моргну—кувыркаются, бровью поведу — цѣлуются. Я, говоритъ, теперь больше чѣмъ Наполеонъ!»—Обернулся я, посмотрѣлъ на него, да такъ чуть съ облучка и не свалился. Инда обомлѣлъ. Лицо ужъ у него не красное, а зеленое, какъ капуста, и глазищи по ложкѣ. Сотворилъ я молитву и погналъ лошадь, а самъ уже и обертываться боюсь, ни живъ, ни мертвъ сижу. А онъ кричитъ: «пошелъ,

пошелъ!» и не голосомъ, а какъ бы козломъ и вопль этотъ самый, ваше благородіе, какъ-бы изъ утробы у него выходитъ, словно мы въ подвалѣ какомъ. Проѣхали Чернышевъ мостъ, проѣхали Лештуковы бани на Фонтанкѣ, гляжу — Семеновскій мостъ, и все погоняю. Лошаденка вся въ мылѣ, не эта, а другая, сегодня въ ночь на ней хозяйскій племянникъ выѣдетъ. Кнутъ-то обтрепалъ даже и все про себя молитву творю. Слышу—замолкъ. Я еще въ слухъ молитву прочиталъ—молчитъ. Выѣхали на Загородный пришпектъ. Думаю: обернуться развѣ да посмотрѣть? Вотъ это я одинъ глазъ зажмурилъ, другой прищурилъ, да, обернувшись слегка, и взглянулъ. Глядь—а чорта-то нѣтъ на сидѣньи. Я во всѣ глаза—тоже нѣтъ. Остановился. Лошадь даже дрожитъ. Сошелъ съ козелъ, думаю: подъ полость не заглянуть-ли? Не сидитъ-ли подъ полостью? Одинъ-то и заглянуть боюсь. Подозвалъ другаго извощика, заглянули подъ полость и подъ полостъю нѣтъ. Сгинулъ отъ молитвы. Такъ вотъ они черти-то, ваше благородіе! Вотъ они какъ нашего брата путаютъ!

Сѣдокъ смѣялся.

— Пустое,—говорилъ онъ. — Просто ты захмѣлѣлъ, уснулъ и во снѣ видѣлъ.

— Во снѣ! А шея-то въ становой жилѣ отчего и посейчасъ болитъ? Кулачище—во! Что твоя двухъ-пудовая гиря.

— Ну, значитъ, мазурикъ съ тобой ѣхалъ, захотѣлъ не заплатить денегъ и выскочилъ изъ саней. Постой, направо у воротъ!

— А рожа-то у мазурика зачѣмъ спервоначалу красная, а потомъ зеленая? Нѣтъ, это чортъ былъ. Тпррр!

Извозчикъ остановился.

— Прибавьте, сударь, хоть пятачекъ-то! Что вамъ?...

Прививка оспы.

Въ захолустную деревню Кувалдино пріѣхалъ земскій фельдшеръ и остановился въ избѣ у старосты. Послѣдовало угощеніе на мірской счетъ: появились самоваръ, бутылка кабацкаго рому, четвертная съ водкой, крутыя яйца. Прображничавъ съ фельдшеромъ часа два, староста съ раскраснѣвшимся лицомъ и въ картузѣ, надѣтомъ на бекрень, вышелъ на улицу и побрелъ вдоль деревни, постукивая палкой у оконъ избъ и объявляя выглянувшимъ бабамъ, что завтра будетъ привитіе оспы младенцамъ.

— Всѣмъ безъ изъятія подвергаться, которые ежели этому дѣлу еще причины не были,—заканчивалъ онъ свои приказы, любя въ важныхъ случаяхъ выражаться кудревато.

Бабы, у которыхъ даже и не было ребятъ, пришли въ ужасъ. Старухи сползли съ палатей. Мужики начали вздыхать, чесать затылки и отправились въ кабакъ совѣтоваться съ кабатчикомъ. Пропивать было что: стояла поздняя осень, и хлѣбъ былъ собранъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ раздавался ревъ. Ревѣли бабы и соблазняли на это дѣло ребятъ. Заревѣли и ребята. Матери перебѣгали изъ избы въ избу и шушукались съ сосѣдками: какъ бы уберечь дѣтей отъ оспы, которую онѣ называли «печатью антихриста»,

— Будь что будетъ. Акулинушка! Вѣдь до смерти эти самые фершала ребятъ не зарѣзываютъ, а только наковыряютъ тѣло и воспу положатъ, утѣшала бездѣтная солдатка. Ну полно не убивайся!

— Такъ-то такъ, а все-таки... всхлипывала мать, и не окончивъ фразы, сморкалась въ юбку сарафана,

Нѣкоторыя особенно чадолюбивыя матери рѣшились идти на подкупъ фельдшера, дабы отбояриться отъ привитія дѣтямъ оспы, для чего собрали полотенецъ, холста, сушеной малины, грибовъ и побѣжали съ этими дарами въ старостину избу.

Отоспавшійся послѣ угощенія и уже вновь успѣвшій опохмѣлиться фельдшеръ сидѣлъ у старостиной избы на заваленкѣ и покуривалъ папиросу, сплевывая сквозь зубы. Фуражки на головѣ его не было и вѣтеръ развѣвалъ ему волосы. Это былъ молодой человѣкъ въ усахъ и съ претензіей на франтовство. На шеѣ у него былъ повязанъ блѣдносиній галстухъ, на правой рукѣ красовались кольца съ цвѣтными каменьями, а поверхъ пестрой бархатной жилетки висѣла ярко начищенная бронзовая цѣпочка. Посоловѣлыми глазами смотрѣлъ онъ на выглядывающихъ на него изъ-за угла противоположной избы двухъ босыхъ дѣвокъ и, улыбаясь, манилъ ихъ къ себѣ. Бабы съ дарами въ рукахъ приблизились къ нему и внезапно повалились въ ноги.

— Что вамъ? спросилъ фельдшеръ и подбоченился.

— Прими и ослобони!—выли бабы.

— Это насчетъ чего и въ какомъ родѣ?—принялъ совсѣмъ уже олимпійскій видъ фельдшеръ.

— Да на счетъ воспы, родимый. Дѣти у насъ махонькія, не вынесутъ. Прими, милый, и ослобони!

— Дуры полосатыя!

— Не обезсудь, родной, на малости! По убожеству нашему и то едва въ силѣ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... кланялись бабы.

— Что у васъ тамъ за контрибуція припасена?

— Холста кончики, полотенчики, да съѣдобное, кланялись бабы, подавая дары.—Блинковъ тебѣ еще напечемъ, прибавляли онѣ.

Фельдшеръ развертывалъ полотенца и смотрѣлъ. Бабы переставъ выть, стояли передъ нимъ, вытянувшись въ струнку и моргали заплаканными глазами.

— Ладно, сказалъ онъ.—Полотенца эти и все прочее я беру, но не ради взятки за освобожденіе отъ прививанія оспы, а яко добровольную благодарность за медицинскую помощь. Теперь можете идти, а завтра поутру староста пригонитъ васъ ко мнѣ и вмѣстѣ съ ребятами.

— Значитъ не ослобонишь?—испуганно спросили бабы.

— Ни за что на свѣтѣ! Еще отвѣчать тутъ за васъ передъ начальствомъ! У насъ нонѣ такія строгости, что Боже упаси.

Бабы завыли еще пуще прежняго и снова упали въ ноги.

— Вонъ!—крикнулъ сиплымъ голосомъ фельдшеръ.

Изъ-за угла появился староста.

— Гнать что-ли ихъ, Михайло Терентьичъ? спросилъ онъ.

— Гони!

— Брысь вы, щучье племя! Чего разкудахтались!—замахнулся на нихъ староста.

Бабы ушли, уныло понуривъ головы.

Ночью старуха-знахарка перемыла всѣхъ ребятъ въ корытѣ съ наговоренной водой, для чего-то смазала ихъ деревяннымъ масломъ съ толченымъ кирпичемъ, отрѣзала у каждаго ребенка по клочку волосъ съ головы, закатала волосы въ тѣсто и сожгла въ печи.

— Не пристанетъ теперь антихристова-то печатъ?—спрашивали слегка успокоившіяся бабы.

— Не пристанетъ, а нѣтъ, такъ и мѣднымъ пятакомъ вытравлю,—отвѣчала знахарка.

Не смотря на все это, къ утру одна баба, захвативъ съ собою ребенка, съ испуга неизвѣстно куда скрылась, и староста съ подручными мужиками никакъ не могъ ее отыскать. Всѣ мужики ругательски ругали старосту за его пособничество фельдшеру.

— Съ нашего мірскаго вина безъ просыпу пьянъ бываешь, а туда-же за фершела заступаешься! упрекали они его.—Погоди, Захарычъ, и тебѣ нужда въ насъ придетъ, поклонишься міру, да ужъ поздно будетъ. Теперь тебѣ хорошо, коли у тебя взрослыя дѣти—вотъ ты и дьяволишь.

Староста самъ чувствовалъ, что дѣло какъ будто не ладно и ходилъ какъ къ смерти приговоренный, останавливался на ходу, потрясалъ головой, махалъ руками, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и натыкался на изгороди.

Полутора-рублевые московскіе часы съ мѣшкомъ песку вмѣсто гири, весело побрякивая маятникомъ въ чисто-прибранной старостиной избѣ, показывали десять. Фельдшеръ только что кончилъ пить чай, сидя въ переднемъ углу за краснымъ пузатымъ, съ помятымъ бокомъ самоваромъ, всталъ съ мѣста, потянулся, и держась руками за больную со вчерашняго хмѣля голову, взглянулъ въ окно. На улицѣ и около старостиной избы стояли уже закутанныя бабы, держа въ пазухахъ тулуповъ и кафтановъ своихъ ребятъ. Ребятишки, могущія ходить, держа-

лись за подолы матерей. Бабы переругивались со старостой, который стоялъ около нихъ, какъ пастухъ около овецъ, стараясь, чтобы онѣ не разбѣжались.

— Пора и начинать, пробормоталъ фельдшеръ, выдвинулъ на середину избы скамейку, разложилъ на столѣ приборы съ инструментами, стеклышки съ коровьей оспой, и поднявъ окно, крикнулъ старостѣ:

— Трифонъ Захаровъ, впущай! Только чтобъ по ранжиру и въ порядкѣ!—прибавилъ онъ.

Изба начала наполняться плачущими бабами. Заревѣли, на нихъ глядя, и ребята.

— Не выть! крикнулъ фельдшеръ, топнувъ на нихъ ногой.—А то прежде прививки оспы перепорю всѣхъ ребятъ. Староста, тащи сюда вѣникъ!

Угроза подѣйствовала. И бабы, и ребятишки присмирѣли. Староста стоялъ, какъ потерянный, смотря куда-то въ одну точку и крутилъ въ рукахъ какое-то мочальное лычко. Ему и самому стало жалко бабъ. Въ сѣни избы поналазали дѣвки и старухи, смотрѣли въ отворенныя двери на приготовленіе къ оспопрививанію и шушукались между собой.

— Захарычъ, Захарычъ! робко трогала за плечо старосту подкравшаяся къ нему старуха.—Сними, родной, изъ передняго угла хоть образа-то,—говорила она:—а то вдругъ эдакое дѣло—и при иконахъ!...

Староста только рукой махнулъ.

Началась прививка оспы. Бабы крестились, и, не смѣя плакать, слезливыми глазами смотрѣли на фельдшера. У нихъ тряслись даже губы. Фельдшеръ ухарски ковырялъ ланцетомъ руки ребятъ и говорилъ:

— Чего вы боитесь, дуры? Мы и не такія операціи дѣлали. Мы разъ одному полковнику черепъ снимали, а другой разъ у одного купца я брюхо пропоролъ и поврежденіе въ кишкахъ исправилъ.

Стоящій близь фельдшера староста послѣ этихъ словъ почему-то глубоко вздохнулъ и началъ смотрѣть еще безсмысленнѣе.

Черезъ полчаса операція прививки оспы кончилась. Фельдшеръ сѣлъ снова бражничать со старостой. Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки, онъ тыкалъ вилкой въ жаренаго пѣтуха и говорилъ старостѣ:

— Для насъ человѣка разрѣзать—плевое дѣло! Теперича дай мнѣ сейчасъ семь мертвыхъ тѣлъ и скажи: Селиверстовъ, дѣйствуй!—Въ пять минутъ!... Помѣщицу Грибанову знаешь? Вотъ это я ей руку откромсалъ.

— Господи упаси! Съ нами Пресвятая Богородица! твердилъ староста и крестился.—И то есть какой ты безстрашный, это на удивленіе.

— А все отъ того, что во мнѣ совсѣмъ этихъ самыхъ нервовъ нѣтъ,—пояснилъ фельдшеръ.

— Такъ, такъ, это дѣйствительно. Гдѣ у васъ быть неврамъ при эдакой службѣ,—поддакивалъ староста.

Черезъ два часа фельдшера совсѣмъ уже пьянаго вывели изъ избы и посадили въ телѣгу. Около него толпились мужики.

— Михайло Терентьичъ, струментъ-то свой не забылъ-ли? кричали ему мужики.

— Здѣсь... отвѣчалъ фельдшеръ громко икнулъ, покачнулся и уронилъ съ головы надѣтую на бекрень фуражку.

Мужики подняли фуражку и нахлобучили ему ее на глаза.

— Прощай Михайло Терентьичъ! Дай Богъ тебѣ счастливо!... бормоталъ староста, которому уже надоѣло возиться съ фельдшеромъ, и махнувъ рукой возницѣ, крикнулъ:—Василій, трогай!

Тотъ стегнулъ по лошадямъ.

— Стой! Стой! заоралъ пьянымъ голосомъ фельдшеръ и уперъ руки въ боки.—А положеніе мнѣ, ты развѣ забылъ? обратился онъ къ старостѣ.—Ну?

Староста почесалъ затылокъ и сталъ шептаться съ мужиками, потомъ полѣзъ за голенищу, вынулъ оттуда бумажникъ, свернутый изъ синей сахарной бумаги, досталъ изъ него три засаленыя рублевыя бумажки, и подавая ихъ фельдшеру, со вздохомъ сказалъ:

— На вотъ, прими Михайло Терентьичъ!

— Ну, теперь спасибо! поблагодарилъ фельдшеръ и ужъ въ свою очередь крикнулъ возницѣ:—Пошелъ!

Толстопузая желтая лошаденка потащила телѣгу вдоль деревенской улицы. Мужики долго стояли и смотрѣли на удалявшуюся телѣгу и на торчавшую изъ нея Фельдшерскую голову, покачивавшуюся изъ стороны въ сторону, какъ одинокій колосъ, застигнутый порывистымъ вѣтромъ.

У всѣхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія книги Н. А. Лейкина:

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

2007084340